

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

2
2018

Содержание

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Барков С.А., Зубков В.И.* Метанарративы: судьба научных идей в эпоху постмодерна 3
- Батуренко С.А.* Теории социального порядка и социального конфликта в истории социологической мысли 9
- Давыдов Д.О.* Долговые отношения как нравственные отношения воспроизводства социального неравенства в концепции Дэвида Гребера .. 15
- Иванова Н.Г.* Теоретический аспект понятия «образовательный капитал» 28
- Каневский П.С.* Лоббизм в условиях изменений политической системы США 33
- Кравченко А.И.* Концептуальная матрица социализации: опыт предварительной систематизации 40
- Манцева Е.Р.* Экспертные знания в обществе конца XX-начала XXI века: статус и значимость ... 62
- Мусабаева Д.А.* Медиапространство как объект управленческой деятельности: социологический аспект 65
- Романенко М.В.* Объективные и субъективные факторы Великого Октября 71
- Сушко В.А.* Социометрия и исследование социальных сетей 78

В ГОСТЯХ ИРКУТСКИЕ СОЦИОЛОГИ

- Батьянова Л.Н.* Социально-психологические особенности мотивации персонала (на примере государственных служащих Министерства образования Иркутской области) 88
- Борисова Ю.В., Попова М.В.* Конструирование бренда территории в представлениях россиян 97
- Завьялов А.В.* Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области 104
- Иванов Р.В.* Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) 108
- Полюшкевич О.А.* Символическое значение территории в сознании сибиряков 113
- Скуденков В.А.* Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) 118
- Спиридонова А.А.* Герои и антигерои: образы патриотизма в молодежной среде 123
- Трескин П.А.* Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве Байкальского региона 131

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИЯ

- Бажутова О.А.* Социальное обслуживание как механизм профилактики дезадаптации пожилых людей 138
- Карпович Н.Н.* Динамика социально-экономического положения многодетных семей г. Москвы 143

- Лю Цзюньцзе.* Социальная стабильность в стране: генезис понятия 150
- Чжан Лэй.* Социально-управленческие факторы, которые формируют социальную стабильность населения 155
- Янцен М.А.* Социализация пожилых получателей социальных услуг: итоги опроса экспертов 160

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Богучарский А.А.* Роль социального участия в концепции эффективного управления 166
- Деревякина К.С.* Служебное поведение государственных служащих как составная часть социального эффекта государственного управления 171
- Забнева Э.И.* Теоретико-методологические подходы к исследованию развития профессионализма муниципальных служащих как фактора социальной эффективности системы местного самоуправления 175
- Ким Э.Ш.* Ценностные ориентации руководителей бизнес-организаций в структуре управленческой деятельности: социологический аспект 179
- Ли Жуньнань.* Роль кадрового аудита в формировании конкуренции между сотрудниками 185
- Ли Мяо.* Влияние национальной деловой культуры на цели и практики в области корпоративной социальной ответственности 190
- Ходькин А.В.* Изменение парадигмы профориентации в контексте трансформации системы занятости населения в современном обществе 195

Научные заметки

- Дзуцев Х.В., Козырева С.И.* Рейтинг кандидатов в президенты РФ 200
- Ермакова Е.Ю.* Семантический анализ документального контента, характеризующего международные и внутриполитические причины кризисного состояния современной Украины 203
- Зиненко В.Е.* Формирование современного патриотизма (на примере Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа») 209
- Ли Шанцзинь.* Особенности регулирования межнациональных отношений в современном Китае 213
- Шаров К.С.* Политический статус-кво КНР и Тайваня в 2010-х: сдвиг в сторону националистической идеологии 220
- Перкова Е.П.* Организационная культура административно-управленческих подразделений наукоемкого предприятия 225
- Соболева Е.В.* Социологический анализ макросоциальных процессов в области активного долголетия 234
- Полуцыган А.А.* Культура сельской семьи в условиях динамики российского общества: ракурсы современного анализа 241

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Метанарративы: судьба научных идей в эпоху постмодерна

Барков С.А., Зубков В.И.

Статья открывает цикл работ о метанарративах, созданных в предшествующие годы в социальных науках. Понятие «метанарратив» используется в постмодернизме для обозначения предельно широких категорий или объяснительных схем. Представлен авторский взгляд на научный стиль повествования, раскрыты причины наличия «разрывов» и недосказанностей (silences) в научном знании, определены современные проблемы восприятия научных идей. На основе краткого ретроспективного анализа познавательной деятельности, сделан вывод о наличии элементов сходства между наукой и мифологией, что проблематизирует использование метанарративов эпохи модерна как в современном обществе, так и в научном дискурсе о нем. В следующих статьях нами будут представлены аргументы «за» и «против» использования метанарративов с точки зрения «традиционной» науки и постмодернизма.

Ключевые слова: постмодернизм, научный стиль, формальная логика, обыденное сознание, мифология, методология, метод, производство, нарратив, метанарратив.

Barkov S.A., Zubkov V.I.

Methanarratives: scientific ideas in the postmodernity

The article opens a series of works on methanarratives created in previous years in the social sciences. The concept of «methanarrative» is used in postmodernism to designate extremely broad categories or explanatory schemes. The authors analyze the scientific style of the narrative, discover the reasons for the presence of «discontinuities» and silences in scientific knowledge, and identify current perception problems of scientific ideas. Based on a short retrospective analysis of cognitive activity, it is concluded that there are elements of similarity between science and mythology that problematizes the use of methanarratives of the modernity in contemporary society, as well as in a scientific discourse about it. In the following articles, we will present the arguments «for» and «against» the use of methanarratives from the points of view of «traditional» science and postmodernism.

Key words: postmodernism, scientific style, formal logic, everyday consciousness, mythology, methodology, method, composition, narrative, methanarrative

Эпоху можно считать законченной, когда истощились ее основополагающие иллюзии.

Артур Миллер

За свою многовековую историю наука создала образец познавательной деятельности, который еще недавно считался не только самым притягательным, но чуть ли не единственным возможным. Результатом научной деятельности стали многочисленные научные идеи, поразному подтверждавшие свою истинность. Как бы нам ни хотелось, не все идеи можно подтвердить или опровергнуть эмпирически. Каким из них доказывают свою правоту на сугубо теоретическом уровне, и именно здесь принципиально важным оказывается достоверность, которая определяется выверенностью научных процедур и логических построений.

Классическая наука объединяла идеи, многократно доказавшие свою истинность на практике, с изощренными теоретическими построениями в некое монолитное целое. Так возникало то, что часто именуется «научной картиной мира». Вместе с тем теоретические построения, претендовавшие на стройность и окончательную доказанность, подобно простым научным фактам, отнюдь не всегда оказывались безусловно достоверными. Это в особенности касается наук социально-гуманитарных, в которых научные идеи органически сплетаются с философскими рассуждениями, идеологическими предпочтениями и ценностными ориентациями. Логические построения гуманитариев и социальных мыслителей скорее просто соответство-

вали некоторому господствовавшему в определенное время в определенном обществе настроению. Но при этом они претендовали на истинность и непоколебимость, свойственных науке как самой совершенной системе порождения новых идей. Простым и очевидным примером в данном случае может служить идея прогресса. На заре социологии в конце XIX столетия она владела умами ученых и представлялась непрекращаемой истиной. Но прошло сто лет, и человечество стало более скептическим по отношению к прогрессу, который якобы символизирует собой саму суть «правильного» существования общества, и ради которого отдельные люди должны жертвовать своими жизнями.

Эпоха постмодерна, начавшаяся в конце прошлого века, вскрыла и вскрывает сегодня многочисленные противоречия подобного рода. Она разрушает иллюзии модерна, показывая их преходящее содержание и концептуальную уязвимость. Можно сказать, что в обществе XX века наука «слишком много на себя взяла», она строила свои логически схемы там, где не могла ничего доказать, но при этом утверждала, что то или иное суждение истинно и не подлежит опровержению.

Наука всегда противопоставляла себя мифологии. Во многом именно несхожесть с мифологическим дискурсом сделала науку наукой. Эти две системы мысли позиционировались не только как не имеющие ничего общего, но, кроме того, как низшее и высшее проявления познавательных возможностей человека. Ученый был уверен в своем более высоком социальном и интеллектуальном статусе по сравнению с колдуном или шаманом. Точно так же высоко ученый оценивал и свои тексты в сравнении с шаманскими заклинаниями. И, в самом деле, разница между ними была и остается вполне очевидной. Не отрицая этой разницы, постмодернизм обратил внимание на некоторое внутреннее глубинное сходство мифологии и науки. Как бы наука не отрещивалась от мифологии, ее ростки то тут, то там пробиваются сквозь изощренные научные суждения и умозаключения...

Что же сделало науку наукой? Какими бы разнообразными и сложными ни были бы конкретные ответы на этот вопрос, в целом они могут быть сведены к тому, что науку сделал наукой особый язык, особый стиль повествования. Именно поэтому подлинно научный труд не может написать человек, «наукам не обучав-

шийся» и не знающий языка науки. Это ее принципиальное отличие от искусства, которое значительно более демократично, что позволяет самым разным людям заниматься творческой деятельностью.

Научный текст, как и любое другое явление, имеет форму и содержание. Особая форма научного текста со времен Платона и Аристотеля характеризуется специфическим переходом от одного суждения к другому с использованием формальной логики. Дополнением к ней служат некоторые особенности оформления текста, которые могут весьма существенно отличаться от науки к науке, — цитаты, формулы, схемы, таблицы. При этом текст должен быть написан «отстраненным» стилем, как будто его содержание надиктовано свыше, совершенно не зависит от автора и с очевидностью является истинным. Когда о такой форме говорят в положительном смысле, то называют ее «научным языком», а в уничижительном смысле — «наукобразием».

Классическая наука превозносила формальную логику как свой незыблемый каркас и приписывала ей те свойства, которых у нее изначально не было, прежде всего — способность открывать новые истины. Но истины, открытые строго логическим способом, на деле оказывались лишь уточнением общих уже ранее известных положений. Представляя себя абсолютно рациональной конструкцией, наука, тем не менее, всегда имела в своей основе некие иррациональные элементы, порождаемые интуицией ученых. И именно с помощью интуиции отрывались и открываются наиболее значимые научные истины, формируются основополагающие научные идеи. Формальная логика — это скорее средство презентации научных идей, а не их открытия, о чем недвусмысленно свидетельствует история.

Древним грекам и римлянам все время нужно было что-то кому-то доказывать, поэтому в античности формальная логика возникла как средство отстаивания мнений в суде или в процессе демократических прений. Идея доказывала свою истинность, будучи непротиворечиво вписанной в систему уже воспринятых ранее идей. Кроме того, знания, оформленные по законам формальной логики, легко передаются от человека к человеку, на чем и строится традиционная система образования. Благодаря логике, знания становятся доступными многим, и многие могут разделять единую точку зрения.

Следовательно, появляются предпосылки не только для коммуникации, но и для социальной организации. Высказавший идею находится как бы наверху, а под ним люди, воспринявшие и понявшие ход его мысли. Да и сами идеи также всегда располагаются в виде иерархии – от общих к частным.

Однако иерархическая форма познания и распространения знаний не является вечной или даже самой древней. Если система знаний не укладывается в законы формальной логики, средствами ее восприятия становятся некие мистические процедуры, доступные немногим. Таким образом организована передача суфистских, кабалистических и им подобных знаний, являющихся достоянием большинства мистических сект или общин преимущественно неевропейского происхождения.

Знания древних народов, не облеченные в форму понятий и умозаключений, кажутся нам чем-то чуждым, имеющим взвешное происхождение. Непонятно, откуда взялись эти знания, и как отдельные их элементы связаны между собой. Так, появившуюся «откуда-то свыше» систему представлений о мире, включающую в себя элементы искусства, мы называем мифологией или религией. В этом случае ненаучная форма соответствует ненаучному содержанию.

Но привычную для нас научную форму могут не иметь и весьма действенные знания, например, знания древних египтян и майя в областях астрономии, строительства и многих других сфер жизни. Для нас происхождение таких знаний остается совершенно непонятным. Как можно знать законы движения планет или методы проведения сложных медицинских операций, не имея никакой науки?! Не случайно, что вполне понятной в этом случае оказывается апелляция к взвешным истокам подобных знаний и умений.

Можно столкнуться и с обратной ситуацией, когда научная форма не связана с наукой. Такой формой обладают квазинаучные доктрины – астрология, хиромантия, в определенной мере эзотерика и др. Здесь научная форма почти полностью соблюдена: имеют место суждения и умозаключения, авторы логично переходят от одной мысли к другой¹. Тем не менее, в этих случаях нельзя вести речь о подлинной науке; и дело тут уже не в форме, а в содержании текстов. Научный текст по определению должен быть истинным, т.е. подтверждаемым практикой, обладать объяснительной и прогно-

стической функциями. Именно бесконечные сложности с реализацией этих функций и препятствуют тому, чтобы астрология и хиромантия вместе с другими подобными учениями стали считаться науками и заняли в обществе столь же прочные позиции, какие имеют биология, физика, химия и астрономия.

Ненаучным системам знаний эпоха модерна отказывала в способности познавать реальность и изменять ее, на это считалась способной только наука. Законы формальной логики оказались пригодными не только для передачи знаний, но и для раскрытия внутренних закономерностей вещей, выявления причинно-следственных связей между их элементами. Воздействие на эти связи позволяло и позволяет нашей цивилизации активно преобразовывать как природный, так и социальный мир. Так прогресс знания был сопряжен с научно-техническим и общественным прогрессом.

Вместе с тем совершенно очевидно, что в любой системе знаний имеются «черные дыры», недосказанности (англ. – *silences*), разрывы в едином ходе рассуждений. Это обусловлено целым рядом объективных обстоятельств.

Во-первых, любая наука является мультипарадигмальной, а каждая парадигма, если под ней понимать исходные принципы или аксиомы, определяющие модель научного исследования, начинается с обоснования предмета науки. Например, под обществом можно понимать: систему, достаточно жестко детерминирующую социальное поведение; динамическую конструкцию, постоянно переопределяемую людьми; совокупность взаимодействий людей, в своем поведении ориентирующихся друг на друга, и т.п. Но если выбор исходных аксиом нерационален, а является делом вкуса и интуиции ученого, то научная теория, построенная на таком «мифологическом» основании, не может быть полностью верифицирована и всегда содержит некий иррациональный «осадок».

Далее к издержкам оценочного выбора методологии добавляются издержки выбора метода исследования, т.к. в большинстве случаев это тоже оценочный выбор. Создавая методику на основе метода, нужно остановиться на некотором количестве исследовательских процедур – наблюдений, экспериментов, измерений (ибо не существует их конечного числа, обеспечивающего окончательный результат), а оно может быть определено только с помощью здравого смысла и отчасти опыта с учетом временных и

финансовых ограничений. Затем приходится выбирать технику обработки (математического анализа) данных. Во-первых, нужно ограничить количество анализируемых связей между изучаемыми явлениями (ведь известно, что в реальности все связано со всем), во-вторых, различные критерии анализа в одном и том же случае могут обнаружить или не обнаружить искомую связь. Выбор требует и способ интерпретации полученных данных, позволяющий сформулировать адекватные обобщения и выводы. Все эти выборы обуславливают движение ученого по одной «исследовательской тропинке» и исключают движение по другим в ущерб полноте получаемой картины.

Наконец, опыт показывает, что ни в какой системе знаний и ни в какой единой логической конструкции практически невозможно объединить инсайты множества исследователей, да еще и соотнести все это с реальностью. В силу вышеуказанных причин любая система знаний не представляет собой нечто цельное, а разрывы в рассуждениях заполняются связками, переходами, не имеющими объективной основы и очень похожими на мифы, но мифы вполне современные. Постмодернисты считают, что эта мифологическая субстанция и создает из совокупности отдельных рассуждений, суждений и умозаключений единый рассказ, повествование, столь же завершённое и цельное, как талантливый роман или поэма. И именно эта мифологическая субстанция, искажая подлинно научное содержание, сближает науку и мифологию.

Однако постмодернисты не ограничиваются этим сравнением и различают классический научный труд (да, и вообще любой классический труд), который они называют «произведением» (Р.Барт), и постмодернистский текст или нарратив. Не вдаваясь в подробности (а у различных авторов они довольно существенны), можно сказать, что нарратив представляет собой вербальное изложение событий и по значению в основном совпадает со словами «повествование» и «рассказ». Нарратив творится рассказчиком, исходя из заданного финала. Проще говоря, нарратив создается «по поводу». Поэтому его содержание не имеет изначального смысла, всегда относительно и зависит от интерпретации рассказчиком описываемых событий. Более того каждый слушатель (читатель) может по-своему воспринимать и интерпретировать текст и тем самым становиться его (очередным) автором. При этом тексты «гениев-пер-

вооткрывателей» многократно воспроизводятся в текстах их последователей, в процессе чего оттачиваются лексические и ментальные построения первоначальных текстов. После такого усовершенствования нарратив становится классикой науки и, по большому счету, очередным достоянием интеллектуальной жизни людей.

В своей известной работе «Состояние постмодерна» (1979) Жан-Франсуа Лиотар вводит понятие «метанарратив» и определяет постмодернизм ни больше ни меньше как недоверие к метанарративам, как скепсис по отношению к ним. В постмодернизме метанарративы (большие нарративы, метарассказы или великие рассказы, метаповествования или великие повествования) определяются по-разному. Но по существу это предельно широкие объяснительные схемы, глобальные философские доктрины, составляющие дискурс эпохи модерна и объясняющие ее сущности и «великие проекты». Примерами метанарративов являются идеи о науке как вершине познавательной деятельности человека, о научной познаваемости мира и эмансипирующей миссии науки, которые мы уже частично рассмотрели. По Лиотару, в эпоху постмодерна происходит делегитимизация великих рассказов – они утрачивают свое правдоподобие, а значит объясняющую, просветительскую и убеждающую функции.

Метанарративов, или, говоря по постмодернистски, мифологических сюжетов эпохи модерна бесконечно много. Они присутствуют во всех науках. Вероятно, самым известным и популярным в естественных науках является сюжет о потеплении климата. Он кажется очень логичным, и поэтому притягивает к себе внимание как выдающихся ученых, так и рядовых обывателей. До какой-то степени он подтверждается реальностью, и поэтому не разделил судьбу астрологии. Но при внимательном рассмотрении можно заключить, что он содержит в себе огромное количество мифологических элементов. Собственно открытым остается основной вопрос о том, почему теплеет климат – это явление естественное или антропогенное? Кстати есть мнение, что нас ожидает не потепление, а похолодание климата.

Самое важное с социологической точки зрения то, что метанарратив воспринимается как совершенно объективная истина и как символ возвышенного труда ученых. Жизнь метанарратива социальна – за него ломают копыта ученые, в него вкладывают деньги бизнесмены, с ним

связывают (свое) будущее политики. Будучи созданным в «сферах» научного познания, метанарратив на уровне обыденного сознания значительно упрощается, чему способствует специальный вид литературы – научная публицистика. Далее работу над доведением содержания метанарратива до масс подхватывают романисты, телевизионщики, кинематографисты... В результате метанарративы становятся ближе к народу, но самое главное, что происходит – это «отфильтровывание» тех из них, которые созвучны жизненному миру и обыденному сознанию людей. Причем в определенные исторические моменты метанарративы могут вполне согласовываться с тем, что люди чувствуют и видят вокруг себя. Но проходит время, и по мере накопления отрицательного опыта метанарратив, ранее казавшийся непререкаемой научной истиной, обнаруживает свое мифологическое содержание.

В развенчание метанарративов особый вклад внесли французские философы-постмодернисты. Критика всего предшествующего стало их «коньком», но тем самым классические постмодернисты и перегнули палку. Критике подверглись практически все категории философии и науки, безотносительно к их форме, содержанию и влиянию на массы. «Человек», «сознание», «бытие», «природа», «закон», «прогресс», «свобода» – все эти и другие предельно широкие категории были с одинаковым азартом «развенчаны» постмодернистами. Во многом такая «критическая всеядность» определялась тем, что в ее основу было положено одно важнейшее и неопровержимое положение о разделении слова и реальности². Мыслитель никогда не может точно знать, что происходит в реальном мире; он лишь подбирает слова и формирует текст. В результате дискуссии о реальности подменяются дискуссиями о словах и тестах. Объединить слова и реальность невозможно. Критик классического научного познания попросту говорит, что все, о чем идет речь в научных текстах – это слова. Вопросы и ответы – это тоже только слова. Правильный ответ чаще всего означает не отражение реальности или близость к истине, а всего лишь правильную расстановку слов.

Важно констатировать, что сегодня наряду с философским постмодернизмом существует и активно набирает силу действенный постмодернизм, проявляющийся во мнениях и поступках людей, очень далеких от философии. Этот

действенный постмодернизм основывается на ощущении несоответствия современной реальности тому, что содержится в метанарративах. Не стоит забывать, что множество метанарративов эпохи модерна начали формироваться в XIX веке и даже ранее, и они подспудно апеллируют к аксиомам, очевидным тогда, но не сейчас. В отличие от научных фактов и простых научных идей, часто доказываемых эмпирическим путем, сложные научные построения требуют длительного времени для своего подтверждения или отрицания. И это время настало. Накопленный опыт превысил критическую массу, после чего даже простые люди начали сомневаться в том, что якобы окончательно и бесповоротно доказала наука по части устройства общества и бытия человека в нем.

Действенный постмодернизм возникает на основе столкновения метанарративов и жизненного мира людей, их мыслей и чувств. Именно это столкновение заставляет людей выступать против метанарративов, явно не соответствующих современной жизни. Обычных людей мало волнует научная критика таких категорий как «закон» или «реальность». Они вполне довольствуются обыденными представлениями об этих сущностях. Следует отметить, что и с позиции науки толку в такой критике не так уж много; это скорее тренировка для философского ума. Сколько бы философы не оттачивали свою критическую аргументацию, наука всегда будет оперировать понятиями реальности, закона, процесса, изменения, измерения. А вот когда для критики выбираются вещи менее абстрактные и в большей мере «верифицируемые» обыденным сознанием, происходят реальные изменения в окружающем нас мире. Именно при переходе общества от состояния модерна к постмодерну многие метанарративы, сформировавшиеся на заре индустриальной цивилизации и затем отточенные философами, политологами, социологами, экономистами и юристами, приходят в явное противоречие с накопленным людьми опытом. При этом начинается отход от былых фетишей, и формируются новые нарративы с новыми точками притяжения мысли.

Следует обратить внимание на то, что и в научной среде к метанарративам накопилась масса претензий, ведь ученый как никто другой понимает условность используемых им понятий и умозаключений. Но для широкой публики элита с необычайным упорством продолжает воспроизводить метанарративы, и объяснение

этому очень простое – метанарративы эпохи модерна легко «пиарятся». Они понятны, основаны на простых аксиомах и умозаключениях. Они апеллируют к величию человека, так как возникли в век гуманизма. Наконец, они подтверждаются опытом элит, которые вполне успешно существуют в реалиях, определяемых мифологемами. Вероятно наиболее яркими приверженцами идей, под властью которых происходило общественное развитие в XIX и XX веках, сегодня являются американцы. Эти идеи разделяются очень многими и в Европе, хотя в ее политической, и особенно философской элитах уже достаточно давно возник скептицизм относительно модернистских фетишей.

Приведем самые очевидные примеры метанарративов и неоднозначности их современно-го восприятия.

Рынок – это идеальный спонтанный механизм распределения ресурсов, а рыночная экономика – единственно возможный путь развития хозяйственной жизни в любой стране. Или: рынок не может функционировать без компетентного регулирования, а его современная модель создана таким образом, чтобы сохранить процветание одних стран и бедность других.

Демократия – это наилучший способ принятия решений и выражения воли людей в любых социокультурных и экономических условиях. Или: данный способ удобен для элит современного мира, освоивших манипулятивные технологии воздействия на массы, волеизъявление которых служит не более чем «индугенцией» для тех, кто реально принимает решения.

Свобода – это однозначно принимаемая всеми ценность, понятие, четко определенное в юридических актах – конституциях и иных законах о правах и свободах человека и гражданина. Или: это фетишизированный лозунг, под которым начинаются войны, и внешние политические силы устанавливают в странах удобные для себя режимы правления.

В следующих статьях мы рассмотрим лишь три, на наш взгляд, наиболее важных метанарратива социальной мысли эпохи модерна и постараемся показать возможности и проблематичность их использования в современном мире, помнящем о том, к чему может привести слепое следование им.

Литература

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. – М.: Академический проект, 2007.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, Культурная революция, 2006.
3. Кравченко С.А. Социологический постмодернизм. – М.: МГИМО МИД РФ, 2010.
4. Кривицкая-Барабаш Н.А. Постмодернизм. История любви и разочарований. – М.: Серебряные нити, 2007.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
6. Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества. Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. – М.: ЛКИ, 2008.
7. Манацаканян М.О. Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии. – М.: Юнити-Дана, 2015.
8. Мур Дж.Э. Принципы этики. – М.: Прогресс, 1984.
9. Полякова Н.Л. Место и роль современных обществ в общей системе обществ модерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология, 2006. – №2.
10. Полякова Н.Л. Новые горизонты теории общества начала XXI в.: от постиндустриализма к неокapитализму // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 2016. – №2.
11. Шиканова В.В. Социологические основания анализа культуры общества потребления. – LAP Lambert Academic Publishing, 2013.

Ссылки:

1 В силу того, что данные системы мысли веками не могут войти в круг традиционных научных учений, многие их авторы уже не стремятся «выглядеть научно»; в их текстах появляются авторская интонация, эмоции и некоторые другие элементы, не характерные для подлинно научного произведения. Но все же стиль изложения квазинаучных доктрин в большинстве случаев остается именно научным.

2 Началом аналитической традиции, или лингвистического поворота в философии считается работа Дж.Э. Мура «Принципы этики», опубликованная в 1903 г. По существу этот поворот означал отказ части философов и ученых от раскрытия тайн Вселенной в пользу лингвистических упражнений.

Теории социального порядка и социального конфликта в истории социологической мысли

Батуренко С.А.

В статье анализируется проблема социального порядка в истории социологической мысли. Автор описывает научный спор между функционализмом и теорией конфликта. Теория конфликта исходит из убеждения, что общество всегда содержит в себе фундаментальные конфликты интереса и что социальный порядок достигается балансом силы, в котором интересы сильного успешно содержат и направляют запросы и требования слабого. Данная модель позволяет увидеть, что социальный порядок по существу неустойчив и вероятно является следствием борьбы, приложения усилий для преодоления напряжения с целью изменить баланс сил, что в свою очередь приводит к социальным изменениям.

Ключевые слова: теория конфликта, социальный порядок, функционализм, социальная интеграция, системная интеграция, Т. Парсонс, Р. Дарендорф, Д. Рекс, Д. Локвуд.

Baturenko S.A.

Theories of a social order and the social conflict in the history of a sociological thought

In this article the problem of social order in the history of sociological thought is being analyzed. The author describes scientific dispute between a functionalism and the conflict theory. The theory of the conflict proceeds from belief that society always contains fundamental conflicts of interest and that social order is achieved by balance of power in which the interests of the stronger successfully contain and channel the demands of the weaker. But this model also enables us to see that social order is essentially precarious and that the likely consequence of struggles to alter the balance of power is social change.

Key words: conflict theory, social order, functionalism, social integration, system integration, Talcott Parsons, Ralf Dahrendorf, John Rex, David Lockwood.

В конце 1950-х - начале 1960-х годов появляются и широко распространяются современные теории конфликта. Опираясь на классические теории, в частности теории К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля, критически оценивая их достижения и выводы, современные теории конфликта выстраиваются в противовес одному из самых влиятельных направлений в социологии середины XX века структурному функционализму. Отталкиваясь от критики структурного функционализма Т. Парсонса, его специфики исследования проблемы социального порядка, теоретики конфликта фактически не подчеркивали необходимости предполагать, что обмен нормами и ценностями является обязательным условием для социального порядка. Представители современной теории конфликта скорее исходят из убеждения, что общество всегда содержит в себе фундаментальные конфликты интереса и что социальный порядок достигается балансом силы, в котором интересы сильного успешно содержат и направляют запросы и требования слабого. Данная модель позволяет увидеть, что социальный порядок по существу неустойчив и вероятно является следствием борьбы, приложения усилий для преодоления напряжения с целью изменить баланс сил, что в свою очередь приводит к социальным изменениям.

Такова была точка зрения, предложенная в противовес функционализму в конце 1950-х - начале 1960-х годов группой европейских авторов, которые стали известны, как теоретики конфликта. Наиболее известными и влиятельными среди них и в настоящее время являются Л. Козер, А. Гоулднер, Д. Локвуд, Р. Дарендорф, Д. Рекс. Одной из характерных особенностей, объединяющих взгляды данных теоретиков, является обвинение функционалистской социологии в недостаточном внимании к конфликту ценностей и интересов в обществе или отнесе-

ние их ко вторичным явлениям. В результате чего был предложен другой подход к рассмотрению проблемы социального порядка, выделяющий роль власти и принуждения, а также конфликта, связанного с удовлетворением экономических и политических интересов в обществе. Вместе с тем современные теории конфликта нельзя представить как абсолютно однородные образования. Испытывая влияние различных авторов, особенно классиков социологической теории, каждая из них имеет свои специфические особенности. В частности можно говорить об особом влиянии идей К. Маркса на А. Гулднера, Г. Зиммеля на Л. Козера, К. Маркса и М. Вебера на Р. Дарендорфа и Д. Рекса.

Широкой известностью в научных, а также в политических кругах стран Запада пользуется современный социолог Ральф Дарендорф (1929-2007). Его исследования социального конфликта, проблемы неравенства, проблемы социального порядка в современном обществе заняли особое место в социологии. И теория социальной стратификации, и проблема социального порядка рассматривается Дарендорфом на основе его общей теории конфликта. Опираясь на труды К. Маркса и М. Вебера, Дарендорф подвергает критике классическую классовую теорию, полемике с которой посвящает большую часть своих работ раннего периода таких как «Маркс в перспективе. Идея справедливости в мышлении Карла Маркса», 1953 г. и «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе», 1957 г. Дарендорф учитывает социальные изменения, произошедшие в современном обществе на протяжении XX века, и доказывает неадекватность традиционной классовой теории реальностям современного западного общества¹. В качестве доказательства автор приводит четыре эмпирических наблюдения. Во-первых, общество изменилось в том отношении, что буржуазия и пролетариат больше не являются большими и однородными группами, находящимися в прежнем положении и имеющими прежние установки. В результате распада и труда и капитала на обособленные элементы, стало достаточно трудно идентифицировать рабочего, который, по мнению Дарендорфа, превратился практически в абстракцию. На месте рабочего, как утверждает автор, мы обнаруживаем множество групп с различным статусом и квалификацией, а также раз-

личными интересами. Буржуазия в свою очередь разделилась на собственников и менеджеров. Речь, таким образом, идет о разложении двух основных классов. Во-вторых, это явление, которое можно назвать «разложением» двух антагонистических классов, дополняется тем, что Дарендорф называет их «наращиванием» за счет фрагментов среднего класса. Автор утверждает, что появление наемных служащих в первую очередь означает расширение старых классов – буржуазии и пролетариата. К буржуазии присоединяются бюрократы, а к пролетариату – беловоротничковые рабочие. Это означает, что в результате подобного наращивания, оба основных класса становятся еще более сложными и неоднородными образованиями. В-третьих, особую роль для современного общества имеет значительная социальная мобильность. В отличие от описанной Марксом позиции индивида, занимаемой им в обществе, основанной на семейном происхождении и положении родителей, в современных условиях социальная позиция индивидов, составляющих класс, не является исключительно наследственной, а представляет собой только одну из множества социальных ролей. Именно регулярная социальная мобильность отличает современный класс от того закрытого класса, который описывал Маркс. Подобное наблюдение приводит Дарендорфа к выводу о том, что существующая внутри и между поколениями социальная мобильность, а также связанные с этим процессом ожидания масс снижают устойчивость конфликтных групп. Увеличение нестабильности классов приводит к уменьшению интенсивности классового конфликта. Вместо того чтобы выдвигать свои требования в качестве членов однородных групп, люди предпочитают конкурировать друг с другом за место под солнцем в обществе индивидов². В-четвертых, по мнению Дарендорфа, особое внимание заслуживает такой фактор как развитие эгалитаризма в современном западном обществе. Автор описывает, как в ходе развития индустриальных обществ последовательно осуществлялись три вида гражданских прав, оказывающих все более существенное влияние на процессы классовой дифференциации, классового конфликта, изменение социального порядка в современных обществах. Пошаговое осуществление трех видов гражданских прав началось с универсализации принцип

равенства перед законом, дальнейшее изменение в направлении полного равенства связано с распространением гражданских прав на политическую сферу, и наконец, третьим шагом стало дополнение юридических и политических прав определенными социальными правами.

Так в общих чертах Дарендорф подвергает критике классовую теорию Маркса, а вместе с тем показывает реальные основания современного социального конфликта. Основу формирования конфликтных групп в современном западном обществе Дарендорф обнаруживает в отношениях господства. По его мнению, фундаментальным источником неравенства в социальной структуре и постоянно действующей детерминантой классового конфликта является неравенство власти и господства. Автор многократно и в самом различном контексте повторяет тезис о господстве как конституирующем элементе общества. «Общество значит господство, а господство значит неравенство»³. «И все же большее значение имеет не только та мысль, что общество означает господство, а господство значит неравенство, но и та, что неравенство порождает конфликты, которые служат источником прогресса, в том числе расширения жизненных шансов людей»⁴.

Описывая современную социальную реальность, Дарендорф не только ставит вопрос об адекватности использования такого понятия как «классовая борьба», но и вопрос о непримиримом противостоянии труда и капитала, значительно изменившимся к 1950-м годам. С течением времени труд и капитал «все больше налаживали взаимоотношения»⁵. Процесс этот осуществлялся постепенно посредством переговоров о заработной плате и условиях труда, включались методы посредничества, сглаживались противоречия. В результате чего образовалась и укрепилась законодательно зафиксированная система правил и тарифных соглашений. Таким образом, Дарендорф отмечает, что трения между трудом и капиталом были признаны легитимным принципом рынка труда, и называет этот процесс «институционализацией классового противоречия». По мнению Дарендорфа это означает, что традиционные классовые конфликты отступили на задний план, несмотря на то, что они сами и рассуждения о них еще сохраняются. В современном обществе различные

интересы людей представляют организованные группы, вписанные в привычный порядок вещей. Для определения направления нового социального конфликта, а также основы социального порядка, Дарендорф утверждает, что «классы – это категории людей, занимающих одинаковое положение в структурах господства. Обычно они либо стоят у руля, либо нет, и потому находятся между собой в конфликтных отношениях»⁶.

Еще в 1959 году Ральф Дарендорф доказал, и достаточно аргументировал тот факт, что стабилизация системы власти является наиболее важным аспектом социального порядка. Конфликт интереса всегда присутствует в социальной жизни, но власть означает, что каким-то образом решение этих конфликтов внутри существующих институциональных рамок (институциональной системы) может быть найдено. (Например, урегулирование трудовых споров путем коллективных переговоров). Другими словами, конфликт становится институционализированным. Дарендорф также утверждает, что Маркс был некорректен в том, что считал собственность основой класса, по его мнению классы и стратификация вытекают из деления (распределения) институционализированной власти между руководителями и подчиненными.

Другой известный представитель современной теории конфликта Джон Рекс (1925-2011) также как и Р. Дарендорф предпочитал опираться на работы К. Маркса и М. Вебера. Приступая к исследованию конфликта, Д. Рекс критиковал британскую социологию середины XX века прежде всего за недостаточное внимание от даже отказ от классических идей, за односторонний акцент теории К. Маркса, и следование модным теоретическим тенденциям. В связи с чем уже в своей первой работе «Ключевые проблемы социологической теории» (1961 г.) он предлагает синтезировать классические подходы в социологии с целью подчеркнуть роль конфликта вместе с ценностями и нормами в обществе. Рекс пытается создать так называемую «чистую» теоретическую модель теории конфликта. Переосматривая фундаментальные идеи Т. Парсонса, он поднимает некоторые теоретические вопросы, которым Парсонс и его последователи не уделяли должного внимания. Решая эти проблемы, Рекс предлагает теорию, которую правильнее было бы назвать теорией «социального порядка». По мнению Рекса в структурном

функционализме Парсонса при описании общества как системы под системой подразумеваются институционализированные ценностные образцы или нормативные аспекты интеграции. При этом недостаточное внимание уделяется проблемам власти, а также неинтегративным аспектам распределения ресурсов. Опираясь на критику описания социальной системы Парсонса, выступающую в качестве самоценной и самодовлеющей, Рекс предлагает свою модель, учитывающую другие стороны общественной жизни. Во-первых, основным моментом данной модели является особенность понимания автором проблемы интеграции. Рекс предполагает отсутствие полной интеграции в обществе, что, по его мнению, означает не хаос, а обычное деление общества на группы, преследующие свои собственные интересы, которые предстают как конфликтные. Во-вторых, если всякая социальная система, как считает Рекс, характеризуется ограниченностью ресурсов, то обязательно должны существовать механизмы распределяющие их. Через распределение всех возможных ресурсов: экономических, властных и других осуществляется и интеграция. Являясь результатом распределительных процессов, достигаемая интеграция приводит к пониманию недостаточности ценностного единства. При этом отношения остаются конфликтными даже при согласовании других ролевых ожиданий. Исходя из этой точки зрения, Д. Рекс приходит к пониманию социального порядка как результата отстаивания отдельной группой обладаемой ими власти с целью установления и сохранения контроля над распределением ресурсов. Ценностно-нормативная сфера в этом случае имеет значение только поддерживая внутреннюю интеграцию таких групп. Таким образом, Рекс приходит к выводу о том, что всякое социальное изменение определяется положением различных групп по отношению к власти.

В 1961 году Джон Рекс критиковал и Р. Дарендорфа, утверждая, что Дарендорф не идет достаточно далеко в своем анализе проблемы социального порядка. По мнению Рекса, за стабилизацией власти лежит более фундаментальный баланс силы. Поэтому он предлагает рассматривать социальную систему как вовлеченную к конфликтные ситуации во всех главных вопросах (центральных пунктах), простирающихся от рыночной конкуренции к открытому

насилию. Из этого происходит (устанавливается) социальный порядок, состоящий из двух или более классов, каждый со своей собственной самостоятельно содержащейся нормативной системой. Так как (поскольку) власть будет распределена неравномерно, один из этих классов появляется (возникает) как относительно (сравнительно) прочный (надёжный, обеспеченный) правящий класс. Таким образом, Рекс описывает определенное состояние социальной системы, при котором правящий класс как доминирующая группа осуществляет контроль над всеми социальными институтами, а другие группы или классы, проявляя несогласие, противостоят правящему классу. Подобные конфликтные отношения являются основой прогрессивных социальных изменений. Очевидно, Рекс, как и другие теоретики социального конфликта, признает центральное место конфликта в развитии любого общества, в то время как социальный порядок носит черты временного состояния, обеспеченного победой одного класса. Выстраивая свою модель социального конфликта, Рекс обращает внимание и на отсутствие существования целостной культуры общества с точки зрения основы социального контроля. Социальные изменения представлены автором как результат конфликтных отношений различных групп, проходящий в условиях отсутствия контроля, как со стороны дифференцированных социальных институтов, так и со стороны духовно-ценностных систем. Очевидно, что модель социального конфликта, предложенная Рексом, не является идеальной в силу ряда причин, одной из которых можно назвать абсолютизацию теории распределения. В связи с чем возникают сложности и в обосновании возможности существования социального порядка. Тем не менее, идеи Д. Рекса развивались последователями, стремящимися создать интегральную теорию, где социальный порядок и социальный конфликт представляли бы собой не абстрактные теоретические положения, а описывались бы как различные условия существующей социальной реальности.

Известный Британский социолог Дэвид Локвуд (1929) внес огромный вклад не только в разработку проблемы социальной стратификации, но также и проблемы социального конфликта. Как и Джон Рекс Локвуд принимает активное участие в научных спорах, посвященных

критическому анализу структурного функционализма и в частности работ Т. Парсонса. В таких своих работах как «Некоторые замечания о социальной системе» 1956 г., «Социальная интеграция и системная интеграция»⁷ 1964 г. Локвуд подчеркивает значение теории конфликта, опираясь на свой обзор и критику теории Парсонса. Он отмечает, что внимание Парсонса к конфликту и любому напряженному состоянию в обществе ограничивается рассмотрением нормативных деформаций. По мнению Локвуда, такой взгляд следует считать ограниченным, поскольку в данном случае не учитывается, во-первых, вероятность того, что настоящий конфликт материального интереса и распределения силы существует, и, во-вторых, то, что нормативный порядок будет фактически «работать» так, чтобы скрыть существующий конфликт. Локвуд критикует функционализм, с одной стороны пытаясь преодолеть, по его мнению, одномерный подход Парсонса, и с другой стороны определенную ограниченность теорий конфликта, описывающих проблему социального порядка. Автор ставит своей целью, прежде всего, продемонстрировать появившееся в 1964 году, разграничение между «социальной» и «системной» интеграцией, являющихся главными элементами в социальной жизни. Таким образом, ограниченность теории конфликта преодолевается, по мнению Локвуда, путем соотношения ее с концепцией социальной системы, необходимостью рассматривать их в качестве взаимозависимых. Локвуд также как и другие теоретики социального конфликта середины XX века стараются ответить на вопрос о том, почему функционалисты придают так много значения самоподдержанию интеграции в социальных системах. Локвуд показывает, что, в сущности, функционалисты действительно смешивают две формы интеграции, которые не могут рассматриваться как эквивалентные (равноценные, равнозначные).

Д. Локвуд является одним из первых социологов, предпринявших попытку концептуализировать понятия социальной и системной интеграции. Социальной интеграцией автор называет формирование принципов, на основании которых строятся непосредственные связи между субъектами в процессе социального взаимодействия. Можно сказать, что социальная интеграция относится к действию субъекта, где субъек-

том могут быть как социальные группы, так и индивиды. «Под системной интеграцией понимается характер взаимоотношений, устанавливаемых между частями самой социальной системы. Причем в условиях системной интеграции социальные отношения необязательно носят гармоничный характер»⁸. Социальный порядок и стабильность в обществе основывается на сбалансированности между действием и структурой. С большим почтением и интересом Локвуд относился к теории капиталистического общества К. Маркса, считая ее одним из успешных примеров преодоления известной ограниченности двух подходов: нормативного функционализма и конфликтологического. Функционалисты в основном акцентируют внимание на отношениях между социальными институтами, а теоретики конфликта чаще рассматривают противоречия между социальными группами. С позиций теории капиталистического общества Маркса возрастающий классовый антагонизм или социальная интеграция является реакцией на развитие противоречий между производительными силами и производственными отношениями или системной интеграцией. Результатом выступает нахождение способов изменения или сохранения существующего социального порядка.

Новизна обсуждения данного вопроса Локвудом состоит в демонстрации следующего. Изначально существуют две гипотезы: первая гипотеза - общества функционируют в соответствии с определенными предпосылками, и вторая - люди соответствуют определенным нормам. По мнению автора обе эти гипотезы одновременно могут быть не верны. Локвуд замечает, что сами функционалисты знали это и писали о степени совпадения данных гипотез. В качестве примеров могут служить обсуждения в литературе посвященные теории правил напряженности между ролями, рассматриваемые как требования набора, которые социальная структура налагает на людей; и роли, рассматриваемые как фактические действия, где люди договариваются о своих точных правах и выгоде. Действительно, как утверждает Локвуд, если бы гипотезы совпадали, то мы столкнулись бы с обществом, в котором люди были бы «сверхсоциализированы» в идеальном соответствии с общественными потребностями. Таким образом, становится очевидным то, до такой степени

объем личного социального опыта и функционирование общества представляют два полностью разных уровня анализа, возможно даже требую «двух социологий». Это особенно верно для общества с высоким уровнем социального неравенства, которое может «функционировать» отлично как система, но при этом все же создавать огромные проблемы интеграции для людей и групп в пределах нее.

Идеи, касающиеся проблемы исследования социального порядка, предложенные Дэвидом Локвудом, были восприняты и развиты современными социологами, в частности Энтони Гидденсом при разработке концепции деятельности и структуры, несмотря на то, что в 1970-е годы, развивается множество теорий конфликта, в связи с чем многие прежние различия между теорией конфликта и функционализмом становятся несущественными.

В настоящее время функционализм является не самой популярной школой социологической мысли, в том числе и при исследовании проблемы социального порядка. Тем не менее, критика функционализма, нападение на Парсонса, Мертона и других просто демонстрирует кризис последовательности, в котором различные конкуренты были часто склонны повторять одни и те же аргументы на многих концептуальных языках. При этом даже наиболее радикальные идеи часто обладали тем же самым целенаправленным, статическим и неисторическим характером. В том числе и теория конфликта страдает от этой проблемы. Но сложности функционального объяснения по-прежнему являются все еще частью проблемы социологии в целом, при этом рассматривать функционализм как серьезную ошибку социологического анализа невозможно, учитывая историческое развитие социологической теории. Теория конфликта, описанная Марксом и Вебером, была потеснена последующим развитием марксизма.

Но устойчивость позднего капитализма к политическому перевороту означала, что большая часть работ нового марксизма касалась воспроизводства капиталистической системы и была связана с ролью идеологических сил как главного ее элемента. Логическим теоретическим ответом и результатом был функционализм.

В современной социологической науке интерес к проблеме социального порядка становится особенно актуальным, что связано в числе прочего и с переосмыслением характера социальных связей. Некоторые современные социологи: З. Бауман, У. Бек, К. Уильямс и другие, учитывающие последние тенденции социального развития, подвергают сомнению саму возможность интеграции, влияющей на социальный порядок, характеризуя современные общества как нестабильные, индивидуализированные.

Ссылки:

- 1 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002
- 2 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 210
- 3 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 41
- 4 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 42
- 5 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 145
- 6 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 149
- 7 Lockwood D. Social Integration and System Integration in G. Zollschan and W. Hirsch (eds), Social Change. Camb., 1976
- 8 Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. I. С. 375

Долговые отношения как нравственные отношения воспроизводства социального неравенства в концепции Дэвида Гребера

Давыдов Д. О.

В статье вторично анализируется комплексное и новаторское исследование истории долговых отношений в аспекте их исторического развития, предпринятое американским антропологом, профессором Лондонской школы экономики Дэвидом Гребером опубликованной в книге «Долг: первые 5000 лет истории». Данный автор, основываясь на антропологические методы, определяется тезис, что базируясь на тех процессах, которые мы не корректно называем экономикой, лежат представления о долге. Долг как коллективное представление, являясь, по сути, нравственным представлением, а не объективной реальностью является одним из основных институтов воспроизводства социального неравенства в современном обществе. Ключевым императивом анализируемого исследования – исключить экономические исследования из сферы «профессиональных экономистов», результаты которых доказали концептуальные ограничения в период последнего мирового кризиса, и исследовать ее в самом широком контексте истории культуры, политологии, социологии и иных гуманитарных дисциплин. Гребер подробно рассматривает долговые отношения на множестве примеров, анализирует и критикует основные мифы, лежащие в основании их функционирования. Этот подход оказывается концептуально крайне близким как понимающей социологии, так и критической теории, в связи с чем релевантны социологической дискуссии.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальное неравенство, рыночная экономика, капитализм, социальные отношения, культура, долг, кредит

Davydov D. O.

Moscow State University named after MV Lomonosov

Debt relations as moral relations of reproduction of social inequality in the concept of David Greber

In the article, a large-scale and revolutionary study of the history of debt relations from ancient times to the present day, undertaken by the American anthropologist, Professor of the London School of Economics David Greber, published in the book *Debt: The First 5000 Years of History*, is analyzed again. Greber, relying on anthropological methods, puts forward the thesis that the basis of those processes that we do not correctly call the economy, are the notion of duty. Duty as a collective representation, being, in fact, a moral representation, and not an objective reality, is one of the main institutions for the reproduction of social inequality in modern society. One of the imperatives of the study is to tear the economy out of the hands of «professional economists» that proved incapable during the last world crisis and place it in a broader context of the history of culture, political science, sociology and other humanitarian disciplines. Greber examines in detail debt relations on a variety of examples, analyzes and criticizes the basic myths underlying their functioning. This approach turns out to be conceptually extremely close to both understanding sociology and critical theory, and therefore sociological discussions are relevant. Key words: social stratification, social inequality, market economy, capitalism, social relations, culture, debt, credit

Подвергаемая анализу работа начинается с рассмотрения используемых определений понятия долга. Согласно Оксфордского словаря английского языка Долг может рассматриваться как сумма денег, взятая займы; как денежное обязательство; как чувство благодарности за оказанное одолжение или услугу.

Сразу после рассмотрения определения автор проблематизирует базовое основание, лежащее в основе функционирования института долговых отношений, а именно коллективное представление, как выразился бы на его месте Дюркгейм [7], [8] [9], выраженное в тезисе «Долги должны выплачиваться». Ключевая характеристика заключается в том, что «каждый должен выплачивать свои долги», заключается в том, что даже в соответствии с положениями экономической теории это не всегда верно. Для критики этого тезиса Гребер прибегает к анализу структурированного социального взаимодействия, возникающее в ходе реализации долговых отношений, как это, например, сделал бы Ирвинг Гофманн [2], [3] а так же смыслов и мотивации участников данного социального взаимодействия, что приближает его к позициям понимающей социологии [4], [5], [6]. Согласно данному положению можно сделать предположение, что кредитор принимает некоторую степень риска. «Если бы все займы, сколь бы идиотскими они ни были, должны были бы возвращаться – скажем, если бы не было законов о банкротстве, – то результаты были бы ужасными. Разве у кредитора были бы причины не выделять глупый заем?». В этом смысле Гребер утверждает, что в основе долговых отношений лежит ни на чем не основанный нравственный тезис. При аргументации своей позиции он прибегает к анализу иных «само-собой разумеющихся» оснований данных институциональных отношений, что делает релевантным данную проблематику социологии знания, как науке о здравом смысле [1]: «Да, я знаю, что это кажется очевидным, – говорит Гребер – но самое забавное в том, что, с экономической точки зрения займы не должны так работать. Полагаем, что финансовые институты превращают денеж-

ные ресурсы в эффективные капиталовложения. При этом в случае, если банк гарантированно бы получал своих вложений с процентами вне зависимости от того, что было сделано, институт банковского дела бы не работал. Представьте, что я отправлюсь в ближайшее отделение Королевского банка Шотландии и скажу «Знаете, я тут получил точные сведения о лошадях, участвующих в скачках. Что, если вы мне одолжите пару миллионов фунтов?» Разумеется, они лишь посмеются надо мной. А все потому, что они знают, что если моя лошадь не придет первой, то они ни за что не смогут получить свои деньги обратно. А теперь представьте, что есть закон, согласно которому они гарантированно получают свои деньги, что бы ни произошло, пусть даже это означает, что я должен — не знаю — отдать мою дочь в рабство или продать органы или сделать еще что-нибудь в таком роде. Ну, в таком случае, почему бы и нет? Зачем с нетерпением ждать, пока зайдет кто-то, у кого есть толковый план по созданию прачечной или чего-то подобного?» [10].

Сила сомнительного, по Д. Греберу убеждения, что «долги должны выплачиваться» в том, что она представляет собой утверждение не соответствующей положениям экономической теории, а категории нравственного порядка. В попытке найти ответ на вопрос почему именно данное убеждение обычно не ставится под сомнения Дэвид Гребер обращает внимание на основания нашей социальной жизни:

«Почему долг? Что придает этому понятию такую странную силу? Потребительский долг — двигатель нашей экономики. Все современные национальные государства построены на основе бюджетного дефицита. Долг превратился в ключевой вопрос международной политики.

Сила этого понятия проистекает из самого нашего неведения о том, что такое долг, из самой его гибкости. Если история чему-нибудь учит, то ее урок таков: нет лучшего способа оправдать отношения, основанные на насилии, и придать им нравственный облик, чем выразить их языком долга, — прежде всего, потому, что это сразу создает впечатление, будто сама жертва делает что-то не так» [10].

Гребер иллюстрирует свой тезис примерами, которые так же затрагивали колониальную политику европейских стран, которые подобно наполеоновской Франции могли «вменять» долг,

а так же послевоенную политику США по отношению к предоставлению кредитов для ряда африканских диктаторских режимов, которые после их падения, тем не менее, по-прежнему требовались для выплаты.

Далее по тексту как последовательный институционалист Гребер углубляется в историю становления и развития данных институциональных оснований. Он прослеживает корни этих представлений в религиозных источниках, показывая, что данный институт одним из первых начал регулировать данную сферу. Гребер показывает, все значимые мировые религии пытались, в той или иной степени, как противостоять развитию данных отношений, так и регулировать этот сложный вопрос по-разному в разные исторические периоды в различных странах. Гребер усматривает в долговых отношениях основания функционирования большей части отношений современной цивилизации и раскрывает это на множестве кейсов и примеров с данными антропологических исследований. В ходе этого Гребер делает открытие о том, что попытки сведения этих отношений к вопросу о том: «Кто, что и кому на самом деле должен?» редуцируют этическую проблематику и сводит её к терминам деловой сделки. Подобная редукция есть результат трансформации этих отношений, заставившей общество говорить языком кредитора. Основная проблема исследования Гребера заключается в расшифровке: «Что именно мы хотим сказать, когда говорим о том, что чувство нравственности и справедливости характеризуется теплотами деловой сделки?»

Гребер раскрывает содержание этой трансформации через сравнение обязательства в целом и частного случая денежного обязательства. В случае денежного обязательства, долг точно измерен и обезличен, а потому может быть передан другому, в отличие от неденежных обязательств, привязанных к конкретному человеку. [10]

Основной признак данной трансформации, на котором Гребер очень акцентирует внимание — это калькулятивная способность денег преобразовывать нравственность в безличную арифметику и легитимировать тем самым действия, которые иначе казались бы недопустимыми, а так же роль насилия в осуществлении данных отношений. Эти 2 элемента — насилие и точное исчисление в Греберовской теории

оказываются тесно связаны и являются ключевыми факторами, воспроизводящими долговые отношения. Эта же специфика проблематики и делает его работу релеватной дискурсу о калькулятивной рациональности нашей цивилизации, начатой классиком социологии М. Вебером [6].

Фактор насилия, которому Гребер уделяет большое внимание, может показаться на первый взгляд вторичным, но лишь на первый взгляд. Разница между «долгом» и характерным для других видов социальных отношений нравственным обязательством, согласно исследованию Гребера, состоит не в наличии или отсутствии людей с оружием, которые могут взыскать это обязательство. Оно не ограничивается тем, что у кредитора есть возможность точно выразить размер долга должника. Но при дальнейшем изучении выявляется, что эти два элемента — точный расчет и насилие — плотно коррелированы: «На самом деле одного почти никогда не бывает без другого. У французских ростовщиков были могущественные друзья и крепкие ребята, способные запугать даже церковные власти. Иначе как они смогли бы выбивать незаконные долги? Хиромусиме была непреклонна по отношению к своим должникам и «ни к кому не проявляла снисхождения», но ведь ее муж был правителем. Ей и не нужно было проявлять снисхождение. Те из нас, за кем не стоят вооруженные люди, не могут так выколачивать долги» [10].

Таким образом Гребер обнаруживает основания современных общественных отношений в скрытом, но воспроизводящемся насилии, которое актуализируется в определенных ситуациях.

Раскрыв содержание основной проблемы своего исследования Гребер дает следующее обоснование актуальности своей работы, которую он усматривает в мировом финансовом кризисе 2008 года. [10] Гребер показывает некоторые прогностические возможности, которые открывает его исследование, основанные на понимании трансформации тех коллективных представлений о долге, которые произошли исторически и которые наблюдаются в том числе в современную эпоху. Для осуществления этой цели он предлагает рассмотреть историю долга, которая разрешает поднять базовые вопросы о том, что по сути представляют собой

люди и общество в целом — что мы в самом общем смысле друг другу должны и что означает сама формулировка этой проблемы. По этой причине в начале книги описывается попытка развеять совокупность мифов: например такие как следующие мифы: о меновой торговле, о долге по отношению к религии или к государству, которые, в той или иной степени, являются основой характерных для общества представлений о природе экономики и общества.

Соответственно повсеместно распространенной точке зрения, «Государство» и «Рынок» находятся на более высоком иерархическом уровне над всеми остальными категориями как два принципиально антагонистических принципа. При этом история говорит о том, что они сформировались вместе и всегда были тесно взаимосвязаны. Совместной категорией данных неверных концепций является то, что они пытаются привести все социальные отношения к обмену, то есть пытаются определить все отношения между людьми как те или иные виды операций обмена. В случае, если это невозможно, то необходимо определить что конкретно не может быть определено посредством категории обмена.

В пятой главе исследуемого источника, основываясь на достижениях антропологии, Гребер формирует свою позицию по данному вопросу и описывает этические основания экономических отношений, а далее возвращается к проблеме происхождения денег, для демонстрации того, что сам принцип обмена возник под воздействием насилия и что подлинными истоками денег следует искать в категориях преступления и возмездия, в категориях войны и рабства, в чести, долге и искуплении. Все это позволяет автору провести исторический анализ категории долга и кредит за период в пять тысяч лет, исследовать сменяющиеся эпохи реальных (обеспеченных) и виртуальных (необеспеченных) денег.

Значительная доля открытий, описанных в исследуемой работе указанные в этой работе оказываются определенным образом непредвиденными: это и генезис системы современных представлений о правах и свободах в первых письменных законах о рабовладении, и основы инвестиционной деятельности в средневековом китайском буддизме, и тот факт, что значитель-

ное количество из самых распространенных утверждений, приписывающие Адаму Смиту были заимствованы в работах средневековых персидских ученых, определяемых категорию свободного рынка. Все это создает контекст для независимого подхода к исследованию истории последних пяти тысяч лет, на протяжении которых наиболее часто существовали капиталистические империи, и дает основу для исследователей позволить изучение актуальных вопросов современности.

Рассматривать историю долга невозможно не рассматривая историю денег, а для того, чтобы рассматривать историю денег нужно понимать что это такое. Дэвид Гребер наглядно показывает, что вопрос о том, чем на самом деле являются деньги вовсе не так прост как может показаться на первый взгляд и данные антропологических исследований сильно способствуют проблематизации этих представлений и что особенно важно – ставит под сомнение базовые мифы экономической теории относительно как сущности, так и истории происхождения денег.

Когда экономисты-теоретики говорят о происхождении категории денег в самом общем смысле, долг в их рассуждениях, всегда появляется в самую последнюю очередь. Первоначально для аналогичных операций существовала так называемая меновая торговля, которая далее была сформирована посредством денежного оборота, который далее трансформировался в виртуальные деньги и на последнем этапе были созданы институты кредитования. В течение такого значительного периода как почти столетия антропологи основывали свои выводы на данных положениях, однако эти представления оказались неверными. Самая стандартная версия изучаемой экономической истории имеет совсем не много общего с тем, что мы наблюдаем, определяя, как на самом деле организована социально-экономической системы в реальных сообществах и каков сам характер рыночных отношений посеместно, – мы скорее определим, что все друг другу согласно самых общих представлений должны что-то должны в самых разных формах и что большинство сделок осуществляются без использования денег. Что является причиной такого несоответствия? В определённом смысле объяснение вполне очевидно: древние монеты сохранились до нашего

времени, а записи о выдаче кредитов безусловно нет. Однако при этом проблема существенно глубже. Само существование кредита и долга всегда вызывало непонимание у экономистов, потому что невозможно утверждать, что те, кто ссужает деньги, и те, кто берет займы, действуют исходя исключительно из «экономических» мотивов. Поэтому историю денег экономистам приходится начинать с описания воображаемого мира, в котором кредиты и долги полностью отсутствуют. Необходимо прежде чем применять антропологические методы для воссоздания подлинной истории денег, мы должны понять, почему неверна «общепринятая» точка зрения экономистов.

Наиболее распространенным является подход, согласно которому экономисты определяют три функции денег: средство обмена, единица исчисления и средство сбережения. Для экономистов-историков история денег основана на концепции меновой торговли.

Представление лежащее в основе мифа о меновой торговле заключается в том, что она была первоосновой общественного существования. Это представление, плотно вошедшее в структуры здравого смысла современных людей, с точки зрения Дэвида Гребера является как центральным для экономики, как «отдельной сферы» так и ложным представлением, так в истории отсутствовали общества чья хозяйственная деятельность была основана на институте меновой торговли. По мнению Гребера, причиной того, что экономисты привязаны к именно такой модели истории является тот факт, что с ее помощью в 1776 году Адам Смит обосновал выделение экономики в отдельную сферу научного знания.

Идея о том, что на самом деле в основе деления экономики, как «отдельной сферы жизни общества отличной от этики и политики» лежит заблуждение вовсе не является новой идеей. Например, в схожих формулировках писал в своей работе «Великая трансформация» Карл Поланьи [11], да и сам Гребер признает, что антропологи говорят об этом уже приблизительно 150 лет, а экономисты просто игнорируют это, продолжая рассказывать одну и ту же байку, помещая воображаемое общество, основанное на меновой торговле туда, куда им удобно, вопреки данным антропологическим исследованиям, что в итоге просто не выдержи-

вает критики. Эта история сыграла ключевую роль не только в создании экономической науки, но и в возникновении самой идеи существовании отделенной от нравственной или политической жизни экономической сферы общественной деятельности.

Проанализировав большое количество данных Гребер делает вывод о том, что меновая торговля как правило ведется между людьми, привыкшими к использованию денег, но по каким либо причинам, например в связи с крахом национальной экономики, не имеющим к ним доступа.

Проблематизация мифа о меновой торговле позволяет Греберу проблематизировать теорию о том, чем, в сущности, являются деньги:

«Уже в начале XX века имелись все необходимые элементы для того, чтобы полностью переписать историю денег. Основу для этого заложил Митчелл-Иннес — в двух печатных работах опубликованных в нью-йоркском «Журнале банковского права» в 1913-1914 г.г.. В них исследователь Митчелл-Иннес системно доказал неверные представления, на которых были основаны категории экономической истории, и доказал положение о том, лежащие в основе значительного количества дальнейших исследований»:

Сообразно одному из распространенных заблуждений, относящихся к торговле, средство для сбережения денег под названием «кредит» было создано в современную эпоху, а до этого все покупки оплачивались наличными, т. е. монетами. Тонкое исследование указывает на то, что в действительности все было ровно наоборот. В давние времена монеты были намного менее значимы в торговле, чем в наше время. Количество монет было существенным образом ограничено, что их не хватало даже для удовлетворения всех потребностей королевского дома (Англии в Средние века) и сословий, которые постоянно применяли жетоны разного рода с целью того, чтобы осуществлять незначительные платежи. Объемы чеканки были столь невелики, что иногда короли не колебались концентрировали все монеты у себя и переплавляли, при этом торговля продолжала идти своим чередом» [10].

На основании изложенного делается логично определяемый вывод о том, что наше сформированное представление об истории разви-

тия денег не является верным. Мы не исследовали модели меновой торговли, так как в дальнейшем были изобретены деньги в более приближенным к современному виду виде, далее стали формироваться институты кредитных денег. Так, в самом начале истории денег были сформированы те их них, которые можно отнести к виртуальным. Монеты как платежные средства появились существенно позже, при этом их распределение было неоднородным, и им так и не удалось вытеснить все существующие кредитные системы. В этих условиях меновая торговля является в большей степени случайным последствием применения монет из драгоценных металлов или бумажных денег: исторически ее вели люди, которые имели навыки сделок с наличностью, но по ряду причин не имели к ней доступа. Необходимо отметить, что эта данная история так и не была исследована. Положения теории Митчелл-Иннеса экономисты опровергать не стали — они его в своих работах игнорировали. История, излагаемая в современных учебниках истории экономической мысли, осталась на тех же позициях, хотя все исследуемые факты говорят о ее ошибочности. Исследователи продолжают использовать истории денег, характеризующие собой истории чеканки монет, согласно которым повторяются периоды, когда чеканка королевскими дворами практически прекращалась, излагаются как времена, когда экономика «возвращалась к меновой торговле», как если бы смысл данной фразы был раскрыт, хотя доподлинно никто на самом деле не знает, что она означает на самом деле. В итоге мы не можем себе представить, как, например, в 950 году житель нидерландского города осуществлял меновые операции, и более того, не понимаем как осуществлялось на острове Пемба или в Самарканде. Причина, по которой современные учебники по истории экономических учений начинаются с описания воображаемых социумов, а также заключается в том, что в реальной жизни таких социумов нет. В этих условиях ряд экономистов, по мнению Гребер, были вынуждены принять тот факт, что Земли меновой торговли, о которой писал в своих работах А. Смит, не существует и никогда не существовало.

Вопрос необходимо сформулировать следующим образом, почему несмотря ни на что этот миф не имеет под собой реальных основа-

ний он продолжает быть ключевым положением экономической науки. Экономисты-теоретики давно перестали использовать иные положения фундаментального труда «О богатстве народов», например, так называемую рабочую теорию стоимости Смита и его критическую оценку функционирования акционерных компаний. Весьма затруднительно не признать в современной науке, что сформированный миф о меновой торговле — это только одна из пережитых свое время теорий эпохи Просвещения, и не стоит попытаться исследовать базовые кредитные соглашения или хоть что-то более соответствующее историческим фактам?

Гребер дает следующий ответ на данный вопрос: «На самом деле от мифа о меновой торговле нельзя отказаться, поскольку он играет центральную роль во всей экономической науке.

Вспомним, чего хотел добиться Смит, когда писал свой труд «О богатстве народов». В первую очередь он пытался обосновать право на существование вновь возникшей экономической дисциплины. Это означало, что она не только имела свою особую сферу исследования, которую мы теперь называем «экономикой» (сама мысль о том, что есть нечто под названием «экономика», во времена Смита была внове).

Показывая ошибочность данных представлений Гребер пытается выяснить истоки данного мифа и развивает довольно интересный процесс поиска того, чем же, собственно говоря, являются деньги: «Именно деньги дали нам возможность представлять себя такими, какими рисуют нас экономисты, т. е. собранием людей и народов, главным занятием которых является обмен вещами. Очевидно также, что самого по себе существования денег недостаточно для того, чтобы воображать себе мир таким. Если бы он действительно был таким, то экономическая наука была бы создана древними шумерами, ну или, во всяком случае, задолго до 1776 года, когда вышла в свет книга Адама Смита «О богатстве народов».

Отсутствующим элементом, как пишет Гребер, в данном случае является то, что Смит старался не исследовать, в том числе именно роль государственной политики. В Англии во время жизни А. Смита стало возможным исследовать рынок как отдельную сферу человеческой деятельности, в результате чего, британское правительство активно поощряло его развитие. Для

этого было необходимо наличие законов и политики, а также специфической монетарной политики, за которую выступали либералы, со взглядами А. Смита.

Она предполагала привязки курса валюты к серебру и в то же время существенное расширение денежного предложения, в первую очередь за счет увеличения количества монеты мелкого достоинства в обращении. А. Смит поддерживал употребление бумажных денег, но, как и Локк до него, считал, что сравнительный успех Банка Англии и Банка Шотландии был определен тем, что они прочно привязали бумажные деньги в обращении к драгоценным металлам. Данная идея приобрела такое распространение среди экономистов-теоретиков, что альтернативные теории, согласно которым деньги определялись как кредит, например та, что предлагалась Митчеллом-Иннесом, весьма скоро стали являться маргинальными, а их сторонники стали считаться чужаками, так как стало считаться, что такой подход приведет в первую очередь к появлению неликвидных банков и спекулятивных пузырей.

Митчелл-Иннес, на которого Гребер так же постоянно ссылался в своих работах, принадлежал тому направлению, которое стало историей, таких как кредитная теория денег. Сторонники кредитной теории говорили следующее, что деньги — это не товар, а также не услуга, но инструмент учета. При этом денежные единицы являются только абстрактными единицами измерения, и, как справедливо отмечали сторонники кредитной теории, исторически доказано что такие абстрактные системы учета были созданы задолго до генезиса денег как знаков обмена.

Дальше необходимо исследовать следующий вопрос: если деньги являются только лишь измерительной линейкой, так что все-таки они измеряют? Ответ по мнению автора заключается в следующем: долг. Монета в самом общем смысле является долговой распиской. В то время как, согласно традиционным представлениям, банкнота является или должна быть обещанием выплатить определенное количество «реальных денег» (золота, серебра или любой другой вещи, наделенной таким смыслом), сторонники кредитной теории полагали, что банкнота — это просто обещание заплатить нечто имеющее такую же стоимость, как унция золота.

Продолжительное время апологетами и неопфитам кредитной теории не позволяло продвигать свои взгляды отсутствие у них такой же убедительной версии, как распространенная в современной науке традиционная. Однако это совершенно не значит, что все участники споров о деньгах, которые велись в период между 1850 и 1950 годами, не могли использовать собственное мифологическое оружие. И при исследовании данного случая Гребер последовательно подводит к следующему объекту своей атаки – «мифу об изначальном долге».

Государство, как пишет Гребер, выступает, прежде всего, как законная власть, которая добивается оплаты того, что соответствует контракту по названию или по описанию. И выступает в этой роли дважды в случае, когда к тому же присваивает себе право определять и провозглашать, что именно соответствует этому названию, и право время от времени менять это определение, т.е. менять смысл слов. Это право присваивают себе все современные государства и присваивали их предшественники на протяжении, по меньшей мере, четырех тысяч лет. Это не означает, что государство обязательно создает деньги. Деньги – это кредит, они могут появляться благодаря частным договорным соглашениям (например, кредитам). Государство просто обеспечивает их выполнение и диктует юридические условия. При рассмотрении данной теории денег Гребер ссылается на утверждение Кейнса: банки создают деньги, и ничто их в этом не ограничивает – ведь сколько бы они ни давали в долг, заемщику не остается ничего, кроме как опять положить деньги в какой-нибудь банк, а значит, с точки зрения банковской системы в целом дебет и кредит взаимно уравновешивают друг друга.

Последствия этого были весьма радикальными, однако по-сути Дж. М. Кейнс никаким образом к ним не относится. Он во всех своих работах старался формулировать проблему таким образом, чтобы ее можно было имплементировать в экономическую науку данной эпохи. Да в целом мифотворцем Кейнс также не был. Альтернативная традиция смогла предложить ответ на миф о меновой торговле благодаря усилиям не самого Кейнса (он в конечном счете решил, что вопрос о происхождении денег не имел особого значения), а отдельных современных неокейнсианцев, которые посчитали воз-

можным максимально развить некоторые из его наиболее радикальных идей.

Самым слабым звеном в государственно-кредитных теориях денег был вопрос о налогах. Одно дело – объяснить, почему ранние государства требовали уплаты налогов (чтобы создать рынки). Совсем другое – задаться вопросом «А по какому праву?». Если признать, что древние правители не были обыкновенными бандитами (и здесь Гребер явно критикует теорию происхождения государства Чарльза Тилли [13]), а налоги не были самым обычным вымогательством (однако современные источники указывают на то, ни один из сторонников кредитной теории не придерживался столь циничной оценки действий ранних правительств), то нужно выяснить, чем они это оправдывали.

Сегодня все мы думаем, что знаем ответ на этот вопрос. Мы платим налоги, чтобы правительство могло нам предоставлять определенные услуги. Первая из них – обеспечение безопасности: военная защита зачастую была единственной услугой, которую были в состоянии оказывать ранние государства. Конечно, сегодня правительство предоставляет много чего еще.

Важнейший аргумент теории изначального долга заключается в том, что каждая попытка разделить монетарную политику от социальной в корне ошибочна, так как они являются единым целым. Правительствам необходимо использовать налоги для создания денег потому, что они стали инструментами хранения долга всех граждан друг перед другом. Этот долг – основа общества как такового. Его генезис сформировался задолго до создания денег и рынков, которые являются лишь для того, чтобы разделить его на мелкие части.

Изначально, теория определяет, это данное чувство долга задается не государством, а посредством религии. По сути, авторы исследуемой теории изначального долга в своем исследовании предположили, что положения, изложенные в ведийских текстах, не принадлежат к некоей определенной интеллектуальной традиции, которой придерживаются исследователи историки и антропологи, изучающие ранний железный век в долине Ганга, а являются фактически сутью самой природы и истории экономической мысли человечества.

«Изначальный долг, – пишет британский социолог Джеффри Ингем, – это обязанность

живущих поддерживать преемственность и прочность общества, которое обеспечивает их индивидуальное существование». В самом общем смысле «долг перед обществом» есть не только у преступников — все мы до определенной степени виновны и даже являемся преступниками. Например, Ингем отмечает, что, хотя нет достоверных доказательств того, что деньги появились именно так, «это косвенно подтверждается этимологическими данными»: Во всех индоевропейских языках слово «долг» определяет как синоним слов «грех» и «вина», что показывает связь между религией, платежом и посреднической функцией денег [как] между инструментами связи священного и мирского.

Критикуя «теорию изначального долга» Гребер использует следующие аргументы:

«В конце концов, долг по определению является чем-то таким, что мы чисто теоретически можем выплатить. Довольно странно хотеть рассчитаться со своими родственниками — это скорее будет означать, что ты просто больше не желаешь считать их таковыми. Хотели ли бы мы на самом деле рассчитаться со всем человечеством? Что это вообще значило бы? И действительно ли подобное желание является ключевой особенностью человеческого мышления?

Это можно выразить иначе: описывают ли приверженцы теории первоначального долга миф или они открыли истину человеческой природы, которая справедлива для всех обществ? Действительно ли эта истина столь очевидно вытекает из некоторых древних индийских текстов? Или же они придумывают собственный миф? Разумеется, второе. Они придумывают миф» [10].

«Концепция долга вводит в заблуждение, так как мы представляем себе, что мир состоит из ряда компактных, однообразных единиц под названием «общества» и что все люди знают, к какому из них они принадлежат. На самом деле весь комплекс идей, о которых мы говорим: представление о том, что есть нечто под названием общество, что мы в долгу перед ним, что правительства могут говорить от его имени, что его можно представить в виде своего рода светского бога — все эти идеи появились приблизительно во время Французской революции или сразу после нее. Иными словами, они зародились одновременно с идеей современного национального государства.

Мы можем их увидеть в четко выраженной форме уже в работах Огюста Конта. В своей последней работе «Позитивистский катехизис» [13] он изложил первую теорию общественного долга:

«В определенный момент некто спрашивает позитивистского священника, что тот думает о правах человека. Священник поднимает его на смех. Это бессмыслица, говорит он, ошибка, порожденная индивидуализмом. Позитивизм признает лишь обязанности. В конце концов, все мы рождаемся с грузом обязательств самого разного рода — перед нашими предшественниками, наследниками, современниками. После нашего рождения эти обязательства возрастают или накапливаются еще до того момента, когда мы можем возмещать любому человеку любую услугу. Так на каком человеческом основании может зиждиться представление о «правах»?» [13].

Хотя Конт не использует слово «долг», смысл его рассуждений вполне понятен. Мы накапливаем бесконечное количество долгов к моменту достижения возраста, когда можем осознать, что должны их выплатить. К этому времени уже невозможно установить, кому, собственно, мы их должны. Единственный способ погасить их — посвятить себя служению человечеству в целом. Мы все рождаемся в долгу перед обществом»: во Франции категория общественного долга стало общественным императивом.

Мысль о наличии изначального долга является главным националистическим мифом. Ранее нам было необходимо быть обязанным своей жизнью богам, которые нас сотворили, и уплачивали им аналог процентов, давая им в жертву животных, а основную часть долга отдавали собственными жизнями. В наше время мы несем обязательства перед народом, который нас создал гражданами, уплачиваем проценты в виде налогов, а когда приходит время защищать народ от врагов, готовы заплатить свой долг жизнью.

Это, по мнению автора, великая ловушка двадцатого столетия: с одной стороны, есть логика рынка, где мы являемся рациональными индивидами, которые никому ничем не обязаны. С другой стороны, существует логика государства, в соответствии с которой мы все изначально несем бремя долга, но заплатить его мы

не можем. Так, неизменно утверждают, что рынок как институт и государство являются антагонистичными по отношению к друг другу и что лишь в пространстве между ними у человека остается возможности для воздействий. Но это по сути является ложным противопоставлением. Государства создали рынки. Рынкам требуется государство. Одно не может существовать без другого, по крайней мере, в том виде, в котором мы наблюдаем их сегодня» [10].

Суммируя вышесказанное: Деньги не были изобретены с целью того, чтобы избежать системных ограничений, возникающих при меновой торговле между участниками рынка (соседями), – в силу этого, соседи не должны были ее вести – имущественные взаимоотношения между соседями и близкими формировались вокруг других институтов, при этом система кредитных денег в чистом виде также имела существенные недостатки. Кредитные деньги по сути своей основаны на доверии, а на конкурентных рынках доверие – товар редкий, особенно если оно проявляется в деловых отношениях между посторонними людьми. В рамках определенного ограниченного сообщества, такого как города, гильдии или религиозной общины – в роли денег могло быть использовано все что угодно, при условии, что каждый из участников знал, что кто-то был готов использовать это как инструмент погашения долга.

В самом общем смысле, деньги – это в большинстве случаев всегда что-то между товаром и долговой распиской. Предполагается, что по этой причине монеты – слитки золота или серебра, которые сами по себе являются ценным товаром, но, в случаях, когда на них был отчеканен символ региональной политической власти, они приобретали все большую ценность – по-прежнему являются для нас основой категорией денег. Они в самом общем смысле они отражают вариацию в отношении того, как проявляются деньги в функции обмена. Рассуждая далее необходимо отметить, что соотношение между двумя сторонами денег было инструментом для устойчивых инструментов политических споров.

Другими словами, противодействие между государством и рынком, а также между правилами и торговцами не является ключевой частью самой человеческой природы. В то же время может оказаться, что эти две используе-

мые нами в рассуждениях исходные истории – так называемый миф о меновой торговле и миф об изначальном долге – антагоничны по отношению к друг другу, но в то же время они в определенном смысле являются двумя взаимодополняемыми характеристиками при которых одна дополняет другую. Однако в том случае если мы характеризуем человеческую жизнь как совокупность сделок обмена, мы можем исследовать наши взаимоотношения со Вселенной в категориях долга.

Примером, которые пишет Гребер – можно обратиться к положениям теории Фридриха Ницше, который в своих работах со всей отчетливостью показал, что может случиться в условиях, когда все социальные взаимоотношения описываются посредством операций обмена.

Книга упомянутого философа «К генеалогии морали», вышедшая в 1887 году и в ней автор развивает аргумент, который мог бы принадлежать Адаму Смиту, но при этом развивает его дальше, ясно показывая, что отношения купли-продажи сами по себе предшествуют любой иной форме человеческих отношений. В отличие от подхода Смита, Ницше никогда не изображал в своих исследованиях такой мир, в котором все аналогичные сделки одновременно взаимно уравниваются. Каждая принятая обществом система торгового учета, по его мнению, порождает кредиторов и должников. Он в своих работах достаточно справедливо полагал, что именно из данного факта была сформирована человеческая нравственность. Необходимо обратить внимание на то, говорит он, на то, что немецкое слово “schuld” означает одновременно и долг, и вину. Изначально быть в долгу означало возможность быть виновным, и кредиторы получали удовольствие оттого, что наказывали несостоятельного должника, подвергая, например, его тело «всем разновидностям глумлений и пыток, скажем срезали с него столько, сколько на глаз соответствовало величине долга»

Работы Ницше позволяют нам понять в том числе и такую категорию, как искупление. В том числе, рассказ Ницше, в котором исследуются о «первобытных временах» может быть в своём содержании абсурдным, однако при этом предложенное Ницше описание христианства, того, как чувство долга преобразуется в постоянное чувство вины, вина становится ненавистью к

самому себе, а при этом ненависть к самому себе трансформируется в самоистязание, по мнению автора является весьма точным. Например, именно это является причиной того, что Христа называют «искупителем»? Первоначально данное слово - «искупление» означает некий выкуп или возвращение себе чего-то, что было оставлено как обеспечение займа, или приобретение права обладания чего-то посредством выплаты долга. Необходимо отметить, что сам характер христианского учения, само спасение, принесение Богом в жертву своего сына для спасения всего человечества от вечных мук, определяется в категориях финансовой сделки. Искупление являлось освобождением от давления чувства греха и вины, и окончание истории должно ознаменоваться тем, что все долги не будут необходимо отдавать. В данном случае «искупление» в самом общем смысле не подразумевает наличие выкупа за чего-то. Необходимо будет скорее разрушить всю систему учета. В большинстве городов Ближнего Востока события именно так и происходили: в процессе списания долгов одним из обычных действий была церемония уничтожения табличек, содержащих финансовые записи, — это действие повторялось, хотя и с меньшим размахом, в ходе любого значительного крестьянского восстания в истории. Все это характеризует другую проблему: что необходимо сделать в то время, которое идет до окончательного искупления? По данному вопросу Гребер делает отсылку на «притчу о непрощающем рабе». По мнению автора этот рассказ является поразительным текстом для анализа. Начать анализ возможно с образа царя, пожелавшего «сосчитаться» со своими рабами. Исходная посылка согласно историческим документам абсурдна. Цари, как и боги, согласно эпосу, не могут вступать в отношения обмена со своими подданными, поскольку равенство между ними не является невозможным. А этот царь согласно источнику является Богом. В этих условиях, ни о каком сведении счетов речи быть не может.

Важнейшее содержание притчи содержится в следующем, царь приписывает рабу долг, который невозможно выплатить, а затем сам и «прощает» данный долг. Далее выявляется, что прощение подразумевает одно условие, о котором раб не знает. От него требуется, чтобы он сам вел себя в отношении к другим людям —

в данном конкретном случае по отношению к другому рабу, который должен ему что-то. Не выполнив испытание, первый раб попадает в ад вечные времена или «пока он не отдаст всего долга» — в данном случае подразумевается ровно то же самое.

Долг отличается тем, что в его основе лежит презумпция равенства. Быть рабом или принадлежать к низшей касте значит занимать более низкое положение. Здесь мы имеем дело с сугубо иерархическими отношениями. В случае долга мы имеем дело с двумя людьми, которые выступают равными сторонами в договоре. По крайней мере, в рамках договора они с юридической точки зрения одинаковы.

Ключевая проблема заключается в том, что, в отличие от социально определенных иерархических различий таких как каста или рабство, при этом показано что между богатыми и бедными нет такой четкой грани. Возможно вообразить определенную реакцию крестьянина, который пришел в дом к состоятельному кузнецу, считая, что «люди должны помогать друг другу», а через год-два у него забрали виноградник, а также увели сыновей и дочерей. Такое поведение юридически безусловно могло быть оправданно, в том случае если заем представлялся не как инструмент взаимопомощи, а как коммерческая сделка: договор является договором. Но в то же время, восприниматься оно могло только как страшное предательство. Более того, если такое поведение представлялось как нарушение условий договора, то все дело превращалось в нравственную проблему: обе стороны должны быть равными, но одна из них не сумела выполнить условия сделки.

Необходимо на всем протяжении анализируемого исторического периода, открытый политический конфликт между классами институционализировался посредством требования списания долгов, то есть освобождения тех, кто оказался в неволе, а также более необходимости наиболее справедливого распределения земли. В Библии и других религиозных традициях нами были выявлены следы нравственных аргументов, которыми оправдывались данные требования: они могли быть отражены в самых разнообразных формах, а при этом, в той или иной степени выражались языком рынка. Для описания истории долга, нужно также еще и восстановить картину того, как категории рынка вов-

лечены во все стороны человеческой жизни и даже обеспечил терминологию для нравственного и религиозного протеста против него.

Для того, чтобы определить сущность категории долга, нужно определить, чем он отличается от иных видов обязательств, которые позволяют людям определенным уровнем нести обязательства друг перед другом; а это, в свою очередь, требует определения того, в чем эти обязательства заключаются. В настоящее время существует широкий круг источников антропологической литературы, например о подарках, которая берет начало от «Очерка о даре» французского антрополога Марселя Мосса в 1925 году, и об категориях «экономиках дарения», функционирующих на определенно иных принципах, чем рыночная экономика. При этом фактически вся данная литература исследует категорию обмена дарами, считая вполне определенным, что любое действие дарения имеет последствия за собой в виде образования долга и что получатель дара должен обязательно отплатить дарителю. Так же как и в случае всех ключевых религий, логика рыночных отношений стала основой исследования для тех, кто первоначально был решительно против ее положений. Составляющей проблемы стало то, что в настоящее время в социальных науках экономика занимает исключительное место. Так например, от каждого государственного деятеля и бизнесмена ожидается обладание знаниями в области экономической теории, хотя бы на самом начальном уровне. В итоге данные принципы стали считать устоявшимся положением, не требующем дополнительного доказательства. Кроме того, некоторые области социальной теории, которые в большей степени претендуют на некоторый «научный статус», — например, «теория рационального выбора» — основывается на одних и тех же исходных допущениях относительно социальной психологии, что в данных условиях экономисты, предполагают что характеристики людей лучше рассматривать как игроков, движимых личными интересами и прикидывающих, как в и в любой ситуации в обмен на незначительные усилия или вложения добиться самых лучших условий, максимальной выгоды, получения удовольствия или счастья.

С некоторых пор предпринималась ряд попыток сформировать теорию социального вза-

имодействия на основе более или менее представлений о человеческой природе. Их авторы доказывали положения о том, что нравственная жизнь представляет собой по-сути нечто большее, чем взаимная выгода, что она базируется, прежде всего, на некотором чувстве справедливости. Ключевой категорией в данных условиях стала «взаимность», чувство равенства участников сделки, баланса интересов, честности и симметрии интересов, которое реализовывалось в нашем представлении о категории справедливости как о некоей нравственной шкале. Сделки экономического характера были лишь одним из вариантов принципа равного обмена, причем вариант этот явно имел системные ограничения. Но при более частном рассмотрении выяснялось, что все социальные отношения основаны на том или ином варианте взаимности между ними.

Совокупность экономических отношений, по мнению Гребера, может быть основано на сущности трех главных нравственных принципах, которые встречаются в любом человеческом обществе и которые он называет идеологией коммунизма, иерархии и обменом.

Данные принципы дополняют друг с другом, из-за чего достаточно часто трудно выявить, в какой из них превалирует в данной конкретной ситуации, — это еще один инструмент, согласно которой смешно претендовать на то, что человеческое поведение в экономической или любой другой сфере можно свести к какой-то математической формуле. В случае, когда мы пытаемся представить справедливое общество, мы воображаем некоторые образы баланса и симметрии, определенные геометрические формы, в которых все элементы друг друга уравновешивает.

Идея о том, что существует институт рынка, незначительно от этого отличается. Экономисты-теоретики считают это основополагающим положением, о реально существующей действительности. По мнению экономистов рынки как таковые не существуют в реальности. По их мнению это математические модели, которые формируются, когда исследуется идеальный мир, в котором все участники являются рациональными субъектами — то есть обладают одной и той же мотивацией и одними и теми же знаниями и включены в один и тот же обмен, базирующийся на учете личных интересов. Экономисты ос-

новывают свои умозаключения на положениях, что реальность всегда является более сложной, и знают, что для разработки математической модели миру нужно придать определенную схематическую форму. Ошибки тут никакой нет. Затруднение возникает в том случае, когда это позволяет ряду людей (чаще всего все тем же экономистам-теоретикам) сообщать, что каждый, кто не учитывает волю рынка, неизбежно будет наказан или что раз мы живем в рыночной системе, то все в ней (за исключением некоторых случаев вмешательства правительства) базируется на принципах справедливости, а современная экономическая система является единой широкой сетью взаимных отношений, в которой в итоге счета уравниваются друг друга, а долги закрываются.

Однако, все это означает, что присутствие определенной взаимности можно показать в данной ситуации, в результате которой убежденный в правильности убеждений наблюдатель всегда может найти доводы позволяющие сказать, что взаимность в ней существует. Более того, некоторые принципы характеризуются свойствами перетекать из одной формы в другую. В частности, значительное количество иерархических отношений могут влиять (по крайней мере, некоторое время) на основе совокупности коммунистических принципов. В случае если к читателя существует состоятельный покровитель, то, оказавшись в стесненном положении, вы обращаетесь к нему в надежде, что он вам поможет. Аналогичным же образом коммунистические отношения могут начать трансформироваться в отношения иерархического неравенства, поэтому люди часто этого даже не отмечают. В то же время весьма затруднительно — а в части случаев фактически невозможно — трансформировать отношения, базирующиеся на принципах коммунистического совместного пользования собственности, в отношении справедливого обмена. Это можно выявить в случае, если мы общаемся с друзьями: если кажется, что кто-то пользуется несправедливо вашей щедростью, в таком случае гораздо проще разорвать такие отношения, чем потребовать, чтобы этот человек выплатил переданное. Так что такое долг?

Долг — является весьма специфической категорией, и возникает он в весьма специфических ситуациях. Долг по своей сути это просто

обмен, не имеющий логического конца. По сути это означает, что категория долга в строгом смысле слова — это отношение взаимности и не имеет ничего общего с иными формами нравственности (например идеологией коммунизма с его возможностями и ограничениями; иерархической структурой с ее обычаями и личными качествами).

Долг — это то, что случается на таком промежуточном этапе, когда обе стороны не могут избежать сделки, потому что вступают в отношения при отсутствии равенства. Все это обладает элементами потенциального равенства. В том случае когда долги пытаются взыскать при помощи насилия и точного исчисления это нарушает данный принцип. Чтобы выявить тенденции, определяющие текущий исторический момент с точки зрения истории долга, Гребер предложил деление истории Евразии на основе чередования периодов виртуальных и металлических денег, исследование которых не является предметом исследования данной работы. В рамках данной статьи для нас более определяющим является то, какую роль долговые отношения играют в текущем сохранении социального неравенства. И Гребер дает на это следующий ответ: «Подобно тому как на заре капитализма было решено, что 5% годовых — это законная торговая ставка, т. е. то, насколько деньги, вложенные инвестором, должны расти в соответствии с принципом "interesse", так же сегодня считается, что ВВП любой страны должен расти на 5% в год. То, что некогда было безличным механизмом, который подталкивал людей к тому, чтобы рассматривать все вокруг как возможный источник дохода, стало считаться единственным объективным показателем жизнеспособности человеческого общества». Если взять за основу исходную точку исторический период 1700 года, то генезис современного капитализма то можно констатировать всеобъемлющий финансовый институт кредита и долга, который все больше и больше труда из каждого вовлеченного, того с кем вступает в контакт, и производит материальные товары для удовлетворения неисчерпаемых потребностей.

Общеизвестно, что основой к генезису мировой рыночной системы, начало которой было заложено испанской и португальской империями, были основаны на поиске пряностей. Ее база

была основана на торговле оружием, рабами и наркотиками.

Таким образом, именно Гребер в своих работах определяет нравственность долга столь антисоциальной: финансовые институты перманентно стараются определить должника не возвращающего долг как грабителя, ищущего только то, что можно превратить в деньги. В то же время, финансовые организации утверждают что лишь тот, кто может играть роль «грабителя» может получить доступ к ресурсам для достойной жизни, в том числе не оцениваемое деньгами. В итоге все более очевидно следующее: если невозможно будет идти по указанному пути, то возможно уничтожение общества. Данная аргументация лежит в основе ответа на вопрос Гребера: Как можно определить категорию долга? Ответ данного исследователя заключается в том, что долгом является извращенное обещание, искаженное расчетом и насилием, по сути являющиеся отношениями неравенства и направляющие движение мира к катастрофе.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
2. Гофман И. (2003а), Анализ фреймов: зссе об организации повседневного опыта, под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина, М.: Институт социологии РАН.
3. Гофман И. (2003b), «Символы классового статуса», Логос. 2.
4. Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории. — Пг.: Наука и школа, 1923. — 240 с.
5. Вебер М. Исследования по методологии наук — М.: ИНИОН, 1980.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 2003.
7. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с. — (История социологии в памятниках).
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1991.
9. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии. (Введение, Глава 1.) // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. - М., 1998. - с. 174-230.
10. Гребер, Дэвид Долг: первые 5000 лет истории. — М.: Ад Маргинс Пресс, 2015. — 528 с.
11. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Перевод с английского А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. Под общей редакцией С. Е. Федорова. — СПб.: Алетейя — 320 с.. 2002
12. Тилли Ч. Война и строительство государства как организованная преступность
13. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. — Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 80 с. — (Из наследия мировой философской мысли: история философии).

Теоретический аспект понятия «образовательный капитал»

Иванова Н. Г.

Автор подробно рассматривает всевозможные интерпретации понятия образовательный капитал, предложенного П. Бурдьё в 1970-х гг. В данной статье проведен исчерпывающий анализ применения его теории в мировой практике исследований, с целью определить возможность использования термина для анализа «утечки мозгов». Рассмотрена история вопроса, начиная с понятия средневековой и античной философии «колесо фортуны», заканчивая работой идейного вдохновителя П. Бурдьё - П. А. Сорокина в особенности, его понятие «социальный лифт», применительно к процессу утечки образовательного капитала.

В данном теоретическом исследовании были проанализированы классические и современные труды отечественных и зарубежных ученых-социологов, а также Интернет-издания. В ходе проделанной работы выяснилось, что понятие образовательный капитал давно и широко применяется в странах-реципиентах «процесса утечки образовательного капитала», и незаслуженно мало внимания посвящено ему в трудах отечественных социологов. В то время, как именно образовательный капитал — единственно возможный принцип формирования элит в современном мире. И его наличие определяет будущее нации.

Ключевые слова: образование, социальный лифт, социальный капитал, культурный капитал, символический капитал, Бурдьё, Сорокин, утечка образовательного капитала, Колесо фортуны

Ivanova N. G.

The theoretical aspect of the concept of «educational capital»

The author examines in detail all possible interpretations of the concept of educational capital, proposed by P. Bourdieu in the 1970s. In this article, an exhaustive analysis of the application of his theory to the world practice of research has been carried out to determine the possibility of using the term to analyze the «brain drain»

The history of the issue is considered, beginning with the concept of medieval and ancient philosophy, the «wheel of fortune», and ending with the work of the ideological mastermind P. Bourdieu-P. A. Sorokin in particular, his concept of «social elevator», as applied to the process of leaking educational capital.

In this theoretical study, classical and modern works of domestic and foreign sociological scientists, as well as Internet publications were analyzed. In the course of the work done it became clear that the concept of educational capital has long been widely used in the recipient countries of the «process of educational capital leakage,» and undeservedly little attention is devoted to it in the writings of Russian sociologists. At that time, exactly how educational capital is the only possible principle for the formation of elites in the modern world. And its presence determines the future of the nation.

Key words: education, social elevator, social capital, cultural capital, symbolic capital, Bourdieu, Sorokin, leak of educational capital, Wheel of fortune.

В провозглашенном ныне постиндустриальном обществе главным фактором, определяющим успех государства и личности, является образование.

Всегда приходили в упадок государства, где элита формировалась по признаку происхождения — вырождались люди. Или по признаку богатства. Такие государства в конце концов распадались. И образование, выявление наиболее способных, оснащение их соответствующими компетентностями — это наиболее эффективный, наиболее приемлемый и единственно возможный для современного общества путь развития [1].

«Когда из страны уезжают ученые, инженеры, врачи и остальные представители умственного труда. Уезжает цвет народа — интеллигенция, то потом в такой стране правителями становятся «бизнесмены», политиками становятся плебеи и проходимцы с улицы, а депутатами парламента базарные спекулянты, спортсмены и артисты» [2]. Это было сказано около 100 лет назад Хорсом Енсенем, политическим советником председателя Социал-демократической ране партии Швеции Хорсом на выступлении в советником комитете Риксдага один по миграции и труда демографической политике.

За 8 лет до этого высказывания, в 1927 г. была опубликована работа русско-американского социолога, в будущем — нобелевского лауреата — Питирима Александровича Сорокина «Social and cultural mobility» [3]. В ней была представлена теория социальной мобильности, центральным понятием которой является социальный лифт. Социальный лифт — это каналы, по которым происходит вертикальная социальная мобильность, способ ротации элит. В зарубежной литературе, однако, популярна более жесткая концепция — концепция колеса фортуны. (Wheel of Fortune или Rota Fortunae) [4]. Она напоминает о том, что социальные лиф-

ты работают в обоих направлениях: и вверх, и вниз [5]. Сорокин назвал восемь лифтов вертикальной мобильности: армия, религиозные организации, школа в широком смысле (включая научные организации), политический лифт, искусство, пресса, экономические организации, семья и брак [6].

Очень эффективным каналом вертикальной мобильности является школа [7]. Отечественные ученые сходятся во мнении, что в современной России социальные лифты не работают: «...социальные лифты в клановой России веками работают самым причудливым образом. Вкривь, вкось, в обход, но только не так, как во всем мире» [8].

Но теоретик социального лифта, нобелевский лауреат, не мог ошибаться. Социальные лифты все-таки работают. Работают в глобальном масштабе. Отсюда – утечка мозгов из России. Следовательно, чтобы ее преодолеть, необходимо починить социальный лифт. Ведь, если брать образование, то только 4% российских академиков вышли из крестьян, например, М. В. Ломоносов. Это, не смотря на все преимущества, которые рабочие и крестьяне получили после революции. На западе есть механизмы легальной конвертации образовательного капитала в экономический. Следовательно, утечка мозгов остановится, только когда появятся широкие легальные механизмы накопления капитала, или конвертации образовательного в экономический.

Ситуацию в современной России лучше описывает теория Бурдьё, который стал идейным продолжателем П.А. Сорокина. Он говорит, что образовательный капитал, а именно совокупность социального, культурного и символического служит для воспроизводства элит. В своей работе «Воспроизводство в образовании, обществе и культуре» [9], ученый выстраивает цепь логически связанных между собой рассуждений, доказывающих, что структура системы образования целенаправленно обеспечивает воспроизводство существующих элементов социальной структуры – классов. Новая система образования в России только усилила неравенство. А, следовательно, утечка мозгов будет только расти.

Образовательные стратегии могут рассматриваться как определенный компромисс между статусными притязаниями, с одной стороны, и

реальными возможностями индивида – с другой [10]. Притязания у россиян в силу исторических особенностей высокие: у одних – дворянское происхождение, другие – дети аппаратной верхушки, некоторые – наследники новых русских...и т д) Кто же из них достоин занять высокие статусные позиции?

Бурдьё отвечает: только те, кто в достаточной мере обладает образовательным капиталом. Здесь важно подчеркнуть, что образовательный капитал – это совокупность культурного, социального и символического капиталов [11].

Понятие культурного капитала было введено П. Бурдьё в работе «Набросок теории практического действия» [12]. Он представляет собой переданный семьей культурный код, для распознавания объектов высокой культуры, а в старшем возрасте и объектов высокой науки; умение взаимодействовать с людьми; ориентацию на достижения в учебе. Он позволяет индивиду занять более высокое положение в обществе, обеспечивает доступ к дефицитным благам. Так же культурный капитал включает в себя легитимные знания, умения и навыки, усвоенные в процессе социализации.

Культурный капитал ввиду того, что он является неотъемлемой частью личности, не может мгновенно передаваться другому лицу посредством акта дарения или наследования, обмена или покупки. Накопление культурного капитала предполагает «процесс воплощения в телесные формы, инкорпорирования» [13]. Поскольку этот процесс предполагает усилия по освоению и ассимиляции, он требует затрат времени, прежде всего самого «инвестора». Следовательно, «наименее неточными измерениями культурного капитала являются те, которые в качестве стандарта избирают временную продолжительность приобретения искомым свойств, – конечно, при условии, что последняя не сводится к продолжительности обучения в школе, а принимается во внимание также и более раннее домашнее образование» [14].

Социальный капитал – определенная позиция в системе отношений между индивидами и возможное количество связей, которые агент может мобилизовать в нужный момент (дружественные связи, родственные, профессиональные контакты). Это понятие П. Бурдьё ввел в своем исследовании конфликтов среди французской профессуры после 1968 г. [15]. Но наи-

большую известность оно получило в расширительной трактовке Джеймса Коулмена, согласно которому это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы. [16] Таким образом, социальный капитал — продукт включенности человека в социальную структуру [17].

И, наконец, в том же исследовании французской профессуры [18] П. Бурдьё вводит термин «символический капитал». Он связан, прежде всего, с обладанием определенным авторитетом, репутацией, «именем».

«Символический задаток капитал... — любая правителями собственность, любая одна разновидность капитала, лет воспринимаемая социальными советником агентами, категории но восприятия которых это таковы, что агентами позволяют им давшему знать о ней, кредит замечать ее, аванс придавать ей политике ценности» [19].

«Зная, что идет символический капитал — собственность это кредит, но только в самом широком значении слова, т.е. своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии, легко понять, что демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу» [20].

Сразу после введения в научный оборот термина образовательный капитал, исследователи всего мира стали использовать его в своих научных трудах. Образовательный капитал стал центром изучения экономической антропологии, которая обеспечивает основу для понимания образовательного капитала в его стремлении понять экономическое поведение человека с использованием инструментов как экономики, так и антропологии.

Пьер Бурдьё и Бэзил Бернстайн [21] исследовали образовательный капитал доминирующих классов через понятие наиболее легитимного знания. Одним из первых так же был Ирвинг Гофман [22]. Он проанализировал объем фондов образовательного капитала, затраты на образование в случае Норвегии. Возможные модели образовательного капитала в зависи-

мости от научного и социального поведения учащегося рассматривают Викки Ф. Ховард, Ф. т. Маклафлин и Эдвард Ф. Вача [23]. Они предлагают отказаться от демографических переменных для прогнозирования, и обращают внимание на процедуры и программы в образовании. Основываясь на полученных выводах, предлагают методы увеличения образовательного капитала: установить высокую планку для учащихся, обеспечить соответствие уровня знаний с предлагаемыми образовательными программами, совершенствовать институт наставничества, развивать партнерские отношения с бизнесом... и т.д. Это предмет другого исследования. Нам интересно сохранить уже достигнутый уровень. Ведь по утверждению Бурдьё, образовательный капитал обеспечивает высокие социальные позиции. Этому вопросу посвящено исследование Р.Е. Чернышевой [24] «Образовательный капитал как залог профессионального триумфа личности»

Можно пойти в этих рассуждениях дальше: не только личности, но и государства и мира в целом. Патрик Келли и Кристина Уитфилд [25] рассмотрели вопрос производства и миграции образовательного капитала, подчеркивая, что высокие научные достижения — желанная цель любого государства. Поэтому в мире встает проблема не только роста, но и распределения образовательного капитала. Вопрос был поставлен достаточно давно. Еще Марсело Селовски [26] поднимал его в 1988 г.

Взаимосвязь степени, как показателя образовательного капитала, и успешности выпускников конкретно на рынке труда, была исследована Данутой Пирог [27]. Интересным представляется вынести результаты ее исследования за границы родной для нее Польши.

Интересно вынесение понятия образовательный капитал не только за рамки пространства, но и времени. В исследовании Т. Н. Базит [28] «Образовательный капитал и чаяния поколений среди британских азиатов» рассматриваются межпоколенческая динамика, перспективы бабушек и дедушек, родителей и молодежи в целях определения того, каким образом семейные атрибуты и образование воспринимаются этими группами и как семейные ценности, касающиеся образования, передаются первым поколением и получают, усусновляются или модифицируются вторым и третьим поколениями.

Мы же будем использовать данный термин в своей диссертации для анализа процесса «утечки мозгов».

Литература

1. Образовательный потенциал в концепции социального капитала П. Бурдые URL: <http://studbooks.net/685646/sotsiologiya/vvedenie> (Дата обращения 23.01.18)
2. Фант И. Цитаты о патриотизме, политике, государстве <http://www.stihi.ru/2017/04/19/10661> (Дата обращения: 23.01.18)
3. Sorokin P. A. *Social and cultural mobility*. – Glencoe (IL): Free press, 1959. – 645 p
4. *Rota Fortunae* – это понятие принадлежит средневековой и античной философии. Колесо принадлежит богине Фортуне. Она раскручивает его, в случайном порядке меняя позиции простых смертных людей. Появляется на картинах, как женщина с завязанными глазами.
5. «The Consolation of Philosophy (Trans. W.V. Cooper, 1902)». Etext.lib.virginia.edu. Retrieved 2011-11-24.
6. Социальная мобильность URL: <https://studfiles.net/preview/6216530/> (Дата обращения: 23.01.18)
7. Чеснокова В. Питирим Сорокин. Построение социального пространства URL: <http://polit.ru/article/2008/12/02/sots/> (Дата обращения: 19.11.17)
8. Гагарина А., «Интер» URL: www.inter-volgograd.ru (Дата обращения: 11.08.2016)
9. Bourdieu P., Passeron, J. -C. *Reproduction in Education: Society and Culture*. London, 1977.
10. Максимова М. Л. Доступность высшего образования, образовательный капитал и выбор образовательной стратегии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. №1. С.273-279
11. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических течений / П. Бурдые // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. – М.: Socio-Logos, 1996. С. 10–28
12. Bourdieu P. *Outline of A Theory of Practice*. Trans. R. Nice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977
13. Бурдые П. Формы капитала / Перевод М.С. Добряковой [Электронный ресурс] http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (проверено 20.06.17)
14. Бурдые П. Формы капитала / Перевод М.С. Добряковой [Электронный ресурс] http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (проверено 20.06.17)
15. Горбунова Н. В. Социально-экономическое содержание процесса развития культурного капитала // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. №12. С. 151-157
16. Coleman, J. S. *Social capital in the creation of human capital* // *American Journal of Sociology*, 1988, n. 94, pp. 95-120; Coleman, J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990. См. также: Швери, Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал, 1996, № 1-2; Левин, И. Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис, 1996, № 5.
17. Portes, Alejandro. *Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview*. // *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship*. Ed. by Alejandro Portes. New York: Russell Sage Foundation, 1995, pp. 1-43, pp. 12-13; Portes, Alejandro; Patricia Landolt. *The Downside of Social Capital* // *The American Prospect*, 26, May-June, pp. 18-21; Portes, A. *Social capital: Its origins and application in modern sociology* // *Annual Review of Sociology*, Vol. 24, 1998, pp. 1-24
18. Горбунова Н. В. Социально-экономическое содержание процесса развития культурного капитала // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. №12. С. 151-157
19. Bourdieu, P. *Raisons pratiques. Sur la th orie de l' action*, Paris:  ditions du Seuil, 1994, p. 116.
20. Бурдые, П. *Практический смысл*. СПб., 2001, с. 234.
21. Bourdieu and Bernstein (1977)
22. Eivind Hoffmann *MEASURING THE STOCK OF EDUCATIONAL CAPITAL BY THE COSTS OF EDUCATION. ESTIMATES FOR NORWAY 1950 AND 1960* [Электронный ресурс] // Statistisk sentralbyre. URL: http://www.ssb.no/a/histstat/ano/ano_io69_13.pdf (Дата обращения 30.10.17)
23. Howard, Vikki F., et al. "Educational Capital: A Proposed Model and Its Relationship to Academic

and Social Behavior of Students at Risk." *Journal of Behavioral Education*, vol. 6, no. 2, 1996, pp. 135–152. JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/41824116.

24. E. R. Chernishova Educational capital as deposit for professional triumph of personality URL:<https://almavest.ru/en/archive/731/1714> (Дата обращения: 23.01.18)

25. Patrick Kelly & Christina Whitfield The Production and Migration of Educational Capital URL:<http://dx.doi.org/10.1080/00091383.2017.1321443> (Дата обращения: 19.11.17)

26. EDUCATIONAL CAPITAL IN A MODEL OF GROWTH AND DISTRIBUTION by Marcelo Selowsky.

Economic Development Report No. 88. January, 1968

27. MEASURING THE STOCK OF EDUCATIONAL CAPITAL BY THE COSTS OF EDUCATION. ESTIMATES FOR NORWAY 1950 AND 1960 By Eivind Hoffmann URL:<http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2014.914916> (Дата обращения: 19.11.17)

28. Basit, T. N. (2013) Educational capital as a catalyst for upward social mobility amongst British Asians: A three-generational analysis. *British Educational Research Journal*, 39(4), 714-732.»The Consolation of Philosophy (Trans. W.V. Cooper, 1902)». Etext.lib.virginia.edu. Retrieved 2011-11-24.

Лоббизм в условиях изменений политической системы США

Каневский П.С.

В статье показывается, каким образом трансформации политической системы США в последние три десятилетия привели к кардинальному изменению взаимодействия групп интересов и органов власти. Стремление системы к большей открытости и демократичности привело к тому, что одними из главных бенефициаров стали группы интересов и лоббисты, которые получили новые возможности коммуникации с политиками и чиновниками. Для групп интересов лоббизм стал стратегическим вложением средств, в результате чего бюджеты лоббистских кампаний продолжают постоянно увеличиваться. Особенно хорошо это видно на примере проведения выборов, где либерализация законов привела к небывалому росту расходов на предвыборные кампании. В статье проведен анализ причин, приведших к усилению групп интересов, основных тенденций и стратегий в их взаимодействии с органами власти. Автор делает вывод о том, что данный процесс носит взаимовыгодный характер для групп интересов, лоббистов и представителей власти.
Ключевые слова: Группы интересов, лоббизм, политическая система, американская политика, демократия

Kanevskiy P.S.

Lobbying in conditions of changing political system of the United States
Current article analyzes how transformation of the political system in the United States changes interaction between interest groups and decision makers. Movement towards more openness and democracy open for interest groups and lobbyists new possibilities to communicate with politicians and bureaucrats. Lobbying became a strategic asset for interest groups which resulted in constant rise of lobbying campaigns' budgets. It is particularly relevant for elections where liberalization of laws gave ways for unprecedented rise of electoral campaigns' costs. Article analyzes reasons that led to interest groups' increasing influence, trends and strategies of their interaction with governmental structures. Author concludes that current process is mutually beneficial for interest groups, lobbyists and government officials.
Key words: Interest groups, lobbying, political system, American politics, democracy

Лоббизм является естественным элементом в демократических политических системах, который олицетворяет собой процесс упорядоченного взаимодействия групп интересов, оказывающих влияние на органы власти. Однако для современных Соединенных Штатов лоббизм – это не просто часть политического ландшафта, это отдельная индустрия, построенная бизнесом, профессиональными ассоциациями, консалтинговыми компаниями, НКО, бывшими политиками. Эта индустрия стала неотъемлемой частью механизма принятия решений, который все чаще строится не вокруг партий, а вокруг сложно выстроенных групповых альянсов. Сегодня сложно представить, что еще в начале 1980-х гг. лоббизм казался неполитическим актором чем-то диковинным, и лишь малая часть бизнеса и общественных организаций понимала как устроен Вашингтон. Сегодня ситуация изменилась самым кардинальным образом – согласно McKinsey, связи с органами власти обеспечивают до 30% прибыли для индустриальных компаний и до 50% для банковского сектора [9]. Иными словами, это стало наиболее выгодным и стратегическим вложением групп интересов для своего развития. При этом лоббизм не оспаривает демократичность политики, напротив, он является ярчайшим ее проявлением, так как дает каждому желающему возможность поучаствовать в принятии, реализации или изменении решений. Впрочем, у лоббизма есть и обратная сторона – по словам Фрэнсиса Фукуямы, именно «увеличение количества групп интересов и лоббистов исказило демократический процесс в США и размыло эффективность государственной власти» [5]. Проблема оказалась не в самом лоббизме, а в том, что логика экономической конкуренции, которая во многом стоит за групповыми интересами, в корне изменила механизм политичес-

кой борьбы на Капитолийском холме и даже в Белом доме. Сегодня вокруг решений и блоков решений в Вашингтоне выстраиваются сложные по своей структуре коалиции, которые далеко не всегда отражают интересы широких слоев населения.

Лоббизм пронизывает всю систему принятия решений Соединенных Штатов как на федеральном, так и на региональном уровнях власти. Хотя внутренний лоббизм признавался с формально-правовой точки зрения уже с 1946 г., а иностранный и вовсе с 1938 г., за последние четыре десятилетия произошел ряд качественных политических, экономических и социальных трансформаций, в результате которых группы интересов заняли по-настоящему ключевое место в структуре власти. И связано это в первую очередь с преобразованиями, которые были направлены вовсе не на усиление роли лоббистов, а на большую демократичность политического процесса.

До 1970-х гг. американская политическая система носила достаточно закрытый характер, в принятии решений участвовало ограниченное количество групп, а правила финансирования избирательных кампаний ограничивали возможности внешнего влияния, прежде всего, со стороны бизнеса. Но турбулентная эпоха 1970-х, ознаменованная Уотергейтом, протестными движениями за права человека и против войны, культурными сломом, поставила под вопрос легитимность Конгресса и президентской власти. Ответом со стороны политического истеблишмента стала программа масштабных политических реформ, которые должны были сделать политику более открытой. В первую очередь реформе подверглась электоральная система. С начала 1970-х гг. центр тяжести в процессе выбора кандидатов начинает смещаться к прямым первичным выборам – праймериз. Таким образом партии показывали, что они отходят от старых элитарных принципов, где все ключевые решения принимали боссы, лидеры профсоюзов, партийные нотабли и двигаются в сторону полной подотчетности перед обществом. Отныне партии были готовы прислушиваться к простым гражданам, каждый из которых получил право решать главный политический вопрос в стране – кто будет кандидатом в президенты от одной из двух партий. В результате, между 1968 и 1980 гг. подавляющее большинство кандидатов уже выдвигалось обычными

избирателями, сегодня подобная процедура стала нормой. Это привело к тому, что партии в принципе стали гораздо более открытыми для внешних коммуникаций, а конгрессмены вместо элитарного общения стали переходить к формам прямого диалога с избирателями.

Группы интересов, как наиболее организованные и активные представители общества, оказались одними из главных победителей в наступившей эпохе открытости. По словам Фариды Закария, «по мере того как американское государство становилось более открытым, лоббизм стал самой быстро растущей индустрией в Вашингтоне» [14; Р. 173]. Когда к власти пришел Рональд Рейган и объявил о масштабном дерегулировании экономики, открытость системы совпала с устремлениями отдельных групп интересов (в первую очередь представителей бизнеса) нарастить свое влияние в Вашингтоне. Нельзя сказать, что до этого интересы бизнеса не транслировались в центры власти, существовали торговые ассоциации и различные объединения, которые выполняли данную функцию. Однако эффективность их влияния была крайне низкой, особенно если сравнивать с современными стандартами лоббизма. В результате, группы интересов долгое время занимали скорее оборонительную позицию по отношению к миру политики, они видели в нем больше угроз, чем выгод. В подобном отношении была своя логика, так как баланс сил, особенно начиная с эпохи Рузвельта, традиционно был в пользу государства, которое было заинтересовано в привлечении групп интересов для принятия решений, так как те обладали уникальным опытом и информацией, однако старалось не подпускать лоббистов слишком близко к Капитолийскому холму и Белому дому.

Смена климата в 1980-е гг. быстро начала менять устоявшийся баланс и, хотя по началу не все представители частного сектора понимали выгоду от вмешательства в политический процесс, очень скоро их присутствие в Вашингтоне стало играть все большую роль. Между 1981 и 2004 гг. количество компаний из списка S&P 500, вовлеченных в лоббистскую деятельность, удвоилось [3; Р. 10]. Изменился и состав групп интересов – если до 1980-х гг. серьезную конкуренцию бизнесу составляли профсоюзы и различные объединения гражданского общества, то с 1980-х гг., а особенно с 1990-х гг., наблюдается экспонентный рост групп, пред-

ставляющих интересы корпоративного бизнеса. Именно усилением роли корпораций объясняется и увеличение бюджетов лоббистской деятельности – между 1998 и 2010 гг. сумма денег, потраченных корпорациями на продвижение своих интересов в органах власти, увеличилась на 85%, в то время как торговые ассоциации увеличили аналогичные траты на 52%. В целом, на бизнес сегодня приходится около 5% всех расходов на лоббизм в США, в то время как группы интересов гражданского общества и профсоюзов занимают не более 1% рынка. Это вовсе не означает, что гражданское общество больше не влияет на процесс принятия решений, так как лоббизм не равняется всему политическому процессу; существуют различные формы политической активности и мобилизации граждан, каналы формирования общественного мнения, влияния на избирательные кампании и т.д. Однако роль крупного бизнеса трудно переоценить, за последние 40 лет он полностью изменил американский политический ландшафт и продолжает его менять. Увеличение роли лоббизма привело к изменению цепочки принятий решений, а взаимозависимость между предпринимательскими кругами и государством достигла огромных высот.

Лоббизм стал более конкурентным, а группы интересов более нацеленными на результат. В особенности частный сектор готов тратить значительные средства не только на изменение законов, но и на формирование экспертного фона в Вашингтоне, который был бы более благоприятным для заинтересованных групп. Они поддерживают больше фабрик мысли, исследовательских организаций, институтов, проводят конференции, семинары, издание профессиональных публикаций – все это направлено на создание интеллектуальных фреймов и ориентиров для лиц принимающих решения, в результате чего в Конгрессе и Белом доме растет зависимость политиков от лоббистов. Если раньше политик более самостоятельно взвешивал «за» и «против» конкретных решений, а дискуссия велась в рамках партийного и межпартийного взаимодействия, то сейчас политик в первую очередь обращается в профессионалам из индустрии влияния, которые обладают необходимой экспертной информацией. Естественно, что между организациями также ведется конкуренция за право доступа к центрам власти, так как в зависимости от того, к чьему голосу буду

прислушиваться политики, будет решаться и чей интерес будет реализован. Причем, все чаще данная борьба ведется не между единичными группами, а между групповыми коалициями, которые включают в себя множество групп интересов, объединяющихся друг с другом ради достижения общей цели.

Теория групповых коалиций берет свое начало в работах классиков неоплюрализма Теодора Лоуи, Фрэнка Баумгартнер, Пола Сабатье и Хэнка Дженкинс-Смит. По словам Теодора Лоуи, «в рамках каждой сферы принятия решений развивается отдельная политическая структура, политический процесс, существуют собственные элиты и межгрупповые отношения» [8; Р. 689-690]. Всю американскую политику можно представить как набор различных сфер принятия решений, внутри которых и образуются коалиции. В большинстве случаев они направлены на один или несколько смежных блоков вопросов, которые могут затрагивать как отраслевые интересы, так и специфические общественные интересы. Хотя мы можем допустить, что более влиятельные акторы будут оказывать влияние на определенную стадию принятия решения в конкретном институте власти, согласно теории групповых коалиций, даже вокруг одного решения (или блока решений, объединенных схожими целями) могут возникать многочисленные подсистемы принятия решений, состоящие из различных субъектов и процессов, внутри которых ведется своя борьба за право оказать влияние. Согласно Джеймсу Уилсону, «по отдельно взятому вопросу единичная группа может быть достаточно влиятельной, однако ни одна группа не бывает влиятельной по всему спектру вопросов» [13; Р. 333].

Иными словами, групповые коалиции объединяют те группы интересов, которые действуют в одних и тех же сферах принятия решений, будто изменение правил торговли, промышленные стандарты, технические регламенты, экономические нормативы, гражданские права и т.д. Пока разные группы интересов ведут борьбу за принятие одного и того же решения (возможно, имея разную мотивацию), они формируют групповую коалицию, которая не всегда обладает четкими организационными очертаниями. Однако, даже не имея формальных основ, подобные коалиции являются очевидными не только для них самих, но и для центров и лиц, принимающих решения. Состав групповых коалиций бывает крайне раз-

личным как ввиду участия разнообразных субъектов, так и вследствие сложной внутренней динамики. Согласно Ф. Баумгартнеру, групповые коалиции крайне редко бывают гомогенными, так как принимаемые решения затрагивают интересы большого количества субъектов.

В качестве примера можно привести противостояние, которое развернулось двумя групповыми коалициями вокруг законов о противодействии интернет пиратству в 2012 г., известными под аббревиатурами SOPA и PIPA. Инициатором законов стала групповая коалиция, объединившая представителей музыкальной, телевизионной и киноиндустрий, которая требовала принятия более строгих мер по вопросам размещения мультимедийного контента в интернете и расширения полномочий для судей, которые могли бы накладывать штрафы и закрывать сайты за нарушение авторских прав. Это спровоцировало появление второй коалиции, представленной гигантами интернета Facebook, Google и Wikipedia, которые не только использовали свои странички для распространения предупреждений об опасности нового закона, но и приступили к активной работе с лоббистами на K Street – улице, где размещено большинство лоббистских фирм в Вашингтоне. В итоге образовались две примерно равные по силам коалиции – сторонники SOPA и PIPA наняли 241 лоббиста, в то время как интернет компании работали с 246 лоббистами, а совокупный бюджет лоббистских услуг для обеих сторон составил 104,6 миллиона американских долларов [12]. Но данная история интересна не только как показательная конкуренция коалиционных групп, это также подтверждение того, что стратегии лоббистов в условиях закрытой и публичной политики абсолютно разные.

Разница между публичными и непубличными решениями во многом определяет структуру групповых коалиций и используемые технологии для достижения поставленных целей. Современный исследователь групповых интересов Пеппер Кулпеппер отмечает, что общественная поддержка крайне необходима, если речь идет о публичных решениях, подразумевающих широкую дискуссию и вовлечение граждан [1; Р. 1-25]. Пространство публичной политики является способно в корне изменять стратегии групп интересов, потому что напрямую зависит от внимания СМИ и функционирования общественного мнения. В ситуациях, чреватых репутационными

рисками, любое публичное официальное лицо будет стремиться продемонстрировать демократичность процесса принятия решений и максимально легитимизировать решение с помощью общественной дискуссии и поддержки. Справедливо также и то, что в условиях публичности первоначальных целей добиться значительно сложнее, поэтому для продолжения политической борьбы группы интересов вынуждены создавать, либо вступать в более широкие коалиции с тем, чтобы апеллировать к общественности. При борьбе за пересмотр SOPA и PIPA успех стратегии интернет компаний заключался именно в том, что они перенесли закрытый отраслевой вопрос в публичное пространство, активно апеллируя к интернет общественности, которая всецело поддержала принцип свободной информации. Это яркий пример как демократические по сути процедуры используются для решения корпоративных задач.

Однако усиление корпоративного влияния приводит к парадоксу – чем больше ресурсов затрачивается на лоббистскую деятельность, тем более непредсказуемым является итог политического торга. Сегодня для того, чтобы попасть в лоббистское пространство в Вашингтоне, нужно тратить значительно больше денег и усилий, чем 10 и уж тем более 30 лет назад. Количество спроса со стороны групп интересов перевешивает количество предложений со стороны политической системы, так как политическая система – это константа, а количество внешних акторов влияния постоянно увеличивается. Тем не менее, вхождение на политический рынок не гарантирует группам интересов успеха, так как они не в состоянии контролировать процесс принятия решений со столькими переменными. Ф. Фукуяма считает, что чрезмерная конкуренция со стороны групп интересов ведет «ветократии», когда усилие одних групп интересов блокируется другими и в итоге дестабилизирует весь политический процесс. Это проблема входов и выходов политической системы, которая не справляется с количеством поступающих запросов и в итоге не в состоянии выдавать адекватные и своевременные решения и действия. Любой проект решения может быть оспорен различными коалициями групп интересов, а политик часто отказывается принимать чью-либо сторону, опасаясь ущерба для собственной репутации. Главным победителем в этой игре оказываются профессиональные лоб-

бисты, которые не знают недостатка в спросе на свои услуги и становятся центральными фигурами в политическом механизме, концентрируя вокруг себя как группы интересов, так и политиков.

Важнейшим итогом всех изменений в восприятии того, как должна работать настоящая открытая демократия, стало то, что группы интересов полностью поменяли свое отношение к центрам власти – от пассивной зависимости они перешли к проактивным действиям, став ключевыми субъектами влияния. Впрочем, если увеличение давления лоббистов с целью принятия и корректировки политических решений уже давно находится в центре внимания, так как этот процесс можно относительно точно измерить с помощью существующего регулирующего законодательства, то влияние групп интересов на предвыборные кампании нуждается в более доскональном анализе и обобщении. С одной стороны, статистика говорит о том, что с 1998 по 2012 г. корпорации тратили в 12.7 раз больше на лоббистскую деятельность, чем на пожертвования в Комитеты политических действий (КПД) – один из основных источников финансирования предвыборных кампаний наряду с взносами отдельных граждан и самофинансированием. С другой стороны, с 2012 г. ситуация успела кардинально измениться, и финансовая составляющая электорального процесса заметно усложнилась, так как избирательное законодательство претерпело кардинальные изменения.

Когда реформаторы в Конгрессе принимали законы о федеральных избирательных кампаниях в 1971 г. и о правилах их финансирования в 1974 г., они исходили из того, что кандидаты сами руководят предвыборными кампаниями и контролируют все расходы. КПД играли скорее вспомогательную роль, с их помощью аккумулировались средства со стороны отдельных избирателей, но при этом КПД не были самостоятельными единицами, потому что находились в полной зависимости от кандидатов, партийного руководства, а их влияние было ограничено верхним пределом допустимых пожертвований. Однако за последние 40 лет политическая и экономическая динамика Соединенных Штатов привела к тому, что революционное для своего времени законодательство устарело. Начиная с 1980-х гг., партийная система становится, с одной стороны, гораздо более фрагментированной, так как обе фракции в Конгрессе стали реже соглашаться друг с дру-

гом по ключевым вопросам, с другой стороны, резко возрастает роль непартийных организаций, влияющих на избирательный процесс.

Рэймонд Ла Раха считает, что причину изменений нужно искать в снижении роли отдельных кандидатов и партийных комитетов и увеличении влияния разветвленных сетей групп интересов, простирающихся за пределы политической системы и нацеленных на продвижение гораздо более узких интересов [7; Р. 93]. В то же время, трансформация во взаимоотношениях между партиями и лоббистами произошла не столько из-за увеличения количества заинтересованных групп, сколько из-за дисперсности и высокой степени конкуренции этих групп. То, что старые нормативные рамки уже не отвечают политико-экономическим реалиям стало окончательно ясно в 2000-е гг., когда истеблишмент пришел к пониманию необходимости создания нового статус-кво. Решающая трансформация произошла в 2007-2013 гг., когда было принято три закона, составивших основу нового порядка финансирования кампаний. В делах Wisconsin Right to Life против Федеральной избирательной комиссии США (ФИК) (2007), Citizens United против ФИК (2010) и Speech-NOW.org против ФИК (2013) Верховный суд США встал на сторону спонсоров партий и кандидатов.

Решение не отменило законы 1971 и 1974 гг., однако привело к возникновению так называемых Супер КПД – организаций, которые могли тратить неограниченные суммы для поддержки или борьбе против кандидатов с условием, что они не будут напрямую координировать свои действия с избирательными штабами. Если в 2010 г. было зарегистрировано 83 Супер КПД, то в 2012 г. их было уже 1.310, в 2014 г. – 1.360, а в 2016 г. – 2.408, а количество потраченных средств на кампании увеличилось с \$62 миллионов в 2012 г. до более чем миллиарда в 2016 г. (при накопленных бюджетах почти в \$2 миллиарда)¹. При этом, с 2010 по 2016 гг. соотношение финансирования со стороны Супер КПД и внутренних партийных фондов составило 2 к 1 [11]. Это говорит о том, что, хотя партии остаются центральным элементом в электоральном процессе, их участие в финансировании собственных кампаний снижается, в то время как непартийные структуры, напротив, наращивают свое влияние.

Новые правила ведения кампаний привели к изменениям не только на федеральном, но и

на региональном уровнях. Если на федеральном уровне можно наблюдать относительно конкурентную борьбу между Супер КЖД за право повлиять на выборы или организацию политических кампаний, то на уровне штатов или округов потенциальное влияние отдельно взятого Супер КЖД может оказаться решающим. По мнению Нормы Орнстейна из The Atlantic, большие деньги из Супер КЖД (преимущественно поддерживающих республиканцев) оказывают влияние даже на выборы судей в отдельных штатах [11]. По словам судьи Верховного суда Руга Гинзбурга, в последние годы тратятся миллионы долларов на кампании, направленную на недопущение перевыборов действующих судей, чьи решения противоречат партийной линии или общественному мнению [6]. Вмешательство Супер КЖД в выборы судей поставило под вопрос соотношение лоббизма и судебной ветви, в том числе в Верховном суде, состав которого в последние годы является одним из серьезнейших камней преткновения между демократами и республиканцами.

Впрочем, появление Супер КЖД в большой политике по сей день оставляет множество вопросов. Главный из них – в какой степени группам интересов действительно выгодно вкладывать средства в Супер КЖД по сравнению с повседневной лоббистской деятельностью? Ответ на этот вопрос не столь однозначен, потому что издержки в данном случае могут значительно превышать риски. Если бы исход выборов решала исключительно активность и щедрость Супер КЖД, скорее всего, в финальной части президентской гонки 2016 г. сошлись бы Хиллари Клинтон и Джеб Буш, так как вокруг них изначально сконцентрировалось наибольшее количество Супер КЖД. Однако, победителем в республиканских праймериз и всей президентской кампании вышел Дональд Трамп, который лишь на последних этапах гонки начал привлекать внимание Супер КЖД. Показательным является пример республиканского Супер КЖД American Crossroads, который потратил \$325 миллионов в 2012 г., однако не помог республиканцам получить большинства ни в Сенате, ни в Палате представителей, а Барак Обама успешно переизбрался на второй срок. Из восьми кандидатов от Республиканской партии в Сенат, которых поддержал American Crossroads, победили только двое [4]. В 2016 г., помимо Джеба Буша, Супер КЖД вкладывали значительные средства в кампании Теда Круза, Марко Ру-

био, Джона Кейсика, однако ни один из потраченных на них долларов в итоге не окупился. Феномен новоизбранного президента Дональда Трампа, помимо прочего, заключается в том, что он продемонстрировал потенциал не успеха, а невероятной неэффективности новой системы финансирования кампаний.

Вывод может прозвучать неожиданно, но крупные корпорации, которые тратят миллиарды долларов на лоббирование своих интересов в Вашингтоне, не стремятся резко увеличивать расходы в условиях новых правил ведения кампаний. Ли Дратман, один из ведущих исследователей лоббизма в современных США, считает, что, если посмотреть на состав спонсоров Супер КЖД, то там практически не окажется наиболее значимых американских бизнес структур – ведущих корпораций и финансовых групп [2]. Влияние Супер КЖД строится скорее на новой категории политических игроков – крупных индивидуальных доноров, миллиардеров из списка Forbes, таких как Шелдон Адельсон и Том Стайер. КЖД и Супер КЖД относятся с стратегическому уровню политического влияния, когда группа интересов может повлиять на направление политического процесса. Потенциальные выгоды от этого, конечно, могут быть огромны, однако публичная политика такого уровня – это абсолютно иной мир, к которому группы интересов и лоббисты относятся скорее настороженно. Помимо неэффективного расходования собственных ресурсов, вмешательство в большую политику чревато репутационными потерями; например, если группа интересов работает и с демократами, и с республиканцами, открытая поддержка одной из сторон может привести к потере точек доступа в другой партии.

В конечном счете, неясно, кому оказалось более выгодным появление Супер КЖД – лоббистам и бизнесу, получившим новый канал влияния или политикам, которые обрели не имеющий аналога в истории способ мобилизации ресурсов для проведения кампаний. Партийные машины получили возможность аккумуляции практически неограниченных средств, пользуясь зависимостью доноров от политики. В этом смысле, Супер КЖД стали обратной стороной взаимовлияния между группами интересов и органами власти. Впрочем, Супер КЖД – это далеко не единственный способ для партий увеличить бюджеты избирательных кампаний. Если Супер КЖД должны раскрывать источники

собственного финансирования, то ставшие не так давно объектом внимания «темные деньги», которые аккумулируются в группах, скрывающихся под шифром 501(c)(4) в реестре Налоговой службы США. Группы из перечня 501(c)(4) должны как минимум половину своего времени тратить на социальные нужды общества, при этом оставшуюся часть времени они могут заниматься политическими вопросами, в том числе поддержкой любых партий и кандидатов. Основное отличие групп из перечня 501(c)(4) от Супер КПД заключается в том, что они не должны раскрывать источников своего финансирования, следовательно, они имеют возможность иметь анонимных спонсоров. По этим правилам, в частности, работает Национальная стрелковая ассоциация и Клуб Сьерра – две крупнейшие ассоциативные группы интересов².

Все разнонаправленные процессы в американской политике последних лет и, шире, десятилетий позволяют сделать однозначный вывод, что группы интересов тратят значительно более крупные средства на продвижение собственного влияния в центрах власти, чем раньше. Однако в этом заинтересованы не только лоббисты, которые получают инструментальную выгоду, но и политики, которые получают в собственное распоряжение такие бюджеты для проведения кампаний, о которых еще не так давно и не задумывались. В определенном смысле, это взаимовыгодный процесс для бизнеса и государства, который, возможно, не лучшим образом сказывается на качестве представительной демократии и эффективности принимаемых решений, но который определяет дух современной американской политики.

Литература

1. Culpepper P. *Quiet Politics and Business Power: Corporate Control in Europe and Japan*. Cambridge University Press, 2010.
2. Drutman L. *Despite Citizens United, elections aren't a good investment for corporations* // *The Washington Post*. 27.03.2015. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/despite-citizens-united-politics-isnt-a-good-investment-for-corporations/2015/03/27/f13e0d20-d26c-11e4-ab77-9646eea6a4c7_story.html?utm_term=.c2145befeabc
3. Drutman L. *The Business of America is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate*. Oxford University

Press, 2015.

4. Frum D. *Twilight of the Super PAC* // *The Atlantic*. 24.02.2016. URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/02/super-pacs-2016/470697/>
5. Fukuyama F. *The Decay of American Political Institutions* // *The American Interest*. 2013. Vol. 9, №3. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/>
6. Green A. *The Local Consequences of Citizens United* // *The Atlantic*. 02.07.2015. URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/07/the-local-consequences-of-citizens-united/397586/>
7. La Raja R. *Why Super PACs: How the American Party System Outgrew the Campaign Finance System* // *The Forum*. 2012. 10 (4).
8. Lowi T. *American Business, Public Policy, Case Studies and Political Theory* // *World Politics*. 16 (4). 1964.
9. Musters R., Parekh E.-J., Ramkumar S. *Organizing the Government-affairs Function for Impact* // *McKinsey Quarterly*. November 2013. URL: <http://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/organizing-the-government-affairs-function-for-impact>
10. Ornstein N. *Courting Corruption: The Auctioning of the Judicial System* // *The Atlantic*. 15.10.2014. URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2014/10/courting-corruption-the-auctioning-of-the-judicial-system/381524/>
11. Torres-Spelliscy C. *2016 Will Be a Test for Super PACs* // *Common Dreams*. 01.05.2016. URL: <http://www.commondreams.org/views/2016/01/05/2016-will-be-test-super-pacs>
12. Viveca N. *SOPA and PIPA Spur Lobbying Spike* // *Center for Responsive Politics*. 26.01.2012. URL: <https://www.opensecrets.org/news/2012/01/sopa-and-pipa-create-lobbying-spike/>
13. Wilson J.Q., Dilulio J.J. & Bose M. *American Government*. Brief Version. 11th edition. Wadsworth, 2012.
14. Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y., London. 2003.

Ссылки:

- 1 <https://www.opensecrets.org/outsidespending/summ.php?chrt=V&type=S>
- 2 <http://www.opensecrets.org/outsidespending/faq.php>

Концептуальная матрица социализации: опыт предварительной систематизации

Кравченко А.И.

В статье представлена концептуальная основа для анализа социализации как системы социологических категорий, таких как кризисные точки социализации, функции и дисфункции социализации, отклонение как необходимый признак социализации, культурное разнообразие и политический режим как контекст социализации, принятие ролей и обучение в культурных нормах, картина мира, образование, инкультурация, ассимиляция, формирование личности, институты и агенты социализации, сильные и слабые связи М. Грановеттер в процессе социализации, образа жизни, жизненной карьеры, жизненные планы, жизненный опыт, стратификация и неравенство в процессе социализации, замужняя социализация, уровни рассмотрения и барьеры социализации, социализации и адаптации, а также история изучения социализации. Автор пытался рассмотреть социализацию с точки зрения современных теорий, поскольку с позиции классики проблема уже рассматривалась. Использовались методы первичного (исследования автора 1979-1991) и вторичного анализа, сравнительного исторического и кросс-культурного анализа, анализа документов (русские и зарубежные публикации за период 1980-2017)

Ключевые слова: десоциализация, ресоциализация, агенты, институты и типы социализации, жизненный цикл, инкультурация и образование, двухпрофильная социализация, социализация и адаптация.

Kravchenko A.I.

Conceptual matrix of socialization: experience of preliminary systematization

This article provides a conceptual framework for thinking about socialization as a system of sociological categories, such as crisis points of socialization, functions and dysfunctions of socialization, deviance as a necessary sign of socialization, cultural diversity and political regime as the context of socialization, acceptance of roles and training in cultural norms, picture of the world, education, enculturation, assimilation, the formation of personality, institutions and agents of socialization, strong and weak ties M. Granovetter in the process of socialization, lifestyle, life career, life plans, life experience, stratification and inequality in the process of socialization, married socialization, levels of consideration and barriers of socialization, socialization and adaptation, and history of the study of socialization. The author tries to consider socialization from the point of view of modern theories, since from the point of view of the classics the problem has already been considered. To prepare the chapter, the author applied the methods of primary (author's research of 1979-1991) and secondary analysis, comparative historical and cross-cultural analysis, document analysis (Russian and foreign publications for the period 1980-2017)

Key words: desocialization, resocialization, agents, institutions and types of socialization, life cycle, inculturation and education, two-career socialization, socialization and adaptation.

Методологическая преамбула

Социализация понимается в самых разных смыслах и на самых разных уровнях обобщения мысли. В самом общем смысле, возможно упрощенном, социализация – это процесс становления и изменения социального, подобно тому как кристаллизация – процесс морфогенеза кристалла. Социальное – категория абстрактная, социолого-философская, обобщающая все стороны жизнедеятельности людей в обществе и функционирования самого общества. Ее историческое возникновение надо относить даже не к истории человеческого общества, а к прото- и к дообщественному состоянию. Зачатки социальности обнаружены современной наукой у насекомых и многих видов животных. Они получили название *эвсоциальности*.

Социализация – *междисциплинарная и межотраслевая* категория науки. В первом случае она становится предметом изучения многих социогуманитарных наук, прежде всего социальной психологии и педагогики. Кроме них речь должна идти о философии, социологии, этики, культурологии, социолингвистике, экономике, социокультурной антропологии, политологии, истории. Во втором случае социализацию следует признать в качестве *сквозной* социологической категории, красной нитью проходящей через все разделы, отрасли и тематические ареалы социологии. Какой бы раздел общей социологии мы ни взяли – социальную статику и социальную динамику, социальную стратификацию и социальную мобильность, социальные институты, возрастную или городскую социологию, социологию семьи и брака, историческую социологию и др., – все они касаются социализации как важной проблемы. Например, в социальной стратификации классовая позиция, принадлежность индивида к бедным, зажиточным или богатым принципиальным образом ска-

зывается на всех сторонах образа жизни и качестве социализации, ограничивая или расширяя его доступ к социальным и культурным благам. Если мы окажемся в области исторической социологии и затронем ту же самую социальную стратификацию, то окажется, что деление общества на касты, рабов и рабовладельцев принципиально детерминирует характер, форму и вектор социализации. При рассмотрении социальной динамики, касается ли она смены общественно-экономических формаций, хозяйственно-культурных типов (охотники и собиратели, огородники, земледельцы и т.д.), трудового и потребительского общества, доиндустриального, индустриального и постиндустриального либо перехода к новому информационному укладу, социологи обязаны указать на воздействие каждого типа общества, формации или уклада на поведение человека, его мировоззрение, образ жизни, тип взаимоотношений и ценностные установки, которые относятся к сердцевине категории социализации. Анализирует ли социолог городской или сельский образ жизни, полную или неполную семью, детей, подростков и пожилых людей, приспособление к рынку, взаимодействию с СМИ, везде социализация окажется в центре внимания, неважно вспоминаете вы об этом понятии или приводите ее составные части, элементы, последствия.

Среди составных частей, прямых и косвенных маркеров социализации как социологической категории высшего порядка следует перечислить следующий кластер понятий: институты и агенты социализации, акторы, агентства, стратификация, мобильность, возраст, семья, брак, тип общества, десоциализация, ресоциализация, жизненный цикл, кризисные точки социализации, функции и дисфункции социализации, девиантность как необходимый признак социализации, культурное разнообразие и политический режим как контекст социализации, социализация и социализм, делинквентное родительство, барьеры и каналы социализации, принятие роли и обучение культурным нормам, картина мира, стереотипизация и стигматизация, волновая теория социализации, социальная изоляция и одиночество, феральные люди, социализация животных, обучение, образование, воспитание, инкультурация, ассимиляция, становление личности, политическая социализация на постсоветском пространстве, сильные и слабые связи М. Грановеттера в про-

цессе социализации, жизненный путь, образ жизни, жизненная карьера, жизненные планы, жизненный опыт, социальный контроль, социальные сети, неравенство в процессе социализации, супружеская социализация, родителя как объект социализации родителей, сексуальное насилие, альтернатива детства, межпоколенная и внутрипоколенная социализация, социологическое воображение и социальная автобиография, тип капитала (финансовый, социальный, культурный, символический), СМИ как канал, механизм социализации и институт социализации, политическая социализация, манипуляция сознанием, потребительское поведение, трудовое общество, адаптация, обучение, воспитание, культурные практики, модели поведения, традиции, обычаи, нравы, ценности и ценностные ориентации, альтернатива, значимые другие, референтная группа, общие и специализированные институты социализации, первичные и вторичные институты социализации, замещенные агенты социализации, школа как институт социализации, влияние класса на социализацию, воцерковление как практика социализации, неравенство в доступе к образованию, институт посредников, роль армии в социализации, институты образования в современном обществе, кризис института образования, ассоциации и центры социализации, друзья, товарищи и ровесники как агенты социализации, дружба как фактор социализации, лидеры социализации, гувернантки и няни как агенты социализации, идентификация с группой, барьеры социализации, конструирование социальной идентичности, профессиональная, трудовая и организационная социализация, цикл социализации, принудительная (насильственная) социализация, влияние расового признака на социализацию, ход, процесс и механизмы социализации, исторические типы воспитательных практик и агентов социализации, тотальные институты социализации, религиозная и этническая социализация, смена моделей социализации, поколенческая и возрастная социализация, аморализация и деморализация, духовное развитие личности, детдом как институт социализации, феномен беспризорности, ресоциализация и реабилитация, реабилитация осужденных, государство как агент социализации (статизм), милитаризация воспитания, экзаменационные и школьные оценки как практика социализации, гендерная социализация, родительство и мате-

ринство, инкультурация, неудачники социализации, недосоциализация и сверхсоциализация, социальная работа как институция социализации, первичная и вторичная социализация, экстремизм и радикалистские программы социализации и др.

Разумеется, перечислены далеко не все составные звенья многоликой и многоярусной социализации. Перечень показал – и то далеко не полностью – широту охвата проблемного поля социализации. Огромное число эмпирических исследований, проводимых у нас и за рубежом, не включают в название либо в текст термин «социализация», поскольку посвящены узкому сегменту реальности и напрямую, как кажется авторам, не касаются поля социализации. В действительности же это поле почти полностью покрывает поле самой социологии. На наш взгляд, общество, культура и социализация – равные по объему понятия, описывающие одно и то же явление с разных сторон. Вот почему социологию можно определять как через культуру, так и через социализацию, например, социология – изучение взаимоотношений и взаимодействия людей, разделенных на социальные группы и подверженные влиянию социальных институтов, в процессе социализации. Такое определение имеет право на существование потому, что сущность социализации – становление человека общественного. Индивид становится общественным существом в процесс своего онтогенетического развития (с возрастом) и филогенетическим (историческое развитие) становлением самого общества. Обе сущности формируются и растут бок о бок, взаимно поддерживая и помогая друг другу. Нет человека вне общества и общества вне человека. Или как говорил известный классик, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Социализация – онтогенетический (антропосоциогенез) и филогенетический (хабитуализация) процесс становления человека в обществе и общества в человеке. Два последних процесса разворачиваются в одном пространстве и времени: как общество не может строиться без квалифицированного строителя-человека, так и строительную квалификацию человек может приобрести не на природе или среди животных, но только среди таких же, но более квалифицированных людей. В этом смысле социализация – огромная школа-стройка, где одновременно учатся и работают.

Поскольку социализацию автор определяет как продолжающийся всю жизнь процесс усвоения культурных норм и освоения социальных ролей, то термин «хабитуализация» здесь как нигде еще уместен. Он обозначает длительный процесс усвоения и освоения через постоянное повторение «уроков»: ребенку приходится многократно повторять, что можно, а что нельзя делать, затем он несколько раз должен ошибиться прежде, чем усвоить или освоить. То же самое происходит со всяким новичком, в роли которого когда-то побывали все живущие и жившие прежде люди, новичок на рабочем месте. Осваивать приходится приглядыванием за другими, более опытными, получением наглядных уроков-демонстраций, чтением книг по теории вопроса, прослушиванием лекций, обменом личным опытом, наконец, методом проб и ошибок до тех пор, пока количество удач не превысит число ошибок. Привыкание к новой роли и опривычивание, т.е. превращение норм и правил в обычай, традицию, стереотип следует именовать *хабитуализацией*. Она представляет собой только сам процесс, но не его результат, поскольку можно долго учиться либо тренироваться, но так и не выучиться или не стать спортсменом. Что же является результатом социализации, хабитуализации и воспитания? Этот результат, на наш взгляд можно выразить в следующих словах:

- Результат процесса хабитуализации (опривычивания) – *габитус*.
- Результат процесса социализации – *социальное Я*
- Результат процесса духовного воспитания – *личность*

Хабитуализация протекает на психофизиологическом и нейродинамическом уровнях, завершаясь формированием двигательных навыков, телесных привычек и ментальных стереотипов. Габитус П. Бурдые очень сложно определяется и самим автором, и его последователями через, системы бессознательный диспозиций, генерирующие схемы, теорию, определяющую практику, организацию ментальности (восприятия и оценивание), структуру ценностей и установок, картину мира, систему схем диспозиций, структурированные структуры, исторический продукт коллективных практик и прочее. Приведу несколько примеров таких определений: 1) габитус включает набор исторических отношений, месторождением которых

служит наше тело, проявляющих себя через ментальные и физические схемы (schemata) восприятия, оценивания и действий; 2) габитус - система приобретённых схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный принцип действия; 3) габитус - это система укоренившихся диспозиций и склонностей, которые определяют то, как люди воспринимают окружающий мир и реагируют на него; 4) Габитус - телесные и когнитивные структуры, которые лежат в основе человеческих действий и мнений, определяя совершаемый выбор и используемые практики.

Если выразиться проще, то габитус (он же - хабитус) — это набор ментальных стереотипов и физических привычек совершать что-либо требуемым образом. Конечно же, в этом наборе воплощен исторический коллективный опыт, социально-классовое мировоззрение, этнический образ жизни, национальные традиции, религиозные верования. Конечно же, он проявляется себя в практических действиях, поведении, мнении и многом другом, что отличает одного индивида от другого. Все это — результат процесса хабитуализации.

Социальное «Я», его происхождение, структура и содержание избыточным образом изложены в символическом интеракционизме. Оно формируется в процессе коммуникации, т.е. группового общения, через усвоение, переинтерпретацию, корректировку своего поведения и воплощение на практике мнения о себе «значимых других» (теория «зеркального Я» Ч. Кули). Процесс межличностного общения назван символическим его родоначальниками потому, что он начинается, разворачивается, а иногда и заканчивается на вербальном уровне, т.е. в пространстве слов-символов, а не в реальности физических действий.

Наконец, высшим уровнем шлифовки человека в процесс социализации выступает воспитание и самовоспитание. Усвоения культурных норм и правил приличествующего поведения недостаточно. Хотя и оно вполне пригодно для уровня формирования социального «Я» как набора статусов и ролей, установок и социальных апперцепций. Духовное начало целиком не сводится к началу культурному, хотя из него произрастает. Поиски цели и смысла существования индивида и всего человечества - центральные вопросы духовной жизни человека.

Подлинный культурный расцвет немислим без интенсивной духовной жизни. Творчество, труд, созидание, науки, искусства, общение - проявления духовной жизни людей. В религии духовная жизнь верующего человека стоит выше социальных, эстетических и других ценностей. В определенном смысле культура, понимаемая в узком смысле, не только отлична, но и противоположна духовности: первое понятие предполагает систему усвоенных норм, шаблонов и стандартов поведения, второе — полную свободу от них и творчески импровизационный подход к осмыслению реальности. Личность — не просто устойчивая система мировоззренческих, психологических и поведенческих признаков, характеризующих человека, но главным образом высшее достижение человеческих усилий, результат кропотливой работы над своим духовным миром. Нравственные ценности в ней стоят на первом месте. Альтруизм и бескорыстная любовь к ближним, противоположные эгоизму и своекорыстию, составляют фундамент человеческой личности, формирование которого начинается в обществе и семье. Без них невозможно завершение личности человека. Ведь личность — высшее достижение человеческих усилий, результат кропотливой работы над своим духовным миром.

История изучения социализации

Корни исследования проблемы социализации уходят глубоко в историю социальной мысли. В учении Платона основным механизмом превращения человека в общественное существо является социализация (в узком значении — воспитание): каждый грек обязан был начинать обучение в раннем детстве и заканчивать в старости. Учиться можно буквально всему, прежде всего нравственным добродетелям, а затем школьным предметам: астрономии, биологии, математике, политологии и философии. Неучи опускаются на самое дно общества — в андеркласс: рабы, беглые, попрошайки, спившиеся, продажные и бездомные. Недоучки оседают в низшем классе, пополняя ряды ремесленников и крестьян. Хорошисты попадают в рыцарскую страту воинов, которые во все времена относились к аристократии. И, наконец, круглые отличники, а их всегда меньшинство, вырастали в мудрых правителей. Римскому философу Северину Боэцию принадлежит разделение научного знания на «тривиум» (грамматика, риторика,

диалектика) и «квадривиум» (геометрия, арифметика, астрономия и музыка). Бозций поставил главную проблему — самовоспроизводство — самообучение и образование в течение всей жизни. А это есть стержень процесса социализации.

Герберт Спенсер считал, что человек по природе существо антисоциальное, он становится социальным существом благодаря прохождению через горнило социальных институтов: домашних, обрядовых, политических, церковных и др., которые являются механизмами самоорганизации совместной деятельности людей. Механизмом эволюции общества служит борьба за выживание. Конфликты — это горнило, через который прошел процесс социогенеза человечества (филогенез) в целом и отдельного индивида (онтогенез) в частности. Спенсер трактовал воспитание как широкое общественное явление, а образование — как один из важнейших социальных институтов.

Теория «коллективных представлений» Дюркгейма проливает свет на изучение процесса социализации. В своей теории социализации Дюркгейм утверждал, что человек становится социализированным, приспосабливаясь к поведению членов своей группы. Под «коллективными представлениями» он имел в виду совокупность переживаний, идей и идеалов группы, от которой индивидуум бессознательно зависит в своих мыслях, отношениях и поступках. Для Дюркгейма коллективные представления являются объективными фактами, имеющими социальную ценность. Они — продукты символического производства коллектива. Дюркгейм заявил, что «коллективные представления» имеют большую силу, потому что они коллективно создаются, коллективно развиваются и коллективно охраняются. Это означает, что коллективные представления или социальные ценности являются результатом коллективных действий. Следовательно, они императивны и импульсивны. Например, флаг является политической репрезентацией коллектива; священные писания — это религиозные репрезентации коллективной веры. По словам Дюркгейма, человек управляет своей жизненной судьбой в зависимости от групповых ожиданий. Накопленный групповой опыт дает людям необходимые ориентиры для анализа и управления собственным поведением. Именно в этом отношении Дюрк-

гейм считал, что «коллективные представления» имеют автономное существование, полностью независимое от индивидов.

Э. Дюркгейм первым отделил социализацию от воспитания. Три важнейшие категории — воспитание, социализация и образование — тесно связаны между собой, а стержнем этой системы выступает социализация. Французский социолог утверждал, что коллективные представления или социальные ценности прямо или косвенно формируют характер и поведение новорожденного ребенка. Дюркгейм понимал социализацию как средство воспроизведения обществом условий своего существования. Он писал о том, что по мере дальнейшего развития общественного разделения труда и объединения трудящихся в профессиональные корпорации общество будет все более спланироваться, т.е. наступит процесс прогрессирующей социализации, приближая его к осуществлению морального социалистического идеала¹.

В концепции Э.Г. Эриксона этапы социализации связаны с жизненными циклами. Ее автор понимал социализацию не только как индивидуальный, но и в значительной мере как коллективный процесс, который формируется, в том числе, и благодаря механизму идентификации индивида со своей группой, народом, обществом. Эриксон выделил восемь фаз социализации: младенчество, раннее детство, игровой возраст, школьный возраст, юность, ранняя зрелость, зрелость². В свою очередь А. Адлер³ утверждал, что в ходе социализации у ребенка под дисциплинирующим воздействием родителей развивается комплекс неполноценности, преодоление которого порождает у человека стремление к власти, что и приводит к агрессивности. Жан Пиаже исследовал социализацию как когнитивное развитие или процесс обучения мышлению.

Важный вклад в развитие теории социализации внесли представители символического интеракционизма. В частности, Дж. Мид интерпретировал становление личности одновременно как «становление собой» и «открытие общества для себя»⁴. Ребенок обнаруживает, кто он есть, постигая, что есть общество. Он обучается соответствующим ролям, т.е. обучается «брать на себя роль другого», а через это у него формируется представление «обобщенного другого». На основе наблюдений за поведением детей Ч. Кули пришел к выводу, что человек обре-

тает свое «Я», представляя, как он воспринимается другими людьми. Кули назвал этот образ «зеркальным отражением». В теории социализации Дж. Мида выделены две стороны или два аспекта личности – I и Me. I - это природная матрица человека, кладовая всевозможных инстинктов, импульсов, чувств и потребностей, к которым не прикасалось общество. Напротив, Me – целиком результат социализации, артефакт, изготовленный обществом. Оно формируется благодаря «взгляду на себя со стороны». Другие люди не просто смотрят на нас, но еще и присматривают за нами. Иначе говоря, не только социализируют, но и контролируют нас⁵.

Ч. Кули и Дж. Мид утверждают, что ребенок учится понимать самого себя, когда принимает роль других. Человек воображает, каким он представляется наблюдателю, приписывая ему определенное суждение, и реагирует – с радостью или с обидой – на это предписанное другому суждение⁶. Ребенок осознает других людей как объекты, прежде чем осознает себя в качестве субъекта; он пользуется именами других, прежде чем научается своему собственному. Сначала ребенок научается отличать людей от вещей и лишь после этого способен улавливать разницу между индивидами. Поведение людей для него кажется куда более беспорядочным, чем взаимодействие физических объектов⁷. Один и тот же человек не только по-разному ведет себя в различных обстоятельствах, но и противоречит сам себе. Поэтому подходить к человеческому поведению с теми же требованиями, допустим, логической непротиворечивости, что и к миру природных явлений, неправомерно. В этом и кроется тайна искусства общения и коллективного взаимодействия.

Дж. Мид провел социологический анализ процесса социализации. По его словам, развитие личности ребенка – это результат общения с другими людьми. У новорожденного ребенка есть потребности, такие как потребности в еде и одежде, которые требуют удовлетворения. Мать удовлетворяет их, и ребенок начинает зависеть от нее и эмоционально «отождествлять себя» с ней. Но со временем ребенок начинает отличать себя от матери, объединяя себя и мать в новую социальную систему, состоящую из двух ролей, где ребенок принимает на себя подчиненную роль по отношению к более высокой роли матери. Затем ребенок повторяет процесс

для своего отца. Он отличает отца от матери, а потом интегрирует его в общую родительскую систему. Таким способом у ребенка увеличивается число «значимых других», и он усваивает роль этих других. Он ставит себя на место другого человека, а затем реагирует на свои собственные слова и поступки с точки зрения того значения, которое они присваивает другим людям, отзывающихся о нем. В результате формируется социальное «Я» человека. В результате существенной характеристикой личности служит рефлексивная способность, что означает: индивид по отношению к самому себе может быть в одно время субъектом и объектом. Он может размышлять о себе, или, другими словами, он обладать как сознанием, так и самосознанием. Человек может сделать это только через принятие на себя роли других людей и взгляд на себя их глазами. Он учится представлять себе, как он предстает перед другими и как они судят о нем. Затем он реагирует на их суждения о себе так, как он их видит и представляет себе. Таким образом, считаясь с мнением окружающих о себе, индивид рассматривает себя как объект и субъект социализации.

По мнению Дж. Мида, процесс социализации включает три стадии. Первая – *имитация*. На этой стадии дети копируют поведение взрослых, не понимая его. Затем следует *игровая стадия*, когда дети понимают поведение как исполнение определенных ролей: врача, пожарного, автогонщика и т.д.; в процессе игры они воспроизводят эти роли. Переход от одной роли к другой развивает у детей способность придавать своим мыслям и действиям такой смысл, какой придают им другие члены общества, – это следующий важный шаг в процессе создания своего «Я». Третий этап, по Миду, *стадия коллективных игр*, когда дети учатся осознавать ожидания не только одного человека, но и всей группы⁸. По мнению Джорджа Мида, сознательное «Я» вырастает из социального процесса. Социализация и взросление человека понимается как «обретение роли». Окружающие человека объекты становятся носителями смысла, они оказываются связанными с тем, что мы называем символами. Мид полагал, что самое существенное у человека – это его владение языком. Способность говорить делает его социальным существом. Он хотел укоренить психологию в социальной действительности, поэтому считается, что интеракционизм появился как

часть социальной психологии. С его точки зрения, поведение человека является социальным. Причем люди одновременно и создают социальную среду, и находятся под ее воздействием. Люди обретают свою человеческую природу благодаря тому, что они взаимодействуют с помощью символов, важнейшие из которых представлены в языке. Без символов не может быть ни человеческого общения, ни общества, так как символы обеспечивают средства, с помощью которых происходит общение. Профессор Чикагского университета разработал теорию, в которой объясняется сущность процесса восприятия индивидов других личностей и развита концепция «обобщенного другого». В известной степени дополняющая и развивающая теорию «зеркального Я». В соответствии с концепцией Дж. Мида «обобщенный другой» представляет собой всеобщие ценности и стандарты поведения некоторой группы, которые формируют у членов этой группы индивидуальный Я-образ. Индивид в процессе общения как бы встает на место других индивидов и видит себя другой личностью. Он оценивает свои действия и наружность в соответствии с представляемыми оценками его «обобщенного другого». Человек формирует понятие о себе на основе мнения других людей о нем. Таким образом, когда знакомые называют нас умным или посредственным, высоким или низкорослым, толстым или худым, мы реагируем на их мнение, обобщив данные, и формируем мнение о себе сходное с тем, которое они сформировали о нас. Получается своего рода микро-опрос с обобщением статистических данных и интерпретацией результатов. Каждый из нас по своей природе стихийный социолог.

Дж. Мид считал, что «Я» («Самость») – явление социальное по своей природе и вырастающее из отношений с другими людьми. Вначале, в младенчестве и раннем детстве, мы не умеем интерпретировать смысл человеческого поведения. Но как только дети обучаются придавать тот или иной смысл своему поведению, они делают первый шаг в мир вокруг них, первый шаг к социализации. Другими словами, как только у детей появляется способность мыслить и о себе таким же образом, как и о других людях, они начинают приобретать чувство своего «Я», своей индивидуальности. Многие идеи Мида совпадали с установками так называемой культурной школы, лидером которой признавался

советский психолог Выготский, считавший, что если лишить ребенка многообразия исполняемых ролей, он лишается и своего интеллекта и возможности развивать самосознание⁹.

Социальное взаимодействие в символическом интеракционизме мыслится как исполнение человеком разнообразных ролей. В зависимости от того, какую социальную маску надевает на себя человек, тем он и становится в данный момент. В известном на весь мир эксперименте Ф. Зимбардо студентов всего на две недели превратили в узников и надзирателей, но они настолько вжились в свои роли, настолько стали преследовать, избивать и ненавидеть друг друга, что эксперимент, проводившийся в западной тюрьме, пришлось через неделю прекратить¹⁰. Таким образом, студенты приняли участие своего рода в ролевой игре, целью которой было выяснить, как сыгранная роль отразится на поведении и переживаниях людей. Игра была спланирована так, что участники ничего не подозревали. Их забирали ночью, они не знали, где находятся, эксперимент проходил непрерывно каждый день и ночь, испытуемые не имели контактов с внешним миром. В эксперименте одни студенты превратились в настоящих надзирателей не потому, что так хотели они. Они перестали играть понарошку и сделались надзирателями по существу потому, что другая группа студентов смотрела и относилась к ним именно как к надзирателям. «Тотальный институт», как назвал тюрьму в 1961 г. один из лидеров интеракционизма Ирвинг Гофман, целиком поглотила испытуемых. Они забыли прежние привычки, стереотипы и нормы поведения. Они полностью перевоплотились. Иными словами, в своих переживаниях и действиях студенты превратились в заключенных и надзирателей.

Наиболее развернутая социологическая теория, описывающая интеграцию индивида в социальную систему, была предложена Т. Парсонсом. По Парсонсу, она происходит путем интернализации (внутреннего приятия) общепринятых норм на основе *идентификации* индивида со значимыми фигурами (например, в детстве – с фигурой отца или матери, в подростковом возрасте – с фигурой лидера и т.д.). В процессе интернализации социальные нормы становятся внутренними для индивида, происходит замена внешних санкций (внешней регуляции) внутренним контролем, появляется потребность соответствовать

социальным нормам. В основе процесса социализации «лежит генетически данная пластичность человеческого организма и его способность к обучению. Ранние стадии этого процесса повсеместно протекают в пределах родственных коллективов, и особенно в нуклеарной семье. Хотя социализация происходит во всех социальных группах, но за пределами семьи она, конечно, наиболее сконцентрирована в коллективах, занимающихся формальным образованием, значение которого в прогрессивной степени возрастает с ходом социальной эволюции»¹¹.

Процесс социализации продолжается всю жизнь, поскольку человек за свою жизнь осваивает множество социальных ролей. Он делится на различные этапы — начальный (социализация ребенка, преимущественно в семье), средний (обучение в школе) и завершающий (социализация взрослого человека, осваивающего новые роли — супруга, родителя, бабушки и т.п.). Кроме того выделяют первичную социализацию, которая осуществляется ближайшим неформальным окружением, прежде всего семьей (а также другими родственниками, друзьями, учителями, врачами и т.д.), и вторичную социализацию, которая осуществляется на более формальном, институционализированном уровне. Здесь человека поджидают школа, вуз, средства массовой информации, армия, производство и многие другие¹². Процесс усвоения культурных норм получил название *интернализации*, а усвоения социальных ролей — *социализации*.

В своей работе «Кризис современной семьи»¹³ (1916) П. Сорокин молодое поколение определяет как общность со статусом «социализируемые». Понятие социализации использовано им в широком, социетальном, значении, а именно как обобществление, превращение чего-либо или кого-либо в общественное достояние, переход от индивидуализма к коллективизму. Именно так и подается Сорокиным процесс взросления индивида — как переход ребенка из лона семьи (приватного, или частного пространства) в систему социальных институтов, где, собственно говоря, молодежь и проявляет себя во всей полноте. Ребенок социализируется, но молодежь уже социализирована, ибо она участвует в коллективной деятельности, сотрудничает со всеми ради общественного блага. Потому с социологических позиций «молодое поколение» — это совокупность всех людей, прошедших одинаковый путь социализации

и переживших одни и те же исторические события. Иными словами, это общность, члены которой обладают сходным статусом «социализируемых». Замена семейного воспитания и обучения профессиональным обучением имеет, по мнению Сорокина, свои позитивные стороны, так как должна привести к усилению степени «социализированности» молодого поколения, пропитыванию его общественными мотивами и интересами, большей просвещенности¹⁴. Проблемы семьи и перехода к системе «обобществленной» социализации почти одновременно с П. Сорокиным анализировались в работах М. М. Рубинштейна «Кризис семьи как органа воспитания»¹⁵ и А. Чекина «Семейный распад и женское движение»¹⁶.

П. Бергер и Т. Лукман выделяют две основные формы социализации первичную и вторичную, полагая, что решающее значение для судьбы индивида и функционирования общества имеет первичная социализация. Ее они назвали квазиавтоматической, потому что идентификация ребенка с значимыми другими происходит помимо его свободного выбора. «Вторичная социализация есть приобретение специфически ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда»¹⁷. Социализация не ограничивается детским опытом. Она никогда не прекращается, длится всю жизнь. П. Бергер и Т. Лукман показали, что образование предполагает обязательное усвоение в культуре системы легитимаций, то есть объяснений и оправданий институционального порядка. Символические универсумы являются матрицей всех социально объективированных и субъектно реальных значений; они классифицируют феномены в определенных категориях иерархии бытия¹⁸.

Для П. Бурдьё социализация и адаптация — это некие поля прилагаемых индивидами или людьми усилий, еще одна сфера борьбы классов и партий. Система образования, государство, религия, политика, спорт, язык искусство, безработица, церковь, политические партии, профсоюзы — это, не аппараты или институты, и уже тем более не организации, а поля. Поле состоит из взаимосоотнесенных позиций, объективно существующих возможностей проявиться — ролей или ниш в борьбе за разыгрываемые в данном поле призы. Социальное поле, согласно Бурдьё, можно описать многомерное пространство позиций, в котором любая позиция, в свою очередь, представляет опять таки

многомерную систему координат, значения которых коррелируют с соответствующими переменными. В качестве переменных могут выступать различные виды капитала — экономического, социального, символического или какого-либо другого. Многолетнее изучение поля высшего образования, поля литературы, поля науки, поля религии и поля экономики убедили П. Бурдьё в том, что здесь царят почти те же законы, что и на футбольном поле, а именно конкуренция и открытая борьба между равными соперниками, монополия и доминирование со стороны сильного соперника, гибкая система спроса и предложения, разыгрываемая между соработниками (социальный обмен, обмен пасажами, перемещение на вакантное место и др.). Вот почему поле, в том числе образовательное, можно уподобить рынку. Любое поле в этом смысле является рынком, где производятся и обращаются специфические капиталы¹⁹. Американский психолог Лоуренс Колберг затратил несколько десятилетий на лонгитюдные и кросс-культурные исследования «ребенка как морального философа»²⁰. В 1981 г. Колберг предположил, что дети проходят 6 стадий в способности моральные проблемы. Социальный психолог Кэрол Джиллиан предложила расширить сферу морального поведения и включить в него ответственность и заботу о близких. Джиллиан обнаружил, что система ценностей девочек и женщин в процессе социализации отличается от мужчин.

Российские ученые проявляли большой интерес проблемам Л.С. Выготский видел в социализации процесс преобразования интерпсихического в интрапсихическое, а он осуществляется только в ходе совместной деятельности и общения. В работах Л.С. Выготского, А.Л. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.Р. Лурии дан анализ соотношения биологического и социального в человеке, где приоритет отводится социокультурному фактору. Иными словами, социализация, по мнению советских ученых, это процесс превращения индивида с его природными задатками и потенциальными возможностями социального развития в полноценного члена общества. В 1960-70-х годах появляются работы Б.Г. Ананьева «О психологических эффектах социализации» (1971), В.С. Мерлина «Становление индивидуальности и социализация индивида» (1970), Е.С. Кузьмина «Основы социальной психологии» (1967), Б.Д. Парыгина «Со-

циальная психология как наука» (1967). И.С. Кон определил социализацию как усвоение индивидом социального опыта, в ходе которого создается конкретная личность²¹. Б.Д. Парыгин²² считал что, процесс социализации представляет собой вхождение в социальную среду, приспособление к ней, освоение определенных ролей и функций, которые вслед за своими предшественниками повторяет каждый индивид в течение всей своей жизни. Г.М. Андреева выделяет несколько этапов в зависимости от отношения к трудовой деятельности. Система социализации направлена на формирование личности «новой формации», сочетающей в себе высокий уровень культуры, образованности, интеллигентности.

По мнению А.В. Петровского, социализация — это процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности²³. При этом социализация может происходить как в условиях стихийного воздействия на личность различных обстоятельств жизни в обществе, имеющих иногда характер разнонаправленных факторов, так и в условиях воспитания²⁴. Социализация — это процесс принятия личностью ценностей, норм и культуры общества, освоение необходимых социальных навыков, социальных взаимодействий (Е.С. Кузьмин, В.Е. Семенов). В процессе социализации происходит преобразование социального опыта в собственные установки, ценности и ориентации, усвоение социальных норм и ролей. Процесс социализации включает и формирование социальных связей, социальных установок и отношений. Интерес к социализации, а вернее, к десоциализации и ресоциализации, активно проявляется у криминологов, юристов, в частности в работах Ю.М. Антонина, В.Н. Кудрявцева, Н.А. Стручкова, А.Р. Ратинова, А.М. Яковлева и других.

Результаты исследований Д. Боллингера, Ш. Паффер, Э. Джонса, Г.У. Солдатовой, Н.М. Лебедевой свидетельствуют о промежуточном положении России на шкале индивидуализма — коллективизма. Авторы отмечают изменения в культуре России, фиксируемые на шкалах культурных измерений. В настоящее время наметился переход русской культуры от коллективистического полюса к индивидуалистическому; русские в бывших союзных республиках отличаются меньшим по сравнению с титульным населением коллективизмом. При контакте с

коллективистскими культурами русские отмечают у себя индивидуалистические черты, а с индивидуалистическими культурами — черты коллективизма. Хотя традиционно Россию относили к феминным культурам (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов), в настоящее время индекс мужественности повышается. Согласно данным Ш. Паффер и А.И. Наумова²⁵ (выборка 250 человек), в середине 1990-х годов в сознании россиян выявлены средний уровень индивидуализма, маскулинности и властной дистанции, умеренно высокий — патернализма и избегания неопределенности. Молодое поколение россиян, вступившее в производственную жизнь в эпоху перестройки, имеет высокие показатели по шкале маскулинности и низкие по шкале патернализма. Если раньше Н.А. Бердяев, В.О. Ключевский и Г.П. Федотов отмечали большую дистанцию власти в России, то сейчас ее показатель уменьшается²⁶.

В XXI веке усилия ученых США, Европы, России и других стран направлены на применение общей теории социализации, созданной в предыдущий период, к практическим проблемам и ситуациям. Сегодня активно изучаются такие, например, вопросы, как социализация в детских домах, приемных семьях, при домашнем обучении, в армейских подразделениях, тюрьмах и местах заключения. Количество эмпирических данных, полученных в разных странах, превышает тот объем, который необходим для создания новых теорий социализации. В последние 20-30 лет, по мнению автора, не создано ни одной холистской теории социализации, которую можно сравнить с тем, что было сделано классиками мировой социологии. Среди крупных отечественных работ обобщающего плана можно отметить монографию А.И. Матвеевой²⁷.

Исключением является учение М. Грановеттера, состоящее из нескольких частей²⁸. Две из них особенно интересны — это теория встроенности и теория сильных и слабых связей. Марк Грановеттер утверждал, что экономическое поведение встраивается в социальные отношения и сетевые структуры современного общества. Социальные связи в этих структурах делятся у него на два типа — сильные и слабые. Сильные связи состоят из ближайших друзей, родственников и знакомых. Они помогут в трудную минуту жизни и служат надежной опорой. Но часто друзья не являются экспертами по темам, для которых вам срочно нужна информация,

например, как лучше трудоустроить себя. На помощь со своими советами и знаниями приходят знакомые знакомых и незнакомые люди, найденные в интернете. Слабые связи являются отличным источником информации, а сильные связи — резервом помощи. Пол Адамс в исследовании обнаружил, что люди обычно имеют 4-6 разных групп друзей. Люди обычно имеют менее 10 крепких связей, которые потребляют большую часть внимания их жизни. Обычно у них не более 150 слабых связей.

Я думаю, что теорию М. Грановеттера, созданную не для изучения социализации, а для исследования экономических отношений, следует более активно подключать к проблемам социализации. Задача автора состоит в попытке обобщить старые и новые данные о социализации, на основе которых сформулировать некие общетеоретические рамки для понимания социализации сегодня. Необходимо обобщить эмпирические данные и теоретические идеи в логическое целое для того, чтобы в последующем на этом фундаменте попытаться строить новые социологические теории социализации. Во второй части статьи автор в тезисной форме очерчивает возможные контуры теоретической парадигмы социализации на сегодняшний день.

Агенты, институты и виды социализации

Социализация — усвоение человеком самостоятельно или посредством целенаправленного воздействия (воспитания) определенной системы ценностей, социальных норм и образцов поведения, необходимых для становления личности, обретения социального положения в обществе; начинающийся в младенчестве и заканчивающийся в глубокой старости процесс освоения социальных ролей и культурных норм. Социализацию надо рассматривать в единстве двух моментов — механизма социализации и процесса социализации. Основу механизма социализации составляют агенты и институты социализации.

Агенты социализации — конкретные люди, ответственные за обучение культурным нормам и освоение социальных ролей.

Институты социализации — учреждения, влияющие на процесс социализации и направляющие его.

Поскольку **социализация** подразделяется на два вида — *первичную* и *вторичную*, по-

стольку **агенты и институты** социализации делятся на *первичные* и *вторичные*.

Агенты первичной социализации – родители, братья, сестры, бабушки, дедушки, близкие и дальние родственники, приходящие няни, друзья семьи, сверстники, учителя, тренеры, врачи, лидеры молодежных группировок. Если коротко, то существует три агента первичной социализации – семья, школа и ровесники.

Важнейшим актом первичной социализации выступает кормление грудью. Грудное вскармливание – это тонкие эмоциональные отношения между матерью и ребенком, такого же уровня, как ласковый жест или поцелуй. Оно помогает успешному протеканию социализации в раннем возрасте. Кормление грудью – интимная сфера жизни каждой семьи, оберегаемая и почитаемая представителями сильного пола. Люди возвели этот акт первичной социализации до уровня высокой культуры и религиозного почитания, достаточно вспомнить кормящую мадонну. Известно, что в северных странах женщины часто кормят детей грудью очень долго, до года или до двух. Эти дети хорошо развиваются, и эти женщины прекрасно себя чувствуют.

Термин «**первичная социализация**» имеет в социологии два смысла. Он обозначает а) родителей, родственников и друзей, т.е. первичную группу или непосредственное окружение; б) самый ранний этап социализации в младенчестве и детстве. **Вторичная социализация**, соответственно, относится к вторичным группам (социальным институтам и учреждениям) и продолжается всю оставшуюся часть жизни.

Для агентов первичной социализации, находящихся в межличностных отношениях и системе взаимной зависимости, характерна так называемая реципрокная социализация (reciprocal socialization). **Реципрокная социализация** – процесс взаимной социализации родителями детей и детьми – своих родителей. Родители координируют свои слова и поступки в присутствии детей, поскольку те очень восприимчивы ко всему, что исходит от этих самых авторитетных для них агентов социализации. Тем самым родители воспитывают самих себя. К двунаправленным процессам влияния агентов социализации следует отнести супружескую социализацию, в ходе которой муж влияет на жену, а жена – на мужа.

Агенты вторичной социализации – представители администрации школы, универ-

ситета, предприятия, армии, полиции, церкви, государства, сотрудники телевидения, радио, печати, партий, суда и т.д.

Вторичными группами, и об этом речь пойдет дальше, в социологии называют формальные организации, официальные учреждения и их сотрудников: предприятие, государство, СМИ, армия, суд, церковь и т.д. Первичная социализация наиболее интенсивно происходит в первой половине жизни, хотя, по убывающей, она сохраняется и во второй.

Первичная социализация – сфера *межличностных отношений*, **вторичная** – сфера *социальных отношений*. Одно и то же лицо может быть агентом как первичной, так и вторичной социализации. Учитель, если между ним и учеником доверительные отношения, окажется среди агентов первичной социализации. Но если он всего лишь выполняет свою формальную роль, то явится агентом вторичной социализации. Агенты первичной социализации выполняют каждый множество функций (отец – опекун, администратор, воспитатель, учитель, друг), а вторичной – одну-две.

Подростковый период и юность представляют собой такой возраст, когда агенты первичной социализации (за исключением группы сверстников) начинают играть меньшую роль, а агенты вторичной социализации – большую. В зрелом возрасте агенты вторичной социализации выходят на первый план либо уравниваются по степени влияния с агентами вторичной социализации. Юность завершает активный период социализации. К юношам обычно относят подростков и молодых людей в возрасте от 13 до 19 лет. В этот период начинает формироваться отношение к противоположному полу, возрастает агрессивность, стремление к риску, независимости и самостоятельности.

Среди агентов первичной социализации не все играют одинаковую роль и обладают равным статусом. По отношению к ребенку, проходящему социализацию, родители находятся в превосходящей позиции. Напротив, ровесники равны ему. Они прощают ему многое из того, что не прощают родители: ошибочные решения, нарушение нравственных принципов и социальных норм, бесцеремонность и т.д. В некотором смысле ровесники и родители воздействуют на ребенка в противоположных направлениях, и первые сводят на нет усилия вторых. Иначе говоря, у взрослых ребенок учится тому,

как быть взрослым, а у ровесников — как быть ребенком: уметь драться, хитрить, относиться к противоположному полу, дружить и быть справедливым. Поэтому родители часто смотрят на ровесников как на своих конкурентов в борьбе за влияние на ребенка. Малая группа ровесников выполняет важнейшую социальную функцию — облегчает переход от состояния зависимости к независимости, от детства к взрослости. Родители вряд ли научат тому, как быть лидером или добиться господства над другими.

Функции агентов первичной социализации взаимозаменяемы, а вторичной — нет. Объясняется это тем, что первые универсальны, а вторые специализированы. Так, например, взаимозаменяемы функции **родителей и ровесников**. Вторые часто заменяют первых, выполняя их функции социализации. И наоборот. Взаимозаменяемы также функции **родителей и родственников**, вторые могут заменить первых.

Но то же самое нельзя сказать об агентах вторичной социализации, поскольку они узко специализированы: судья не может заменить бригадира или учителя. Агенты первичной социализации, напротив, универсальны. Но только, в отличие от родителей, закладывающих базисные ценности и долговременные цели, ровесники больше влияют на сиюминутное поведение, внешность, выбор сексуального партнера и мест досуга. Различие между двумя типами агентов социализации состоит также и том, что агенты вторичной социализации получают деньги за то, что выполняют свою роль, а агенты первичной социализации не получают. Первичная социализация — в основном область приписываемых статусов, вторичная — сфера достигаемых.

Агенты и лидеры социализации — те люди, которые призывают к изменению ценностей или поведения, подают образцы высокоморального или безморального поведения и т.п. Гитлер, Махатма Ганди, Сталин — лидеры и агенты социализации. Нищенствующие монахи и юродивые — лидеры и герои социализации. Вообще харизматическая личность — типичный социализатор, как и другие авторитетные личности, ею может стать дворовый парень, тренер карате, телегерой, поп-звезда, школьный учитель.

Агенты первичной и вторичной социализации оказывают на личность человека иногда

совпадающее, однонаправленное воздействие, а иногда — противоречивое, разнонаправленное. Причем противоречие характеризует дисгармонию между:

- Агентами первичной социализации
- Агентами вторичной социализации
- Агентами первичной и вторичной социализации.

Если, к примеру, семья учит подростка одним ценностям, а группа сверстников — совсем другим, то между агентами первичной социализации формируется не только конкуренция, но и противоречие. Другой пример — различие между религиозными ценностями и ценностями бизнеса. Религия учит нас таким нравственным нормам, как помощь близким, учит не обманывать, быть скромными в своих желаниях и потребностях, и основное время уделять решению духовных вопросов. Бизнес же требует прямо противоположных качеств: часто он построен на обмане, погоне за материальными ценностями, стремлении выделиться, сделать карьеру. Он вынуждает профессионального бизнесмена посветить все свое свободное время на решение только материальных вопросов, в то время как церковь призывает человека думать о вечном, нематериальном. В каком-то смысле ровесники и родители воздействуют на ребенка в противоположных направлениях, и первые сводят на нет усилия вторых. Родители часто смотрят на ровесников как на своих конкурентов в борьбе за влияние на ребенка.

В глубокое противоречие между собой вступают и два других института социализации — образование и армия. Призыв юношей в армию на два года сразу после окончания школы часто выступает барьером на пути образования. Через 2 года службы в армии знания, полученные в школе, улетучиваются. Происходит переоценка ценностей, может пропасть и мотивация к учебе. Чем больше разрыв между двумя стабильными периодами (школой и вузом), тем глубже кризис и необратимей процесс. Лучше всего выпускнику поступать в вуз в первый же год. Между двумя фазами перерыв не должен превышать двух месяцев. Стоит затянуть его с двух месяцев до двух лет, которые уходят на службу в армии, о поступлении в вуз без серьезной дополнительной подготовки можно забыть. Объяснение надо искать в особенностях мотивации к учебе. У школьников она еще не сформировалась в устойчивую жизненную потреб-

ность. Дети, как известно, учатся как бы для родителей. Все, что не укрепилось, легко теряется. Даже год разрыва между школой и вузом для многих трудно преодолеть. Они попросту теряют интерес к учебе.

В бывшем СССР для тех, кто отслужил в армии, существовали рабфаки (подготовительные факультеты), где выпускные экзамены приравнивались к вступительным в вузе. Для демобилизованных существовали многочисленные льготы, которые сейчас практически исчезли. Тем не менее, и тогда армия превращалась в серьезный барьер на пути дальнейшего образования. Во многом поэтому в составе студенчества преобладали девушки.

Основным институтом вторичной социализации выступает школа, а затем вуз. Они призваны дать ребенку то, чего не может дать ему семья, а именно свод систематизированного *научного* знания. До прихода в школу ребенок проводил все свое время в рамках неформальных малых групп – в семье, в дружеских компаниях сверстников. Для всех окружающих его он (она) был уникальной неповторимой личностью. Садясь за парту, он (она) становится одним из многих, приобретая формальный статус ученика, воспитанника. В этом смысле можно утверждать, что вторичная социализация начинается еще до школы – для тех детей, которых приводят в детский сад или даже ясли. А сироты – воспитанники детских домов – оказываются вообще лишены первичной социализации, начиная свою жизнь практически сразу с вторичной.

Подготовка к самостоятельной жизни сегодня не только более продолжительное, чем в традиционном обществе, но и дорогостоящее мероприятие. Дать полноценное образование всем желающим, т.е. представителям всех социальных слоев, человеческое общество смогло только в XX веке. Десятки тысяч лет оно накапливало для этого материальные ресурсы. *Всеобщее среднее образование – серьезное достижение нашего времени.*

Родители понимают, что базовым должно стать высшее образование. Но сейчас уровень знаний, который дает школа, резко отличается от требований, предъявляемых вузом. Возникает разрыв, который сейчас стал катастрофическим. Появляются посредники: репетиторы, подготовительные курсы. Школа не выполняет функцию социализатора потому, что уро-

вень подготовки в ней постоянно снижается, а уровень требований в нынешнем вузе постоянно растет. Возникают ножницы, сократить которые призваны многочисленные посредники: репетиторы, подготовительные факультеты и курсы. За 3000-5000 долл. они подготовят ваше чадо к университету. Они восполняют пробел в знаниях и сокращают разрыв в требованиях.

Культурная функция образования – использование ранее накопленных знаний и ценностей, упорядочение взаимоотношения поколений: старшее поколение выступает в роли учителей, младшее – учеников.

Школа способна не только изменять социальную структуру общества, допуская на верхние ступеньки подготовленную молодежь из социальных низов, но и закреплять, стабилизировать ее. Привилегированные классы имеют свои, как правило, частные школы, где выше качество обучения и куда ограничен доступ представителям других слоев. Управленческая и политическая элита, бизнес-класс и интеллигенция обычно пополняются выпускниками элитных школ. Как показывают социологические исследования и статистика, современная общеобразовательная школа не выполняет в полной мере ни одну из своих задач: возрастает уровень девиантного поведения несовершеннолетней молодежи, в том числе преступности, алкоголизма, наркомании, проституции и т.д. Школа не решает задачи профессионального самоопределения. Она неспособна подготовить абитуриентов к вступительным экзаменам в вуз.

Согласно прогнозу, доля абитуриентов, поступающих в вуз только на базе школьных знаний, даже в XXI веке не превысит 40%, в связи с чем 60% выпускников средних школ будут вынуждены изыскивать дополнительные формы подготовки в вуз. Видимо, существует значительный разрыв в понимании базовых знаний между учителями средних школ и преподавателями вузов. Социологические данные показывают, что 42,2% преподавателей вузов в областных и республиканских центрах и 32,8% педагогов Москвы и Санкт-Петербурга отмечают резкое снижение в последние годы уровня подготовки абитуриентов к конкурсным экзаменам в вузы. Причем значительное снижение качества подготовки абитуриентов характерно для поступающих на все факультеты²⁹.

Десоциализация и ресоциализация

Продолженную социализацию, так же как и социальную адаптацию, следует отличать от процессов *десоциализации* и *ресоциализации*. Эти процессы относятся к этапу именно взрослой социализации, их субъектом является уже социализированный индивид. В отношении ребёнка точнее говорить об *успешной* или *неуспешной* социализации.

Ресоциализация — это не только переобучивание в экстремальных, но и в нормальных условиях. Темп жизни общества сегодня резко изменился. Новые поколения техники опережают смену поколений людей. Человеку приходится учиться и переобучиваться всю жизнь, адаптируясь к постоянно меняющимся условиям. Адаптация — это весь период постоянного приспособления, ресоциализация внутри этого процесса как адаптационная социальная практика. К таким практикам относятся: повышение квалификации, образование для взрослых, второе высшее образование.

Вступление в любой социальный институт за рубежом связывают с ресоциализацией. Но встречу с такими тотальными институтами, требующими полной «перековки», как тюрьма или армейские казармы, можно назвать экстремальной ресоциализацией. К ним можно причислить гетто и резервации, психбольницы, исправительные учреждения, лагеря для военнопленных, пансионаты для престарелых, монастыри, школы-интернаты и детские дома, воспитательно-трудовые колонии для несовершеннолетних, исправительно-трудовые колонии, тоталитарные секты. Это система закрытых принудительных отношений и навязанной морали. Образ жизни распланирован через жесткую регламентацию и мелочный надзор, рутинные занятия формируют сумеречное сознание. Здесь нельзя строить жизненные планы и думать о перспективах.

Знаменитый тюремный эксперимент, проведенный профессором Филипом Зимбардо и его коллегами в 1971 г.³⁰, служит ярким примером десоциализации и ресоциализации. Команда исследователей поместила объявление о предстоящем психологическом эксперименте в двух газетах — Palo Alto Times и The Stanford Daily. Из 75 откликнувшихся студентов колледжа экспериментаторы отобрали 24 человека в возрасте 25-30 лет (по разным причинам несколько

человек из них в эксперименте не участвовали). Для участия в эксперименте требовалось не только безукоризненное прошлое. Все испытуемые предварительно подверглись многоступенчатому тестированию, в результате которого были отсеяны те, у кого обнаружилась хоть малейшая склонность к депрессии, повышенная агрессивность либо хоть какая-то иная патология. Были отобраны во всех отношениях нормальные юноши, весьма уравновешенные и интеллектуально развитые. Участникам предлагалось вознаграждение в 15 долл. в день. В начале 1970-х годов это была довольно приличная сумма для небогатого студента.

Случайным образом их разделили на две группы. Первой группе выдали форму охранников и солнцезащитные очки, а второй группе выдали робу арестантов и посадили в камеры. Экспериментаторы объяснили испытуемым, что 12 студентов (9 основных и 3 на замену) станут играть роль охранников, и столько же — заключенных. Распределение ролей происходило случайным образом (подбрасывали монетку). Никто не подбирал в надзиратели свирепых садистов, а в заключенные — склонных к повинновению и конформизму. Заключенных и охранников случайным образом выровняли по их физическим и духовным качествам. Сам Филипп Зимбардо стал «управляющим тюрьмы» и изучал поведение участников. Профессор проинструктировал «охрану», что бы те вели себя, как будто бы они настоящие охранники в настоящей тюрьме. Эксперимент был рассчитан на две недели. Программа исследования была одобрена Стэнфордским комитетом защиты прав человека, Ученым Советом психологического факультета Стэнфордского университета и Военно-морским ведомством США. Кроме того, в любую минуту к эксперименту готов был подключиться и оказать необходимую медицинскую помощь Департамент здоровья студентов.

Под тюрьму отвели часть коридора длиной 12 м в подвале здания факультета психологии Стэнфордского университета — крупнейшего гуманитарного вуза США, находящегося в университетском городке Пало-Альто. Эту часть коридора разделили двумя специально построенными стенами, в одной из которых находилась единственная дверь, ведущая в блок с камерами; в другой стене было небольшое оконце для наблюдения. Три кабинета стали камерами, а два — комнатами для охраны и «директора

тюрьмы», роль которого предназначалась для Зимбардо. Повсюду, даже в комнате охранников, были вмонтированы следящие видеоустройства. Эксперимент, по договоренности с испытуемыми, снимался на фильм.

Заключенным полагались ежедневно: скромное трехразовое питание, три посещения туалета под наблюдением тюремщика и два часа — для чтения или написания писем. Заключенные были обязаны выполнять определенную работу, за которую они должны были получать почасовую оплату, что составляло 15 долларов в день. Были предусмотрены два свидания в неделю, а также право смотреть фильмы и делать физические упражнения. Трижды в сутки заключенных выстраивали на «переключку» (по одному разу за рабочую смену надзирателей)³¹. По камерам испытуемых распределяли случайным образом. Обустраивать помещения помогали студенты, получившие роль надзирателей, — для лучшего вхождения в образ. Они ставили койки в камеры, вешали на стены таблички, подготавливали казарму для надзирателей, передвигали мебель, бачки с охлажденной водой, холодильники и т.п. Студенты-охранники не проходили никакой специальной подготовки. Им указали на то, что надо поддерживать закон и порядок, избегать физического насилия, предотвращать побеги заключенных. Охране выдали форму цвета хаки, а также темные очки (они скрывали их от глаз однокурсников, создавая определенную анонимность), свистки и резиновые дубинки³².

Все заключенные были переодеты в униформу, которая представляла собой грубо скроенные балахоны наподобие женских платьев, не доходившие им даже до колен. Нижнего белья носить не разрешалось. На каждом халате нашита табличка с персональным номером заключенного. Отныне он лишился имени, а откликаться должен был только на свой номер. Заключенным выдали резиновые туфли и обтягивающие нейлоновые шапочки; на одной лодыжке была легкая цепь с замком. Каждому заключенному выдали зубную щетку, мыло, мыльницу, полотенце и постельное белье. В камерах были запрещены все личные вещи. Создавая импровизированные камеры из научных кабинетов, ученые не ставили задачей в точности скопировать тюремные условия, а максимально воссоздать психологическое состояние человека, в них помещаемого. Экспериментаторам

важна была не столько достоверность обстановки реальной тюрьмы, сколько достоверность формирующихся здесь взаимоотношений. «Охранники» работали посменно по 8 часов. В остальное время они жили привычной жизнью. Однако «заключенные» две недели 24 часа в сутки должны были провести в камере. По собственной инициативе «надзиратели» с каждым днем ужесточали правила. Недавние пацифисты становились церберами. «Заключенных» заставляли голыми руками мыть туалеты, их сковывали наручниками и заставляли обнаженными маршировать по залу.

Разыгранная (смоделированная) ситуация оказалась настолько реальной, а охранники вели себя так правдоподобно (оскорбительно и жестоко), что эксперимент пришлось остановить через 6 дней вместо запланированных двух недель. Половина заключенных были освобождены досрочно из-за тяжелых эмоциональных или когнитивных травм. Ни один охранник досрочно не покинул эксперимент, хотя кое-кто позже признавался в подобных намерениях. Хотя студенты добровольно могли прекратить эксперимент и в любое время покинуть его, большинство из них, казалось, забыло об этом, глубоко погрузившись в придуманную ситуацию. В частности, они жаловались друг другу на невыносимую обстановку, чувство безысходности и одиночества.

В результате через шесть дней Филипп Зимбардо прекратил эксперимент, который реально стал угрожать здоровью участников. В своем отчете он написал, что эксперимент показал, что роли и «указания начальства» могут превратить самого доброго человека в садиста. Более того, по мнению других ученых, данный эксперимент свидетельствует, что в любом американском городе набралось бы достаточно людей, которые могли бы работать охранниками концлагерей. Психологическое тестирование показало, что наиболее и наименее оскорбительные студенты-охранники незначительно отличались друг от друга по шкале авторитаризма и макиавеллизма. Оскорбительное поведение охранников, скорее всего, было вызвано особенностями ситуации, а не личностными качествами.

Социализация и жизненные циклы

Социализация проходит этапы, совпадающие с так называемыми жизненными циклами. Они знаменуют важнейшие вехи в биографии

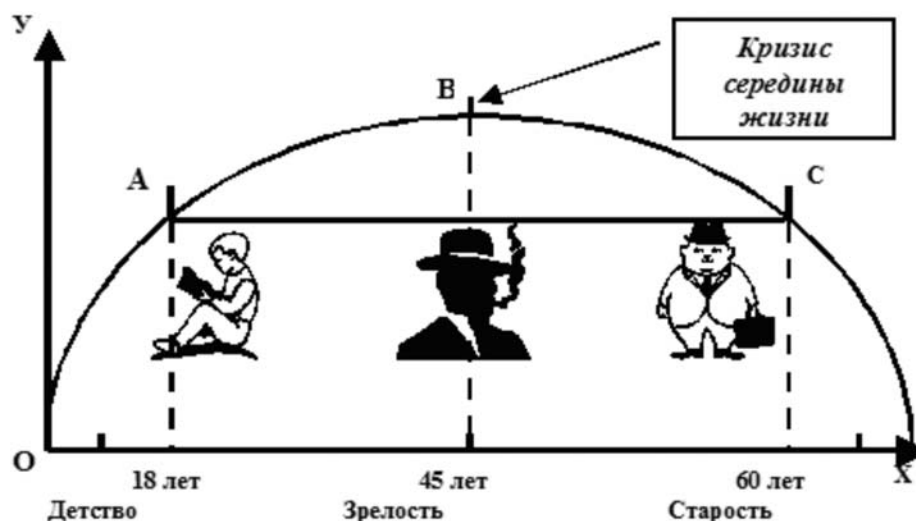

Рис. 1. Кризисные точки жизненного цикла социализации; © автора, 2003

человека, которые вполне могут служить качественными этапами становления социального «Я»: поступление в вуз (цикл студенческой жизни), женитьба (цикл семейной жизни), выбор профессии и трудоустройство (трудоустройственный цикл), служба в армии (армейский цикл), выход на пенсию (пенсионный цикл).

Жизненные циклы связаны со сменой социальных ролей, приобретением нового статуса, с изменением прежних привычек, социального окружения, с изменением самого образа жизни. Стадии жизненного цикла – смена типов ресоциализации. Весь процесс социализации на протяжении жизни на самом деле – последовательность во времени фаз ресоциализации. Переход от одного этапа жизненного цикла к другому нередко переживается как психологический кризис, во время которого человеку приходится осмыслить пройденный путь, менять представления о себе и о мире, корректировать дальнейшие цели и планы. Каждый раз, вступая в новый цикл, человеку приходится многому обучаться или переобучаться, адаптироваться к новым условиям.

В течение жизненного цикла индивид проходит три кризисные точки (фазы), связанные с переломными событиями в социализации:

- от 1 года до 17 лет – завершение школьного обучения и подготовка к активному трудовому периоду,

- от 18 до 60 лет – активный трудовой период, становление профессиональных ролей,

- от 60 лет и старше – выход из активного трудового периода.

Период активной социализации ABC обозначен тремя точками кризиса. *A* – окончание школы (университета) и начало трудовой деятельности; *B* – кризис середины жизни; *C* – окончание трудовой карьеры и выход на пенсию. Каждая точка – концентрация негативной мотивации, неопределенность в связи с ожидаемым будущим. Переход из *A* в *B*, из *B* в *C* – это *альтернатива*, в которой соединены два момента – десоциализация и ресоциализация.

Распад СССР в 1991 году произошел на середину жизни поколения *X*, 1963–1983 годов рождения (воспитание и взросление происходило до 1993 года). Когда в середине 1990-х годов в России провалились демократические реформы и жить стало много труднее, большинство россиян начало испытывать ностальгию по советскому времени. К тому моменту первоначальная эйфория, связанная с первыми годами установления капитализма, прошла, на смену позитивной мотивации пришла негативная. Десятилетием ранее другое поколение советских людей в середине 1980-х годов ожидали крушения коммунистического строя и наступления демократии.

На рис. 1. период между тремя точками, обозначенный фигурой ABC, представляет собой время максимальной творческой и трудовой активности человека. Ему предшествует пе-

риод максимальной учебной деятельности – 10-11-летнее обучение в школе. Возраст от 16 до 18 лет приходится на окончание школы и профессиональное самоопределение юноши. Первая кризисная точка 16-18 лет обозначает такой перелом в жизни молодого человека, когда старая модель социально и экономически несамостоятельной жизни (под опекой родителей) разрушилась, а новая модель самостоятельного поведения и образа жизни еще не сложилась. Формально в этот период человек становится трудоактивным.

Человеку приходится выбирать будущую профессию и трудовую карьеру в том возрасте, когда он к этому меньше всего готов. У него не хватает знаний и жизненного опыта. Вот почему после окончания университета более 30% молодежи в современной России трудится не по своей специальности. К советам старших родственников – родителей, бабушек и дедушек – она не прислушивается потому, что они жили в другую историческую эпоху и при другом поколении техники и технологии. Пожилые родственники, советуя молодежи, выполняют функцию агентов социализации, но не всегда успешно.

Интеллигенция, заполняющая три слоя среднего класса – нижний, средний и верхний, – независимо от своих доходов ориентирует детей только на высшее образование. Родители, даже сильно ограниченные в своих материальных возможностях, вкладывают последние деньги в образование детей. Формула «лучшее капиталовложение – это образование наших детей» выступает лейтмотивом всей жизни среднего класса, который сам сформирован из представителей образованной части общества. Дети вырастают в постоянной ориентированности на вузовское образование. У них всегда находятся нужные социализаторы, способные дать правильный совет, для них мобилируются все семейные доходы, им создается благоприятная духовная среда во время обучения.

Ничего подобного нет в семьях рабочих и крестьян, основная часть которых относится к низшему классу независимо от размеров дохода. Дети здесь мало ориентированы на вузовское образование. Живого примера высокообразованного специалиста, занятого престижным и творческим трудом, в своем ближайшем окружении они не видят: их родители, родные и знакомые, как правило, представители того же клас-

са. Правда, в советском обществе, где путь наверх был открыт представителям всех слоев и классов, сформировалась так называемая *внеклассовая модель социализации*. К высшему образованию в СССР стремились все – дети рабочих, крестьян и интеллигенции. Более того, первым при поступлении даже отдавали предпочтение. Вуз являлся мечтой для всей советской молодежи.

Вложению всех капиталов в образование детей интеллигенции помогает ориентация родителей на высшее образование и сильная мотивация на достижение, воспитанная в детях их родителями. Даже при одинаковых материальных возможностях у рабочих и интеллигенции их дети имеют неодинаковые шансы на поступление в вуз. Часто свободные капиталы семьи рабочих и крестьян не умеют с толком приложить: они не знают хороших репетиторов, у них нет знакомых среди преподавателей вуза, они при первой неудаче бросают начатое дело. Но чаще случается другое: семьи из низшего класса неспособны накопить нужные средства в силу неправильного, расточительного образа жизни.

Инкультурация и воспитание

От социализации надо отличать **обучение** – когнитивный процесс, охватывающий приобретение новых знаний, а также **воспитание** – целенаправленное воздействие агентов социализации на духовную сферу и поведение индивида, и *освоение ролей* – практическое овладение правами и обязанностями, предписанными данному статусу.

Социализация – двуединый процесс, включающий две части: усвоения культурных норм и освоения социальных ролей. Культурные нормы мы усваиваем – через литературу, телевидение, общение с людьми, родительские наставления и, конечно же, школьное обучение. А вот осваивать социальные роли можно только на практике, исполняя роль покупателя в магазине, ученика в школе, работника на производстве. Первую часть называют специальным термином – **инкультурация**. У двух частей разные результаты и уровни освоения норм.

Благодаря социализации индивид приобретает такие черты, которые можно считать универсальными для всех культур, а именно язык, статусы, роли. Благодаря инкультурации индивид приобретает такие черты, которые присущи только этой национальной культуре, но,

прежде всего – морально-нравственные ценности. Вторая составная часть процесса социализации – инкультурация – означает, в том числе, но не исключительно, процесс воспитания. *Воспитание* является составной частью процесса социализации и представляет собой целенаправленную передачу этических норм и правил достойного поведения старшим поколением младшему. Оно включает систему педагогических практик. Общество изобрело множество педагогических практик (приемов, методов, техник) – способов социальной тренировки, позволяющих человеку накрепко усвоить правила поведения. Сущность воспитания – нравственное совершенствование человека, приращение в культурном и социальном плане.

Инкультурация подразумевает усвоение культурных норм – традиций, обычаев и ценностей – своего собственного общества. Тесно связанное с ней понятие аккультурации предполагает частичное усвоение культурных норм чужого общества, которое происходит после эмиграции. Ассимиляция указывает на полное усвоение культурных норм чужого общества, растворение в нем. В такой ситуации происходит полное вытеснение старой картины мира и прежней иерархии ценностей новыми образованиями. Когда внутренне человек полностью меняется, у него формируется Альтер Эго. Процесс глубокой трансформации личности, который происходит в том числе при переходе из одной религии в другую, П. Бергман предложил называть *альтернативой*. Она тесно связана с двумя другими процессами – десоциализацией и ресоциализацией.

Социализация – это усвоение общечеловеческих социальных норм и ролей. Русский в Германии становится немцем, в Англии – англичанином и так далее. Особенно видна социализация у молодежи: молодые англичане, немцы, русские быстро находят общий язык и понимание. Чем быстрее русский турист начинает ориентироваться в незнакомой стране, тем более глубоким становится процесс социализации и инкультурация. Поверхностное приспособление к внешней среде, не требующее кардинальных изменений структуры ценностных ориентаций, стиля мышления и образа жизни, но лишь поведенческих моделей, называется **адаптацией**. Адаптация представляет элемент, составную часть социализации. Когда взрослый человек приезжает на время в другую страну в качестве

туриста, ему приходится адаптироваться к непривычным традициям, нормам, языку. Когда же он переезжает постоянно в другую страну, ему приходится социализироваться. Способность к адаптации с возрастом угасает.

Воспитание – направленный процесс влияния одного человека на другого с целью привить ему нужные правила поведения и/или этические нормы. В отличие от него социализация представляет собой не планируемый, нерегулируемый, не целенаправленный процесс взаимодействия людей с людьми или людей с вещественной средой. Воспитание – часть или форма социализации – ограничена числом субъектов, а социализация – нет.

Социализацию можно проводить, не занимаясь воспитанием. Родители, обычно малообразованные, кормят детей, поживают, приносят в семью деньги (часто не все), на выходные уезжают на свои шесть соток, устраивают дружеские компании и попойки, но целенаправленным воспитанием своих детей они не занимаются. Никто их не водит в музеи, не читает книги, не проводит душевительные беседы и т.п. Социализация есть, а воспитания нет. Видимо, нет и инкультурации. Следовательно, можно проводить социализацию. Но не иметь воспитания и инкультурации.

Воспитание – обязательно обучение, но обучение не чему попало, а только законам жизни, жизненной мудрости. Это глубоко нравственный процесс. Везде, где есть нравственное воздействие, есть воспитание. Но не везде, где есть обучение, есть воспитание. Обучение новым знаниям не есть воспитание. В школе обучение и воспитание разделяют. Многие российские учителя согласны взять на себя функцию передающего новые знания, но не согласны брать на себя статус воспитателя. Хотя в советской школе учителю буквально вменялось в обязанность выступать наставником жизни и воспитателем. Сегодня подобные установки устарели.

Социализация – процесс непрерывный и стихийный, т.к. человек постоянно взаимодействует с окружающим его обществом. Воспитание – процесс дискретный (прерывный) и целенаправленный, так как оно осуществляется в определенном месте, в определенное время, определенными людьми. Обучение также носит дискретный характер. Оно происходит в заданное время, в заданном месте под присмотром специалистов. Человек не может обучаться всю

жизнь. Окончив школу, он поступает в вуз, а после его окончания идет работать. Когда-то фирма пошлет его на курсы повышения квалификации или ему придется это делать на счет биржи труда.

Можно привести бесчисленное количество примеров аккультурации. В XIX веке Россия присоединила к своим границам много новых культурных регионов: Польшу, Кавказ, Среднюю Азию. Переселившиеся туда русские перенимали местные обычаи и традиции, сохраняя при этом свои собственные. Но и местное население теснее познакомилось с русской культурой, и многое позаимствовало из нее. Это пример аккультурации, явившейся следствием территориальных завоеваний и присоединений.

В 1968 г. американская армия, более 10 лет воевавшая во Вьетнаме, покинула юго-восточную страну. Некоторые молодые американцы взяли в жены вьетнамских девушек. В США им пришлось заново проходить процесс социализации, т.е. обучения новым нормам и ценностям. То же самое происходило после второй мировой войны, когда американские солдаты женились на японских девушках. В том и другом случае мужчины не оставались на родине своих жен, а увозили их в свою страну. Мужчина играет в данном случае активную культурную роль и вынуждает женщину адаптироваться к нормам родной для него культуры. Такое приспособление и одновременно переобучение называют ресоциализацией. Ресоциализация – сущность процесса аккультурации, ибо она может происходить только с взрослым человеком. Аккультурация представляет собой процесс повторной социализации взрослого человека (ресоциализацию), или усвоение норм и ценностей чужой культуры, которые наслаиваются на традиции и обычаи родной культуры.

Альтернатива «аккомодация или ассимиляция» ныне очень остро стоит перед этническими мигрантами в США – китайцами, японцами, мексиканцами, европейцами и др. Их становится все больше, а потому в стране формируются многомиллионные этнические общины, представляющие собой небольшой сколок соответствующей культуры. Здесь можно всю жизнь говорить на родном языке, полностью не растворяясь в американском обществе. Примером служит известный район Брайтон Бич в Нью-Йорке, заселенный сплошь выходцами из бывшего СССР. Брайтон-бич – сравнительно отда-

ленный район Нью-Йорка, где живет много эмигрантов из России и других советских республик. Расположен на берегу Атлантического океана. Brighton Beach в русском переводе звучит как «пляж Брайтон», потому как расположен на берегу Атлантического океана. Его называют еще «Маленькой Одессой». Здесь по-прежнему преобладает атмосфера 1970-80-х годов советской эпохи, перенесенная в Америку. Дух того времени чувствуется в манере одеваться, разговаривать, в афишах и оформлении магазинов. У океана – набережная. Хотя и деревянная, выглядит волне по-нашему: кафе, прогуливающиеся пары, скамеечки с видом на песчаный пляж и океан. Это культурный анклав, созданный в Америке иммигрантами из Советского Союза, не желающих полностью интегрироваться в американскую систему. Старшее поколение так и не выучило английского языка и не отвыкло от прежних традиций. Естественно, что родители выступают за аккомодацию, т.е. частичную интеграцию в американское общество и сохранение русских традиций. Напротив, сами дети стремятся к ассимиляции, полному растворению среди американцев, достижению того, чтобы практически не быть отличными от них. Только такой путь позволит полноценно социализироваться в чужом обществе и сделать успешную карьеру. Второе и третье поколения мигрантов формируют новую идентичность, представляющую смесь двух и более культур. Студенты-мигранты и приехавшие в другую страну по контракты предпочитают аккомодационную модель социализации вместо ассимиляции или изоляции.

Когда взрослый человек приезжает в другую страну, ему приходится социализироваться, а не просто адаптироваться еще и потому, что, получая гражданство и работу в другой стране, человек осваивает новые социальные роли и приобретает и приобретает новые статусы, а это уже процесс социализации.

Причины того, почему социализация взрослых и социализация детей происходит по-разному, изучал Орвиль Г. Брим-младший (1966). Он обнаружил следующие различия:

1. У взрослых социализация видоизменяет внешнее поведение, а у детей она трансформирует базовые ценности.

2. Взрослые способны оценивать нормы, корректировать их, а дети усваивают все некритически.

3. Социализация в зрелом виде вносит дополнительные оттенки между черным и белым, а дети учатся различать только контрастные цвета в оценках и суждениях о других людях. Взрослые выполняют множество социальных ролей (отец, работник и т.п.), а дети – нет.

4. Социализация взрослых идет по линии профессиональной специализации, а дети обучаются общим принципам жизни, правилам вежливости, моральным ценностям.

Молодые люди (18-24) живут в принимающей семье на правах гостя, знакомятся с культурой страны, выполняя несложную домашнюю работу, ухаживая и присматривая за детьми. Естественно, семьи, которые принимают студентов, предпочитают для такой работы девушек, но бывают и исключения. Судя по банкам данных AU PAIR в Интернете, многие молодые люди были бы не прочь пожить в европейской или американской семье в качестве «усатого няня». На самом деле речь идет об очень широкой программе инкультурации молодежи, межкультурных обменов и связей. Программа «Учись и работай» для AU PAIR была организована Обществом по международным молодежным контактам в Германии в начале 1980-х годов с целью развития культурных связей между молодыми людьми стран Европы, а затем и всего мира. Сегодня AU PAIR одинаково звучит на всех языках и именно так обозначается особый вид визы, по которой молодые люди прибывают в страну – временный вид на жительство на срок, согласованный с семьей. Виза выдается миграционной службой на основании договора, подписанного семьей и AU PAIR. Таким образом, пребывание AU PAIR в стране абсолютно легально, со всеми вытекающими отсюда льготами: страхование, защищенность в правах и т.п.

Уровни рассмотрения социализации

Обобщение литературы позволяет заключить, что социализация на протяжении последних 150 лет рассматривалась на 8 уровнях:

Первый уровень – трансисторический – антропосоциогенез: 1) сначала произошло становление человека (антропогенез), а затем люди стали себя социализировать, одновременно создавая общество из первобытного стада – социогенез. Как они создавали? Первое – ввели ряд норм: табу на кровосмешение, на убийство кровных родственников, на убийство детей дру-

го отца, захоронение умерших, общение с духами. Второе – практические дела – строительство домов вместо пещер, изготовление орудий труда при помощи орудий труда, передача знаний, разделение труда и специализация, нормы разделения добычи.

Второй уровень – исторический: два направления анализа – 1) смена общественно-экономических формаций по Марксу и появление социализации в значении обобществление, коллективизации; 2) у каждой эпохи свои формы и типы социализации по разным странам, например, к исторически пережиточным надо отнести детоубийство, патриархат и т.д.

Третий уровень – глобальный, происходит сегодня, его основные черты, затронувшие социализацию: учиться в любой стране, космополитизм, информационные технологии обучения и общения

Четвертый уровень – регионально-национальный – приемы социализации у народов балканских стран явно отличаются от таковых у латиноамериканских народов и т.д.

Пятый уровень – религиозно-конфессиональный

Шестой уровень – институциональный, агенты вторичной социализации

Седьмой уровень – малые группы: референтные, значимые другие, семья, первичная социализация

Восьмой уровень – индивидуальный – смена ценностных ориентаций, когнитивные процессы, картина мира, установки, поведение, социальное действие

Соответственно разным уровням меняется определение социализации: 1) социализация как обобществление; 2) социализация как life-time процесс; 3) социализация как общение людей. В них по-разному соединяются диахронность и синхронность.

В СССР социализация долгое время понималась как воспитание (формирование, создание) нового типа человека – *хomo советикус*. На Западе социализация понимается в двух значениях – широком и узком. В широком значении (socialization) это проходящий на протяжении всей жизни процесс включения в новые социальные роли и обучение новым социальным нормам. В узком смысле (socializing) – как практика общения, встреч, коллективных тусовок, совместного проведения времени, знакомств, в том числе через интернет.

Рис. 2. Уровни анализа процесса социализации

Такова в самых общих чертах концептуально-историческая матрица социализации в социологическом понимании. Последний момент автор хочет подчеркнуть особо, так как социализации в отечественной и зарубежной литературе разрабатывается главным образом, если не исключительно, на психологическом и социально-психологическом поле, с использованием идей Ж. Пиаже, З. Фрейда, Л. Колберга, Э. Эриксона и пограничных фигур Дж. Мида и Ч. Кули. Это поле – лишь небольшая делянка, индивидуально-групповая, на безбрежном пространстве человеческого бытия с его всемирно-историческим измерением и глобальным протяжением. Уже на философском, самом общем, плане *социальное* бытие возможно только как накопленная сумма продуктов и практик социализации. Углубляясь в «археологическое» прошлое этого бытия, ученые раскапывают еще много удивительных культурных слоев и открывают социальные горизонты социализации.

Ссылки:

1 Durkheim E. *Education et Sociologie*. Paris, 1922; Durkheim, Й. (2011). *Suicide*. London, UK: Routledge. (Original work published 1897); Durkheim, E. 1950. *The Rules of Sociological Method*. The Free Press, New York; Durkheim, E. 1956. *The Division of Labour in Society*. The Free Press, New York.

2 Erikson, E.H. *Identity and the Life Cycle*. *Psychological Issues* 1, No. 1, 1959; Erikson, E. (1963). *Childhood and society*. New York, NY: W. W. Norton; Erikson, E.H. 1964. *Insight and Responsibility*. Norton, New York; Erikson, E.H. 1968. *Identity, Youth, and Crisis*, Norton, New York.

3 Adler, A. (1938). *Social Interest: A Challenge to Mankind*. J. Linton and R. Vaughan (Trans.). London: Faber and Faber Ltd.

4 Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press.

5 Cooley, C. H. *Human Nature and the Social Order*. Schocken, New York, 1964; Cooley, C.H. (1902). *The looking glass self*. *Human Nature and Social Order* (pp. 179–185). New York, NY: Scribner's; Cooley, C.H. *Social Organization*. Schocken, New York; Cooley, C.H. *Social Process*. Southern Illinois University Press, 1966; Cooley, Charles Horton. 1907. *Social Consciousness*. *American Journal of Sociology* 12: 675–87.

6 Cooley, C. H. *Human Nature and the Social Order*. Schocken, New York, 1964.

7 Cooley, C.H. (1902). *The looking glass self*. *Human Nature and Social Order* (pp. 179–185). New York, NY: Scribner's.

8 Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press.

9 Vygotsky, L.S. 1978. *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press; Vygotsky, L.S. 1986. *Thought and Language*. Cambridge, MA: MIT Press.

10 Zimbardo Philip. *The Lucifer Effect. How good people turn evil*. – London, Rider, 2009.

11 *Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы*. - М., 1972. с.370.

12 Parsons T., Bales R. *Family. Socialization and Interaction Process*. L., 1956

13 Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916, № 1.

14 Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916, № 1. с. 171–172

15 Рубинштейн М. М. Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915, № 3.

16 Чекин А. Семейный распад и женское движение // Русское богатство. 1914, № 5.

- 17 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. с. 225.
- 18 Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. M., 1995.
- 19 Bourdieu P. Homo academicus /Transl. by Collier P. Cambridge, 1996; Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in education, society and culture /Transl. from the Fr. by R.J. Nice. With a forew. by Bottomore T.; Pref. to the 1990 ed. by Bourdieu P. L., 1998; Bourdieu, P. Outline of a theory of practice (R. Nice, Trans.). Cambridge: Cambridge University Press, 1977; Bourdieu, P. In other words: Essays towards a reflexive sociology (M. Adamson, Trans.). Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1990; Bourdieu, P. The logic of practice (R. Nice, Trans.). Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1990.
- 20 Kohlberg L. Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Socialization // (Ed.) Goslin D.A. Handbook of Socialization Theory and Research. Chicago, 1969; Kohlberg L. From Is to Ought: how to commit the naturalistic fallacy and get away with it in the study of moral development // (Ed.) Mischell T. Cognitive Development and Epistemology. N.Y., 1971; Пауэр Ф. К. Хиггинс Э., Колберг Э. Подход Лоуренса Колберга к нравственному воспитанию // Психологический журнал - N 3, 1992.
- 21 Кон И. С. Социология личности. М. 1967.
- 22 Парыгин Б.Д. Социальная психология и наука. - Л., 1967; Парыгин Б.Д. Основы социально - психологической теории. М.: Мысль, 1971
- 23 Petrovsky A.V. Psychology. - M.: Progress Publishers, 1989.
- 24 Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
- 25 Naumov A., Puffer S. Measuring Russian Culture using Hofstede's Dimensions // Applied Psychology, 2000. № 49 (4). P.709-718.
- 26 См.: Кочетков В.В. Социология межкультурных различий. М.: Социум, 2000.
- 27 Матвеева А.И. Механизмы социализации личности в условиях постиндустриализма: монография. Казань: Изд-во «Бук», 2016.
- 28 Granovetter, M. (1983). The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. Sociological Theory. 1: 201–233.
- 29 Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. – М.: Юристъ, 1997.с.34-35.
- 30 Zimbardo P. G. The Lucifer Effect: Understanding how good people turn evil. New York: Random House, 2007; Zimbardo P. G., Maslach C., Haney C. Reflections on the Stanford Prison Experiment: Genesis, transformations, consequences // T. Blass (Ed.). Obedience to authority: Current Perspectives on the Milgram paradigm. Mahwah, N.J.: Erlbaum, 2000, pp.193-237; Haney C., Zimbardo P. G. The past and future of U.S. prison policy: Twenty-five years after the Stanford Prison Experiment // American Psychologist (1998). 53, pp.709-727; Haney C., Banks W. C., Zimbardo P. G. Interpersonal dynamics in a simulated prison // International Journal of Criminology and Penology (1973). 1, pp.69-97; Zimbardo P. G., Haney C., Banks W. C., Jaffe D. The mind is a formidable jailer: A Pirandellian prison // The New York Times Magazine (1973, April 8). Section 6, 36, ff.
- 31 Haney C., Banks W.C. Zimbardo P.G. A study of prisoners and guards in a simulated prison. Naval Research Review, 1973. 30, pp. 4-17.
- 32 Дубинки играли скорее символическую роль, поскольку ни разу не применялись по прямому назначению. Ведь физическое насилие категорически запрещалось.

Экспертные знания в обществе конца XX – начала XXI века: статус и значимость

Манцева Е.Р.

Современное общество обладает рядом характерных особенностей, одна из которых - ведущая роль знаний и передовых технологий, без которых человеку трудно представить свою жизнь. В связи с этим перед социологами возникает важнейшая задача изучения и понимания форм знаний, которые функционируют в настоящее время в обществе, а так же выявления роли, которую они играют. Наиболее сложными для изучения в данном контексте представляются «экспертные знания», так как они претерпевают сильнейшие изменения за последние годы, равно как и те, кто является их творцами. Вследствие этого, подобные трансформации сказываются не только на всех членах общества, но и сферах общественной жизни, а так же влияют на определение вектора его дальнейшего развития. Именно поэтому определение статуса «экспертного знания» представляется важнейшей задачей, решаемой в данной статье. Ключевые слова: экспертные знания, знания, формы знания, эксперты, информационное общество.

Mantseva E.R.

Expert knowledge in the society of the late XX-early XXI century: status and significance.

Modern society has a number of characteristics, one of them is the leading role of knowledge and advanced technologies - features our life is difficult to pretend without. In this regard, sociologists face the most important task of studying and understanding forms of knowledge which are currently on stream and the role they play in society. The most difficult to study «expert knowledge» in this context, as they have been in the strongest changes in recent years, just like those who are their creators. In this way, such transformations affect not only all members of society, but also spheres of public life, as well as they influence on the determination of the vector of its further development. Thus, the definition of the status of «expert knowledge» is the most important task being solved in this article. Key words: expert knowledge, knowledge, forms of knowledge, experts, information society.

Информационное общество, в котором живет современный человек, по праву представляет собой уникальный предмет для изучения не только социологами, но и культурологами, философами, политологами и т.д. Внимания ученых достойны абсолютно все сферы общественной жизни, так как они обладают рядом характеристик, которые трудно найти на предыдущих этапах его развития. Недаром один из ведущих теоретиков общества конца XX-начала XXI века, американский социолог Д. Белл, своей работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» писал, что современное общество - «это новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни, вытесняющий индустриальную систему» [2,9].

Одной из таких характерных особенностей информационного общества являются знания, а именно их значимость для жизни из каждого его членов. Особое внимание стоит отвести кардинальным изменениям статуса - значимости экспертного знания и его функций, а так же трансформация роли производителей данной формы знания, то есть экспертов. «Надежность знания и информации, надежность их источников - важнейший вопрос в обществе, которое именует себя информационным. От надежности знаний, получаемых каждым из нас, передаваемых другим индивидам и звеньям разделения труда, и, соответственно, от надежности знаний и информации, получаемых нами от других индивидов, в прямом и глубоком смысле зависят не только благосостояние людей, но, вместе с накоплением чрезвычайных ситуаций, и сама их жизнь» [4, 231].

На первый взгляд данная проблема может показаться не столь серьезной и актуальной, например, в сравнении с угрозами международного терроризма, глобальным потеплением, ин-

формационными войнами и прочими бедами современности, угроза которых очевидна. Но это не так, ибо данная проблема представляется чрезвычайно важной, так как эксперты и экспертные знания всегда служили не только показателем развития того или иного общества, но и практическим инструментом решения многих проблем, в том числе и глобального характера, что в настоящее время является актуальным.

Таким образом, прежде чем определять статус и значимость экспертных знаний и их создателей в информационном обществе, стоит дать определение «эксперту», как производителю данной формы знаний. Для этого можно обратиться к социологическим словарям, где отмечено, что в классическом понимании эксперт - это тот, кто является специалистом, профессионалом своего дела и разбирается в той области, в которой специализируется [3,497]. Отсюда логично сделать вывод, что единственное адекватное требование, которое общество может предъявить к «эксперту» - это компетентность. Получается, что знания, производимые экспертами, должны быть объективными, полезными, применимыми на практике, а так же объяснять те или иные явления, происходящие в реальной действительности. И здесь становится совершенно очевидно, что экспертами не могут быть все члены общества сразу. Ими является определенный круг лиц, имеющих необходимые качества (главным образом компетентность) и способности к производству подобных знаний. А значит, экспертное знание является достаточно сложной формой знаний по своему содержанию, и понять его может далеко не каждый человек. Можно даже сказать, что эксперты - своеобразные творцы истории, ведь знания, которые они производят, всегда были важны на протяжении развития общества.

И здесь возникает вопрос, каков же статус экспертных знаний в современном обществе и какова их значимость для его дальнейшего развития? А так же справедливо задуматься, как массы, то есть те, кто не является экспертами, могут получить эти знания и использовать их в своей жизни? Ответить на эти вопросы пытались многие социологи. Например, З. Бауман полагал, что экспертные знания всегда обладали элитарным статусом и действительно не могут быть поняты и использованы обществом без помощи самих экспертов, творцов данной

формы знания. Таким образом, по мнению социолога, эксперты всегда являлись своего рода «переводчиками», которые объясняли массами необходимость законов, традиции, культуру во всем ее многообразии, а так же давали ему «практические» знания, которые можно применять в жизни для достижения как насущных целей, так и в качестве инструмента построения своего будущего. Так, эксперты всегда развивали общество, стимулируя его к прогрессу во всех сферах его жизни. Получается, что экспертные знания всегда были неотъемлемой частью общества, ибо без них не могло идти речь о его развитии. В связи с этим стоит отметить, что экспертами нередко выступали ученые. Ценился процесс образования, которое имело элитарный статус, как и те, кто его предоставлял.

В настоящее время статус экспертов и экспертного знания претерпевает колоссальные изменения, которые, носят исключительно негативный характер. Статус экспертных знаний резко снизился, и объяснить это можно распространением СМИ, популяризации сети Интернет, так как теперь именно они взяли на себя роль «переводчиков» экспертных знаний благодаря своей простоте и всеобщей доступности, отодвинув экспертов в классическом понимании на второй план.

Более того, раз экспертное знание спустилось в массы, которыми и производится в настоящее время благодаря видео-блогам, различным информационным приложениям, каждый человек может узнать любую интересующую его информацию и предстать перед другими экспертами в той или иной области, какая ему наиболее близка при наличии минимальных представлений о чем идет речь. Все это приводит к отсутствию точной системы координат для понимания точности информации в бесконечном информационном потоке, который убыстряется изо дня в день. Практически невозможным становится поиск ложных фактов среди огромного количества различных сведений, которые производятся членами общества и, более того, признаются без особых подтверждений и сомнений в истинности своего содержания. Так же общество начинает больше использовать те знания, которые решают его сиюминутные проблемы, но не способствуют качественному обогащению культуры, развитию общества и его процветанию в будущем.

В данном контексте весьма показательным является учение об «эпистемологическом анархизме» П. Фейерабенда, который в работе «Против метода. Очерк анархистской теории познания» [5] пишет об отсутствии каких-либо конкретных, универсальных методов получения знаний, которые являются объективными. Поэтому любое знание может считаться объективным, претендовать на статус истинного и научного, даже при условии того, что оно не доказано и выглядит, по меньшей мере, абсурдно и является чьим-то субъективным мнением. Но, раз наукой на данный момент не доказано обратное, то есть, нет опровержения подобного знанию, значит, как ученые могут утверждать, что этого не может быть? Конечно, П. Фейерабенд говорит о научных знаниях, но ранее уже было отмечено, что нередко производителями экспертных знаний являлись ученые, что придает данному учению мыслителя особую значимость в качестве примера плачевного состояния экспертов и экспертных знаний в современном обществе.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время каждый человек сам себе эксперт и производит свои «экспертные знания», создавая абсолютно новую культуру, которая не имеет точных ориентиров, рациональных целей. Единственный параметр, который, возможно, объединяет современные знания различных людей, считающих себя экспертами, это ориентация на решение насущных проблем, а так же ориентация на разнообразие товаров и услуг, которые характеризуют общество пост-модерна. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, современное общество похоже на гигантскую черную дыру, которая поглощает все, что в нее попадает [2].

Таким образом, справедливо можно сделать вывод, что современно общество, именуемое в социологической науке информационным, действительно является уникальным во всем своем многообразии, что особенно ярко проявляется в его стремлении разорвать любые связи со своим прошлым: классической наукой, традициями, культурой. Изо дня в день оно стремится создавать что-то новое, забывая, что история это не просто различные события, но и учет ошибок человечества, которые служат ему уро-

ком для построения его будущего. А понять эти ошибки, усвоить урок и определить вектор дальнейшего развития общества, как и обеспечить само движение вперед могут только эксперты, создавая экспертные знания.

Поэтому в связи с утратой ими элитарного статуса, их значимость для общества заметно возрастает. И пока есть те, кто осознает важность данной проблемы и делает попытки найти выход из сложившейся ситуации, выход на новый, качественный уровень развития общества возможен. А последствия утраты элитарного статуса экспертных знаний и стирание границ между экспертами и массами еще предстоит увидеть не только ученым, но и самому обществу.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования // М.: Academia, 1999, 788 с./ Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt social'nogo prognozirovaniya // М.: Academia, 1999, 788 s.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Перевод с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000, 100 с./ Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyt social'nogo prognozirovaniya // М.: Academia, 1999, 788 s.
3. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь, Изд-во: М.: АСТ., 2004, 511 с./ Kravchenko S.A. Sociologicheskij ehnciklopedicheskij russko-anglijskij slovar', izd-vo: М.: АСТ., 2004, 511 s.
4. Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50-80-х годов 20 века и западная мысль. - М.: Академический Проект, 2012, 376 с./ Motroshilova N.V. Otechestvennaya filosofiya 50-80-h godov 20 veka i zapadnaya mysl'. - М.: Akademicheskij Proekt, 2012, 376 s.
5. Фейерабенд П.К. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пол Феи?ерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. - М. АСТ: Хранитель, 2007. – 413 с./ Fejerabend P.K. Protiv metoda. Ocherk anarhistskoi? teorii poznaniya / Pol Fei?erabend; per. s angl. A.L. Nikiforova. - М. AST: Hranitel', 2007. - 413 s.

Медиапространство как объект управленческой деятельности: социологический аспект

Мусабаева Д.А.

В статье рассматривается медиапространство как объект управленческой деятельности. Выявляется сущность медиапространства через призму социологических подходов к концептуальному пространству. Рассматривается социально-управленческая технология медиапланирования как инструмент решения проблемы сегментации медиапространства при разработке информационных кампаний. На примере телевизионного планирования даётся краткое описание показателей, на основе которых осуществляется выбор медиа носителей.

Ключевые слова: медиапространство, социальное пространство, информационное управление, медиапланирование, целевая аудитория.

Musabaeva D.A.

Media space as an object of management: sociological aspect

The article deals with media space as an object of management. The essence of media space is revealed through the prism of sociological approaches to the concept of social space. The article considers the socio-management technology media planning as a tool for addressing the problem of segmentation of the media space in the development of information campaigns. On the example of television planning is given a brief description of the indicators on the basis of which media media is selected.

Key words: media space, social space, information management, media planning, target audience.

Современный этап развития человеческой цивилизации рассматривается как переход к информационному обществу. Все многообразие теоретических разработок, описывающие новое состояние социальной реальности, сводится к тому, что информация становится главным ресурсом в обществе, а информационная революция не только обусловила преобразование общественной жизни, но и стала катализатором формирования новой среды - информационно-коммуникационного пространства, или медиапространства.

Понятие медиапространство получило широкое распространение в сфере массовых коммуникаций, однако для социологической науки не является концептуально проработанным в полной мере. Среди социологов наиболее полное определение представлено в работах Е.Н. Юдиной. По мнению учёного, «медиапространство может быть позиционировано как особая реальность, являющаяся частью социального пространства и организующая социальные практики и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации»¹. Данное определение справедливо отмечает, что ядром, организующее медиапространство, выступает массовая информация, которая органично объединяет социальные институты, организации, группы и отдельные личности, имеющие отношение к её производству и потреблению.

Чтобы понять категориальную сущность медиапространства необходимо обратиться к понятию социальное пространство.

Социальное пространство достаточно широко распространенный концепт в социологическом дискурсе и имеет различные подходы интерпретации. Так О.С. Чернявская рассматривает три возможных подхода к определению социального пространства: как обстоятельство взаимодействия, как статусная структура и как

социальные смыслы физического пространства².

Рассмотрение социального пространства как совокупность смыслов физического пространства была предложена немецким социологом Георгом Зиммелем. С его точки зрения, пространство является социальным в силу того, что его невозможно отделить от созерцающего субъекта, в социальном действии которого проявляется смысл пространства. Эта идея в понимании социального пространства прослеживается в работах И. Гофмана³, Э.Гидденса⁴, А. Лефевра⁵, а также отечественного учёного А.Ф. Филлипова⁶. Учёные концентрируют свой научный интерес на изучении общих смысловых форматов социальной реальности, которые в трудах И. Гофмана получили название «фреймы», а в работах А. Лефевра - «производство пространства» (спатIALIZация).

Концепция социального пространства как пространство взаимодействия социальных акторов была предложена французским мыслителем Пьером Бурдьё. Понятие социального пространства занимает центральное место в его социологической теории, называемой структуралистским конструктивизмом. Учёный рассматривал социальное пространство как топологическое, то есть непрерывное образование. Свойства такого образования остаются неизменными при деформации, причём «можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципу дифференциации и распределения»⁷.

Топологический подход позволил учёному представить социальное пространство как совокупность силовых «полей». Понятие «поле» позволяет объяснить многообразие индивидуальных позиций в социальном пространстве: индивидуальные позиции представляют собой уникальные сочетания разных полей и сил. Место агента в социальном пространстве может быть понято только через взаимное расположение агентов, обладающих различными видами капитала (экономическим, культурным, символическим, социальным). Именно распределение различного вида капитала структурирует поле.

Другой подход рассматривает социальное пространство как порядок социальных позиций (статусов) социальных акторов. Данный подход был разработан П. Сорокиным в его теории социальной стратификации и социальной мобильности⁸. Разработанные теории Сорокина под-

чёркивают определённое положение индивида в некоторой системе координат, которая и обозначает социальное пространство. При этом данная система координат является многомерной. Каждый индивид занимает определённое положение в данной системе, которое Сорокин определяет как совокупность его связей со всеми группами населения, а также внутри каждой из этих групп. Каждая социальная позиция предписывает индивиду, занимающую ее, определённые требования, а также влияет на его взаимодействие с другими людьми. Соответственно, чтобы определить положение индивида в социальном пространстве, необходимо определить его отношение к другим людям,

Питирим Сорокин подчёркивал три главные характеристики социального пространства. Первая характеристика заключается в том, что оно существует объективно, независимо от воли членов общества. Вторая - отношения между членами общества иерархизированные, а также существует возможность горизонтального и вертикального перемещений в данном пространстве, сопровождающиеся сменой занимаемой позиции. Третья особенность - социальное пространство характеризуется многомерностью: есть возможность выделить множество пространств по разным критериям, и к каждому этому пространству может быть применима система социальных координат, которую выбирает исследователь.

Для того чтобы проанализировать структуру медиапространства, обратимся к схеме Лефевра. Согласно данной схеме в медиапространстве выделяется следующее строение: масс-медиа, которые составляют фундамент производства и передачи массовых информационных потоков, социальные отношения медиа-агентов, связанные с производством и потреблением информации, и информационный символический продукт, в форме которого распространяется массовая информация.

Социальные отношения медиа-агентов, связанные с производством и потреблением массовых информационных потоков в рамках разработки и реализации информационных кампаний, приобретают форму информационного управления.

Под информационным управлением понимается процесс выработки и реализации управленческих решений в ситуации, когда управля-

ющее воздействие носит неявный характер и объекту управления предоставляется определяемая субъектом управления информационная картина, ориентируясь на которую этот объект как бы самостоятельно выбирает линию своего поведения⁹.

Субъектом информационного управления выступают носители социальных интересов, которые реализуют посредством СМИ свои цели. Целями субъектов управления, как правило, выступают изменения массового сознания и поведения. Объектом информационного управления выступает массовая аудитория, целью которой является получение информации, необходимая для ориентации в среде существования. Однако при планировании информационных кампаний объектом часто выступает отдельный сегмент, его определяют как целевая аудитория. Под целевой аудиторией понимается группа людей, на которую направлено информационное сообщение. В основу сегментации целевой аудитории могут быть положены различные признаки в зависимости от поставленных целей и задач информационной кампании: гендерный, классовый, возрастной, по материальному положению, профессиональный или отраслевой, поведенческий, психографический (на основе психологических особенностей и стиля жизни) и т.д. Каждый признак может быть в дальнейшем конкретизирован: так в рамках территориального аспекта могут быть выделены целевые аудитории по регионам, городские аудитории, сельские аудитории. Целевая аудитория может включать в себя несколько признаков одновременно.

Необходимость в сегментации аудитории при планировании информационных кампаний возникает при выборе медиа, посредством которых осуществляется распространение информационного сообщения. Каждая целевая аудитория характеризуется своим медиапотреблением так же, как и каждый медианоситель (телеканал, радиостанции, газеты и журналы, интернет – ресурсы и т.д.) имеет свою аудиторию. С каждым годом наблюдается рост количества средств массовой информации. По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в настоящее время зарегистрировано 3447 радиостанций, 28872 журналов, 21 148 газет, 5456 сетевых изданий, 4841 элек-

тронных периодических изданий¹⁰. Подобная ситуация формирует проблему управления доставкой информационного сообщения при разработке и реализации информационной кампании, так как необходимо учитывать специфику как адресной аудитории, так и канала коммуникации. Решением данной проблемы информационного управления выступает технология медиапланирования.

История медиапланирования берёт своё начало с исследования американского рекламиста Роджера Бартона. В 1964 году он пришёл к мысли, что «продвижение товаров или услуг на рынке особенно эффективно, когда комплекс маркетинговых мероприятий разрабатывается с учётом плана работы со средствами массовой информации»¹¹. При этом под планом работы со СМИ Бартон подразумевал разработку стратегии, которая позволила бы максимально эффективно использовать средства массовой информации. Медиапланирование развивалась преимущественно в рамках медиарекламной сферы. Поэтому большинство трактовок определяют данное понятие через призму рекламной деятельности. Однако стоит отметить, что медиапланирование не ограничивается только рекламной сферой и применимо к любому типу информационного сообщения, распространяющиеся посредством СМИ.

Наиболее общее определение медиапланирования представлено в работах Бузина В.Н.. По его мнению, медиапланирование – это управленческая деятельность в области средств массовой коммуникации, направленная на своевременную и точную доставку информации определённым социальным группам и минимальное распространение этой информации среди других социальных групп, которым эта информация не предназначена.¹²

Инструментарий медиапланирования позволяет управлять информационными потоками и массивами в огромном многообразии СМИ, обеспечивая адресную доставку информации. Информационной поддержкой медиапланирования выступают социологические исследования, проводимые компанией MediaScore. Данная компания создала логическую систему информационного обеспечения. Эта система включает в себя базы данных, которые являются результатами мониторинговых медиаисследований по ряду проектов: исследование аудиторий

Таблица 1
Основные показатели при планировании информационной кампании на ТВ: этап выбор телеканалов.

Показатель	Описание показателя	Формулы расчёта
TVR, средний рейтинг	Рейтинг временного промежутка (передачи, рекламного блока) с учётом продолжительности просмотра и выражается в процентах от целевой аудитории (ЦА)	$TVR = \text{Аудитория события} / \text{Размер Целевой аудитории} \times 100$
Share, доля телесмотрения	Доля телеканала в совокупном телесмотрении за тот же период	$Share = TVR / \text{Total TV TVR} \times 100,$ где Total TV TVR – совокупное телесмотрение: процент ЦА смотрящих телевизор в данный момент времени, от всего объёма ЦА
Affinity, индекс соответствия	Показатель качественной оценки носителя. Он показывает, насколько просмотр телеканала характерен для данной целевой аудитории	$Affinity = TVR \text{ ЦА} / TVR \text{ БА} \times 100,$ где БА – базовая аудитория телеканала
CPT (Cost per thousand)	Показатель отражает стоимость за 1000 контактов с ЦА	$CPT = CPC * 1000,$ где CPC – стоимость за 1 контакт $CPC = CPP \text{ TVR} / (\text{Размер целевой аудитории} / 100)$

радиостанций (Radio Index), измерение телевизионной аудитории России (TV index), исследование аудитории прессы (National Readership Survey), исследование характеристик аудиторий в Интернете (Web-index), исследования медиапредпочтения и потребительского предпочтения (Marketing Index)¹³. Данные, полученные в ходе подобных исследований, отражают текущее состояние медиасреды.

В процессе первого этапа планирования информационной кампании база данных MediaScore позволяет осуществить сравнительную оценку относительно медиапотребления той или иной аудитории, выбрать оптимальный медиа-сплит и сплит медианосителей информации, подходящие для целей информационной кампании.

Выделяют следующие критерии, по которым осуществляется сравнение средств массовой информации:

- Селективность (избирательность) аудитории – это характеристика медианосителя, которая заключается в доведении информационного сообщения до определённой социальной группы населения при минимальной «пустой доставке».

- Потенциальный охват – это свойство медианосителя аккумулировать максимальное количество людей в качестве своих слушателей, читателей, зрителей.

- Скорость аккумуляции аудитории – свойство медианосителя, которое показывает, сколько выходов или сколько времени требуется медианосителю, чтобы охватить всю потенциальную аудиторию.

- Географическая гибкость – свойство медианосителя охватить необходимые географические области. Так, если целевой аудиторией выступает всё население России, то признак географической гибкости уходит на второй план,

на первый план выходит показатель охватности каналов распространения информационного сообщений. Если же целью информационного воздействия является определённая группа людей, проживающая в отдельном федеральном округе или регионе, то геопоказатель становится первостепенным.

· Контроль предъявления информационного сообщения — возможность контролировать выходы информационного сообщения в данном медианосителе.

При планировании информационных кампаний данные критерии конвертируются в определённые показатели, на который опирается менеджер при осуществлении выбора каналов распространения информационных сообщений.

Если рассматривать планирование информационной кампании на ТВ, то основополагающим медийным показателем при выборе медианосителя выступает эфирный рейтинг «TVR». Он представляет собой оценку аудитории, которая видела то или иное событие на телеканале. Событиями могут выступать программа, рекламный ролик. «TVR» применим и в целом к телеканалу. В данном случае он будет показывать среднее значение телесмотрения телеканала за определённый период.

Другой важный показатель при планировании выступает доля телесмотрения «Share», показывающий суммарный рейтинг аудитории данного медианосителя среди других носителей информации в пределах одного медиа за один и тот же период. Здесь следует провести разграничения между понятиями медиа, или средствами массовой информации, и медианосителями, или носителями информации. Под медиа понимается общая категория средств доставки информации, в то время как медианоситель — это конкретное средство доставки информации. Так, например, ТВ выступает традиционным медиа, в то время как телеканалы (Первый канал, Россия 1, НТВ и другие) выступают медианосителями.

Индекс соответствия, или «Affinity», показывает насколько просмотр того или иного телеканала характерен для целевой аудитории.

Важным компонентом планирования телевизита выступает показатель, отражающий экономическую эффективность. Таким показателем выступает «СРТ», отражающий стоимость за 1000 контактов с целевой аудиторией.

Вышеупомянутые показатели рассчитываются по определённым формулам, представленные в табл. 1, и опираются на статистические данные, аккумулированные в программном обеспечении MediaScope.

После определения каналов распространения, которые будут задействованы в информационной кампании, необходимо перейти к более детальному планированию размещения информационных сообщений,

Для каждого типа медиа характерен свой набор медийных показателей, которые позволяют управлять информационным воздействием. Данные показатели выполняют функцию формализации информационной среды, благодаря чему есть возможность их сравнивать и выбирать оптимальные СМК и носители для решения конкретной задачи информационной кампании.

Литература

1. Барковская А.Ю. Социологическая интерпретация категории «социальное пространство» // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 1(19). С.49-55
2. Бузин В.Н. Медиапланирование. Теория и практика: учеб. пособие /В.Н. Бузин, Т.С. Бузина. -М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. -495 с.
3. Бузин В.Н. Медиапространство в структуре социального пространства // Социум и власть. 2012. № 2 (34).С.9-13
4. Бурдые П. Социология политики. — М., 1993. -336 с.
5. Бурдые П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии. - СПб.: Алетейя, 2007. -288 с.
6. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. — 304 с.
8. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. Монография/ И.М.Дзялошинский.-М.: Издательство АПК и ППРО. 2013.-479 с
9. Общероссийский реестр средств массовой информации URL: <https://rkn.gov.ru> (дата обращения 29.01.2018 г.)
10. Коломиец В.П. Медиа рекламная индустрия

трия: рассуждение о будущем// Теория и практика медиарекламных исследований. Вып.4.М.-:НИПКЦ Восход-А.2014.С.6-41

11. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 3–14.

12. Официальный сайт исследовательской компании Mediascope URL: <http://mediascope.net/> (дата обращения 30.01.2018 г.)

13. Сорокин П.А. Социальная мобильность. [пер. с англ. М. В. Соколовой]. – М.: Academia: LVS, 2005. - 588 с

14. Судас Л.Г. Юрасова М.В. Маркетинговые исследования в социальной сфере. - М:Инфра-М.2004. – 252 с.

15. Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с

16. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. И. И. Лобачевского.2008. № 5. С.329-335

17. Шелонаева С.И. Медиапространство: структура и распределение социального капитала и медиа-агентов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana).2011. С 81-85

18. Шубин А.Н. Пелихов В.П. Задачи оптимизации медиапланирования в информационном управлении //Проблемы управления. 2003.№2.С.53-55

19. Юдина Е.Н. Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 151-156

20. Юрасова М.В. Проблемы качества эмпирических исследований // Вестник Университета (Государственный Университет Управления). 2016. № 11.С.260-265

Ссылки:

1 Юдина Е.Н. Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С.156

2 Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. И. И. Лобачевского. 2008, № 5. С.334

3 Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с

4 Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с

5 Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 3–14.

6 Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.

7 Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.С.55-56

8 Сорокин П.А. Социальная мобильность. [пер. с англ. М. В. Соколовой]. – М.: Academia: LVS, 2005. - 588 с

9 Шубин А.Н. Пелихов В.П.Задачи оптимизации медиапланирования в информационном управлении//Проблемы управления.2003.№2.С.53

10 Данные из общероссийского реестра средств массовой информации по состоянию на 30.06.2017 года

URL: <https://rkn.gov.ru>

11 Коломиец В.П. Медиарекламная индустрия: рассуждение о будущем// Теория и практика медиарекламных исследований. Вып.4.М.-:НИПКЦ Восход-А.2014.С.7

12 Бузин В.Н. Медиапланирование. Теория и практика: учеб. пособие /В.Н. Бузин, Т.С. Бузина.-М.:ЮНИТИ-ДАНА,2015. С.43

13 Официальный сайт исследовательской компании Mediascope URL: <http://mediascope.net/>

Объективные и субъективные факторы Великого Октября

Романенко М. В.

В статье рассматриваются структура и содержание объективных и субъективных условий, которые в Октябре 1917 года в ходе активной революционной деятельности рабочего класса и крестьянства под руководством большевистской партии превратились в факторы Великого Октября, победы революции. Дана критика обвинений Ленина в «волюнтаризме», а Маркса в «экономическом детерминизме» и противопоставления ленинизма марксизму в оценке роли субъективного фактора в социалистической революции.

Ключевые слова: Маркс, Ленин, Великий Октябрь, социалистическая революция, объективные условия, субъективный фактор, рабочий класс, большевистская партия.

Romanenko M. V.

Objective and subjective factors of the Great October Revolution
The article deals with the structure and content of objective and subjective conditions, which in October 1917, in the course of the active revolutionary activity of the working class and the peasantry under the leadership of the Bolshevik Party, turned into factors of the Great October Revolution, the victory of the revolution. Criticism of Lenin's accusations of «voluntarism» and Marx in «economic determinism» and opposition of Leninism to Marxism in assessing the role of the subjective factor in the socialist revolution is given.

Key words: Marx, Lenin, Great October, socialist revolution, objective conditions, subjective factor, working class, Bolshevik party.

Лейтмотив хора нынешних критиков и противников Великой Октябрьской социалистической революции сводится к старому, часто повторяемому тезису, что в России не было достаточно зрелых объективных и субъективных предпосылок, условий для социалистической революции. Октябрьское восстание они нередко считают военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом. В итоге Великий Октябрь объявляется результатом заговора большевиков, а не вытекает, как доказывают марксисты-ленинцы, из закономерного хода истории. Чтобы показать несостоятельность этих критиков, а имя им – легион, придется кратко осветить ясный для последователей марксизма-ленинизма вопрос о диалектике объективного и субъективного в истории, условий общественного бытия и человеческого фактора в социалистической революции. Революцию вообще, а в России социалистическую революцию в особенности, необходимо рассматривать как результат деятельности революционных сил, сознавать, что она есть продукт взаимодействия социально-экономических и социально-политических объективных обстоятельств и субъективных факторов. В оценке пролетарской революции антикоммунисты часто противопоставляют ленинизм марксизму. Утверждают, что Маркс делал акцент на экономической эволюции, у него субъектом социалистической революции выступает рабочий класс, а у Ленина – партия, в которой антикоммунисты видят организацию заговорщиков.

Изображать Маркса «экономическим материалистом», а Ленина - «волюнтаристом» значит вульгаризировать, более того – фальсифицировать их взгляды. И у Маркса, и у Ленина принципиально единое решение фундаментального вопроса о соотношении объективного и субъективного в истории. Согласно их взглядам определяющую роль в историческом про-

цессе играют объективные, прежде всего, экономические условия. От них в конечном счете зависят и формирование, и содержание, и развитие субъективного фактора, который является отражением и выражением назревших вызовов истории. Необходимость социалистической революции детерминирована, вытекает из объективных условий капитализма, создающего и материальные предпосылки социалистической революции (крупное обобществленное производство) и своего могильщика – пролетариат. В то же время социалистическая революция – результат не одних только объективных условий, но и сознательной и организованной борьбы революционных сил под руководством партии. Этот субъективный фактор обладает относительной самостоятельностью. При наличии зрелых объективных предпосылок он может сыграть решающую роль в победе революции. В момент экономического и социально-политического кризиса «решают сознательность и твердость рабочего класса. Если он готов к самопожертвованию, если он доказал, что он умеет напрячь все свои силы, то это решает задачу... Решимость рабочего класса, его непреклонность осуществить свой лозунг – «мы скорее погибнем, чем сдадимся» – является не только историческим фактором, но и фактором решающим, побеждающим» [1, с. 249].

Вспомним также ленинские слова о том, что революция побеждает тогда, когда к объективным переменам присоединяется субъективная, именно присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, «достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, «не упадет», если его не «уронят» [2, с. 219]. Основные положения марксизма о революции были развиты В.И. Лениным применительно к новой эпохе в развитии капитализма. Во времена К. Маркса и Ф. Энгельса объективные предпосылки социалистической революции еще не вполне созрели. Поражение Парижской Коммуны (1871 г.) было вызвано не только ошибками вождей восставших, но и недостаточной развитостью капитализма. Переход общества в стадию империализма резко меняет ситуацию. Ленин на основе тщательного экономического анализа приходит к выводу, что государственно-монополистический капитализм – это достаточная

материально-техническая подготовка социализма, когда становится возможным планирование и регулирование производства в масштабе всего общества, когда все производство можно уподобить единой фабрике. Империализм, как высшая стадия капитализма, – канун социалистической революции, в этот период революция пролетариата при благоприятном стечении обстоятельств, становится делом практически неизбежным. Растет активность народа, особенно рабочего класса под руководством партии нового типа, энергичные действия левых сил, революционных партий (именуемых обычно субъективным фактором) что обусловлено прежде всего появившимися реальными возможностями перехода к социализму.

Обращение Ленина к проблеме субъективного фактора диктовалось и необходимостью вести борьбу против получивших широкое распространение среди вождей и теоретиков II Интернационала, русских «экономистов» и меньшевиков теорий стихийности, толковавших марксизм в духе вульгарного материализма. С их точки зрения, созревшие экономические условия общества приведут к тому, что большинство населения превратится в пролетариат, и капиталистические производственные отношения автоматически («естественно») перерастут в социалистические. При этом игнорировался тот факт, что сила пролетариата в капиталистической стране несравненно больше, чем его численность в общей массе населения. Заслуга всестороннего обоснования роли субъективного фактора в борьбе за осуществление социалистической революции, бесспорно, принадлежит В.И. Ленину. Он раскрыл структуру субъективного фактора, определил критерии его зрелости, его решающую роль в победе вооруженного восстания и в дальнейшем процессе социалистических преобразований. Однако признание закона возрастающей роли революционного класса и его партии в ходе истории не означает для Ленина ни субъективизма, ни волюнтаризма.

Ленинизм связывает возрастающую роль субъективного фактора с созреванием объективных (социально-экономических и других) условий социалистической революции. А субъективисты и волюнтаристы (типа М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева, О. Бланки) приписывают определяющую и решающую роль воле, активизму

людей, не считаясь с наличием объективных предпосылок (условий) революции. Они акцентируют внимание на деятельности революционного меньшинства, группы, партии заговорщиков, которые якобы способны совершить революцию в любое время в любой стране по своему усмотрению, исходя из ложной посылки, что угнетенный народ всегда готов к революции. В.И. Ленин неоднократно критиковал такие волюнтаристические и сектантские установки, ведущие к авантюризму и поражению революционных сил. Он подчеркивал необходимость строгого учета всей совокупности объективных условий, как основного условия успешности действия революционных масс. Напомним в связи с этим слова Ленина на Апрельской конференции 1917 г., где он подчеркивал: «Нет более опасной ошибки для пролетарской партии, как строить свою тактику на субъективных пожеланиях... Базировать на этом пролетарскую тактику – значит ее убить» [31, с. 352].

В России в 1917 г. не было созревших объективных условий для социалистической революции – это главное утверждение всех противников ленинизма. Для доказательства своего положения они указывают на то обстоятельство, что революция победила не в самой развитой в экономическом отношении европейской стране. Отсюда делается вывод, что ленинизм следует рассматривать как теорию, основанную на «диалектике отсталости», которая противоречит теории марксизма, поскольку последний предполагал победу социалистической революции прежде всего в высокоразвитых индустриальных странах.

Скажем еще раз о том, почему социалистическая революция победила в нашей стране, которая была страной среднего уровня социально-экономического и технического развития, одной из сравнительно отсталых в этом отношении европейских стран, почему социально-политический строй России сделал ее авангардом исторического прогресса. Ответ на этот вопрос нужно искать в особенностях действия закона неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма. Вот что писал Ленин по этому вопросу: «Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: «Вероятен ли равномерный или гармонически - пропорцио-

нальный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата? – ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно» [4, с. 304]. Выражением этой неравномерности явилось перемещение центра революционного движения в XIX в. из Англии во Францию, из Франции в Германию, а в начале XX в. – в Россию, где назревающую народную революцию призвана была возглавить партия нового типа, в корне отличная от европейских партий II Интернационала.

В России в начале XX в. угнетение рабочих капиталистами дополнялось угнетением деревенской бедноты и национальным гнетом. Это давало возможность партии большевиков слить в единый революционный поток борьбу пролетариата за социализм с борьбой крестьян за землю и с национально-освободительным движением. В начале XX в. политический и социально-экономический кризис в России усилился. На нужды начавшейся в 1914 г. войны шло более 80% государственных расходов. Осенью 1917 г. закрылись свыше 800 предприятий из-за недостатка топлива и сырья. Промышленное производство сократилось на 36%. Произошло расстройство железнодорожного транспорта, возник острый недостаток продовольствия в городах (с мая–июня были введены продуктовые карточки). Фактически исчезли необходимые потребительские товары: чай, мыло, спички и др. Стремительно обесценивались деньги. Происходил резкий рост цен. Быстрыми темпами шло разложение и деморализация армии. Усиливалось недовольство всех слоев общества. Назревала революционная ситуация.

Какие же условия необходимы для того, чтобы социалистическая революция могла произойти и победить? Для этого должно, прежде всего, созреть противоречие (конфликт) между развившимися в недрах капитализма производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Это предполагает определенную ступень развития (зрелости) капитализма. Такой ступени Россия достигла. До капиталистических стадии развития общества

не могут породить реальную возможность социалистической революции, в них отсутствуют пролетариат и машинный способ производства, там речь может идти лишь о демократических преобразованиях. Разговоры о том, что Россия не доросла до социалистической революции, что в ней не было экономических предпосылок для социализма, не выдерживают критики.

Исследования советских марксистов-философов, экономистов, историков, социологов показали, что приписывание Ленину мысли о том, будто отсталость является решающим причинным фактором революционных изменений, в корне ошибочно. Его позиция прямо противоположная. Без известной высоты капитализма, считал он, у нас бы ничего не вышло [5, с. 397]. По уровню монополизации промышленности, производства и государственного регулирования экономики Россия стояла не ниже, но выше ряда государств. В.И. Ленин в работе «О нашей революции» соглашается с тем, что Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которых непосредственно возможен социализм. Но «известной высоты» их оказалось достаточно, чтобы, захватив власть и установив диктатуру пролетариата в переходный период, ускоренными темпами создать непосредственные экономические и культурные условия для строительства и совершенствования социализма. Почему так произошло? Сложившаяся «полная безвыходность положения» удесятирала силы рабочих и крестьян, что способствовало слому буржуазной государственной машины и захвату власти. Поэтому методологически важно различать объективные условия и субъективный фактор вооруженного восстания для успеха социалистической революции. Об этом не раз писали советские ученые. Напомню о фундаментальном исследовании профессора А.Д. Косичева «Теоретическое обобщение В.И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР» (1974), где сделан аргументированный вывод, что Россия имела все основные объективные экономические предпосылки, необходимые для победы социалистической революции. Скажем о них подробнее.

Прежде всего, это материально-технические предпосылки, т. е. определенная экономическая зрелость капитализма. В работах Ленина об Октябрьской революции детально показано, что

Россия в то время принадлежала к среднеразвитым капиталистическим странам, в которых получил развитие государственно-монополистический капитализм, иначе говоря, основа для вступления на путь социализма была. Социалистическая революция предполагает также наличие активных классовых сил, т. е. рабочего класса и его союзников. Численность рабочего класса стремительно росла в начале XX в., и к 1917 г. она выросла почти в 4 раза. Уже в 1915 г. на крупных заводах и фабриках было сосредоточено более половины рабочих, которые отличались революционной активностью и организованностью. Объективным условием революции является обострение в обществе внутренних и внешних противоречий, социальных конфликтов. Россия накануне революции представляла собой клубок острейших противоречий. Это – противоречие между пролетариатом и буржуазией, между царской полуфеодальной надстройкой и союзом буржуазии и либеральных помещиков, между крупными землевладельцами и крестьянами – самым многочисленным классом России и т. д. В стране остро стояли земельный и национальный вопросы. Существовали межрегиональные и межконфессиональные противоречия.

В эпоху империализма неравномерность экономического и политического развития усиливается не только в конкретных странах, но и между ними. В тех странах, которые эксплуатируют колонии и «технологически» грабят зависимые от них народы, буржуазии удается подкупить верхушку рабочего класса (возникает «рабочая аристократия») и тем самым снизить остроту классовых противоречий. Но в ряде других, менее развитых, капиталистических государств нарастание классовых противоречий ускоряется вследствие обострения социального, экономического и национального гнета, создания антинародных авторитарных политико-правовых режимов. Это приводит к образованию слабых звеньев в цепи империализма, к возможности победы социализма лишь в нескольких или даже одной стране. Сказанное не означает, что здесь революция может произойти в любое время. Для этого необходима революционная ситуация. «Революции не может быть без революционной ситуации», – подчеркивает Ленин и даёт ей классическую характеристику. Первое: для наступления революции требу-

ется, чтобы «низы не хотели» жить по-старому, а «верхи не могли» управлять по-старому, то есть потеряли возможность сохранить в неизменном виде свое господство. Второе: происходит «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетённых классов». Третье: скачкообразно повышается активность масс, которые в «мирную» эпоху дают «себя грабить спокойно», а в революционную эпоху быстро созревают «к самостоятельному историческому выступлению» [6, с. 218].

При анализе объективных условий революции, о чем уже частично было сказано, следует различать материально-технические и социально-политические аспекты. Экономическое развитие определяет прежде всего характер того противоречия (конфликта), которое назрело, требует разрешения и создает возможность тех или иных социальных преобразований. Но сроки и темпы революционных преобразований зависят непосредственно не столько от данного уровня экономики, сколько от остроты объективно назревших классовых противоречий и расстановки социальных сил как внутри страны, так и в соседних государствах. Между тем созревание материально-технических и социально-политических условий в ходе истории протекает неравномерно. В России экономические предпосылки революции были менее зрелые, чем в Англии и Франции, а социально-классовые отношения оказались более зрелыми и острыми в силу целого ряда объективных и субъективных причин: политическая отсталость царской монархии, война крестьян против помещиков, национальный гнет, нерешенность ряда демократических задач, еще со времен революции 1905 г. и др. В России поэтому, отмечал Ленин, легче было начать революцию, чем в западных странах. «...Отсталая страна может легко начать, потому что сгнил ее противник, потому что не организована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки» [7, с. 252]. Но наличие революционной ситуации создает лишь возможность революции.

В истории бывают периоды, когда объективные условия (экономические и социально-политические) созрели для коренных изменений в обществе, а сил у прогрессивных классов недостаточно, чтобы произвести эти измене-

ния. «Тогда общество, — по словам В.И. Ленина, — гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия» [8, с. 367]. Такие случаи в истории не редкость. Об этом свидетельствует Ноябрьская революция в Германии в 1918 г. После первой мировой войны в Европе революционное движение народных масс было слабо организовано, его не могли возглавить коммунистические партии, которые не обладали достаточным опытом или еще только формировались. Действия консервативных и реакционных классов блокировали революционные выступления народа. Революция может начаться и увенчаться победой лишь тогда, когда к объективным условиям присоединяется адекватный субъективный фактор, т. е. сознательность и организованность рабочего класса и его союзников, руководимого, приобретшей опыт в классовых столкновениях марксистской партией. Без наличия такой авангардной партии — ядра субъективного фактора революции — стихийное движение революционных масс не достигает успеха, революция терпит поражение.

Установление диктатуры пролетариата (а затем и строительство социализма) — это организованный и управляемый процесс. Поэтому законом социалистической революции является соответствие друг другу объективных обстоятельств и правильной политической стратегии и тактики, правильных решений, направляющих действия масс на различных этапах ее развития. Когда в Российской империи в начале 1917 г. сложилась революционная ситуация (только в январе бастовало более 400 тысяч рабочих), необходимы были организованные действия революционного класса и его союзников, достаточно сильные, чтобы свалить старое правительство, «которое, — по мысли Ленина, — никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят». При этом В.И. Ленин и большевистская партия руководствовались принципиальным положением К. Маркса и Ф. Энгельса: «Против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям... эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социалистической революции» [9, с. 427]. Почти через 18 лет, в 1889 г., Энгельс вновь подчеркнул, что для того чтобы «пролетариат в решаю-

щий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия» [10, с. 275].

Приведенные выше высказывания основоположников марксизма еще раз подтверждают лживость противопоставления ленинизма концепции Маркса и Энгельса. Большевики стали именно такой партией, партией нового типа с новаторским методом мышления, освоившая новую, складывающуюся в ходе кризиса социальную картину мира — единственной партией, которая адекватно выражала потребности назревшей революции. Но, будучи марксистской, она не считала марксизм догмой, а творчески применяла теорию при анализе качественно новых реалий. Для ее успеха не было надобности (да и возможности) дожидаться, чтобы капитализм в России полностью исчерпает свой потенциал как двигатель в развитии производительных сил. А главное, в конкретных исторических условиях, на пути либерально-буржуазной государственности России грозила катастрофа, коллапс. Стремясь предотвратить такую катастрофу и спасти народ и целостность страны, большевики взяли курс на революцию и власть Советов.

Выдающийся итальянский марксист, один из основателей Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши тонко почувствовал ситуацию «русской революции». Сразу же после Октябрьской революции в статье «Революция против «Капитала», опубликованной в газете «Вперед!» 27 декабря 1917 г., он писал: «Складывается впечатление, что в настоящее время максималисты являются стихийным выражением биологической необходимости — они должны были взять власть с тем, чтобы российские люди не стали жертвой ужасного бедствия, чтобы российские люди, включившиеся в колоссальную работу для своего собственного воспроизводства, по восстановлению самого себя, чувствовали менее остро клыки голодного волка; чтобы Россия не стала огромной бойней беспощадных зверей, рвущих друг друга на части» [11, с. 542].

Партия большевиков в период наивысшего напряжения социальной борьбы, в процессе осуществления социалистической революции

успешно выполняла роль авангарда выступившего против угнетателей народа. Такая авангардная партия — ядро субъективного фактора революции, который включает следующие основные компоненты: сознательность пролетариата (по крайней мере, его передовой части) и его полупролетарских союзников; организованность революционных сил и их решимость и готовность идти до конца за победу революции; моральный перевес революционных сил над противником, без чего «ни о каком перевороте не могло бы быть и речи». Партия помогает пролетариату и его союзникам осознать свои исторические задачи, способствует росту активности масс. Она организует пролетариат на выполнение им своей исторической миссии. Ленин вслед за основателями марксизма не раз подчеркивал, что нельзя назначить революцию, что народное восстание против угнетателей возможно лишь тогда, когда объективные и субъективные условия для этого созрели.

Стихийное нарастание движения масс — признак неотвратимости революции. Выступление народа 20–21 апреля и 3–4 июля 1917 г. Ленин рассматривал как выражение их революционного подъема, как признак глубины и прочности народного протеста. Вот почему большевистская партия вела активную работу по формированию прежде всего политической сознательности и высокой организованности рабочего класса и его союзников, то есть субъективного фактора революции. Опираясь на стихийную активность революционных рабочих и солдат, выступления крестьян с учетом всех конкретных обстоятельств, приняла решение о свержении буржуазного правительства. Обратимся к воспоминаниям очевидца тех событий Н.Н. Суханову (Гиммеру), меньшевику, члену Исполкома Петроградского Совета, автору «Записок о революции». Суханов категорически отвергает столь популярную у прошлых и нынешних «демократов» версию, согласно которой Октябрьская революция была результатом «заговора» большевиков. Он пишет: «Говорить о военном заговоре вместо народного восстания, когда за партией идет подавляющее большинство народа, когда партия фактически уже завоевала всю реальную силу и власть — это явная нелепость». Как аргумент версии о «заговоре» и тогда, и сегодня приводится тот факт, что Зимний занимали очень небольшие силы. На это

Суханов отвечает: «Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступления на улицах рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нечего делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т. д. Это — особо счастливые условия нашего октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом» [12, с. 345].

Соединение объективных обстоятельств со зрелым субъективным фактором обеспечило победу Октябрьской революции, в результате которой в нашей стране была установлена диктатура пролетариата в форме Советов, ставшая властью подавляющего большинства населения. Победа революции решила выдающуюся историческую задачу сбережения народа. Это замалчивают нынешние противники Великого Октября. В годы гражданской войны Ленин призывал спасти трудящегося — главную производимую силу человечества. «Мы погибнем, если не сумеем спасти его», — говорил он. Советская власть спасла рабочего, трудящегося и в короткие сроки создала могучую индустриальную державу. Более 70 лет наша страна преграждала реваншистским силам империализма путь к мировому господству. Российский народ всегда будет гордиться проведенной в исторически короткий срок экономической и социальной модернизацией общества и построением мощной социалистической державы, победным Маем 1945-го, историческим полетом Юрия Гагарина, впервые в мире созданной ядерной электростанцией, достижением ракетно-ядерного паритета и помощью народам Азии, Африки, Латинской Америки, сбросившим колониальное ярмо.

Великий Октябрь, социалистическая революция — это не какое-то отклонение от главного пути истории, не продукт узкого круга заговорщиков или партийных функционеров, как об этом вещают противники марксизма-ленинизма и антикоммунисты, а закономерное явление, результат деятельности, творчества рабочего класса, полупролетарских масс города и деревни под руководством партии большевиков. Социализм продемонстрировал одну важную особенность — при условии знания законов общественного развития его созидатели могут существенно ускорять социально-экономический прогресс. Темпы развития нашей страны в 30-е гг. были самыми высокими в мире. Партия большевиков была единственной подлинно революционной партией, сумевшей правильно определить курс развития России, учитывающий национальные особенности нашей страны. Советская власть в России была установлена при поддержке подавляющего большинства трудящихся и ее установление пошло на благо народа и социалистического государства.

Ссылки:

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38.
5. Ленинский сборник. Т. М. — Л., 1929.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37.
11. Грамши А. Революция против «Капитала» // Вершина великой революции. К 100-летию Октября. М.: АЛГОРИТМ, 2017.
12. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 3. М., 1992.

Социометрия и исследование социальных сетей

Сушко В.А.

В статье анализируются методологические основания социометрического метода, который относят к инструментам построения и совершенствования социальных сетей в микросоциологии. В статье подчеркивается, что анализ социальных сетей тесно связан – преимущественно на эмпирическом и прикладном уровне – с микросоциологией и социометрией. Также в статье делается акцент на том, что само понятие «социальная сеть» включает некий круг знакомых человека, где есть сам человек – центр сети, его знакомые – ответвления сети и отношения между этими людьми – связи. Именно социальные сети составляют «живую ткань» общественной жизни и позволяют участникам эффективно взаимодействовать для достижения общих целей. С момента своего возникновения сетевой анализ формировался как междисциплинарное направление, в котором объединяют свои усилия психологи, социологи, специалисты по коммуникациям, антропологи, математики и статистики.

В качестве иллюстраций в работе приводятся различные схемы и социограммы, раскрывающие суть анализируемого явления.

Ключевые слова: социальная сеть, сетевой анализ, социометрия.

Sushko V.A.

Sociometry and the study of social networks

The article analyzes the methodological bases of the sociometric method, which is referred to as a tool for building and improving social networking microsociology. Many authors, whose works are listed in the bibliography, indicated the close connection between sociology, sociometry and network analysis. The article stresses that the analysis of social networks related to a comparative analysis of social phenomena. Analysis of social networks is closely related - mostly at empirical and application level - with microsociology and sociometry. Social relationships are connected not so much to the human person as to the position. This is weaving of ideas, rules, activities and interests. That social networks are the «living tissue» of social life, and allow participants to interact effectively to achieve common goals. Since its inception, the network has been formed as an interdisciplinary analysis which combine efforts by psychologists, sociologists, communication specialists, anthropologists, mathematics and statistics.

As illustrations there are given various schemes and sociograms, revealing the essence of the phenomenon.

Key words: social network, network analysis, sociometry.

С момента своего возникновения сетевой анализ формировался как междисциплинарное направление, в котором объединяют свои усилия психологи, социологи, специалисты по коммуникациям, антропологи, математики и статистики. Междисциплинарная теория социальных сетей развита в работах Л. Фримана, Д. Ноука, П. Марсдена, С. Вассермана, Б. Веллмана, С. Берковица и др.

В ходе развития и формирования сетевого анализа все чаще обсуждались вопросы о том, что считать элементарной единицей сети, ее узлом, как трактовать отношения между узлами, каков объект и предмет анализа социальных сетей (могут ли попадать сюда формально структурированные и жестко детерминированные объекты, например, бюрократические структуры). В конечном счете, специалисты пришли к выводу: сеть создает формирующиеся между этими объектами связи, иначе бы любой список объектов являлся сетью.

Сетевой анализ, основанный на теории графов, позволяет установить потоки обмена между стратами, выявить узловые вершины и определить их стратификационные характеристики. В сети необязательно личное присутствие, непосредственный контакт, постоянное общение, пространственная близость для того, чтобы множество людей считалось социальным целым.

В русской версии Википедии социальная сеть трактуется как платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений, визуализацией которых являются социальные графы. Ее подвидами являются социальные закладки (social bookmarking); социальные каталоги (social cataloging), примеры: Academic Search Premier, LexisNexis Academic University, CiteULike, Connotea; социальные биб-

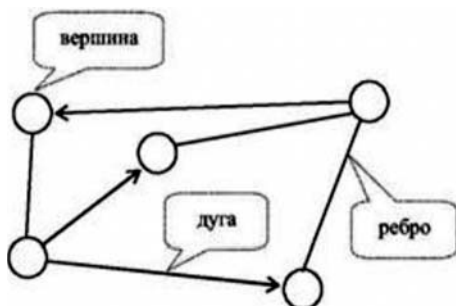

Рис. 1. Элементы социального графа [5. С. 320].

лиотеки, примеры: discogs.com, IMDb.com; социальные медиахранилища; специализированные социальные сети; профессиональные социальные сети, примеры: LinkedIn, Мой Круг, Профессионалы.ру; корпоративные социальные сети; сервисы для совместной работы с документами; геосоциальные сети.

В английском варианте Википедии социальная сеть – это социальная структура, которая состоит из совокупности социальных субъектов (например, лиц или организаций) и набора двоичных связей между ними. Социальная сеть предоставляет ученому набор методов анализа структуры социальных субъектов, а также разнообразных теорий, объясняющих закономерности, наблюдаемые в этих структурах. Изучение таких структур базируется на анализе социальных сетей, который применяется для выявления локальных и глобальных моделей, влиятельных акторов и динамики сети [7].

Сравнивая две формулировки, можно сделать вывод: первое определение направлено на Интернет, второе дает более широкое понимание социальной сети. История первого начинается с 1995 г., а история второго может уходить в глубины социоантропогенеза. Узкое значение понятия «социальная сеть» относится к социально-сетевому сервису – веб-сайтам, предназначенным для отражения в Интернете социального общения людей со схожими интересами. Пользователи создают профили, в которых указывается персональная информация (ФИО, дата рождения, школа, вуз, место работы и т.д.), а также список других пользователей, с которыми он имеет какую-либо связь (дружба, деловые/рабочие связи и т.п.).

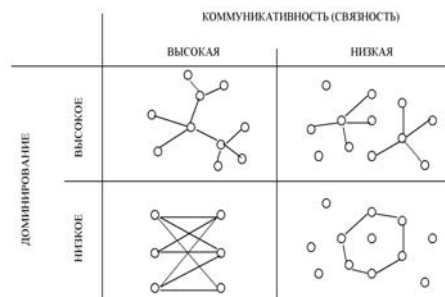

Рис.2. Типы сетевых структур [3].

Предмет анализа социальных сетей – структура регулярных отношений. Математический аппарат позволяет исследовать: 1) реляционные свойства (связи и отношения), 2) атрибутивные данные. Методология сетевого анализа позволяет использовать разные данные: особенности акторов, групп и подгрупп, позиций и целой сети. Сетевой анализ позволяет описать процессы взаимодействия между социальными акторами, обменивающимися разными типами ресурсов или «потоков» (капиталом, информацией, технологиями, изображениями, звуками и символами) [2].

В сетевом анализе существует ряд ключевых характеристик связей, создающих формат сети: дискретность: узлы должны отделяться друг от друга, чтобы иметь возможность быть связанными; подобие: узлы должны быть подобны в главных характеристиках, подходить друг к другу, чтобы образовывать связь; близость: узлы должны быть локализованы друг по отношению к другу, т.е. соотноситься пространственно, географически, сосуществовать во времени; взаимность.

Индикаторы сети:

Размер сети – число прямых связей, включенных в индивидуальные объединения. Данный показатель используется при измерениях величины популяций.

Сетевая плотность – общее количество связей между единицами сети (в социометрической матрице аналогом данного показателя является «сплоченность»).

Центральность и централизация – степень иерархизированности сетевых связей.

Сила связи определяется как интенсивность связи в диадах, измеренная на основе их закры-

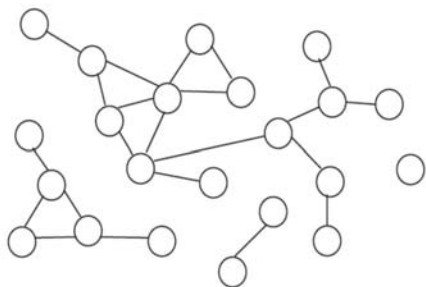

Рис. 3. Социограмма как социальная сеть.

тости, частоты или длительности. Например, показателями силы связи может быть продолжительность телефонных переговоров.

Ранг сети – длина общей многоступенчатой связи (маршрута), в которой один элемент сети связан с другими элементами. Ранг можно оценить как через размер сети, так и через ее плотность.

Когда некоторые акторы связаны друг с другом сильнее, чем с другими, такую ситуацию называют «сгущением». Такое «сгущение» можно объявить узлом на следующем уровне анализа.

Простейшей метрикой графа является степень центральности (degree centrality), показывающая, сколько связей есть у вершины. Степень центральности может быть посчитана для всех людей на графе.

В социальном графе каждая точка (узел, вершина) представляет индивида, а ребро (линия) между двумя точками изображает отношения между ними. А так как между людьми существует множество самых разных отношений, существует множество самых разных социальных графов.

Поскольку между людьми существует много разных типов отношений, социолог может выстроить много разных социальных графов. При одном и том же количестве вершин число граней может возрастать до какого угодно большого числа. Соответственно формируется огромное число социальных графов. А если учесть, что малые группы, или выборки знакомых между собой людей, не являются закрытыми множествами, а постоянно меняются своими составами, пересекаются, распадаются и как-либо еще изменяются, то число возможных графов на

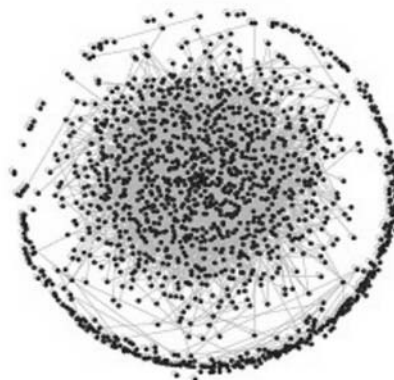

Рис. 4. Социограмма неформального сообщества пользователей ЖЖ, обсуждающих тематику «Законы о пропаганде гомосексуализма и педофилии» (получено с использованием пакета JUNG).

исходной основе не поддается счету.

Исследователь репрезентирует социальную сеть при помощи особого инструмента – социограммы – диаграммы кругов, связанных между собой многочисленными линиями. Конструирование социограммы включает представление сетей, рисунки социограмм, схемы кругов, связанных с линиями. Разработка социограмм подразумевает схематизацию реальных отношений между наблюдаемыми людьми при помощи кругов (индивиды) и отношений между ними (линии).

Анализ социограммы позволяет исследователю анализировать и отображать сеть социальных отношений. Например, в бизнес-организации социограммный анализ поможет отслеживать изменяющуюся природу взаимоотношений.

Социометрические исследования призваны измерять социальные взаимодействия между отдельными индивидами внутри групп, поэтому можно сказать, что социометрия повлияла на становление анализа социальных сетей. Сетевой анализ включает в себя «картирование» (“mapping”) системы связей, формирующихся между определенным множеством людей, организации, событий или мест (локусов). Примером служат модели лидерства в организации или дружеские сети среди подростковых сообществ [13].

Ключевой характеристикой социальной сети является то, что каждый человек связан с другими посредством прямых или косвенных связей.

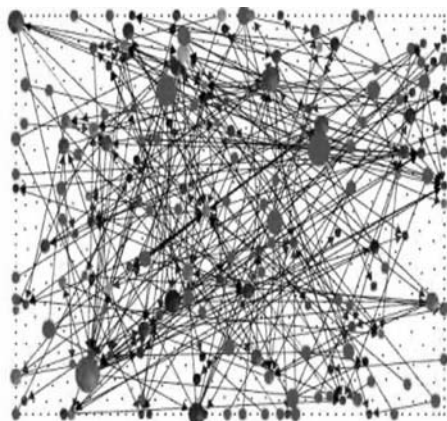

Рис. 5. Социограмма неформального сообщества, а также каналов распространения информации среди пользователей ЖЖ, обсуждающих тематику «Законы о пропаганде гомосексуализма и педофилии» (получено с использованием пакета Prefuse).

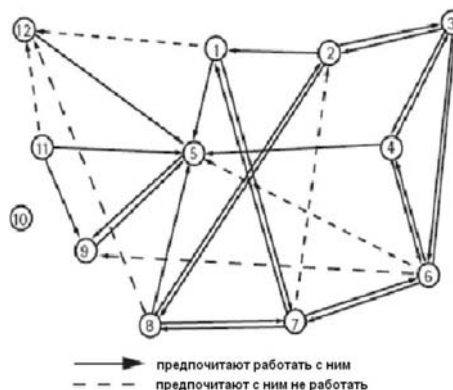

Рис.6. Трудовые предпочтения и не предпочтения среди студентов

Это не означает, что каждый человек должен знать, взаимодействовать или находиться под влиянием любого другого человека в сети. Однако все вместе они связаны незримой структурой взаимосвязанной сети.

Сетевой анализ позволяет изучать социальные взаимодействия путем выделения структур отношений между индивидом и группой, а также и взаимодействий групп людей. Так, например, вершинами графа могут быть отдельные люди, а ребрами – наличие связи между людьми.

Математическая модель графа выглядит следующим образом [8]:

$$G = (V, E)$$

При этом, V должно быть не пустым множеством вершин/узлов, а E – множество ребер. Примеры можно увидеть на рисунках 4 и 5 [1].

Простейшей метрикой вершины, узла является степень центральности (degree centrality), показывающая, сколько связей есть у вершины. Степень центральности может быть посчитана для всех людей на графе. При одном и том же количестве вершин, число граней может возрастать до какого угодно большого числа. Соответственно формируется огромное число социальных графов. А если учесть, что малые группы, или выборки знакомых между собой людей, не являются закрытыми множествами, а постоянно меняются своими составами, пересекаются, распадаются и как-либо еще изменяются, то

число возможных графов на исходной основе не поддается счету.

Исследователь репрезентирует социальную сеть при помощи особого инструмента – социограммы – диаграммы кругов, связанных между собой многочисленными линиями [16]. При изучении социограммы исследователь может анализировать и отображать сеть социальных отношений. Например, в бизнес-организации социограммный анализ поможет отслеживать изменяющуюся природу взаимоотношений.

Социограмма на рис. 6 представляет двенадцать студентов из молодежной группы, один круг изображает одного студента. Студентов попросили выбрать трех человек, с кем они предпочли бы работать в одной организации. Они также должны были определить трех человек, с кем они предпочли бы вообще никогда не работать.

В приведенной выше социограмме индивиды, с которыми предпочитают работать, представлены черными линиями, в то время как индивиды, с кем не хотят работать вместе, изображены пунктирными линиями.

В этом анализе были выявлены две наиболее типичные для большинства групп личностные характеристики – популярность и изоляция [13].

Первая задача – определить тип данных, для которых анализ социальных сетей является наиболее подходящим. Те, кто заинтересован в его

приложениях, несомненно, знаком с рядом основополагающих идей: это может быть полезно для исследований моделей родства, социальной структуры, сообществ, интерлокации, бизнес-директоратов и так далее. Анализ социальных сетей подходит для изучения любых типов «реляционных данных», систем отношений.

С анализом социальных сетей и теорией актор-сеть тесно связана сетевая теория или реляционная социология (Relational Sociology), ведущим представителем которой считается Мустафа Эмирбайер, автор опубликованного в 1997 г. «Манифеста реляционной социологии» [12. С. 281-317]. Реляционная социология считает сети культурно конструируемыми процессами и стремится формализовать их, проводя алгебраические процедуры с данными дискурсивных интеракций. Как отмечают Д.В. Мальцева и Н.В. Романовский, «теория «актор-сеть» и реляционная социология сконцентрированы на производстве смысла и совместном возникновении акторов в результате трансформаций, не на структурных комбинациях объектов действия. Теория «актор-сеть», начиная с выявления и отслеживания действий акторов, показывает, в каких категориях вследствие этих действий оказываются другие акторы, как производится смысл» [6. С. 34].

Реляционная социология, как и сетевой подход, в последнее время все больше обретают статус самостоятельных социологических дисциплин или направлений. В монографии И. Ф. Девятко «Социологические теории деятельности и практической рациональности» реляционная социология охарактеризована как стадия неопрагматического синтеза в теории действия [4. С. 185]. Оба подхода, сетевой анализ и реляционная социология, «считают сети культурно конструируемыми процессами. Реляционная социология, выросшая из структурно-сетевой традиции, стремится формализовать эти конструкции, проводя алгебраические процедуры с данными дискурсивных интеракций. Метафоричное использование в теории «актор-сеть» термина сеть и недоверие к сетевым инструментам анализа прежде не позволяло формализовать представление родственных объектов. Однако в последних эмпирических работах используются средства визуальной формализации разнородных объектов при описании пере-

мен в отраслях научного знания» [6. С. 35].

Рассматривая методологические основания реляционной социологии, София Мютцель [19. С. 871-887] отмечает, что в ней соединяются две традиции сетевого анализа – рассмотрение социальной сети с точки зрения «культуры» и «структуры». Данная идея наглядно воплощена в работах Г. Уайта и в теории «актор-сеть» Б. Латура и М. Каллона. Реляционная социология утверждает приоритет действий над акторами и предшествование связей (ties) узлам (nodes). В отличие от теории «актор-сеть» реляционная социология вовлекает в предметную сферу исследования не все виды акторов, например, технико-технологические, а исключительно акторов-людей, способными создавать смыслы, определяющие контекст социального действия.

Анализ социальных сетей основное внимание уделял раньше и уделяет сейчас социальным структурам. Реляционная социология делает шаг вперед, обращая внимание не только на социальные отношения, сколько на культуру, содержание и смыслы отношений [10. С. 194-208]. В групповом контексте индивид погружен не только, а может быть и не столько, в социальную среду и межличностные связи, определяющие социальную конфигурацию малой группы, сколько в социокультурный контекст, природа и характер которого определяется социальными институтами и природой общества. Социологи исходят из того, что отношения социальных акторов меняют смыслы в конкретных культурных и интересубъективных контекстах [11. С. 181-190].

Социальные сети - это сети смысловых отношений, учреждаемые в дискурсе и являющиеся продуктом культур. Реляционные институты определяют ролевую структуру общества. Социологи начали изучать сети как явления культуры [15. С. 51-73]. По мнению А. Мише, в реляционной социологии сети состоят из «культурно обоснованных процессов коммуникативных взаимодействий» [18. С. 258]. Реляционная социология «предлагает социологу образ идентичностей, переключающихся между культурно-структурными полями интеракций (сетевыми доменами). Смысл производится в процессе соединения и разъединения, имеющем место между сетевыми доменами; этот процесс связан с соответствующими историями идентичностей, находящихся в движении. Акторы

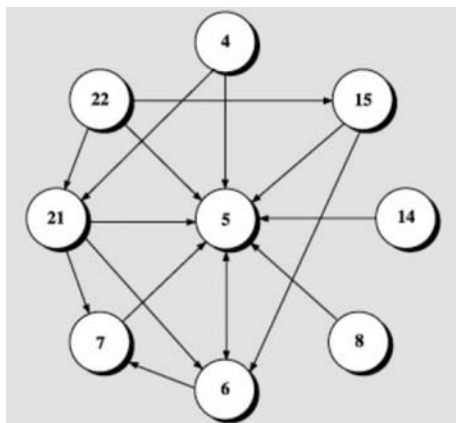

Рис. 7. Социограмма иллюстрирует сеть элементов. Круги указывают элементы, а линии - отношения между ними: элемент № 5 принимает сообщения от всех других элементов, но взаимодействует только с элементом № 6.

производятся совместными усилиями во времени и пространстве» [6. С. 34].

Таким образом, сравнивая классический анализ социальных сетей и современную реляционную социологию, можно сделать вывод: если первый ставит акцент на существовании и количественной размерности социальных связей, то вторая углубляется на шаг в сущность вещей и учитывает содержание социальных связей. Картирование отношений – предмет исследования и одновременной результат деятельности как социометрии, так и анализа социальных сетей. Культурный смысл отношений – предмет исследования реляционной социологии. Она исходит из представления о сетях как динамичных социокультурных конструкциях.

Сетевой анализ берет свои теоретические истоки из антропологии, социологии и социальной психологии. Якоб Морено заложил то, что сейчас называют фундаментом как социометрии, так и сетевого анализа, хотя сам этот термин появился позже. Социометрический метод группового анализа представляет собой первую попытку эмпирического измерения коммуникационных процессов на групповом и subgroupовом уровнях. Новаторская деятельность Морено касается не только экспертизы социальных отношений в малой группе, но также фундамента групповой субкультуры (см. рис. 7).

Поэтому одной из первоочередных задач является определение исследовательской проблематики, типа данных, для которых анализ

Рис. 8. Диаграмма социальной сети: мезо-уровень

социальных сетей является наиболее подходящим. Те, кто заинтересован в его приложениях, несомненно, знаком с рядом основополагающих идей: это может быть полезно для исследований моделей родства, социальной структуры, сообществ, интерлокации, бизнес-директоров и так далее. Анализ социальных сетей подходит для изучения любых типов «реляционных данных», систем отношений. Анализ социальных сетей ведется на нескольких уровнях общества и общностей: уровень актора, микроуровень (диады и триады в малой группе), уровень подмножеств, мезо-уровень, уровень организаций (формальные и бюрократические структуры), макроуровень. Охарактеризуем некоторые из них.

Уровень подмножества: исследование проблем на этом уровне начинаются с микроуровня, затем продолжают на мезо-уровне. Исследование на уровне подмножеств может сосредоточиться на изучении социальной дистанции и достижимости, анализе клик и сплоченных подгрупп, на группах действий и группах давления, на групповом поведении.

Мезоуровень. В общем, теории мезо-уровня начинаются с численности популяций, которые попадают между микро- и макроуровнями. Социальные сети мезоуровня относятся к популяциям низкой плотности, но они могут подчиняться причинно-следственным процессам, чем отличаются от межличностных сетей на микроуровне (см. рис. 8.) [17. С. 72-145].

Макроуровень. На макроуровне межличностные взаимодействия обобщаются до социального масштаба, где действуют социальные институты и региональные механизмы, и относятся к населению страны или отдельной сфере общества. Здесь действуют крупные социально-экономические и социально-политические социальные сети [21] (см. рис. 9).

Другую позицию высказывает А.В. Чугунов. Он полагает, что исследования социальных сетей в рамках сетевого подхода осуществляются на двух уровнях – теоретическом и прикладном. Первый уровень непосредственно связан с сетевой теорией, которая берет свое начало в основаниях социологии (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм), социальной психологии (Д. Морено, Т. Ньюкомб, А. Бейвлас) и социальной антропологии (Дж. Барнс, Э. Ботт, К. Митчелл, А. Радклифф-Браун) [9. С. 108]. По мнению Г.В. Градосельской [3], наиболее интересные социологические теории в этой области связаны с именами Б. Велмана [20], Л. Фримана, С. Вассермана, Д. Ноука, Дж. Куклински и некоторых других [14].

Сегодня анализ социальных сетей – быстро развивающаяся междисциплинарная практика, которая основана на работе с данными онлайн-исследований.

В качестве примера можно привести анализ кейса, рассмотрев ключевые характеристики сети на примере политических новостей. Реальная новость «Министр обороны: Италия может направить миротворцев на Украину» от 04.05.14 (РИА Новости). Первоисточником новости является информационное агентство «РИА Новости». Общее количество упоминаний по всем социальным сетям составило 717 сообщений за неделю (с 4 по 11 мая).

Рассмотрим динамику упоминаний, относящихся к данной новости за неделю:

Динамика нисходящая, 7 мая произошло увеличение сообщений на 9 упоминаний по сравнению с предыдущим днем, однако по сравнению с общим массивом данных и дальнейшим спадом числа упоминаний такой прирост незначителен.

Наибольшее число упоминаний было оставлено пользователями социальной сети Twitter. Доля этого ресурса составила приблизительно 50% от остальных социальных сетей.

Динамика количества упоминаний по 3-м основным ресурсам (Twitter, Вконтакте,

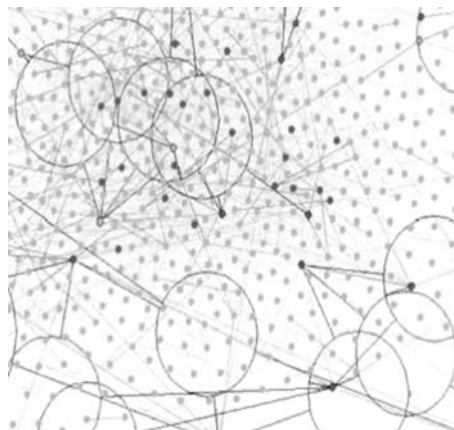

Рис. 9. Диаграмма социальной сети: макроуровень

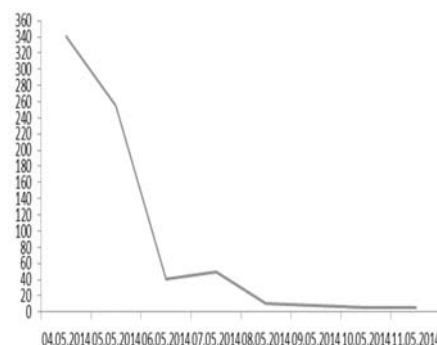

Рис. 10. Динамика упоминаний за неделю

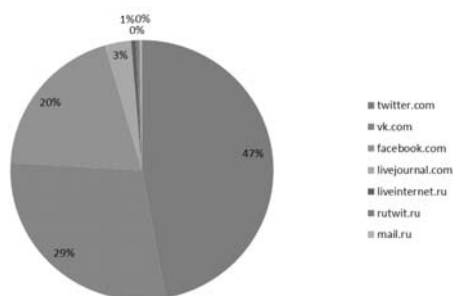

Рис. 11. Распределение долей упоминаний в различных социальных сетях

Facebook) аналогична распределению по всем социальным сетям за недельный период.

При этом значение охвата аудитории равно 602973. Этот показатель означает суммарное количество подписчиков всех акторов данной сети. То есть, данное значение показывает число пользователей, которые потенциально мо-

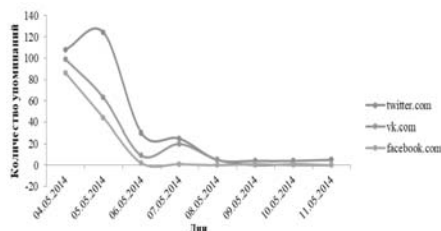

Рис. 12. Динамика упоминаний на 3-х основных ресурсах

Рис. 13. Ориентированный граф. Количество узлов – 484, количество ребер – 450.

Источник	Промежуточность
RT_russian	100
Rianru	54
lenta_super	51

Рис. 14. Степени промежуточности главных акторов сети

Источник	Исходящая мощность
RT_russian	100
rianru	54
lenta_super	51
kvedomosti.com	32
newsdailycomua	14
news.rambler.ru	11

Рис. 15. Исходящая мощность главных узлов сети

гут прочитать эту новость. Однако данный показатель не является абсолютно точным.

Во-первых, такое значение по охвату актуально только на момент сбора данных. Охват может расширяться по мере дальнейшего распространения новости. В данном случае, прирост нового

числа сообщений составлял менее 10 единиц уже в середине исследуемого периода (8.05).

Во-вторых, показатель суммирует число подписчиков каждого актора, но не учитывает возможные совпадения. Так, например, два пользователя, состоящие в подписчиках друг у друга, независимо друг от друга размещают на своих страницах данную новость. Допустим, что у каждого из них по 10 подписчиков, следовательно, суммарный охват будет равен: $20 - 2 = 18$. Система мониторинга социальных сетей не имеет автоматического доступа к учетным записям пользователей, что ограничивает возможность получения более точного значения. Однако суммарный охват можно использовать для составления первого представления о величине масштаба распространяющейся новости. Новость о миротворцах Италии имеет суммарный охват равный приблизительно 600 тысяч пользователей. Следовательно, около полумиллиона пользователей сети Twitter могли увидеть данную новость. При этом, несмотря на широкий охват, новость практически не нашла отклика среди пользователей, распространявших эту новость.

Сетевые показатели

Макропоказатели сети.

Сеть децентрализована, показатель плотности равен 0,2%, что является свидетельством отсутствия связи между акторами сети. Также отсутствуют сильно связанные компоненты, сеть невозможно разделить на кластеры. Более того, в большом количестве присутствуют изолированные вершины и диады.

В данном случае в сети присутствуют четыре мощных узла, которые являются аккаунтами: РИА-Новости, RT_Russian, Lenta_super и электронная газета «Ведомости». При этом, максимальной мощностью обладает узел RT_Russian. Данный аккаунт принадлежит сайту телевизионного канала «Russia Today» (www.rt.com). Это международный телевизионный канал, высоко интегрированный в пространство социальных медиа. Канал предоставляет альтернативный взгляд на события, происходящие в мире, освещает то, что большинство популярных медиа предпочитает «скрывать» (Сайт канала «Russia Today»). Сайт канала имеет огромную популярность, которая характеризуется более полумиллионом зрителей в более чем ста странах мира (Сайт канала «Russia Today»).

Распределение по степени промежуточности между вершинами выглядит следующим образом:

Большая часть вершин (более 450) не обладает степенью промежуточности. В основном это изолированные вершины или диады, которые являются «бот»-аккаунтами. Доля акторов, не связанных с наиболее мощными акторами сети составила 24%.

Эти же акторы обладают и максимальным влиянием в сети за счет большого количества связей с акторами сети, а также зачет их социального капитала.

Диаметр сети равен 2, что означает максимальное возможное расстояние между двумя акторами равно двум «шагам». Если не учитывать изолированные вершины, то можно говорить о компактности сети и достаточно быстрой скорости распространения информации.

Вывод: структура данной сети состоит из 4-х ключевых акторов, обладающих высоким социальным капиталом (по большой, в рамках данного случая, мощности узла и числу подписчиков). Новость быстро распространяется от источников к реципиентам. Между акторами практически не устанавливается взаимная связь. Возможно, это объясняется тем, что пользователи сети Twitter, при желании разместить новость на своей странице, обращаются к «лидерам мнений», а не ссылаются на аккаунты своих «друзей».

В сетевом анализе данный инструмент может использоваться как инструмент сбора данных для разведывательного исследования, так как для проведения аналитического исследования необходимо более детальное составление выборки с добавлением личных характеристик аккаунтов пользователей. Данную информацию невозможно получить при использовании системы мониторинга социальных сетей, что является одним из ее ограничений.

Как мы видим, пространство социальных сетей предоставляет широкие возможности. Однако сама структура таких информационных потоков мало известна. Она имеет сходные характеристики с офлайн-сетевыми моделями взаимодействия, но не может быть сведена к ним. Виртуальное пространство отличается высокой степенью анонимности таких сетей и иному распределению связей между акторами. Сетевые методы помогают лучше понять

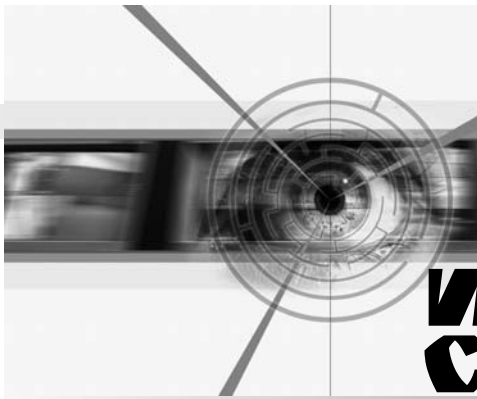
и описать процессы, причем описать их не только теоретически, а количественно. Социальная сеть как способ организации социального знания требует особого методологического подхода, отличного от традиционных методов анализа социологической информации, а также сетевой подход доказал свою применимость для решения задач, различающихся по области применения (социально-экономических, когнитивных, политических, исторических и т.д.), по виду носителя информации, по типам единиц анализа [3]. Но объединяет их сетевой способ решения и, тем самым, дает возможность объединения единиц анализа до разного уровня обобщения. И поэтому важной задачей является дальнейшее рассмотрение и анализ теоретических и методологических подходов, существующих в современной науке к изучению социальных сетей.

Литература

1. Бершадская Л., Биккулов А., Болгова Е., Чугунов А., Якушев А.В. Социальные сети и социометрические исследования: теоретические основания и практика использования автоматизированного инструментария изучения виртуальных сообществ // «Информационные Ресурсы России» №4, 2012.
2. Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей. Автореф. дисс... канд. социол. наук. М., 2001.
3. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: учебное пособие. М., 2004. С. 10.
4. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
5. Кравченко А. И. Социология: учебник для бакалавров / А. И. Кравченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2012.
6. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социс, 2011, №8.
7. Сушко В.А. Метод социометрии и анализ социальных сетей. М., КДУ, 2017.
8. Уилсон Р. Введение в теорию графов // Под редакцией Г. П. Гаврилова. М.: Мир, 1977.
9. Чугунов А.В. Социальная информатика: Учебное пособие. - СПб.: НИУ ИТМО, 2012.
10. Brint S. Hidden Meanings: Cultural Content and Context in Harrison White's Structural Sociology // Sociological Theory, 1992. V. 10: 194-208.

11. Breiger R.L. Analysis of Social Networks // M. Hardy, A. Bryman. (eds) Handbook of Data Analysis, pp. 505 - 26. London: Sage. 2004; Breiger R.L. Duality of Persons and Groups // Social Forces. 1974. V. 53:181-190.
12. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // American J. of Sociology. 1997. Vol. 103. No 2. P. 281-317.
13. Eunson, B. Communicating for Team Building. Milton, Qld: John Wiley & Sons, 1994;
14. Freeman L. C. Centrality in social networks, conceptual clarifications // Soc. Networks. 1979. Vol. 1. P. 215-236; Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Knoke D., Kuklinski J.H. Network analysis, 1982; Хойслинг Р. Контексты и перспективы сетевой теории // Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые.
15. Fuhse J. Meaning Structure of Social Networks // Sociological Theory. 2009. V. 27(1):51-73.
16. Haylar, B. Pathways to Research. Port Melbourne, Vic: Rigby Heinemann, 1996.
17. Hedström; Sandell; Stern 2000: 72-145.
18. Mische A. Cross-Talk in Movements: Reconceiving the Culture-Network Link // M. Diani, D. McAdam (eds) Social Movements and Networks, pp. 258-280. Oxford: Oxford University Press. 2003, p. 258.
19. Mьtzel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory // Current Sociology November 2009 vol. 57 no. 6.
20. Wellman B. Network analysis: some basic principles // Sociol. Theory. 1983. Vol. 1. P. 155-199.
21. Wellman, B., Berkowitz, S.D. Social Structures: A Network Approach. Structural Analysis in the Social Sciences. Cambridge University Press, 1988.

В гостях ИРКУТСКИЕ СОЦИОЛОГИ

Социально–психологические особенности мотивации персонала (на примере государственных служащих Министерства образования Иркутской области)

Батьянова Л. Н.

В статье проводится анализ основных зарубежных и отечественных концепций мотивации персонала, который можно применить к государственным служащим. На примере экспертного интервью государственных служащих министерства образования Иркутской области составляется социально-психологический профиль сотрудников и формируются рекомендации по управлению мотивацией рассматриваемого министерства.

Ключевые слова: мотивация персонала, экспертное интервью, государственные служащие, министерство образования

Batyanova L.N.

Socially-psychological features of motivation of the personnel (on an example of civil servants of the Ministry of Education of the Irkutsk region) The article analyzes the main foreign and domestic concepts of personnel motivation, which can be applied to civil servants. Based on the example of an expert interview of civil servants of the Ministry of Education of the Irkutsk Region, a social and psychological profile of employees is drawn up and recommendations for managing the motivation of the ministry are formed.

Key words: staff motivation, expert interview, civil servants, Ministry of Education

Мотивация персонала не простая система. То, что действует и эффективно у одного человека, не работает у другого. Поэтому мотивация может быть многообразна, но каждый находит свою стратегию и систему: свою силу и слабость, перспективы и возможности, риски и ответственность. В любом случае, мотивация персонала во многом зависит от личных качеств человека. Особенно это важно на государственной службе.

Мотивацию персонала можно анализировать двояко.

С одной стороны как форму взаимодействия внутри и с социальными институтами, когда карьера мотивация персонала зависит от того, как он вписывается в социальные рамки. Суть мотивации персонала в рамках данного направления описывалась как система перемещения в пространстве и времени с целью получения тех или иных социально-экономических статусов.

Например, во времена СССР, жители братских республик или коренное население Севера и Сибири более легко могли поступить в вузы и получить жилье, при заключении брака с русскими; или сегодня социальная стратификация по финансовому уровню определяет уровень доступности образования для разных социальных групп. Данная трактовка лежит в основе хорошо разработанного структурно-функционального и стратификационного подходов анализа карьеры.

С другой стороны – мотивация персонала может рассматриваться как интерпретация жизненного пути, постоянный выбор и ответственность за принятые решения. В фокусе внимания данного подхода выступают субъективные интерпретации жизненного пути в мотивации персонала. Мотивация персонала в данном подходе трактуется как часть жизненной траектории, которая зависит от социокультурных установок и социально-экономического и культурно-политического разворота социальной реальности.

В данном случае интересны судьбы строителей БАМа или участников войны, путешественников и дипломатов или простых обывателей – жителей тысяч унифицированных городов бывшего Советского союза.

Мотивация персонала в нашем обществе зачастую связана с социальным и финансовым положением, определяет степень и уровень социального признания человека. Поэтому, молодые люди часто стремятся реализовать именно в профессии себя. Особенно это важно в государственной службе.

Личностные качества – это приобретаемые в процессе социализации особенности поведения, позволяющие максимально реализоваться в профессиональной деятельности.

В рамках таких дисциплин как психология, социология, менеджмент и других, изучались именно внутренние факторы развития личности человека, способного выстроить свою карьеру. Если обобщать существующие **зарубежные подходы**, то можно выделить следующие группы исследований:

· подход «*личностных черт*», т.е. ученые, работающие в рамках данного подхода говорили о том, что у человека, строящего карьеру должны быть *сильные качества и черты характера*, которые он мог бы *продать работодателю*, соответственно – задача работодателя – *создать условия для мотивации персонала*. К авторам данного направления можно отнести Н. Чуроуси, Е.К. Симсон, Е. Пинк, Д.Л. Мак-Ленан и др.

· «*коммуникационный подход*» зависит от того, как выстраивает человек свои коммуникации с коллегами, соперниками, конкурентами. Коммуникационный подход предполагает выбор определенных стратегий коммуникации (агрессии, уступничества, компромисса и проч.),

что влияет на то, что персонально для него будет мотивом дальнейшей работы – деньги, статусы, общественное признание или что-то еще. К авторам данного направления можно отнести М. Мескон, М. Осуни, Н.Коулман, Д. Джингер и др.

· «*ситуационный подход*» позволяет на основе определенных ситуаций, выработать критерии и качества человека, позволяющие ему мотивировать себя для реализации поставленных задач, но которые проявляются только в определенных условиях. К авторам данного направления можно отнести Е. Эриман, Т. Митчелл, В. Вайнхокк, Х. Стаховски и др.

Среди отечественных ученых наблюдаются те же подходы, только среди них нет такого четкого деления на теоретические рамки. Отечественные ученые используют инструментарий и технические рамки объяснения из разных стилей и школ. Например, в работе Н.А. Петровой [4] показывается зависимости экономических условий развития нашего общества и трансформации стилей и стратегий управления и мотивации персонала; в исследовании О.А. Звонаревой [1] раскрывается механизм взаимосвязи личностных характеристик определяющих мотивационные условия работы с персоналом; в работе С.Ю. Кулинич [2] показываются эффективные стратегии управления мотивацией персонала в современных условиях; в монографии Б.Д. Леопольд [3] показывается взаимосвязь качества управления и мотивации персонала через призму карьерных стратегий; в работах О.А. Полюшкевич [5,6] раскрываются модели управления мотивацией персонала в российских компаниях и в органах власти; в исследовании Т.А. Трофимовой говорится о формах регулирования и моделирования мотивацией персонала в зависимости от стратегических и тактических задач управления [7].

Цель нашего исследования – изучить особенности мотивации персонала (на примере государственных служащих Иркутской области).

Гипотеза исследования заключалась в том, что правильный подбор стратегии мотивации персонала приведет к более эффективной и слаженной работе подразделения органа власти.

Методы и база исследования. Экспертное интервью служащих министерства образования Иркутской области.

База исследования. На момент проведения интервьюирования в министерстве образования Иркутской области по данным отдела государственной гражданской службы и кадровой работы трудоустроено 94 человека. Из них 30 сотрудников приняли участие в анкетировании – это 28% от общего числа трудящихся в министерстве образования.

Анализ результатов исследования. Из результатов исследования можно сделать вывод, что способы мотивации знают 67% респондентов.

20 человек смогли дать свои ответы на вопрос «Какие способы мотивации Вы знаете?». 12 человек задели вопрос материальной мотивации – то есть они видят мотивацию к труду через повышение заработной платы, премии, через материальное стимулирование. 9 человек отмечают важным в мотивации к труду – это наличие нематериальных стимулов, а именно социальных составляющих, необходимых для комфортного пребывания на своем рабочем месте. Сотрудникам министерства хочется иметь возможность общения на работе, хотят видеть хорошие условия для работы, получать психологическую поддержку, что считаю очень важным, находясь на государственной службе и ежедневно общаясь с людьми, которые приходят с вопросами разного плана. Так же сотрудники отмечают, чтобы мотивация существовала в организации – нужна общая идеология и общий настрой на работу, которые задают руководители, необходимо доброе слово и уважение сотрудника со стороны руководителя и наличие желания быть лучшим в своей работе.

Перспективы карьерного роста отмечают 7 человек. Мотивацию в награждении благодарностями, почетными грамотами видят 6 человек.

Из этих ответов мы видим, что материальная мотивация имеет место быть. Государственные служащие, неся службу народу, хотят хорошее денежное вознаграждение за свой труд – и это очевидно. Работа ответственная, напряженная, разноплановая, каждый день не похож на предыдущий, ежедневно приходят граждане с обращениями – нужно выслушать и услышать каждого и каждому помочь разрешить его вопрос. Чаше всего требования высокие, объемы работы большие, времени мало – приходится задерживаться или брать работу домой, есте-

ственно за такую работу хочется получать достойную заработную плату.

Следует отметить то, что помимо материальной мотивации государственные служащие министерства образования отмечают и мотивацию нематериальную, которая поддерживает хорошую психологическую обстановку, которая основывается на поощрении труда общественным признанием – награждением официальными наградами и на благоприятном климате внутри коллектива.

Респондентам было предложено оценить существующую в организации на данный момент систему мотивации по 10-ти бальной шкале. Мнения разошлись, но больше половины сотрудников оценили мотивацию на оценку «5», «6» и «7», то есть это получается средняя оценка. На «10» не оценил никто. Оценку «8» и «9» дали 4 респондента. При этом низшие оценки «1», «2» и «3» системе мотивации в министерстве образования дали 7 сотрудников из 30 опрошенных. На низшие оценки поставили, как и рядовые сотрудники, так и высшие должностные лица. В целом можно считать, что система мотивации оценивается сотрудниками на среднем уровне и оставляет желание быть лучшей.

Мы попытались затронуть самые популярные формы мотивации и предложили респондентам оценить по 5-ти бальной шкале каждую форму отдельно, чтобы понять что именно не устраивает государственных служащих и что дает слабинку на общую картину системы мотивации.

В современных компаниях очень ценится наличие профессиональных конкурсов между сотрудниками, поэтому мы предложили оценить вопрос наличия «Профессиональных конкурсов/соревнований среди сотрудников и отделов (внутри организации)». Большинство оценили на «1» и «2», изредка есть оценка «4». В целом среднюю оценку мы получили 1,67. Из этого следует, что профессиональных состязаний среди сотрудников в министерстве образования не проводятся или проводятся совсем редко.

Подобный вопрос о профессиональных конкурсах, но уже за пределами организации оценили немного лучше – на среднюю оценку 2,27.

Из этого же следует и следующая форма мотивации – наличие существования традиции выявления Лучших сотрудников по показателям работы сотрудника и обозначение его на Доске почета (Лучший сотрудник месяца/квартала/

года, Лучший сотрудник отдела/управления/департамента). Эта форма мотивации так же в среднем оценена очень низко – всего на 1,7.

Из этих оценок форм выявления лучших в профессии можно судить, что в организации не принято или нет желания у руководителей выявлять лучших в своем деле. Но как показал опрос – необходимость в этом есть. Если бы сотрудники заранее понимали и знали, что их труд будет оцениваться и подводиться результат ежемесячно, раз в квартал или за год – то мотивация к труду у каждого в отдельности сотрудника была бы выше. И скорее всего общие результаты – комплексные показатели работы были бы гораздо выше, чем в данный момент.

Теперь перейдем к следующим формам мотивации – к материальным. Рассмотрим аспекты, которые касаются финансового благополучия сотрудников. Вопрос «В организации принято поощрять сверхурочную работу сотрудника денежным вознаграждением» в среднем оценили на 1,57. Большинство поставили оценку «1», и изредка есть оценки «2» и «3».

Вопрос «В организации существует поощрение сотрудников премиями за высокие показатели/достижения» оценен выше – 3,03. Здесь встречаются оценки «5» и «4», но достаточно редко.

Исследовав финансовые формы мотивации можно судить, что они совсем низки. Государственным служащим хочется получить большее вознаграждение за свой труд, особенно если он превышает нормы.

Немного выше, чем все предыдущие формы оценена возможность организации предоставлять сотрудникам прохождение курсов повышения квалификации – средняя оценка 3,33.

Формы мотивации, которые получили наивысшие оценки связаны с комфортным пребыванием на рабочем месте и благоприятным психологическим климатом в коллективе. Наивысшую оценку получил следующий вопрос «Сотрудников поздравляют с общепринятыми праздниками (Новый год, Международный женский день, День защитников Отечества, День Победы, и др.)» – 4,43. Сотрудники министерства образования достаточно высоко оценили существующий порядок поздравления с праздниками. На втором месте вопрос В организации существует правила (традиции) поздравления сотрудников с личными праздниками, эта форма мотивации оценена на 4,07. Третье место

занимает вопрос «В организации сотрудникам дарят корпоративные подарки/сувениры» – здесь средняя оценка «4». И на четвертом месте вопрос «В организации существует традиция дарить подарки детям сотрудников на Новый год и День защиты детей» – этот вопрос мотивации в среднем оценен на 3,8. Обращаем внимание на то, что в министерстве образования хорошо развиты традиции поздравления сотрудников с праздниками, что оказывает положительное влияние на всю систему мотивации.

Эти формы мотивации благоприятно влияют на психологическое состояние сотрудника и на комфортную обстановку среди коллег. В таком коллективе присутствует благоприятный климат, что способствует лучшему контакту между коллегами и структурными подразделениями для достижения лучших комплексных показателей работы министерства образования Иркутской области.

Государственные служащие министерства образования работают с понедельника по пятницу с 9.00 до 18.00 часов – и этот круговорот цикличен, периодически появляется разнообразие в виде задержек после 18.00 часов и выходов на работу в выходные и порой даже в праздничные дни. Но есть ли у этих служащих народу удовлетворенность от того труда, которым они ежедневно заняты, устраивает ли их работа? Мы попробовали выяснить этот вопрос и спросили наших респондентов «Удовлетворены ли Вы, в общем, и целом своей работой?».

Обращаем внимание, что совершенно не удовлетворенных работой нет, но есть те, кто, скорее всего, неудовлетворен – их 17%, и есть те, кто затрудняется ответить, то есть они вообще в сомнениях удовлетворены работой или нет – их 30%. Следовательно, немногим меньше половины опрошенных сотрудников сомневаются или не получают удовлетворения от работы. При чем так ответили сотрудники разных уровней должностных полномочий – как специалисты, так и руководители подразделений. Все сотрудники имеют высшее образование, и почти каждый из них работает по специальности – они учились, получали образование, трудоустроились в орган исполнительной власти и остались неудовлетворенны.

Скорее всего, удовлетворенных работой 33%, и 20% вполне удовлетворенных – счита-

ем, что именно на этих работников можно рассчитывать в качественном исполнении функций органа исполнительной власти. Это люди, которых в большей мере устраивает их работа и они готовы трудиться на благо народа. Больше половины сотрудников заинтересованы в своей трудовой деятельности конкретно на данных должностях, значит, производительность труда будет выше. Потому что, если человек удовлетворен своей деятельностью, следовательно, ему интереснее работать, ему хочется показывать результаты и выполнять свои функции на хорошем профессиональном уровне.

То есть мы видим, что удовлетворенных и не удовлетворенных своей работой примерно пополам. Возникает вопрос – государственные служащие, которые ответили, что скорее не удовлетворены или сомневающиеся в удовлетворенности работой вообще хотят работать или нет? Ведь перед человеком открыт широкий выбор профессий и вакантных мест. Но они пошли работать именно в так называемую бюджетную сферу, там где много работы и сравнительно невысокие заработные платы. Возможно, им стоит выбрать сферу предоставления услуг населению? Там, как известно, есть возможность заработать гораздо больше – кафе, рестораны, салоны красоты, различные мастерские и другие сферы обслуживания, всё это с перспективами хорошего карьерного роста и хорошим ростом заработной платы.

Предлагаем рассмотреть, хотят ли вообще работать наши государственные служащие. Мы задали такой вопрос: «Если бы у Вас была такая возможность – Вы предпочли бы работать или нигде не работать и жить за чей-то счет?».

Как оказалось, 3% (1 респондент) не хотел бы работать вообще. И 33% затруднились с ответом. Приятно радуется, что большинство – 64% всегда хотели бы работать и быть заняты в трудовой деятельности.

Проанализировав два предыдущих вопроса, которые были заданы сотрудникам министерства образования можно судить, что из тех неудовлетворенных своей работой 5 человек ответили, что предпочли бы не работать или затруднились с ответом – работать или не работать.

Как развивать мотивацию у человека, который не удовлетворен своей работой и возможно, что он вообще бы не хотел работать, и пред-

почел бы жить за чей-то счет. В таком случае стоит затронуть вопрос мотивации человека в целом к жизни – хочет ли он вообще жить, если хочет, то как? Если ничего не делать вообще – то жизнь скучна и ничтожна. Быть занятым каким либо трудом необходимо для личности.

В данном случае, наверное, и необходима психологическая помощь сотруднику на рабочем месте. Иногда просто от усталости, иногда потому что мы замотались на работе, потому что все свалилось в один момент на нас, нам хочется получить поддержку и возможно даже помощь.

Предлагаем сейчас затронуть следующий аспект, который вытекает из предыдущих вопросов. Очень часто восприятие чего либо складывается от хорошего или плохого отношения к той или иной произошедшей ситуации. Человек на рабочем месте проводит большую часть своей жизни, чем где либо. Работа – это основной и главный вид его деятельности. Как прошел трудовой день – с таким настроением мы приходим домой, встречаем детей из школы, с таким настроением мы живем и проводим долгожданные выходные. Мало кто умеет, придя домой с плохим настроением, переключиться на семью с улыбкой и любовью.

И так как трудовая деятельность забирает большую часть времени нашей жизни – давайте посмотрим, насколько удовлетворены своей жизнью наши респонденты. Чтобы узнать, удовлетворены ли жизнью государственные служащие министерства образования Иркутской области мы предложили ответить на такой вопрос: «Удовлетворены ли Вы, в общем, и целом своей жизнью?».

В этом случае мы наблюдаем, что утвердительных ответов гораздо больше, почти половина вполне удовлетворены своей жизнью, и 36% скорее удовлетворены, чем нет. Здесь ситуация лучше, чем с удовлетворенностью на работе. Значит, все-таки есть те, кто неудовлетворен на работе, но в целом жизнью они удовлетворены – и это хорошо. Но как, оказалось, есть еще 7% опрошенных, кто сомневается в своей удовлетворенности жизнью, 7% скорее не удовлетворены и 3% совершенно не удовлетворены жизнью. Таких людей немного, но они есть.

Можно изучить отдельно анкету того респондента, который совершенно не удовлетво-

рен своей жизнью. Этот респондент затрудняется ответить, удовлетворен ли он своей работой, но при этом всегда бы хотел работать. Обратим внимание на социально-демографические признаки респондента. Этим респондентом является девушка, ее возраст от 26 до 35 лет, она не замужем и детей не имеет. Она работает на должности, которая относится к низшей группе должностей и имеет ежемесячную заработную плату до 15 000 рублей. При этом она вынуждена жить на съемной квартире.

Стоит задуматься, может ли быть счастлива и тем более удовлетворена жизнью 26-ти летняя девушка, которая не имеет семью и зарабатывает 15 000 рублей, которые в свою очередь она вынуждена тратить на аренду жилья? Скорее нет, чем да. Каждая женщина, начиная еще с детства мечтает о любящем муже и крепкой семье, о хорошем доме, и финансовом достатке, которого хватает не только на еду и одежду, но и позволяет съездить отдохнуть всей семьей в отпуск. Конечно, можно считать, что не в семье и не в деньгах счастье. Но все же в данном случае придерживаемся рамок средних статистик – то есть человек счастлив и полноценен, когда рядом есть родные и близкие (семья), когда есть крыша над головой, при чем желательно своя, и когда он может своим заработком обеспечивать себя и свою семью. Мы не берем сейчас в расчет крупные растраты как, например покупка автомобиля или новой квартиры, мы говорим о стандартных, ежедневно необходимых вещах – питание, одежда, проезд на транспорте, отдых и т.д..

Каждый из нас периодически размышляет о своей жизни, о своем будущем, о карьере, о том, что нас ожидает впереди. И это чаще всего полная неизвестность. Люди всегда планируют, рисуют какие-то идеальные картинки в голове и верят в то, что будет все так, как они задумают. Но порой встречаются на нашем пути преграды, ведь не может быть все идеально.

В связи с этим поинтересовались у сотрудников министерства образования Иркутской области, есть ли в целом у их коллег уверенность в завтрашнем дне? Ведь считается, что они работают на стабильной организации и у них уверенность в завтрашнем дне должна быть высокая.

Результаты оказались следующими: большинство – 43% ответили, что скорее уверены в

завтрашнем дне, и только 17% утвердительно ответили, что вполне уверены в завтрашнем дне. У 20% возникло затруднение определить позицию уверенности коллег в завтрашнем дне, 17% считает, что коллеги не уверены и 3% не имеют никакой уверенности в завтрашнем дне.

Видно, что на 60% теория стабильной работы и уверенности в завтрашнем дне подтверждена. Но все равно, остается еще 40%, которые считают, что нет никакой уверенности в будущем. И придется жить, как получится. От чего это? Вопрос сложный. Возможно из-за того, что это не работа их мечты, и устроились они сюда просто, потому что оказалась такая возможность. Может потому что в жизни уже было пережито много различных событий, которые не позволяют рисовать идеальное будущее.

Каждый сотрудник не зависимо от того, нравится ему его работа или нет, хочет быть нужным. От ощущения полезности своих профессиональных действий побуждается чувство причастности к общему делу. И когда за выполненное дело получает как минимум спасибо от руководителя – человек понимает, что он делает действительно нужные вещи.

Чтобы разобраться в этом вопросе - спросили у государственных служащих: Как бы Вы оценили практическую необходимость, полезность того, что Вам приходится делать на работе?

Оказалось, что 30% респондентов полностью уверены в полезности выполняемых дел на работе, большая часть – 57% считают, что не все, что они делают действительно необходимо. И 13% утверждает, что они выполняют много бесполезной работы.

Из этого вопроса можно сделать вывод, что только 30% будет добросовестно выполнять свои обязанности, так как считают это нужным. Их деятельность необходима, они работают не для галочки, их труд необходим.

Сейчас предлагаем узнать, как часто у наших респондентов возникает необходимость задерживаться на работе, и по каким причинам это происходит. Нагружает работой начальство или просто объемы работы очень большие. Для начала мы спросили у государственных служащих: «Возникала ли в Вашей организации за последние полгода необходимость сверхурочных работ?»

Оказалось, что нет ни одного сотрудника, у которого бы не было за последние полгода сверхурочных работ. У 30% возникала необходимость сверхурочных работ, но сравнительно редко, зато 70% утверждает, что необходимость сверхурочных работ возникает достаточно часто. То есть мы видим, что большинство нагружены дополнительной работой и им приходится посвящать свое личное время работе.

Попросили разъяснить наших респондентов почему, по их мнению, возникает необходимость в сверхурочных работах. И оказалось, что 43% считает, что сверхурочные работы возникают по причине того, что существует проблема нехватки сотрудников – приходится выполнять работу других людей. И такая проблема действительно существует, но принято ее называть оптимизацией труда. Для этого объединяют подразделения, на сотрудников складывают все больше полномочий и обязанностей. И так образовывается проблема сверхурочных работ. 24% утверждает, что они сами не успевают выполнять свою работу (обязанности) – поэтому им приходится задерживаться. 10% респондентов говорит о проблеме нехватки рабочих мест в кабинете, чтобы можно было взять дополнительного сотрудника – поэтому приходится выполнять дополнительные работы. Еще 10% считает, что руководитель неграмотно распределяет обязанности среди сотрудников, думаю, такая проблема имеет место быть.

Так же респонденты предложили свои ответы по данному вопросу. Государственные служащие все так же обращаются к вопросу о том, что из-за выполнения бесполезной работы появляется необходимость в сверхурочной трудовой занятости. Так же считают, что дополнительная нагрузка ложится на сотрудников из-за того, что много работы, по которой выходят сроки исполнения документов. Или, например, отписывают документы, которые не имеют отношения к деятельности отдела и приходится «разгрести» вопросы в которых не компетентны те или иные сотрудники.

Такую картину по сверхурочной занятости сотрудников министерства образования Иркутской области можно наблюдать. Большинство загружены большим объемом работ, поэтому приходится задерживаться после окончания рабочего дня и доделывать свои функциональ-

ные обязанности, потому что почти у любого дела есть срок выполнения.

Выше были рассмотрены вопросы, касающиеся непосредственно трудовые обязанностей и отношений. Сейчас предлагаем затронуть вопросы социально-бытового уровня при нахождении наших респондентов на рабочем месте. Посмотрим, в каких условиях им приходится работать и устраивает ли их такие условия.

Для начала поинтересовались в целом условиями работы в офисе и спросили у респондентов «Как бы Вы оценили отношение сотрудников Вашей организации к тем условиям, в которых они работают?». Ведь от той, обстановки, которая окружает нас – зависит многое. Если нас что-то не устраивает в окружении, значит наше настроение уже хуже, значит, оно влияет на желание что-либо делать, а следовательно и уровень мотивации стремительно падает вниз.

Из опроса мы видим, что ни один респондент не выбрал вариант Большинство довольны существующими условиями. Интересно, почему государственные служащие утвердительно считают, что все их сотрудники не могут быть довольны существующими условиями. Но при этом, 50% опрошенных считает, что отношение у сотрудников скорее положительное, нежели отрицательное. Обратите внимание, что 36% затруднились ответить на данный вопрос. То есть не смогли вообще оценить отношение сотрудников к условиям труда. То ли они находились в замешательстве, то ли так плохо чувствуют своих коллег. 7% считают, что отношение скорее отрицательное, чем положительное, и так же 7% утвердительно считает, что большинство сотрудников министерства образования недовольны существующими условиями труда.

Интересно отметить, что два последних варианта ответов дали, как и рядовые специалисты, так и респонденты, находящиеся на руководящих должностях. Следует вопрос – почему они так считают? Неужели они действительно считают, что сотрудники негативно относятся к существующим условиям труда.

Чтобы разобраться, в чем же дело – мы решили детально изучить некоторые элементы организации труда в министерстве образования Иркутской области. И попросили респондентов оценить удовлетворенность каждым из элементов по 5-ти бальной шкале. То есть, чем

больше удовлетворяет тот или иной элемент – тем выше его оценка.

Первым элементом организации труда мы предложили респондентам следующее «Наличие обеда в установленное расписанием времени». Узнаем, существует ли обед в установленное время и устраивает ли это государственных служащих. Средняя оценка данному элементу получилась 4,17 балла. И данный элемент занял третье место среди всех остальных. В целом, преобладают оценки «4» и «5», но и встречаются даже «2» и «3». Но на что следует обратить особое внимание – низкие оценки были поставлены преимущественно руководителями, именно начальниками отделов и высшими группами должностей. Наверное, стоит сделать вывод о том, что руководителям сложно контролировать свое обеденное время из-за большого количества работы и обязанностей. Порой на обед просто не хватает времени и приходится вести прием пищи не в течение одного часа, всего 10-15 минут, за которые конечно не успевают руководители отдохнуть, а возможно, и вообще остаются без обеда.

Следующим элементом организации труда, который по итогам оценивания стал на втором месте, является «Благоприятная обстановка на рабочем месте с коллегами». Его средним баллом стало 4,20. Здесь тоже преобладают высокие оценки, но несколько человек оценили этот критерий очень низко, и даже есть оценка «1». Респондент отказался указать должность и описать причину, почему же обстановка на рабочем месте с коллегами оценена так низко. Надеемся, что вскоре все изменится и отношения с коллегами станут лучше.

Первое место, набрав по среднему баллу самую высокую оценку, является элемент организации труда «Своевременная выплата заработной платы» - его результат 4,63. В этом критерии затесалась всего лишь одна оценка 3, но все остальные положительные оценки. Приятно понимать, что хоть, как и отмечают сами респонденты, заработные планы не высокие и им хотелось бы больше, но получают они ее вовремя. Сейчас уже прошли времена, когда людям, работающим в бюджетных сферах, задерживают на несколько месяцев зарплату. В нынешнее время заработные платы приходят строго в указанные дни.

Далее следуют элементы, которые набрали оценки ниже 4-ех. И в первую очередь хотелось

бы обратить внимание на элемент организации труда «Техническая оснащенность рабочего места (Персональный компьютер, телефон, принтер, и т.д.)» - его балл составляет 3,57 по среднему расчету. В целом – результат стремится к положительному. Но рассматривая каждый ответ отдельно – мы можем наблюдать, что низких оценок достаточно много. И в этих оценках есть некоторая закономерность, низкие оценки технической оснащенности рабочего места поставили специалисты, методисты, эксперты, консультанты, зато у руководящих должностей с этим критерием все в порядке. Следовательно, руководители способствуют созданию комфортных в техническом плане условий на своем рабочем месте. И видимо не заботятся о своих подчиненных, хотя здесь может, есть и другой аспект – сотрудники считают, что их рабочее место должно быть полностью оснащено всем. И телефоном и принтером и сканером, но как чаще всего в офисах бывает – что такие удовольствия рассчитаны на несколько сотрудников. Поэтому тут вопрос может остаться открытым из-за рациональности использования технических ресурсов.

Такое же среднее количество баллов (3,57) набрал следующий элемент организации труда «Благоприятные санитарные и экологические условия (проветривание помещений, кондиционеры, тепловые генераторы и т.д.)». В данном случае оценка тоже стремится к положительному результату, но тем не менее сотрудников министерства образования слабо удовлетворяет данный вопрос. Здесь, скорее всего проблема связана с тем, что здание, в котором располагается министерство образования Иркутской области по адресу ул. Российская 21 достаточно старое. Безусловно, ремонт там выполнен с хорошим качеством, но всё же как отмечают сотрудники существует проблема температурных режимов зимой и летом. Зимой некоторые кабинеты обогреваются не в полной мере, хотя это происходит посредством центральных городских теплосетей, летом наоборот плохая оснащенность охлаждающим оборудованием – т.е. кондиционерами. Эта проблема связана с природными особенностями нашего региона. Но в данный момент, в министерстве образования стараются решить данный вопрос.

Следующий элемент связан с возможностью передохнуть в течение рабочего дня. Мы

спросили, какая удовлетворенность у сотрудников к элементу организации труда «Наличие перерывов (5-10 минут) в течение дня», и получили средний результат 3,17. Тут абсолютно все сотрудники отвечали не зависимо от должностей. Но некоторые отметили, что перерывам в течение дня они ставят оценку «5», видимо всё таки сотрудники сами пытаются грамотно распределить дела, чтобы у них было время вдохнуть глоток свежего воздуха. Но как оказалось внутренним распорядком работы министерства образования такой возможности официально не предоставлено. Это на самом деле не совсем правильно. Сейчас в современных компаниях помимо обеда предоставляют два перерыва по 15 минут в течение дня. Например, если рабочий день организации с 9.00 до 18.00 часов, с 13.00 до 14.00 обеденный перерыв и два перерыва по 15 минут в 11.00 и 16.00 часов. В это время сотрудник может сделать перекур или выпить чашечку чая. Такие перерывы чаще называют Кофе-брейк.

Самую нижнюю строчку из всех элементов организации труда занимает «Своевременный уход с работы» — его средний результат 2,17. Этот вопрос мы рассматривали выше, но не могли не указать его здесь, так как в данном случае мы его рассматриваем с точки зрения организации труда. И видим, что результат оставляет желание быть лучше.

Из нашего исследования следует в большинстве случаев негативное отношение к своей работе или порой даже безразличие — можно су-

дить о том, что в сфере государственной гражданской службы нужно создавать систему мотивации сотрудников. Как говорилось выше — одного Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не достаточно для эффективной мотивации, да и тем более, что данный Закон больше разъясняет о социальных гарантиях государственного служащего нежели о мотивации сотрудника.

Литература

1. Звонарева О.А. Ситуационная стратегия принятия управленческих решений. — М.: Форма, 2017. — 490 с.
2. Кулинич С.Ю. Эффективные стратегии управления. — М.: АСТ, 2016. — 521 с.
3. Леопольд Б.Д. Качество управления и личность руководителя. — М.: Психея, 2015. — 339 с.
4. Петрова Н.А. Изменение стратегий управления от экономических трансформаций в стране: монография. — М.: Знание, 2016. — 456 с.
5. Полюшкевич О.А. Введение в психологию управления. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. — 246 с.
6. Полюшкевич О.А. Введение в социальную антропологию управления. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. — 146 с.
7. Трофимова Т.А. Стратегия и тактика управленческих решений. Моделирование управленческой деятельности. — М.: Финансы и статистика, 2016. — 488 с.

Конструирование бренда территории в представлениях россиян

Борисова Ю.В., Попова М.В.

В статье анализируются особенности брендинга территории за рубежом и в России. Показывается динамика и социальная обусловленность формирования бренда территории. А также приводятся результаты исследования бренда территории Иркутской области, проведенного автором в 2017 году, выявляются отличия восприятия бренда и имиджа территории в зависимости от социального статуса и возраста респондентов, на основе этого выявляются ключевые векторы работы по увеличению привлекательности территории: Ключевые слова: бренд территории, имидж, привлекательность региона, социокультурный ресурс, идентичность.

Borisova Y.V., Popova M.V.

Constructing a brand of territory in the representations of Russians
The article analyzes the peculiarities of branding the territory abroad and in Russia. The dynamics and social conditioning of branding of the territory are shown. And also results of research of the brand of the territory of the Irkutsk region conducted by the author in 2017 are revealed, differences in the perception of the brand and the image of the territory are revealed depending on the social status and age of the respondents, on the basis of this, key vectors of work on increasing the attractiveness of the territory are revealed.

Key words: territory brand, image, region attractiveness, socio-cultural resource, identity.

Теоретическая и практическая разработанность вопроса территориального развития крайне противоречива, из-за того, что существует множество заинтересованных акторов (властных, интеллектуальных, профессиональных и многих других), не позволяющих прийти к единой концепции. Чтобы такая концепция родилась необходимо прийти к балансу сил и ресурсов, условий и механизмов, которые позволят встроиться в общую систему развития страны.

Территориальное развитие не однородная, не линейная, сложноподчиненная система, которая требует постоянного мониторинга и контроля. Ключевым элементом ее возникновения и развития являются представления населения о территориальном развитии того пространства, где они живут.

История развития бренда территории

Термин «*бренд территории*» появился не так давно. Но само явление мы можем наблюдать уже на протяжении нескольких веков. Люди стремились улучшить условия жизни, прославлять место своего жительства. Сейчас мы это можем назвать, как привлечение финансовых, человеческих ресурсов.

Например, создание религиозного центра в городе привлекало паломников. А если в этом центре появятся мощи святого, то вместе с паломниками увеличится и число церковных служащих, а затем и соответствующей инфраструктуры. Для примера можно привести угличский храм в честь Преображения Господня. Там в 1591 году был захоронен младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий. К его гробнице стекалось много народа, так как это место считалось святым и исцеляло людей [6]. Также стоит отметить, что школы и университеты изначально создавались на базе монастырей.

Если говорить о светской власти, то и здесь мы можем проследить стремление привлечь к территории внимание. И самый наглядный тому пример – ярмарки. Помимо того, что ярмарки привлекали купцов, они еще служили развлечением. В дни проведения ярмарки в город стекалось много народа, приезжали артисты, гадалки, устраивались гулянья. На Руси местами проведения ярмарок в основном служили церкви и монастыри, там, где чаще всего собиралось окрестное население. В результате торговцы стали обосновываться в этих местах и создавать поселения, а затем и города [3]. Например, Сергиев Посад образовался именно так.

Еще в XVI-XVII веках создались бренды, которыми многие города пользуются до сих пор. Например, вологодское кружево, гжельская керамика или ивановский ситец. Получается, что те ремесла, которыми занимались местные жители, прославили город и определили его бренд на многие века. А в настоящее время городам нужно его только поддерживать и развивать. Помогло таким территориям и произведения фольклора, которые также увековечили их имена. Для примера можно привести очень популярную поговорку: «в Тулу со своим самоваром не ездят».

Но не всегда товарам давалось название города. Часто случалось и наоборот. Например, в честь стекольной мануфактуры на реке Гусь был назван город Гусь Хрустальный. Это пример из 1756 года [10]. В советское время названия городам давались больше идеологические. Город Комсомольск-на-Амуре назван так в честь комсомольцев, которые участвовали в строительстве города в 1932 году [7]. Другой пример город Кимовск – назван в честь Коммунистического Интернационала Молодёжи (аббревиатура КИМ).

Первые маркетинговые исследования стали появляться в 1990-е годы. И западные страны начали активно их применять. Большинство исследователей начали считать, что территории, как компания, должны продвигать свои продукты, привлекать инвесторов и туристов. На этой почве стали появляться агентства по продвижению имиджа и созданию бренд территории [9].

Большого успеха добилась программа ребрендинга Испании. В 1980-х страну считали слаборазвитой, а к моменту проведения Олимпиады к 1992 году была проведена уже про-

грамма ребрендинга не только Барселоны, но и всей страны комплексно [11]. И Испания превратилась в успешное и развитое государство. В чем же именно заключалась суть ребрендинга. Процесс включал в себя работу на все целевые группы. Упор делался на бизнес, курорты, местных жителей и даже современную культуру. Клубный остров Ибица также результат ребрендинга. Логотипом страны стал солнечный диск, созданный художником Жоаном Миро.

Можно привести массу примеров успешных идей брендинга по всему миру: «be open. Be free. be berlin», «I Amsterdam», «YourSingapore». И эти простые, на первый взгляд, слоганы позволяют выразить то отношение к городу, которое должны чувствовать люди, которые в него приезжают. Сравнить слоганы зарубежных городов с русскими. Приведем еще несколько зарубежных: «Вечный город» (Рим), «Париж, я люблю тебя!», «Чудесный Копенгаген». Они довольно простые и лаконичные. Теперь примеры из российской практики: Казань – третья столица, Челябинск – промышленная столица, Екатеринбург – столица Урала, Иваново – столица невест, Пермь – культурная столица. В России оказывается очень много неофициальных столиц. Появился тренд, чтобы каждый город был столицей чего-нибудь. Российские слоганы превозносят город над остальными, в то время как зарубежный слоган делает упор именно на людей, на их чувства.

Если интерес в Европе и Соединённых Штатах к брендингу территорий как практической деятельности появился примерно с 1970-х годов, то в России про брендинг территории начали говорить только в начале XXI века [6]. Причина тому увеличение ответственности и повышение самостоятельности местных властей. Это вызвало рост конкуренции между городами на внешнем и внутреннем рынках.

Территориальное брендование в России

Популярность брендинга стала расти, и в России начали проводиться различные форумы на эту тему. В 2009 года в Новосибирске прошёл Международный молодёжный инновационный форум «Интерра», одной из главных тем которого стал брендинг территории. Этот форум стал ежегодным. А уже в 2010 году на этом форуме прошёл Первый конкурс проектов

брендинга территории. Победителями стали проекты «Великий Устюг – родина Деда Мороза», а также «Мышкин – город классической русской провинции» [14].

Теперь рассмотрим сами примеры брендинга российских городов. Стоит рассмотреть противоречивый бренд города Пермь. Противоречивый потому, что эксперты до сих пор не могут определить удачным оказался брендинг города или нет. Первые изменения Пермь почувствовала на себе в 2011 году. Слоганом города стал «Пермь – культурная столица». Сформировать бренд Пермь попросили брендинговое агентство из Москвы [13]. У местных жителей это вызвало массу негативных эмоций, так как политика брендинга с городским сообществом не была согласована. Другими словами местных жителей не спросили, каким они хотят видеть свой город [12].

Пермский культурный проект начался с того, что Марат Гельман придумал выставку современного искусства «Русское бедное» и провел её в Перми. Далее эта выставка превратилась в музей. Далее стали проводить всевозможные фестивали, вовлекать общественное пространство в культурную политику.

На улицах Перми начали появляться большое количество арт-объектов. Пример одного это фигурки красных человечков. Они даже появились на фасаде здания Законодательного Собрания. Но в дальнейшем депутаты попросили их убрать. Логотипом города стала большая буква «П». В одном из парков сделали большую скульптуру этой буквы, состоящей из хаотично сложенных брёвен. Предпринимались неоднократные попытки поджечь данную конструкцию, но вскоре выяснили, что она не горит, и эту затею оставили [11].

Надпись «Счастье не за горами» известна многим по фильму «Географ глобус пропил» и сериалу «Реальные пацаны». Она стала одной из визитных карточек Перми. Многие жители отмечают, что надпись популярная, но слева от нее находится старое обветшалое здание речного вокзала, которое не эксплуатируется, и это портит полную картину места. Можно привести много спорных примеров, но стоит отметить, что внешний облик города, как бы не возмущались жители Перми, стал намного интереснее, красивее и лучше. И популярность Перми выросла в разы [5].

Следующий пример, который стоит рассмотреть это город Томск. В конце XIX века в Томске открыли первый университет в Сибири, и Томск в народе стали называть «Сибирские Афины». Впервые о бренде в этом городе заговорили в ходе подготовки к 400-летию города [1]. И тут вспомнили про историю и начали развивать бренд «Сибирские Афины». Это название прижилось среди местных жителей, но за пределы города не вышло. И только в последние годы власть Томска всерьез задумалась о ребрендинге городской среды и внешнем позиционировании города.

Работу начали проводить поэтапно. Сначала была создана концепция «Концепция развития туризма и гостеприимства», далее приняла программу «Внешнее позиционирование Томска». В 2009-2011 гг. на внешнее позиционирование было выделено около 25 млн. рублей. Разрабатывалась и проводилась полиграфическая и сувенирная продукция с символикой города, снималась социальная реклама. Целью брендинга было не создать красивый внешний вид, как в Перми, а определиться с целевыми группами и создать платформу будущего бренда.

И на самом деле, туристическая активность в Томске за последнее время возросла. Томск позиционирует себя как город с уникальным инвестиционным и экономическим климатом. Была создана Технично-внедренческая особая экономическая зона (ТВЗ), которая получила название «Фабрика интеллекта». Это и стало началом для формирования бренда. Город стал настоящей «кузницей кадров». В Томске самая высокая доля работников с высшим и средним образованием от общего числа занятых: на 10 тыс. человек экономически активного населения приходится 151 исследователь (для примера в России – 69, Японии – 102). Также город закрепился как финальная географическая точка путешествия по Транссибирской магистрали. А деревянная архитектура стала настоящим брендом.

Как отмечают эксперты, в целом по Сибири с брендингом складывается печальная картина. Проблема не только в грязных производствах, но и в климатических условиях, в очаговом расселении, в безумных расстояниях между городами, слабым инфраструктурном каркасе [2]. Городам Сибири сейчас важнее сохранить

на своей территории уже имеющиеся ресурсы, заниматься внутренним продвижением, ориентированным на жителей [7].

Ульяновская область выбрала своей целью повышение демографии региона. В 2007 году была объявлена акция «Роди патриота в День России». Она получила общественное признание, так как главным призом являлся автомобиль «Уаз-Патриот». Власти посчитали, чтобы родить малыша 12 июня, он должен быть зачат 12 сентября. Поэтому 12 сентября сделали в регионе официальным выходным днем. Акция настолько прижилась, что спустя уже 2 года количество участников исчислялось сотнями [8]. Но брендингом это назвать нельзя, это скорей всего маркетинговый ход, которые применили власти.

Интересными примерами брендинга территории являются – город Мышкин и Суздаль. Город Мышкин расположен на берегу Волги, по пути следования круизных теплоходов. И местом их остановки был выбран именно этот город. Жители воспользовались этой ситуацией, поняли, что туристов привлекает провинциальность города. С 1996 года начали проводить фестиваль мыши, создали провинциальные музеи, в оформлении города подчеркивают образ уездного, застывшего во времени.

Что касается Суздаля, то он использовал свою историю в полной мере. Здесь придумали такие праздники, как неделя русалок, День огурца и др. Поток туристов в этот город очень большой, но инфраструктура оставляет желать лучшего. Простой пример: в городе настолько не хватает парковок, что туристы, приезжая в город, оставляют машины на обочине трассы [4].

Стоит также привести пример родины Деда Мороза. Каждый ребёнок знает этот город. Великий Устюг давно занял эту нишу и активно ей пользуется. Но и у этого города большая проблема с инфраструктурой. Власти желают сформировать бренд без действий по улучшению городской инфраструктуры. Великий Устюг, Мышкино не смогли справиться с четырёхкратным наплывом туристов. Гостиницы, рестораны не были готовы к такому количеству. Подобный пример можно привести с Томском. Количество участников было настолько велико, что гостей расселяли в профилакториях. И здесь мы можем наблюдать главное правило брен-

динга: без реальных инвестиций успешный бренд работать не будет.

Анализ результатов исследования

В 2017 году ИСН ИГУ проводился опрос россиян на тему «Особенности конструирования бренда территории». Опрос проводился Иркутским государственным университетом в 2017 г. в гг. Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Братск, Шелехов, Черемхово, Свирск, Тулун, Куйтун, Тайшет, Усть-Илимск. Общее количество респондентов – 2400 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, погрешность 2,5%. Выборка случайная.

Также нами было проведено 24 неструктурированных экспертных интервью с представителями органов власти, бизнеса, руководителями НКО, представителями СМИ и иных социально-профессиональных групп, непосредственно влияющих либо на территориальное развитие, либо на представления о нем через свою деятельность. Результаты исследования достаточно интересны.

Говоря о территориальном развитии, население Иркутской области в большей степени предполагает развитие производства и экономики, в меньшей степени инфраструктуры, и минимальные позиции в общественном сознании занимает развитие культуры и образования. По мнению респондентов, «территориальное развитие» предполагает развитие экономики (35%), инфраструктуры (22%), производства (18%), культуры (15%), образования (10%).

Эти данные весьма красноречиво показывают, что населению не хватает денег и условий для комфортной жизни, поэтому культуру и образование они отодвигают на второй план. Общая тенденция характерна для всех поколений, поэтому, можно утверждать, что без изменения базовых условий жизни, достаточно сложно представить развитие того или иного региона, города или села.

На развитие территории влияют разнообразные факторы. По мнению респондентов это внешнеполитическая ситуация (20%), внутриполитическая ситуация (45%), внутрирегиональная ситуация (35%). Т.е. те решения, которые принимаются на общероссийском уровне имеют определяющий вес в направлении развития территории (зачастую это определяется допол-

Таблица 1
Объединяющая территориальная символическая идентичность

Символическая идентичность	Характеристика
Природа	Уникальные природные условия (реки, земли, озера)
Культурно-религиозные традиции	Развитие традиционных национально-религиозных праздников и ритуалов формирует уникальный облик рассматриваемой территории
Мифология	Мифологемы прошлого в конструировании мифов и образов будущего

нительным финансированием через целевые программы, направленные в конкретный регион). Данное утверждение подтверждает тот факт, что рассматривая разнообразные процессы, влияющие на развитие территории, респонденты на первое место ставят экономику (35%), на второе политику (28%), на третье человеческий фактор (22%) и на четвертое – исторические предпосылки (15%).

Территория Иркутской области в ближайшие 30 лет может стать промышленным центром, по мнению 22% респондентов, социально-инфраструктурным центром – 18%, туристическим центром – 20%, историко-культурным центром – 15%, религиозным центром – 12%, сельскохозяйственным центром – 8% и 5% затруднились с ответом.

Говоря о развитии необходимо рассматривать те особенности общественного мнения, что сложились на данный момент в конкретном регионе, так как именно они являются основой социально-психологической удовлетворенности где и как они живут, какие перспективы жизни для их детей в данном регионе имеются. Наши респонденты в СМИ чаще замечают отрицательные (44%), либо нейтральные сообщения об Иркутской области (35%), значительно меньшая часть, замечает положительную информацию (21%).

Среди отрицательных чаще всего называли: «пожары в лесах области» (55%), «наводнения на реках севера области» (41%), «загрязнение Байкала» (33%), «мусорные свалки» (25%), «ветхое и аварийное жилье» (20%), «приостановки производств» (15%), «плохие дороги» (15%). Большая часть ответов касалась социально-эко-

логической обстановке в регионе и меньшая – экономического и инфраструктурного развития. Решение каждого из этих вопросов требует внимания и финансирования на федеральном уровне, региональные и муниципальные органы власти не справятся в одиночку.

Отвечая на вопрос о том, какой бренд Иркутской области наиболее приземлим мы получили интересные ответы. Отвечая на вопрос, что объединяет жителей Байкальского региона мы получили три блока ответов: природа, культурно-религиозные традиции и мифология (см. таблица 1).

Объединяющая территориальная символическая идентичность, которая может стать основой формирования бренда Байкальского региона строится на исторических условиях формирования среды, реальных природно-климатических характеристик и мифологии автохтонного населения, которую переняли и новые переселенцы, которые на сегодняшний день являются основными жителями рассматриваемой территории. По мнению О.А. Полюшкевич, социокультурные основы социального пространства территории являются условием солидарности людей вне контекста времени [4]. Именно это, на наш взгляд, является условием единства Байкальского региона.

Наши респонденты, говоря о природе, которая объединяет жителей и ассоциируется с данной территорией говорили о реках – 55% (Ангара, Иркут, Китой, Селенга), об озере Байкал; о тайге – 35% («Сибирская тайга», «тайга Восточной Сибири», «Прибайкальская тайга», «Байкальская тайга»); о степи – 10% («Бурятская степь», «Забайкальская степь»).

Рассматривая культурно-религиозные традиции говорили о национальных праздниках – 65% (Сагаалган, Сурхарбан); ритуалах шаманов – 35% («помощь духов при лечении болезни», «гадания шаманов», «привлечение удачи и помощи через посредников шамана»). Говоря о мифологии касались мифов народов, живущих на территории региона бурят, эвенков, тофов и других – 95% («Сага о Гэсэре», «Эхэ Бурхан», «Наран», «Хара», «Торганай» и т.д.). Иными словами, жители рассматриваемого региона конструируют ритуалы, которые выступают конъюнктурами социальной интеграции [6].

Относительно равномерное распределение среди тех, кто хотел бы остаться, но чтобы дети

уехали (35%), хотел бы остаться с детьми (30%), хотел бы уехать (35%). Это говорит о том, что данная территория не является привлекательным ресурсом для жизни для существенной части жителей региона. Среди причин, по которым жители хотели бы уехать назвались в основном социально-экономические. «Уровень заработной платы достаточно низкий, своего жилья нет – за что тут держаться?» (Н.Е., 40 лет, служащий); «Какое будущее у моих детей, если я не могу дать им нормальное образование, не могу создать комфортные и безопасные условия для жизни?» (А.С., 32 года, врач); «Зарплата низкая, работы нет, жилье – недоступно, только в кредит, я бы хотела уехать и жить по-другому» (Я.Я., 27 лет, волонтер НКО). «Для моих детей и внуков я не вижу тут перспектив, мне – тут умирать, а им надо уезжать» (Н.Г., 68 лет, пенсионер); «Я люблю территорию, где родилась, но вижу – что для молодежи тут нет будущего, хотелось бы вернуть советское прошлое – когда все строилось и развивалось, но, увы – это невозможно» (О.Д., 53 года, инженер). «Надежда на туризм – что он что-то изменит, а если нет – то основное население будет уезжать. Я тоже планирую через 3 года, после завершения обучения в университете» (М.А., 19 лет, студент).

Таким образом, мы выявили достаточно сложные условия для конструирования бренда территории. В силу того, что социально-экономические условия формируют негативные установки по отношению к территории, строить концепцию бренда территории стоит на основе положительных образов и символов территориальной принадлежности – это природно-климатическим и географическим условиям и национально-культурным и историческим условиям и традициям.

По нашему мнению, базовым звеном территориальной идентичности и бренда территории являются национально-культурные условия жизни, социально-экономический фактор жизни должен вписываться в данные рамки, чтобы жители могли ценить то, где и как они живут, не смотря на социально-экономические неудобства и преграды. Последнее, безусловно, не означает, что привлечение инвестиций и развитие инфраструктуры региона необходимо приостановить. Наоборот, без развития этого направления, национально-культурное не получит дол-

жной поддержки и одобрения как со стороны официальных органов власти, так и среди обывателей.

Конструирование бренда территории должно начинаться с разъяснительной и пропагандистской работы органов власти и всех заинтересованных сторон. Внедрение имиджевых составляющих всегда предшествует разъяснительной работе, конструированию идеологии и распространению ее среди жителей региона. Особенно это касается территориальных общностей. Маркетинг территории начинается с разъяснительной работы, а сам бренд территории является конечным продуктом проделанной ранее работы, так как без общественной поддержки и веры в него, его эффективность будет маловероятна.

Социально-экономические условия оказывают негативное воздействие на желание людей оставаться в Иркутской области, при этом, достаточно сильны социокультурные ценности, которые консолидируют людей. Чтобы была преемственность поколений, уровень миграции не возрастал, а население оставалось на данной территории, необходим комплекс мер, который будет способствовать социальной интеграции населения и формированию социокультурной и социально-психологической среды для разработки бренда территории Иркутской области.

Заключение

Таким образом, в общественном сознании, представления о территориальном развитии достаточно многообразны. Но при этом, существуют сферы, решение проблем в которых может качественно изменить ситуацию в представлениях жителей и в фактических возможностях развития территории. Изменение социально-экологических условий Иркутской области и получение финансово-инфраструктурных толчков развитие сможет повысить уровень и качество жизни жителей Иркутской области.

Основная задача стоит перед органами власти федерального, регионального и муниципального уровня – найти общий формат взаимодействия, выгодный для каждой из сторон. Тогда и конструирование бренда территории станет наиболее приоритетным и естественным этапом развития.

Литература

1. Администрация Томской области, официальный сайт [Электронный ресурс]: Новости.- Режим доступа: <http://tomsk.gov.ru/> (дата обращения: 01.08.2017.)
2. Визгалов Д. В. Позиционирование города: поиск городской идентичности и разработка концепции бренда // Муниципальная власть. 2014. №2. С. 26-33.
3. Громова Е. Брендинг территорий // Рекламные идеи. 2011. №6. С. 110-119.
4. Гуляева М. К. Брендинг региона: миф или реальность? // Вестник ГКУ. 2011. №4. С. 84-88.
5. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. Издательство: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
6. Калюжнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации М.: ТЕИС, 2003. 526 с.
7. Панкрухин А. Брендинг городов: лучшие практики. Взгляд из Барселоны и Лондона // Муниципальная власть. 2012. №1. С. 18-20.
8. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2014. 160 с.
9. Попова М. В. Маркетинг территории: теоретические подходы // Трансгрессия социокультурного пространства: Всерос. науч. интернет-конф.: материалы/ Под общ. ред. О. А. Эдельштейн, О. А. Полюшкевич. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 121-127.
10. Попова М. В. Развитие брендинга территории: российский опыт // Вестник Иркутского университета/ ФГБОУ ВПО «ИГУ»; [редкол.: О. А. Эдельштейн, Г. В. Логунова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 131-132.
11. Попова М.В. Бренд как фактор территориального развития // Социальные проблемы и безопасность российских регионов: материалы второго Байкальск. научн. соц. симпоз., Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 157-162.
12. Попова М.В. Позиционирование территории как фактор городского развития // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе: VII всерос. науч. интернет-конф./ Под общ. ред. О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. Иркутск: Изда-во ИГУ, 2015. С. 52-57.
13. Попова М.В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практ. интернет-конф. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. С. 81-88.
14. Степаньчева Е. В. Концептуальный подход к формированию бренда территории // Социально-экономические явления и процессы. 2012. №12. С. 290-295.

Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области

Завьялов А.В.

В статье дается общий анализ проводимых исследований в области мигрантов и миграционной политики, также рассматриваются особенности общественного мнения жителей Иркутской области в отношении к мигрантам, также изучается отношение самих мигрантов к жителям области. Автор приходит к выводу о наличии толерантного и терпимого отношения всех участников взаимодействия друг к другу, что вызвано историческими и социокультурными традициями Иркутской области.

Ключевые слова: миграция, общественное мнение, жители Иркутской области, адаптация

Zavyalov A.V.

Migrants in the public opinion of residents of the Irkutsk region. The article gives a general analysis of ongoing research in the field of migrants and migration policy, also examines the peculiarities of public opinion of residents of the Irkutsk region in relation to migrants, and also studies the attitude of migrants themselves to the inhabitants of the region. The author comes to the conclusion that there is a tolerant and tolerant attitude of all participants in interaction with each other, which is caused by the historical and socio-cultural traditions of the Irkutsk region.

Key words: migration, public opinion, residents of the Irkutsk region, adaptation

Вопросы миграции и миграционного поведения являются достаточно давно изучаемой, но при этом не менее актуальной темой. Процессы миграции в разных странах, в разные исторические периоды имели неодинаковые формы и последствия. Поэтому трудно говорить о едином подходе изучения и интерпретации данных, необходимо выработать единую модель анализа, которая бы объясняла общие процессы, но уникальные типы миграции и адаптации мигрантов в принимающем обществе всегда будут неповторимы.

Общественное мнение о мигрантах опирается на стереотипы, установки и представления о том или ином народе. Зачастую эти образы подчеркиваются в СМИ, социальных сетях и Интернете, в работе органов государственной власти и иных социальных институтов, имеющих влияние на повседневную жизнь граждан. Миграционные процессы – это политизированное пространство, поэтому и возникают сложности в регулировании политики межэтнических отношений. Но понимание инструментов и механизмов общественного мнения, способного регулировать «миграционный климат», «отношение к мигрантам» и «мигрантов к местному населению» может выстроить и развивать надполитические схемы регулирования миграционных процессов, толерантного мультикультурного общества.

Исторические теории мобильности достаточно хорошо изучены в мировой науке, они объясняют перемещение народов по естественным и социальным причинам (будь то наводнения или землетрясения или же географические открытия и социально-политические революции), работы В. Зелинского [14]. Промышленное развитие так же способствует миграции населения (из села в город), это отражено в рабо-

тах Дж. Хариса и М. Тодаро [13] и др. Процессы глобализации современного общества задают новые теории миграционных процессов (миграции от периферии к центру), отраженные в исследованиях С. Кастлесс и М. Миллера [12].

Противоречия теорий и принципов изучения миграционных процессов отражены в работе П.П. Лисицина [5], несовершенство миграционной политики, отражающееся в социальной адаптации мигрантов, показано в исследованиях А.В. Завьялова [2,3], в работах О.А. Полюшкевич [6,7,8] изучены процессы социокультурной трансформации, как принимающего общества, так и самих мигрантов.

Исследования отношения к мигрантам являются одной из самых распространенных тем в российском и мировом дискурсе. В работе М.С. Фабрикант [11] дается анализ основных общественных установок, в исследовании Н.В. Соколова [9] рассматривается восприятие мигрантов питерцами, М.В. Ефремовой [1] – москвичами, в работах Т.В. Лапшиной и В.В. Константинова [4] и В.А. Сушко [10] в целом россиянами. Все эти работы объединяет восприятие мигрантов как неизбежного процесса современного общества, к которому можно относиться как положительно, так и отрицательно, но в любом случае, будет происходить изменение общества.

Представление о миграции и мигрантах у нашего населения достаточно размыто: для одних мигрант – человек нерусской национальности, для других – иностранный гражданин, для третьих – тот, кто приехал на постоянное место работы, для четвертых – те, кто выполняет тяжелую и неприглядную работу.

Мигранты всегда выступают объектом по поводу, которого формируется общественное мнение. По данным О.А. Полюшкевич [7], в сегодня освещение проблемы миграции в тех или иных средствах массовой информации раскрывается нейтрально (62%), но также имеют место и откровенно провокационные материалы, которые заведомо формируют негативные установки у населения (38%).

Наше исследование проводилось в Иркутской области в 2017 году. В опросе местных жителей приняло участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, с разным уровнем образования, дохода и места жительства. Опрашивалось городское население

области (в выборке были такие города как Иркутск, Ангарск, Братск, Усть-Илимск, Шелехов, Черемхово, Усолье-Сибирское). В опросе мигрантов приняло участие 300 человек из тех же городов. Мигранты являлись выходцами из стран Средней Азии, Кавказа и ближнего зарубежья (Монголия, Китай). Портрет мигранта был следующим: женщин 40%, мужчин 60%, в возрасте от 18 до 75 лет, в основном имеющих среднее (65%) или средне-специальное (30%) образование.

Местные жители, отвечая на вопрос «Где чаще всего они видят мигрантов?» отвечали следующим образом: «торговля на рынке» (24%), «уборка домов и улиц» (18%), «водитель маршрутки» (16%), «ремонт квартир» (15%), «общественное питание» (20%), 7% другие места. Мигранты, отвечая о месте занятости, указывали те же сферы: «торговля на рынке» (22%), «уборка домов и улиц» (21%), «водитель маршрутки» (20%), «ремонт квартир» (21%), «общественное питание» (16%). Иными словами, взаимодействие происходит на уровне услуг в разных отраслях экономики. В 55% это личный контакт – заказ уборки дома, обслуживание в кафе, ремонт собственной квартиры и в 45% это опосредованный контакт (не предполагающий личную коммуникацию) – проезд в транспорте, где водителем выступает мигрант, дворник, с которым не разговаривают.

Доминирование личных коммуникаций с мигрантами населения Иркутской области приводит к положительному, толерантному отношению к последним. Сами мигранты также оценивают отношение коренных жителей как доброжелательное.

«Как вы относитесь к мигрантам?». Ответы местных жителей распределились следующим образом: «положительно» (26%), «скорее положительно» (31%), «нейтрально» (33%), «скорее отрицательно» (7%), «отрицательно» (3%). Мигранты, отвечая на вопрос «Как вы считаете, как к вам относится местное население?» показали приблизительно ту же картину: «положительно» (22%), «скорее положительно» (26%), «нейтрально» (38%), «скорее отрицательно» (10%), «отрицательно» (4%).

Местные жители часто обращают внимание на информацию в СМИ, касающуюся мигрантов. По их мнению, в 35% случаев это «положительная информация» («о культурном взаимо-

Таблица 1

Оценка уровня безопасности местными жителями и мигрантами (от 0 до 10, где 0 – безопасно, 10 – максимально опасно)

Конструкт	Местные жители	Мигранты
Культурная безопасность	5,0	5,8
Экономическая безопасность	3,2	6,5
Физическая безопасность	3,1	3,5
Интегральная безопасность	2,9	3,1
Выраженность мультикультурной идеологии	6,9	7,5
Этническая толерантность	6,8	7,7
Установки на социальное равенство	8,8	8,9
Мигрантофобия	6,1	2,1

Таблица 2

Риски, способные изменить отношение к мигрантам (от 0 до 10, где 0 – безопасно, 10 – максимально опасно)

Конструкт	Местные жители	Мигранты
Внешние политические силы (войны) – увеличение волны мигрантов	8,5	8,0
Экологические силы (наводнения, землетрясения, пожары)	7,5	6,5
Негативные примеры поведения мигрантов	5,5	6,5
Терроризм (с участием мигрантов)	4,5	3,5

действии», «примерах толерантности и гуманизма», «межнациональном единстве» и т.д.), 40% это «нейтральная информация», показывающая «статистику мигрантов на рынке области», «роль мигрантов в трудовом воспроизводстве», 35% случаев это «отрицательная» информация о мигрантах, «о преступлениях совершённых мигрантами», «о вреде, нанесённом мигрантами из-за некомпетентности или по каким-то другим причинам», «из-за террористических акций, совершённых мигрантами» и т.д.

Таким образом, общественное мнение средстами массовой информацией наполняется разнообразной информацией о мигрантах, но то, что негативное отношение к мигрантам только у трети жителей Иркутской области, мы можем говорить в целом о толерантном и терпимом отношении к мигрантам, готовности с ними взаимодействовать и помогать.

Далее мы оценили уровень безопасности коренного населения и мигрантов в процессе взаимодействия (см. таблицу 1). Местные жители не чувствуют угрозы со стороны мигрантов ни в культурном, ни в экономическом, ни в физическом плане, также в целом проявляется тенденция к мультикультурному обществу, что создает благоприятные условия для адаптации мигрантов в Иркутской области. Эти данные расходятся с результатами исследования М.В.

Ефремовой [1], где указано, что москвичи наоборот боятся экономических и культурных рисков, связанных с постоянным пополнением рядов мигрантов из разных стран. Подчеркнем, что особый статус Иркутской области, сложившийся еще в XIX-XX века, как места собирающего мигрантов (добровольных или вынужденных (ссылных, переселенцев, пленных) и терпимо к ним относящегося до сих является актуальным.

Уровень социальной комфортности и безопасности – базовое состояние для выстраивания гармоничных отношений. В то же время и мигранты, и местные жители понимают, что эта система взаимоотношений достаточно хрупка, на ее могут повлиять как внутренние процессы, так и внешние (см. табл. 2).

Как видно из табл. 2, наибольший риск, по мнению местных жителей и самих мигрантов, принадлежит внешним политическим силам, что способно привести к увеличению волны мигрантов и соответственно, росту негативного отношения к тем, кто не смог приспособиться и адаптироваться как те, кто мигрировал ранее.

На втором месте – экологические риски, ведущие опять же к увеличению количества мигрантов и если государство не справится с ними, то в общественном сознании будет расти недовольство и агрессия. На третьем месте – нега-

тивные примеры поведения мигрантов, отраженные в СМИ. Этот фактор зависит от корректности и профессионализма журналистов, а также от политики властей, допускающих различного рода некорректные комментарии и оценки миграционных процессов. И только на четвертом месте – террористические акты, совершенные мигрантами, по мнению и местных жителей и самих мигрантов могут резко ухудшить в целом отношение к мигрантам в принимающем обществе.

Процесс адаптации мигрантов в местное сообщество достаточно противоречив и не однороден, он зависит от множества факторов. На данный момент удалось удержать общественное мнение в относительно равновесии и толерантном отношении. Необходимо и в дальнейшем поддерживать подобные отношения.

Приведенные результаты исследования позволяют говорить об уникальных социокультурных и исторических рамках, сложившихся в Иркутской области, способствующих терпимому отношению к мигрантам и оптимальной стратегии адаптации мигрантов в принимающем обществе. Данные явления в России встречаются достаточно редко, что позволяет говорить и о целенаправленной региональной и муниципальной политике органов власти, способствующей сложившимся толерантным отношениям.

Литература

1. Ефремова М.В. Аккультурационные ожидания и установки по отношению к мигрантам принимающего населения города Москвы // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (67): в 2-х ч. Ч. I. С. 51-54.
2. Завьялов А.В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. 2016. № 9. С. 52-66. DOI: 10.7256/2409-7144.0.0.19696. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_19696.html
3. Завьялов А.В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России // Научное мнение. 2016. № 13. С. 50-58
4. Лапшина Т.В., Константинов В.В. Отношение к мигрантам представителей принимаю-

щего сообщества в зависимости от типа проживания мигрантов // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, № 4. С. 1-7. <http://mir-nauki.com/PDF/15PSMN416.pdf>

5. Лисицын П.П. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 11-28.

6. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность : монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.

7. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе : монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

8. Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация мировоззрения мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : II всерос. науч. интернет-конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 40-46.

9. Соколов Н.В. Работающие, но чужие: парадокс восприятия мигрантов массовым сознанием (по результатам исследований в Санкт-Петербурге) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 80-96.

10. Сушко В.А. Миграционные процессы и социальное самочувствие россиян // Социология. 2016. №2. С. 216-222.

11. Фабрикант М.С. Исследования общественного мнения о мигрантах в современной России: «предложение» нациестроительства или «спрос» на гордость страной? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 47-60.

12. Castles S., Miller M. The age of migration: international population movements in the modern world. London: Macmillan. 1993

13. Harris J., Todaro M. Migration, unemployment and Development: a two-sector analysis. American Sociological Review. 1970. №60. P. 126-142.

14. Zelinsky W. The Hypothesis of Mobility Transition. Geographical Review. 1971. №6. P. 219-249.

Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.)

Иванов Р.В.

В статье анализируются трансформации молодежного сознания в области патриотизма с 2010 по 2017 годы. Автором сравниваются результаты двух исследований, проведенных в Иркутском государственном университете среди студентов 2-3 курсов разных специальностей, в результате он приходит к выводу об изменении условий и форм формирования патриотизма, смыслов и символов его олицетворяющем не только в теоретическом осмыслении, но и в практическом применении, реализации его на практике в обычной жизни. Также, свидетельствуется изменение роли институтов, традиционно влияющих на чувство патриотизма среди молодежи.

Ключевые слова: патриотизм, солидарность, символы и смыслы патриотизма, трансформация ролей

Ivanov R.V.

Change of meanings of patriotism in the youth environment (2010 and 2017)

The article analyzes the transformation of youth consciousness in the field of patriotism from 2010 to 2017. The author compares the results of two studies conducted at the Irkutsk State University among students of 2-3 courses of various specialties, as a result, he comes to a conclusion about the changing conditions and forms of patriotism, its meanings and symbols embodying not only theoretical understanding, but also practical application, its implementation in practice in everyday life. Also, changes in the role of institutions that traditionally influence the feeling of patriotism among young people are evidenced.

Key words: patriotism, solidarity, symbols and meanings of patriotism, transformation of roles

Патриотизм – явление необходимое для любого социально-экономического уклада и политического режима. Без идей патриотического воспитания личности сложно представить развитие государственности и гражданского общества. При этом, отсутствие единой идеологии и мировоззрения на государственном уровне рождает противоречия и дисбаланс социокультурного воспроизводства. Особенно остро это ощущается молодежью. Без патриотического воспитания молодежи не будет выстроено единое открытое социально-политическое пространство государственного суверенитета и солидарности граждан.

Говоря о теоретической изученности вопроса, мы можем констатировать – достаточно высокую актуальность и обучаемость под разными углами и ракурсами, учеными различных дисциплин. Например, в работах Л.Н. Батяновой и Р.В. Иванова [1,5], Н.В. Нарыкова [8], Д.Б. Дебердеевой [3] говорится о сложности построения гражданского общества без идей патриотизма. О проблемах идентичности в духовных ориентирах, которые влияют на развитие патриотизма раскрывается в исследованиях Р.В. Иванова и О.А. Полюшкевич [6, 9], А.В. Рынкевич [11] и других. О проблемах преемственности поколений без идей патриотизма рассмотрено в монографии О.А. Полюшкевич [10]. Альтернативные проблемы современного патриотизма изучены в работах Е.В. Мешкова [7], М.С. Тимофеева [13] и других. Особенности взаимосвязи патриотизма и национализма изучаются в исследованиях Д.В. Топчого [14], А.А. Вершинина [2] и других. Отношение к патриотизму различных групп рассматривается в целом ряде исследований. Отношение к патриотизму жителей крупных городов проведено в работе Н.Н. Седовой [12], отношение к патриотизму сотрудников внутренних дел в исследовании О.В. Зуевой и Р.А. Кобылкина [4] и т.д. Проблемы вос-

Таблица 1
Считают ли себя патриотами студенты

Ответы	2010 г	2017 г
Да, считаю	48	62
Нет, не считаю	35	33
Затрудняюсь ответить	17	5

Таблица 2
По каким признакам или высказываниям вы определяете для себя понятие «патриотизм»?

Признаки патриотизма	2010 г	2017 г
Национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации, народу	25	30
Непримиримость к представителям других наций и народов	20	5
Интернационализм, готовность к сотрудничеству с представителями других наций и народов в интересах своей Родины – России	13	15
Бескорыстная любовь и служение Родине, готовность к самопожертвованию ради ее блага или спасения	6	10
Любовь к родному дому, городу, стране, верность национальной культуре, традициям, укладу жизни	16	20
Стремление трудиться для процветания Родины, для того, чтобы государство, в котором ты живешь, было самым авторитетным, самым мощным и уважаемым в мире	8	16
Патриотизм сегодня не актуален, не современен, не для сегодняшней молодежи	7	2
Патриотизм – это лишь романтический образ, литературная выдумка	5	2

питания патриотизма в молодежной среде изучаются А.С. Чебурковым [16], Н.М. Хасбулановой и Х.Б.Х. Боковым [15] и многими другими.

Но все же, актуальность данного вопроса требует постоянного мониторинга и постоянного изучения патриотизма на отдельных территориях. Изучение динамики изменений патриотических настроений различных социальных групп, особенно молодежи, позволяет прогнозировать уровень социальной напряженности и конфликтности, уровень диванного поведения, уровень социального напряжения и комфорта в конкретном городе, регионе, стране. Поэтому, необходим постоянный мониторинг данного вопроса в социальной реальности.

Характеристика исследования

В основу данной статьи легли материалы двух исследований, позволяющих выявить динамику патриотических настроений в молодежной среде Иркутской области. Исследование проводилось методом анкетного опроса.

Первое исследование проводилось в 2010 году сотрудниками Института социальных наук

ИГУ. Выборка составила 1200 человек, являющихся студентами вузов Иркутска в возрасте от 18 до 22 лет, 55% женщин и 45% мужчин. Второе исследование по той же анкете прошло в 2017 году, выборка составила также 1200 студентов иркутских вузов, в возрасте от 18 до 22 лет, 58% женщин и 42% мужчин.

Студенты отбирались по полу, возрасту и курсу обучения (опрашивались студенты 2-3 курсов). Специальность обучения и успеваемость не учитывались при формировании выборки. Погрешность выборки в первом исследовании составила 2,2%, во втором 2,4%.

Результаты исследования

Ответы на прямой вопрос, считают ли себя патриотами студенты, изменились за семь лет. Количество тех, кто считает себя патриотами, возросло (в 2010 – 48%, в 2017 – 62%), кто не считает, осталось практически таким же (в 2010 – 35%, в 2017 – 33%), а количество затруднившихся с ответом уменьшилось в три раза (с 17% в 2010 до 5% в 2017).

Таблица 3
Кто, на ваш взгляд, в большей степени повлиял на формирование ваших патриотических чувств?

Варианты ответов	2010 г	2017 г
Школа	15	13
Родители	10	10
Окружающие люди, друзья	25	15
СМИ	35	37
Органы власти	10	20
Другое	5	5

Причины роста патриотизма лежат во внешней и внутренней политике России. Отвечая на вопрос о том, что повлияло на то, что вы являетесь патриотом, говорили о таких факторах как:

«Введение экономических санкций против России» (45%). «Мне хочется верить, что на зло всем, мы устоим и введенные против нас санкции, не ослабят нашу страну, как это ожидали, а наоборот, сделают сильнее, могущественнее и лучше» (Д.Е., 19 лет, программист). «Я считаю, что слова князя Игоря правомерны для нашей страны во все века: «все кто с мечом на нас пойдут, от меча и погибнут», экономические санкции обернутся для всего мира крахом, а для России – победой» (И.Ю., 20 лет, историк).

«Возврат своих территорий» (31%). «Историческая справедливость восстанавливается, Россия возвращает то, что принадлежит ей по праву – Крым НАШ!» (Г.Н., 21 год, психолог). «Мы – великая империя! Всегда ей были и всегда будем! Возврат Крыма – это пример консолидации силы и мощи Великой Империи!» (А.Н., 19 лет, физик).

«Победы в спорте и науке» (24%). «Наши достижения в науке всегда были революционными во всем мире. Сегодня – мы также на передовой и за нами будущее!» (Г.О., 20 лет, химик). «Советский Союз славился спортивными победами. Современная Россия все чаще возвращает себе право быть первой на всех мировых состязаниях» (А.В., 18 лет, почвовед).

Помимо открытого вопроса, студентам далее предлагалось оценить влияние «признаков» или «высказываний», определяющих патриотизм (см. таблицу 2).

В целом, прослеживается положительная динамика уменьшения агрессивных и негативных установок в отношении патриотизма («Непримиримость к представителям других наций и народов» 20% в 2010 г. И 5% в 2017 г.; «Пат-

риотизм сегодня не актуален, не современен, не для сегодняшней молодежи» с 7% в 2010 г. До 2% в 2017 г.; «Патриотизм – это лишь романтический образ, литературная выдумка» с 5% в 2010 г. До 2% в 2017 г.). И увеличение или стабильное подтверждение положительных критериев, которые могут стать основой формирования патриотизма в обществе («Стремление трудиться для процветания Родины, для того, чтобы государство, в котором ты живешь, было самым авторитетным, самым мощным и уважаемым в мире» с 8% в 2010 г. До 16% в 2017 г.; «Национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации, народу» с 25% в 2010 г. До 30% в 2017 г.; «Бескорыстная любовь и служение Родине, готовность к самопожертвованию ради ее блага или спасения» с 6% в 2010 г. До 10% в 2017 г.; «Любовь к родному дому, городу, стране, верность национальной культуре, традициям, укладу жизни» с 16% в 2010 г. До 20% в 2017 г.).

Данные изменения происходят под влиянием как внешних, так и внутренних процессов происходящих на территории нашей страны и от того, как будет освещаться в СМИ позиция властей, оценки публичных персон, значимых личностей для молодежи – будет формироваться общая линия убеждения и пропаганды по формированию патриотизма в России.

Интересны изменения в ответах студентов на предмет того, кто повлиял на формирование патриотических чувств. СМИ как в 2010, так и в 2017 году стоят на первом месте (35 и 37% соответственно). Влияние школы и родителей также не изменилось (школа 15% в 2010 и 13% в 2017; родители по 10% в оба года проведения исследования). Интересно то, что влияние окружающих людей и друзей сократилось практически в два раза (25% в 2010 и 15% в 2017 г.), при этом, возросло влияние органов власти (с 10% до 20%).

Таблица 4

Качества, которыми обладает «патриот» и качества, которые есть у Вас (по 10 бальной шкале, где 10 – максимально выражено, 1 – минимально)

	2010 г		2017 г	
	Должен обладать патриот	Есть у меня	Должен обладать патриот	Есть у меня
жизненная мудрость	7	4	8	8
здоровье	7	7	7	7
интересная работа	9	5	8	4
красота	5	3	5	3
любовь	6	6	6	6
материальное обеспечение жизни	7	4	9	3
наличие хороших и верных друзей	6	6	6	6
общественное признание	7	4	9	4
образование	9	9	9	9
развлечения	9	9	9	9
свобода	9	8	9	4
семья	8	7	8	9
творчество	9	7	9	9
воля	9	8	9	8
заботливость	7	8	7	9

Данные результаты позволяют говорить о смещении интересов и тех, кому доверяют студенты, мнение кого является приоритетным. При этом, надо понимать, что только внешние оценки далеко не всегда формируют позицию молодежи, важны и внутренние характеристики, которые они приписывают патриотам и себе самим, что позволяет им говорить о том, являются ли они патриотами или нет (см. таблицу 4).

По мнению студентов 2017 года, жизненная мудрость их и тех, кто является патриотами – совпадает, а в 2010 году она была в два раза ниже. Это субъективный критерий жизненного опыта, переживаний и чувств, определяемый теми событиями, что происходили в жизни респондента, и как он на них реагировал.

Не «состыковка» требования «интересной работы» к патриоту и реальной оценке своих перспектив существовала у молодежи как в 2010, так и в 2017 гг. Это говорит о рациональном восприятии «желаемого» и «реального» и в свою очередь означает, что патриот для молодежи – это не идеальный образ, а реальный человек, со своими сильными и слабыми сторонами. Это делает его обычным, а следовательно, дает возможность каждому им стать.

Требования к материальному положению патриота всегда выше, чем в реальной жизни.

Но за семь лет этот разрыв увеличился. Это можно объяснить все более жесткими требованиями к успехам и реализации молодых людей, а соответственно и тех, кого они считают патриотами. То же применимо и к общественному признанию.

Оценка здоровья патриота и самого себя не изменилась, что говорит о стабильности данного показателя. Также как и оценка красоты, любви и наличия хороших и верных друзей.

Требования к образованию и развлечению максимально значимы и присутствуют в жизни как патриотов, так и самих респондентов. Патриоты более свободны, чем наши респонденты, особенно этот показатель понизился в 2017 году (причиной этого стало внешнее давление на страну и ограничение собственных возможностей в потреблении и путешествии).

Семья, творчество, воля и заботливость – стабильные показатели у тех, кого респонденты считают патриотами и самих себя. Это еще раз показывает нам, что образ патриота в их сознании достаточно близок их личному кругу, их образу жизни, «патриота» они готовы встретить на улице и у себя в гостях. Также это символизирует то, что они сами легко могут переступить эту черту. Это вселяет надежду на то, что патриотизм их эфирной теоретической плос-

кости переключает в обыденную сферу реальной жизни.

И для того, чтобы быть патриотом не надо совершать подвиги, спасающие весь мир, а достаточно выполнять свою работу, заботиться о близких и этого будет достаточно, чтобы считать себя патриотом своей страны.

Литература

1. Батянова Л.Н., Иванов Р.В. Социально-политические основы развития гражданского общества. Учебное пособие. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2017. 146 с.
2. Вершинин А.А. Между патриотизмом и национализмом // Вопросы национализма. 2015. № 21. С. 36-50.
3. Дебердеева Т.Х. Национальная идея в России: гражданственность в содружестве с патриотизмом // Совет ректоров. 2010. № 1. С. 60-65.
4. Зуева О.В., Кобылкин Р.А. Отношение к патриотизму сотрудников полиции (на примере курсантов волгоградской академии МВД России) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12-2. С. 109-113.
5. Иванов Р.В. Идеологические проблемы современной России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы научно-практической интернет-конференции. ИСЭРТ РАН. 2016. С. 105-110.
6. Иванов Р.В., Полюшкевич О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44-55.
7. Мешков В.Е. Проблема патриотизма. Патриотизм нашего времени // Экономика и социум. 2017. № 5-1 (36). С. 929-932.
8. Нарыков Н.В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 247-250.
9. Полюшкевич О.А. Духовная безопасность или провокация: анализ современных патриотических фильмов // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. 2015. С. 259-266.
10. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений: монография. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2014. 180 с.
11. Рынкевич А.В. Обращение к патриотизму как национальной идеи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № S1. С. 148-151.
12. Седова Н.Н. Отношение к патриотизму жителей крупного промышленного города // Социология города. 2012. № 4. С. 51-57.
13. Тимофеев М.С. Патриотизм как духовно-нравственная основа сильного российского государства // Вестник юридического факультета. Сборник научных статей профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов юридического факультета Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации за 2015-2016 уч. год. Научный редактор М.С. Тимофеев. Чебоксары, 2017. С. 115-120.
14. Топчий Д.В. Между патриотизмом и национализмом: русские философы о духовном возрождении России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3 (50). С. 188-190.
15. Хубулава Н.М., Боков Х.Б.Х. Воспитание патриотизма - неотъемлемая часть решения социально-экономических проблем России (патриотизм): монография: научно-публицистическое издание / Н. М. Хубулава, Х. Х. Боков. Москва, 2011. 450 с.
16. Чебурков А.С. Социокультурные проблемы патриотизма. Формирование патриотизма у современной молодежи // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы первой международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. 2010. С. 175-178.

Символическое значение территории в сознании сибиряков¹

Полушкевич О.А.

В статье анализируются исторические корни и современные условия формирования социокультурной солидарности на основе территории Сибири. Приводятся результаты эмпирического исследования территориально-пространственных символов жителей Сибири. Ключевые слова: символы, пространство, территория, Сибирь, солидарность

Polushkevich O.A.

Symbolic meaning of the territory in the minds of Siberians

The article analyzes historical roots and modern conditions for the formation of socio-cultural solidarity on the basis of the territory of Siberia. The results of an empirical study of the territorial-spatial symbols of the inhabitants of Siberia are given.

Key words: symbols, space, territory, Siberia, solidarity

Традиционный подход к анализу цивилизаций О. Шпенглера строится на пространственных основаниях существования любой цивилизации. По мнению Л.Н. Гумилева, пространство – это первый параметр, характеризующий исторические события. Границы своего обитания определяют «зону комфорта», «зону освоения», «зону развития рода». Очевидно, что территория – это условие развития цивилизации и культуры. Ландшафт или территория является метасимволом культуры и идентичности населения.

Пространство жизни народа – это показатель витальности. Пространство всегда сакрально. Поэтому, когда говорится о территориально-пространственных ареалах, то подразумевается территориальная идентичность и пространственная включенность в то или иное географическое, политическое, социально-культурное и любое другое пространство. Цель данной статьи показать основные территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Российского общества.

Роль пространства в формировании российской цивилизации

Один из русских философов Н.Я. Данилевский [3] говорил об уникальности российской цивилизации и славянского культурно-исторического типа, не похожего ни на Европейский, ни на Азиатский культурные типы. Внешняя политика России должна преследовать только наши интересы и с этих позиций необходимо выстраивать все внешние коалиции. Пространство России является связующим звеном социокультурного единства.

Миссия примирения Востока и Запада лежит на России, по мнению В.С. Соловьева [10]. Он полагал, что сложилось только три цивилизации, которые являются носителями своей миссии: подавления и обезличивания (Восток),

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 16-33-01015а2 «Социокультурные основы эмпатии».

свободы, доходящей до эгоизма и анархии (Запад), созидательной силы, гармонично сочетающей высшее начало и множественность (Россия). Миссию каждой из цивилизаций формируют особенности религии и территории.

По мнению Н.А. Бердяева [1], российский народ развивается рывками, не последовательно и органично и именно этим вызваны не последовательные этапы социального развития. Характерными чертами российской цивилизации является гуманизм, амбивалентность – между деспотичностью и свободолобием, национализмом и универсальностью, жестокостью и состраданием, волей и порабощением. Бердяев также видел влияние территории в формировании мировоззрения народа.

Л.Н. Гумилёв [2] не использует термин «цивилизация» при характеристике народов и обществ, предпочитает использовать понятия «субэтнос», «этнос», и «суперэтнос». По его мнению, смещение ряда этносов в русский народ привели к формированию суперэтноса, витальная сила которого выражена в пассионарности и духовном единоначалии и продолжает развиваться около полутора тысяч лет на определенной территории.

Идеи наших современников, касающиеся территории и Российской цивилизации также разнообразны. Например, работы А.Г. Дугина [4] пропитаны крайне-правыми идеями национализма, что не мешает им носить научный характер. Работы А.С. Панарина [5] содержат глубокий анализ роли православия в российской идентичности и культуре. Особая роль им отводится соборности, трактуемой не как общинность, а как духовное единство, что достаточно близко взглядам Л.Н. Гумилева [2]. По мнению Панарина, цивилизация запада деградирует, тогда как, за Россией лежит будущее возрождение всего мира. В.Л. Цымбургский [11] говорит о самодостаточности России, ее пространства и ресурсов достаточно для сохранения самобытности жизни всего народа. Россиянам не хватает только осознания своей самобытности и уникальности. Ему принадлежит геополитическая концепция возрождения «Новой Средней России», имеющая прямые рекомендации по моделированию потенциала территории: развития инфраструктуры восточных рубежей России, увеличение значимости урало-сибирского пространства и т.д.

Таким образом, пространственно-цивилизационные основы изучения российского общества заложены в работах классиков философской мысли, сегодня находят новое прочтение, вызывают особый интерес и практическую востребованность. Так как происходит передача отдельных территорий другим государствам, возвращение бывших территорий в лоно России [6]. Все это не может не сказываться на территориальной идентичности и социокультурной солидарности жителей нашей страны.

Анализ результатов исследования

Жители России отождествляют себя с пространством страны как с частью российской цивилизации, но при этом, эта идентичность далеко не всегда совпадает с фактическими рубежами и границами государства. Яркий пример этому может служить вхождение Крыма в 2014 в состав РФ. Большинство россиян восприняли это событие как реализация достаточно естественного процесса, отложенного во времени по стечению обстоятельств (82% россиян, по данным ФОМ уверены, что присоединение Крыма в конечном итоге принесет России пользу. Из них только 15% считают, что наряду с пользой будет и некоторый вред) [9]. Большинство опросов общественного мнения данное событие описывают как «воссоединение», «возвращение», схожие интенции имеются и у жителей самого Крымского полуострова, что свидетельствует о самоидентичности жителей Крыма как части России (91% крымчан оценивают вхождение республики в состав РФ положительно) [8].

В 2017 году ИСН ИГУ проводился опрос россиян на тему «Социальной солидарности» и там задавался вопрос: «Какие чувства вызывает у вас присоединение Крыма?»². Ответы были достаточно однотипными: испытали *счастье* 15% опрошенных, *радость* – 30%, и *удовлетворение* – 28%. В сумме – 77% и только 20% указали на обеспокоенность, 3% затруднились оценить свои чувства. Давая пояснения, респонденты говорили следующее: «Я считаю, что *восстановилась историческая справедливость, Крым вернулся в свою исконную страну*» (И.Ю., 47 лет); «Я считаю, что *все законно и справедливо – Крым НАШ!*» (М.А., 32 года); «Я счастлива

тем, что *Россия возвращает свои территории*» (Н.Г., 25 лет).

При этом, большинство респондентов негативно оценивают распад территории СССР в 1991 году. Все советские республики в сознании среднего и старшего поколения – это части великой империи, распад которой лично для них имел удручающие и негативные последствия: *«Утрата наших территорий – это колоссальное поражение, это, наверное самое худшее, что случилось с нашей страной за последние сотни лет»* (О.Д., 55 лет); *«Распад СССР и выделение независимых государств – это констатация краха нашей политики, идеологии, всего мира. Я чувствовал пустоту внутри, потому что то той территории, которую я с детства считал «своей» – уже нет, она стала «чужой»* (Ю.Б., 73 года). Для более молодого поколения – утрата территории также воспринимается негативно, но в более сдержанных характеристиках: *«Россия потеряла большие территории, это тот опыт, который никогда не стоит повторять»* (А.Е., 22 года); *«Меньше территории – меньше величия. Мне жаль, что мы не смогли удержать нашу землю»* (Г.Е., 18 лет).

Более того, факты утраты территории, которые были в более ранней истории России, также имеют прямое отражение самосознании россиян и отражаются в их социальном восприятии реальности. Например, продажа Россией Аляски, Калифорнии, Гавайских и Маршаловых островов в 1867 году также вызывает чувства сожаления или недовольства и ни у кого радости и облегчения. *Немного жалеют об этом – 36%, очень жалеют и хотели бы вернуть – 55%*. Иными словами, 91% чувствуют связь с этим событием, прошедшим более чем полтора столетия назад. И возвращение Крыма в лоно Российской Федерации является примером того, что такая ситуация может повториться и с другими территориями.

«Я считаю, что возврат Крыма положил начало возврату всех исконно российских земель – Аляски, Калифорнии. Это дело ближайшего будущего!» (Н.А., 26 лет); *«У России были земли по всему миру – надо вернуть их обратно. На мой взгляд – это стратегическая задача для Президента и Правительства»* (Т.О., 39 лет).

Стоит сказать, что пространственное освоение касается не только земных пределов. Россияне вполне серьезно оценивают перспективы

освоения Луны и других планет и готовы поддерживать данные начинания Роскосмоса. 56% респондентов *положительно* отозвались о таких планах, 25 – *безразлично*, 19% – *отрицательно*.

«Будущее мира – в освоении не только Земли, но и других планет, сколько территории других планет будет принадлежать тому или иному государству – то и будет определять его мощи и силу на мировой арене» (Л.Д., 60 лет); *«Освоение Луны и других планет – это залог территориального и социально-экономического доминирования России»* (Т.А., 35 лет).

Жители Сибири отождествляют себя с пространством страны как с частью российской цивилизации (40%). *«Мое пространство – это вся Россия, я ее гражданин»* (Н.М., 40 лет), *«Мое пространство – это моя Родина – Россия»* (И.Ю., 56 лет), *«Я россиянин! Мое пространство – Российская Федерация»* (Н.К., 24 года).

В то же время, присутствует идентичность с более локальной территорией – Сибирью (34%). *«Я Сибиряк по рождению, уже в шестом поколении и этим очень горжусь»* (Н.Д., 37 лет), *«Мое пространство – это тот край, что я считаю своим – моя Красноярская земля»* (О.Л., 48 лет), *«Моя Родина – моя Республика Бурятия, это моя земля»* (Ц.Г., 26 лет), *«Байкальская земля – моя сила и помощь, Великое озеро питает нас всех – его детей»* (О.О., 59 лет).

А также самоидентификация с конкретным городом или селом (26%). *«Я считаю себя иркутянином, так как здесь родился и вырос. Это моя земля»* (Н.О., 33 года), *«Родиной своей считаю село Еланцы, там моя душа, а фактически жить я могу где угодно. Сейчас в Иркутске, десять лет до этого в Новосибирске жил»* (О.Д., 49 лет), *«Мое место в России, конкретно – в Улан-Удэ, тут мои предки жили, и тут буду жить я и мои дети»* (Г.Ц., 40 лет).

Мы можем заключить, что наряду с общегосударственной идентичностью достаточно важны для жителей Сибири и локальные территориальные идентичности, своего рода «чувство места» определяет уровень и форму солидарности сообщества.

Респонденты, отвечая на вопрос, что объединяет жителей Сибири, давали разнообразные ответы. Но доминирующими были: характер или менталитет (56%) – *«сибирский характер»* (О.Д., 49 лет), *«сибирский менталитет»* (Н.К., 24 года),

«особый менталитет» (И.Ю., 56 лет) и т.д.; социально-исторические особенности (23%) – «освоение земли Сибирской шло не просто, это нас сроднило» (М.Ю., 72 года), «история Сибири – это история сибирского духа» (А.В., 26 лет), «освоение Сибири – дало новый толчок для развития мировоззрения русских» (Н.О., 47 лет) и проч.; культурно-религиозные особенности (21%) – «религии и культуры многочисленных народов Сибири, создали уникальный духовный комплекс, в который вовлекаются все, кто приезжает в Сибирь» (П.Д., 31 год), «культура народов Сибири создала особую атмосферу для интеграции всех народов в одну общность» (С.А., 44 года).

Интересными являются символы региональной идентичности, способствующие консолидации общества. Для рассматриваемых сибирских регионов – это образы, связанные с историей (55%) или мифологические образы людей (реальные или выдуманные) (45%).

Исторические события, ассоциирующиеся с Сибирью: *ссылка декабристов, строительство БАМа, строительство транссибирской железной дороги, строительство городов Сибири, строительство нефтепровода* и т.д. Все то, что позволяет говорить об освоенности пространства, появлении символов принадлежности к государству, обществу, людям той или иной культуры, определенных политических, культурных и религиозных убеждений, готовых отстаивать свои идеалы всегда и везде. Благодаря подобным людям и событиям формируется уникальное социокультурное пространство, способное порождать собственные проекты, идеи, концепции.

Мифы регионального сообщества о «первопоселенцах» (*собираетельный образ первопроходца, Якову Похабову поставлен в Иркутске, памятник коню Ермака в Новосибирске или самому Ермаку в Красноярске*), говорит о важности региональной идентичности, основанной на этом смысловом содержании. Памятники как символические образы консолидируют социокультурные смыслы солидарности различных людей и эпох, конструируя новое пространство для жизни.

Среди персон, которые ассоциируются с Сибирью и формируют мифологическое пространство этой территории, респонденты, называли: *Адмирала Колчака, Генерал-губернатора*

ра Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского, Александра Вампилова, Валентина Распутина, Евгения Евтушенко, Дениса Мацуева, Дмитрия Хворостовского и других.

Эмоционально-ценностная сопричастность жителей региона к событиям или персонам, сделавшим известным данный регион является важным инструментом социальной солидарности. Она позволяет ответить на вопрос «Кто мы» и консолидировать людей вокруг.

Изучая формальные региональные символы (гербы, флаги, гимны), можно также выявить уровень «включенности» жителей в символическую систему той или иной территории, которая либо консолидирует, либо дезинтегрирует региональный социум. Полумифический зверь – бабр, изображенный на гербе Иркутской области, является ярким примером сочетания истории и символического содержания социокультурных процессов региона.

Итак, знают герб своей области, Республики или края – 68% респондентов, могут рассказать его символы, историю и значение меньше половины – 28%. Флаг своей территории также знают 75% респондентов, но его символическое значение, этапы изменения и причины трансформации могут назвать лишь 24%. Гимн своей территории также знают более половины респондентов – 66%, но его историю или предыдущие варианты могут назвать лишь 12%. Это говорит о формальном уровне владения информацией, не погруженности в историю символа.

Уникальность России в том, что она до сих пор не стала ни Европой, ни Азией, смогла создать и сохранить уникальные традиции. Основная задача – осознать свою уникальность и неповторимость, принять свою миссию – сохранения духовности и сохранить ее для потомков.

В нашем исследовании выявлено, что *европейской страной* Россию считают только 7% респондентов, *азиатской страной* Россию считают 9%, 35% – *евразийской страной*, 49% – считают, что Россия – это *российская цивилизация*.

Также мы попросили респондентов назвать ассоциации, которые приходят, когда они слышат фразу «Российское государство». Результаты можно разделить на несколько семантических групп: «*Власть*» (31%) – *сила, управление, защита, наказание*; «*Территория*» (28%) –

пространство, леса-горы-реки-озера, Природа, Родина, Дом; «Жители государства» – народ, люди, население, граждане.

Тот же вопрос был сформулирован относительно фразы «Сибирь». Результаты оказались несколько иными. «Менталитет» (44%) – характер, мировоззрение, ценности, оценки; «Духовность» (31%) – культура, религия, ценности, опыт прошлого, единство; «Природа и человек» (25%) – сакральная природа, исцеление, гармония, единство.

Иными словами, консолидация на уровне «Российской Федерации» происходит на формально-институциональных основах, а на уровне «Сибири» на социокультурных принципах единства и многообразия духовного и социального, материального и природного.

Стоит сказать, что «российское государство» в сознании наших респондентов существует не как философская абстракция или формально-правовой институт, а как конкретное, емкое понятие, которое имеет четкие субъективные формы воплощения в обычной жизни. Знакомое освоенное пространство – дает силы и веру в то, что все получится [7]. Поэтому пространственно-территориальная составляющая мировоззрения становится одним из весомых факторов социально-символического развития общества.

Таким образом, изучение пространственно-го восприятия россиян позволяет говорить о символическом пространственно-территориальном комплексе, формирующим идентичность и самовосприятие жителей России. Народ ассоциирует себя с данной территорией, соответственно она является интегрирующим фактором, способным сплотить разные слои и группы в единую силу, нацеленную на процессы социального воспроизводства. И как указывали в той или иной мере рассмотренные в статье российские мыслители, – российская самобытность лежит в основе территориально-пространственного единства общества.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2010. 288 с.

2. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. – Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение. [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/index.html> (дата обращения: 22.08.2017).

3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

4. Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Эксмо, 2004. 512 с.

5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 39-574.

6. Полюшкевич О. А. Взаимодействие социальных и культурных границ в Евразийском пространстве // Проблемы Евразийства и интеллигенция: Материалы X Международной научной конференции («Байкальская встреча»), Улан-Удэ, 2014. С. 178-186.

7. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2014. 160 с.

8. Республика Крым в составе РФ: год спустя / ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/fileadmin/news/sobytiya/KrbIm2015.pdf> (дата обращения: 22.08.2017).

9. Россияне о присоединении Крыма. URL: <http://fom.ru/Politika/11883> (дата обращения: 26.07.2017).

10. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 289-323.

11. Цымбурский В.Л. Россия – земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 144 с.

Ссылки:

Опрос проводился Иркутским государственным университетом в 2017 г. в гг. Новосибирск, Красноярск, Улан-Удэ, Чита, Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Братск, Шелехов. Общее количество респондентов – 1200 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, погрешность 2,4%. Выборка случайная.

Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.)

Скуденков В.А.

В статье представлены некоторые данные лонгитюдного исследования, нацеленного на выявление представлений о благосостоянии и успехе в период экономических санкций против России. Результаты исследования позволяют говорить о трансформации критериев благосостояния и успеха и способов достижения указанных состояний. Ключевые слова: Благосостояние, успех, представления, экономические санкции

Skudenkov V.A.

Change of ideas about success and well-being in the minds of Russians (from 2014 to 2017)

The article presents some data of the longitudinal study, aimed at revealing the notions of prosperity and success in the period of economic sanctions against Russia. The results of the study allow us to talk about the transformation of welfare and success criteria and ways to achieve these states.

Key words: Welfare, success, ideas, economic sanctions

Внешние условия всегда создают рамки развития представлений об успехе и благосостоянии. Социально-политические решения определяют уклад жизни людей, вырабатывают приемлемые способы реализации поставленных задач на уровне индивида и общества.

Проблема представлений разных социальных групп в настоящее время стоит очень остро в силу возрастания «общественной нагрузки на личности», общественного влияния, значимости «социальности» человека в разных формах её отражения, а также усложнения общей системы социальной стратификации. Выделяют несколько причин, в силу которых проблема представлений о благосостоянии и успехе разных социальных групп приобретает больший интерес: качество жизни становится важнее, чем показатели экономического процветания; личное счастье становится более важным из-за нарастающей тенденции к индивидуализму.

Представления о благосостоянии и успехе обусловлены условиями социализации в различных социальных группах, базирующимися на личностных и социальных потребностях. Различные аспекты благосостояния и успеха у разных социальных групп не так часто выступают предметом социологического исследования. Исследователи разных областей науки отмечают факты, относящиеся к изучению благосостояния и успеха конкретным индивидом, большей частью обращаясь к его состояниям. В настоящее время на передний план выносятся необходимость анализа личностных, социокультурных, социально-психологических основ экономических притязаний, поскольку оно зависит от взаимодействия и взаимовлияния целого комплекса различных внутренних и внешних составляющих.

Представления о благосостоянии и успехе в научной литературе могут трактоваться как со-

Таблица 1

Структура представлений о благосостоянии у респондентов до и во время экономических санкций против России

*в скобках указаны значения позитивных ответов коэффициента Ж.-К.Абрика

Элементы	2014 год до введения санкций	2017 год во время экономических санкций
Центральные элементы представлений	-высокий и стабильный уровень дохода (84,1%) -достойные условия труда (81,4%) -возможность приобретения собственности (80,4%) - возможность помощи близким (78,6%) -уверенность в завтрашнем дне (75,5%) - гарантированная работа (72,1%) -хорошее здоровье (63,7%) - ощущение счастья (62,2%) -ощущение свободы (60,5%) -хороший социальный пакет (50,8%) -возможность создания семьи, рождения детей(50,2%)	-высокий и стабильный уровень дохода (52,5%) -достойные условия труда (53,1%)
Элементы, близкие к центру	-возможность открыть свое дело (55%) -возможность накопления сбережений (51%)	- возможность помощи близким (40,5%) -уверенность в завтрашнем дне (38,7%) - гарантированная работа (35,4%) -хорошее здоровье (30,1%) -ощущение свободы (27,5%) -хороший социальный пакет (25,5%) -возможность создания семьи, рождения детей(21,1%) -возможность накопления сбережений (20,4%) - ощущение счастья (17,6%)
Периферийные элементы представлений	-возможность вкладывать материальные средства в производство и другие секторы экономики РФ (24,3%) -возможность заниматься благотворительностью и меценатством (21,1%)	-возможность открыть свое дело (17,6%) -возможность вкладывать материальные средства в производство и другие секторы экономики РФ (17,2%)

циально-экономическая характеристика жизни и условия удовлетворения потребностей (А. Маршал, М. Аргайл, К. Альдерфер, А. Маслоу, Ф. Герцберг, Т. Веблен [1]), либо как мера оценки жизни людей, через социальные и материальные блага, коими они обладают или стремятся обладать (Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева, О.А. Полюшкевич, Ю.В. Борисова, Р.В. Иванов [1] и др.), вопросы социальных и экономических при-

тязаний в кризисные периоды рассмотрены в работах О.А. Полюшкевич [2,3] и В.А. Скуденкова [4,5].

Нами применялась вторая трактовка, которая легла в основу исследования и способствовала изучению влияния введения экономических санкций на социально-психологические характеристики, способы получения денег в период экономических санкций и отношение

Таблица 2

Структура представлений об успехе у респондентов до и во время экономических санкций против России

*в скобках указаны значения позитивных ответов коэффициента Ж.-К.Абрика

Элементы	2014 год до введения санкций	2017 год во время экономических санкций
Центральные элементы представлений	-социальное уважение (56,6%) -общественное признание (50,8%) -социальные достижения (42,2%) - социальное служение (34,5%) -уровень заработной платы (23,8%) -карьерные гарантии роста (16,6%)	-уровень заработной платы (67,2%) -карьерные гарантии роста (61,5%)
Элементы, близкие к центру	-возможность безвозмездной помощи (61,4%) -возможность участия в социально ориентированных проектах в будущем (долгосрочные проекты, результаты которых будут видны через 20-30-50 лет) (46,1%)	-социальное уважение (22,3%) -общественное признание (19,8%) -социальные достижения (16,5%)
Периферийные элементы представлений	-возможность перспективного социального моделирования (26,5%)	-возможность открытия новых материально выгодных источников получения дохода (20,2%)

к успеху, социальным и экономическим критериям успешности. Эти внешние экономико-политические процессы повлияли на обыденное восприятие экономического сознания населения.

Экономические санкции стали для одних возможностью для развития, а для других источником социальных страхов и тревог. Готовность идти на риск и пробовать что-то новое приемлемо не для всех. Внешние условия подталкивают нас к тем или иным решениям, определяют социальное самочувствие и перспективы развития. В статье представлены некоторые из полученных результатов.

Характеристика исследования

Исследование проводилось в два этапа – весной 2014 года – до введения экономических санкций и весной 2017 года, когда экономические санкции более двух лет определяют уклад жизни россиян. Методы исследования – опрос, фокус-групповое интервью.

Выборка респондентов повторилась. В опросе приняло участие 1450 человек в 2014 году и 1480 человек в 2017 году, в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, различного социально-экономического статуса. Исследование проходило в Сибирском федеральном округе.

Результаты исследования

В 2014 году представления о благосостоянии были более разнообразны и многопрофильны (более половины – 12 из 14), введение экономических санкций привело к тому, что осталось только два критерия из 14.

Такая сильная динамика представлений о благосостоянии говорит о том, что экономические санкции существенно пошатнули уверенность россиян в своем материальном благополучии.

Снижение коэффициентов, входящих в ядро – также уменьшилось – практически в два раза. Это говорит о том, что в период санкций представления о благосостоянии трансформировались в сторону обеспечения необходимым. Это вызвано ростом тревоги за свое будущее, вызванным экономическими санкциями.

За время санкций сменились страхи и тревоги россиян. В 2014 году тревогу вызывало повышение цен на товары (36%), сокращение рабочих мест (24%), невозможность повышения зарплаты (20%), рост безработицы (13%), замедление темпа роста экономики (7%). В 2017 году источники тревоги и страхов изменились: невозможность увеличения заработной платы (43%), сокращение рабочих мест (31%), рост безработицы (26%). В 2017 году россиян больше волнует внешне-экономическая деятельность

Таблица 3
Содержательное сопоставление респондентов о благосостоянии и успехе в 2014 и 2017 годах

Элементы	2014 год до введения санкций	2017 год во время экономических санкций
О благосостоянии	<p>«О благосостоянии надо задумываться заранее, потихоньку идти к намеченным целям» (И.Б., 37 лет)</p> <p>«Благосостояние – это процесс, приводящий к качеству жизни, изобилию и процветанию» (Г.О., 40 лет)</p> <p>«Благосостояние это условие и возможность для творчества и самореализации, это поиск себя, это возможность пробовать новые проекты и идеи» (Л.Л., 57 лет)</p>	<p>«В будущем не ясно, что нас ждет, важно – сейчас как-нибудь продержаться на плаву» (О.А., 36 лет)</p> <p>«Благосостояние – категория условная, сегодня – для его необходимо одно, завтра – другое, поэтому, у меня нет четких критериев» (К.В., 44 года)</p> <p>«Благосостояние зависит от уверенности в завтрашнем доходе, а не от наличия чего-то сегодня» (В.А., 60 лет)</p>
Об успехе	<p>«Важны качества, которые помогут реализоваться в будущем, надо работать над собой» (Я.П., 24 года)</p> <p>«Я хочу, чтобы мной гордились родители, уважали соседи, ценили коллеги, тогда я считаю, что достигну успеха» (М.А., 21 год)</p> <p>«Успех – это когда я достиг того, что не смогли другие, это зависть и уважение к моим достижениям» (Н.А., 28 лет)</p>	<p>«В будущем может все пригодится, но сейчас надо исходить из того, в чем есть потребность и возможность» (Е.К., 26 лет)</p> <p>«Я должна зарабатывать столько, чтобы мне хватало и моим близким на жизнь – это и есть успех» (Д.Ю., 23 года)</p> <p>«Успех – это когда у меня есть на что жить, а у моих коллег – не на что рассчитывать, кроме огорода» (С.В., 33 года)</p>

(курс доллара и евро, рост цен на нефть и т.д.), тогда как в 2014 об этом даже не упоминали.

Также в 2017 году все чаще используют любые возможности для увеличения своего благосостояния респонденты любого пола, возраста и социального статуса.

Схожие результаты мы получили, изучив ответы респондентов об успехе. В 2014 году успех для большинства был связан с социальным признанием, социальными достижениями и общественной известностью и лишь треть имели ценностью финансово-карьерные показатели. В 2017 мерки успеха стали более рациональны и материально ориентированы и только четверть респондентов имеют ценностью социальные формы проявления успеха.

Уменьшение ядра представлений успеха косвенно свидетельствует об ужесточении социального развития, разрушения благоприятных ус-

ловий реализации и самореализации. Люди все больше замкнуты в определенных рамках зарабатывания денег, а не личной реализации и творчества.

В таблице 3 представлено содержательное сопоставление респондентов о благосостоянии и успехе в 2014 и 2017 годах, из которого видно, что в 2014 году была ориентация на будущее и более того, уверенность в будущем, в 2017 году живут настоящим, будущее вызывает тревогу.

Таким образом, экономические санкции спровоцировали желание россиян избегать неудачи, они ищут альтернативные формы и способы заработка и занятости, категории успешности из сферы социальной, все более переходят в сферу экономическую и предъявляют четкие критерии – успешности или не успешности.

Увеличение уровня тревожности повышает мотивацию и альтернативные формы поведения в экономической и социальной сфере, нацеленные на повышение благосостояния и успеха. Уменьшение ядра представлений как о благосостоянии, так и об успехе говорит об увеличении индивидуальных стратегий благосостояния и успеха, уменьшения значимости социально одобряемых форм заработка и социальной реализации.

В целом, полученные результаты позволяют говорить о сложном положении россиян – уверенности в материальном благосостоянии не намечается, критерии социального успеха становятся все более материально и экономически осязаемыми, что говорит об общем росте напряженности и социальной неуверенности в будущем.

Экономические санкции, введенные в 2014 году и длящиеся до сих пор существенно изменили представления об успехе и благосостоянии у россиян. На основе этого, мы можем заключить, что экономические притязания различных групп имеют прямую взаимосвязь с непосредственным взаимовлиянием внешнеэкономической ситуации. Чем большая зависимость от внешних экономических условий, тем больше политика ограничений влияет на понижение притязаний; чем меньше зависимость от внешнеэкономической ситуации, тем более устойчивы экономические притязания и в целом соответствуют уровню данной группы в обществе.

Литература

1. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Динамика представлений об экономическом благосостоянии у работающих взрослых в условиях до- и поствыборной ситуации в России // Знание. Понимание. Умение. 2013. №3. С. 74-79.
2. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37-44.
3. Полюшкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
4. Скуденков В. А. Экономические притязания россиян в период санкций против России / / Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владивосток: ДВФУ, 2016. – С. 120-126.
5. Скуденков В. А. Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи / / Общество и социология в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. Институт социально-экономического развития территорий РАН Институт социологии РАН Институт социально-политических исследований РАН Правительство Вологодской области. 2015. – С. 81-83.

Герои и антигерои: образы патриотизма в молодежной среде

Спиридонова А.А.

Рассматривается динамика патриотизма и самоидентичности в молодежной среде, через анализ образов героев и антигероев выстраивается символическая система значимости в стратегиях поведения известных персон и обывателей. Формируется новый контекст восприятия патриотизма и должного поведения, ценностных ориентаций и мировоззрения.

Ключевые слова: герои, антигерои, патриотизм, мировоззрение, идеалы, молодежь, самоидентичность, символы, солидарность

Spiridonova A.A.

Heroes and anti-heroes: images of patriotism in the youth environment

The dynamics of patriotism and self-identity in the youth environment is examined, through the analysis of images of heroes and antiheroes, a symbolic system of significance is built up in the behavior strategies of known persons and inhabitants. A new context of perception of patriotism and proper behavior, value orientations and world outlook is formed.

Key words: heroes, anti-heroes, patriotism, ideology, ideals, youth, identity, symbols, solidarity

В современной России появились новые герои и антигерои. Они несут в себе не только образ «добра и зла», а являются своеобразным показателем социального самочувствия населения. Какие качества героев наиболее ценятся, те качества и будут воспитывать родители у своих детей и таковым станет наше общество в будущем. Т.к. ценности, заложенные в детстве, определяют ход развития всей жизни, нормы предписанные обществом лишь подкрепляют эти ценности, коллективные организации и выполняемые роли также нацелены на эту общую цель. То же касается и форм и инструментов патриотизма и любви к отечеству [1,2]. О.А. Полюшкевич, назвала этот процесс изменения социальной символики в России «бархатной революцией сознания» [5]. Мы пытались выявить особенности аффективного (эмоционального), когнитивного (познавательного) и побудительного (мотивационного) компонента образа героя и простого обывателя. Обыватель нами специально рассматривался как антиномичная фигура, стоящая на противоположном углу и представляющая собой оборотную сторону героя. Т.е. герои – это идеализированный образ (те, к кому стоит стремиться), а обыватели – это та реальность, которая есть (кто реально окружает).

Герои или наличие событий и поступков, которыми стоило бы гордиться – это явления психологические [4]. Они редко зависят от объективных условий, они скорее результат внутреннего личностного восприятия внешнего мира. Герои для каждого поколения различны.

Младшее поколение называет сказочных героев (Иван-дурак, Емеля, Илья Муромец, Алеша Попович) или более драматичные литературные персонажи – Раскольников и Евгений Онегин. Старшее поколение – приводит в пример реальных персонажей – политических деятелей, писателей, полководцев (Жуков, Толстой,

Таблица 1
Исторические и литературные образы, олицетворяющие Россию (в %)

Возраст	Исторические образы	Литературные образы
18-25 лет	Сталин (44) Суворов (37) Кутузов (35) Александр Невский (25)	Колобок (34) Золотая рыбка (30) Евгений Онегин (28) Емеля (26) Ванька-дурак (25) Илья Муромец (20) Раскольников (17)
26-45 лет	Екатерина II (62) Сталин (60) Петр I (46) Иван Грозный (45) Медведев и Путин (42) Ломоносов (37) Александр II (36) Суворов (34) Кузузов (33) Александр I (15)	Обломов (52) Пушкин (47) Толстой (44) Достоевский (41) Князь Болконский (37) Иван Царевич (35) Чичиков (32) Иван-дурак (30) Баба Яга (27) Анна Каренина (14)
46 и старше	Иван Грозный (44) Петр I (42) Жуков (37) Кутузов (35) Суворов (31) Сталин (30)	Пушкин (45) Некрасов (40) Толстой (36) Достоевский (35) Обломов (32)

Достоевский, Пушкин). Это можно объяснить двумя факторами. Первый – это мифологическое сознание молодежи, которое противопоставляет рациональному и реальному восприятию мира и второй – это свидетельствует о потере уровня образования (молодежь говорит о том, что знает).

Мифологическое сознание в современном мире развивается тогда, когда рациональная, реальная оценка происходящих вокруг событий не устраивает людей. Проще окунуться в придуманный мир компьютерных игр, выдуманных персонажей и чужих жизней, чем решать свои простые и обыденные задачи. Это требует ответственности, а мифологическое сознание предлагает готовые схемы поведения.

Закрепляющим моментом в данной ситуации выступает все большее укоренение и развитие общества потребителей, а не создателей. Этому способствуют различные социальные институты (семья, образование, СМИ и т.д.). Механизмами выступает ценностная, коммуникационная, культурная и проч. системы социальной среды человека. В советском обществе

было важно *кто ты*, какой у тебя профессиональный статус, карьерные перспективы. Сегодня – критерий успеха, *сколько ты имеешь денег и на что ты их тратишь* (какой образ себе создаешь). Становится все более укорененным лозунг американского общества – «деньги любой ценой» или «деньги не пахнут». Симулякры, в терминологии Ж. Бодрийяра, укореняются во все большее количество повседневных практик¹.

Симулякры распространяются и на символическое пространство. Люди «думают» что они «знают» о государственных символах (т.к. эти знаки присутствуют в их повседневных практиках, в виде флажков в машинах, спортивных аксессуарах, брелков и т.д.), заменяя под термином «знание» – «узнавание» символа, но далеко не все могут воспроизвести его значение, понять символическую роль и значение. Симулякры создают новое пространство значений – удаляя человека от истинных смыслов и форм [7].

Герой и героизм – это явления актуальные для любого времени, они способствуют социа-

лизации и культурной памяти, преемственности поколений и воспроизводства идей и идеологии. Что касается исторических образов, то старшее поколение приводит более широкий спектр фигур, изменивших судьбу России. Младшее поколение говорит в целом о тех же людях, но конкретных личностей значительно меньше. Это говорит о трансформации информированности, образованности молодежи о прошлом. Героев помнят и чтят тогда, когда их показывает государство. Государственная образовательная политика направлена больше на современные навыки и умения, а не на фундаментальные представления о прошлом и настоящем. Результатом этого выступает более ограниченный круг исторических личностей, кого молодое поколение считает – образом, олицетворяющим Россию (см. табл. 1.).

Исторические и литературные образы олицетворяющие страну несут в себе и двойной подтекст. Они иллюстрируют, с кем и какими качествами ассоциируется страна у своих граждан. Кого они замечают вокруг, как стараются вести себя сами и чему учат своих детей. Образное сознание – более точно ставит «диагноз» времени.

Образное сознание формируется благодаря неосозанному социальному дискурсу – песням, фильмам, картинам – присутствующих в ту или иную эпоху. В советском обществе существовал социальный заказ – на продукцию массмедиа. Снимаемые фильмы, выпускаемые песни поднимали дух народа, подвигали их на преодоление не только тяжелых внешних условий, но и на преодоление себя во благо высшей цели.

Среди исторических образов у молодого поколения доминируют военачальники и диктаторы, нет ученых, среди литературных персонажей не указаны писатели, присутствуют только некоторые герои – Раскольников и Евгений Онегин, герои потерявшие часть своей души, не верящие в ни в себя, ни в других. Сказочные персонажи также олицетворяют нереальный мир, желание уйти от повседневных проблем. И сказочные герои обладают либо силой, которая может защитить (Илья Муромец), или мудростью, которая может оградить (Баба Яга) или же может решить все проблемы (Золотая рыбка), не желание ничего делать самому (Емеля, Ванька-дурак), уход от всех обязательств и отношений (Колобок) и т.д. Формирующийся об-

раз – это образ инфантильного поколения, безразличного ко всему и ко всем, надеющегося на удачу и на других (кто то придет и решит все вопросы) [6].

Среди литературных образов – указаны в основном писатели (Пушкин, Некрасов, Толстой, Достоевский) и только один литературный образ – образ Обломова, апатичного человека, потерявшего всякое желание взаимодействовать с внешним миром. Представители старшего поколения также устали или не хотят, т.к. понимают всю бесполезность этого процесса.

В массовом сознании идет протест на жесткие формы внедрения идеологии, а так называемые «мягкие» или «бархатные» формы влияния действуют незаметно и более глубоко проникают в сознание, и, тем самым меняется представление о власти, о людях, о ценностях и т.д. Художественные произведения являются наиболее простым способом внедрения идеологических установок (фильмы Н.С. Михалкова, картины И.С. Глазунова, монументы З.К. Церители, песни А.Н. Пахмутовой и т.д.). И если в советское время власть целенаправленно занималась данным вопросом, то сегодня все пущено на самотек и отдельные работы единичных авторов не могут изменить в одночасье массовые установки.

Фильмы сильно формируют наше сознание, определяют, кого мы отнесем к героям а кого к неудачникам. Зрительный ряд проще воспринимать и перенимать на себя поведение героев – отождествлять себя с ними. В повседневной жизни, поведение героев из фильмов накладывает отпечаток на поведение простых людей. И кто был этим «героем» в таком контексте человек и будет видеть окружающий мир и себя в нем. «Павка Корчагин» или персонажи «Форсажа» – герои будут обладать разными качествами и мироощущением [3].

Фильмы или передачи, которые высмеивают социализм, порицают тоталитарные формы управления, упрощенность жизни и быт советского человека, но и взамен ничего не предлагают. Например, фильм Ф. Бондарчука «Обитаемый остров» или А. Кавуна «Кандагар» – предлагают ситуации вне жизни народа, не дают представления как жить в нормальной жизни, где был бы показан обывательский героизм. Современных фильмов про простой героизм российского народа нет. В советское время –

каждый второй фильм затрагивал тематику героизма в повседневной жизни (начиная от культовых «Семнадцати мгновений весны», «Ивановым детством», «Вечным зовом», «А зори здесь тихие», «Я иду, шагаю по Москве» и заканчивая еще доброй половиной фильмов проката Советского Союза). Это входило в одну из главных государственных задач, сегодня этого нет, и это место занимает китч², (например, «Любовь-морковь», сериал «Маргоша» и т.д.). Культивируемые герои сегодня представлены в таких фильмах как «Глухарь», где сам главный персонаж-милиционер вынужден нарушать закон или «Киллер», «Антикиллер», где возвеличиваются ценности отнюдь не положительных героев. Фильмы Михалкова, безусловно, показывают героев, но он является единичным автором, фильмы которого не находят поддержки у массового зрителя т.к. нет общего фона ценности и необходимости таких персонажей. На фоне общего китча, фильмы патриотического содержания Михалкова смотрятся таким же китчем.

Для понимания приоритетов и ценностей советского времени могут служить песни Л. Лещенко, И. Кобзон: «Главное ребята сердцем не стареть» (муз. А. Пахмутова, сл. С. Гребенников и Н. Добронравов), М. Магомаев «Голубая тайга» (сл. Эль-Регистана, муз. А. Бабаджаняна), из кинофильма «Земля Санникова» «Есть только миг» (сл. Л. Дербенёва, муз. А. Зацепина), М. Магомаев «Лучший город Земли» (муз. А. Бабаджанян, сл. Л. Дербенёв), Л. Лещенко «Богатырская наша сила» (Муз. А. Пахмутовой, ст. Н. Добронравова), Л. Лещенко «День победы» (муз. Д. Тухманов, сл. В. Харитонов) и т.д.

Современная эстрада формирует совсем иное ценностно-смысловое содержание и представлена такими песнями как: П. Нарцис «Шоколадный заяц» (муз. М. Фадеев сл. И. Секачева), М. Хлебникова «Чашка кофею» (муз. и сл. Владимира Кузьмина), Пикник «Королевство кривых» (сл. и муз. В. Кириллова), ВИА Гра «Убей мою подружку», Г. Лепс «Рюмка водки на столе» (муз. и сл. Е. Григорьев), Л. Гурченко и Б. Моисеев «Петербург-Ленинград» (муз. К. Бретбург, сл. Е. Муравьев) и проч.

По мимо эстрады, различные телевизионные ток-шоу определяют идеалы и ценности людей: строим любовь в «Доме 2», а заодно приобретаем известность и славу, «Камеди Клуб», «Наша Раша», «Даешь молодежь» созда-

ет представление о том, как живут другие люди, чем живут, что ценят и почему. Данные программы являются китчем, но население воспринимает их зачастую за чистую монету и в той или иной степени несет это в свою жизнь – желая приблизиться к героям этих передач. Формируя совсем иные идеалы и образы, которым бы стоило подражать.

Поговорка – «хлеба и зрелищ» ярко иллюстрирует современную ситуацию в ценностно-идеологическом пространстве российского общества. Власть, при помощи СМИ не просто уводит население от недовольства, она притупляет способность к рефлексии и пониманию того, что что-то не так. Потребление как явление – это лишь ширма более глубинного кризиса современного человека – кризиса внутренней опустошенности.

Прайм-тайм занимают такие передачи как «Танцы со звездами» или «Бои гладиаторов» формируют общество потребителей дешевой и пустой (в интеллектуальном и духовном плане) продукции (зрелища, не требующие напряженной мысли, чувств, эмоций и т.д.). В передаче «Минута славы», подменяются настоящие герои (те, кто своим трудом, преодолением обстоятельств чего-то добивается, что-то изменяет) на ложных (тех, кто выше прыгнет, закинет ногу или руку, вытащит язык и т.д.). Также подменяется само понятие славы – его изначальный смысл нивелируется. В советское время, граждане нашей страны были известны (и культивируемы на государственном уровне) как «народ созидатель», «народ-победитель» и именно это входило в понятие славы. Сегодня – слава отождествляется с личной известностью (не важно, в положительном или отрицательном контексте) – светская хроника, повествующая о жизни известных лиц, также заменяет смысл этого понятия.

Другие передачи также продолжают и развивают эту тенденцию. Например, «Большая разница» – интеллектуальный китч, «Шоу уральских пельменей» – бытовой китч, «Инферно» – профессиональный китч, «Счастливы вместе» – семейный китч, «Камеди клуб» – социальный китч, «Дом 2» – китч личностных отношений и ценностей и проч.

Данные явления иллюстрируют представления о том, кто является настоящим героем – человеком, достойным подражания и уважения,

Таблица 2
Персонифицированный образ настоящего героя и антигероя России (в %)

<i>Возраст</i>	<i>Настоящий герой</i>	<i>Антигерой</i>
18-25 лет	Колчак (32) Петр I (42) Сталин (48)	Гитлер (36) Николай II (35) ГКЧП, КГБ, ОГПУ, НКВД (26)
26-45 лет	Александр Невский (62) Петр I (47) Колчак (36) Сталин (35) Суворов (32) Кутузов (30) Ломоносов (30)	Ельцин (67) Горбачев (62) Николай II (55) Гитлер (45)
46 и старше	Александр Невский (56) Иван Грозный (51) Владимир Красно солнышко (46) Петр I (41) Екатерина II (38) Суворов (33) Кутузов (30)	Ельцин (72) Чубайс (55) Горбачев (50)

и кто является антигероем – человеком, достойным порицания и осуждения. Для того, чтобы существовал герой как герой (с соответствующим ореолом, ценностями и т.д.) нужен культ (культ героя), нужна государственная поддержка и одобрение этого культа. Павка Корчагин силен не сам по себе, а цитированием и присутствием в других художественных и музыкальных произведениях, где персонажам ставят его в пример – «*быть как он*» (например, «Подвиг Матросова», «Повесть о настоящем человеке»). Сегодня на государственном уровне не предлагается быть как кто-то. Предлагается несколько возможных путей: гламур, китч, спортивное соревнование, ток-шоу (но это профанация, а не реальные истории). Быть самим собой перестает быть нормой. Фильмы, которые это показывают не идут в широком прокате и не имеют государственной и социальной поддержки.

Одним из результатов этих процессов является нивелирование ценности и социальной значимости некоторых профессий (учителя и врачи, токари и слесари они оставили первые ряды приоритетных профессий, уступив место менеджерам и юристам, экономистам и аналитикам). Это глобальный переворот в мировоззренческих установках.

Сознание современного человека качественно изменилось – оно настроено потреблять, а

не создавать, использовать, а не развивать. Телевидение – самый большой проводник культуры. Большинство предлагаемых развлекательных и семейных передач имеют зарубежное происхождение (наши передачи делаются по кальке тех, что прошли в странах запада в 70-80 гг. XX века). Это иллюстрирует процессы нивелирования национального сознания [8]. Те, кто смотрит эти передачи – соглашаются с авторами, и в итоге остаются наедине с пустотой и разочарованием – не все ценности западной культуры прижились и одобряются. И тогда *все плохо было и сейчас не лучше*. Это приводит к социальной апатии и отчуждению, т.к. старые ценности разрушились, а новые не сформировались.

Наше исследование показывает, что герои были далеко в прошлом (все указывают фигуры прошлого или далекого прошлого), о настоящем вспоминают только тогда, когда говорят об антигероях. Либо, герой нашего времени не имеет ни лица, не имени «*я не помню имена*». Это абстрактный образ, он никак не персонифицирован: «*Да много героев, на самом деле, и мне кажется, в России герой тот, кого не знают, а он герой. Он не на виду, он всегда борется, он в обыденных ситуациях герой, его вот знают люди, думают, что он герой, и он герой, а он об этом не говорит, а те, кого мы видим, не факт,*

что герой», «герой – советский народ, который выжил», «Герой для меня – собирательный образ, и антигерой – тоже», «Ребята, которые самолет посадили в тайге, спасли людей. Но Я не помню имена пилотов», «настоящие герои остаются в тени», «это наш русский простой народ», «работники бюджетной сферы, работающие за копейки», «учителя, ученые, врачи, которые работают за мизерную плату», «пенсионеры» и т.д. Он герой уже потому, что живет здесь и сейчас. Это показывает то, что массовое сознание запугано, находится в рамках множества социальных страхов. И желая убежать от этого, ищет защитников-героев в прошлом, т.к. в настоящем их не находит (см. табл. 2.).

Интересен тот факт, что Сталина все больше и больше людей причисляют к героям России, чем младше возраст респондентов, тем больше процент тех, кто разделяет эту точку зрения. Отношение к Сталину поменялось на государственном уровне – теперь он не только тиран, но и один из лучших управленцев XX века – он вывел страну на передовые позиции по очень многим показателям, он изменил социальный порядок. Эта установка входит в новые стандарты образования и школьники совсем иначе оценивают роль Сталина в истории России, нежели чем их отцы. Сталин не больше пролил крови чем Петр I, Иван Грозный или кто-то еще. Они равнозначны между собой как в положительной, так и в отрицательной оценке. Отдаленность по времени – делает эти фигуры более положительными. Пройдут века и Сталин будет также оцениваться как и они.

Молодежь причисляет к антигероям Николая II и весьма эмоционально и активно это доказывают, тогда как старшее поколение его не упоминает вовсе. Тут сказывается попят же изменение установок власти, изменение оценки советского пришло, революции 1917 года и т.д. Для людей старшего поколения все еще сильны установки коммунизма, нацеленные против империи и царя, потому фигуру последнего императора России они предпочитают не обсуждать.

Молодые люди к антигероям причисляют целые организации и всех людей входивших в них – ГКЧП, КГБ, ОГПУ, НКВД. Не называя имен – они порицают структуру, по сути обвиняя ее. Без людей она становится не такой страшной и обвинения можно предъявлять любые т.к. «со-

циальные структуры» не наказывают. Возможно, в этом кроется внутренний страх этого поколения – взять на себя ответственность обвинить кого-то, что он не прав. Персон, которые они называют, только ленивый не укорил (Гитлер и Николай II). Лично их ответственности, мнения, решения за этими обвинениями нет.

Личностно-персонифицированный (34%) – респонденты указывали на отдельных личностей (Некрасов, Тютчев, Солженицын), которые своим жизненным примером показали что значит быть патриотом своей Родины, как служить своему государству.

Формально-бюрократический (23%). «Истинный гражданин это тот, кто родился в этой стране, а не получил гражданство. Создал свою семью. Вот он – настоящий гражданин России», «Гражданин – тот, кто, прежде всего, имеет гражданство, живет-работает во благо государства российского». Эта группа основывается на правовых нормах, формальных и юридических основаниях проживания на территории России, лишая все культурно-религиозные и ментально-психологические основания, личностные убеждения и позиции, права на формирование представлений об истинном гражданине. Во многом, данная позиция объясняется глобализационными тенденциями, охватившими весь мир.

Национально-патриотический (16%). «Я себя чувствую гражданином России когда фильмы показывают про Отечественную войну, я чувствую себя гражданином России. Это лучше, чем футбол однозначно, вообще 100 %», «Я себя чувствую гражданином России когда идет парад». Данная группа респондентов четко показывает роль государства, идеологии в организации знаково-символического пространства в общественном сознании населения страны, через фильмы, песни, парады и прочие символы показывающие величие государства. Истинный гражданин это тот, кто приобщен к этим знакам и символам, чувствует трепет, боль, гордость за то, что он является частью более великого.

Личностно-ответственный (15%). «Истинный гражданин – это тот, кто, например, заходит в подъезд, видит, что там грязно, он берет веник и подметает мусор, и не только потому, что это его подъезд», «Истинный гражданин должен быть сознателен, он должен любить свою страну, понимать, что мы живем в этой

стране. Принимать те порядки и условия, которые тут есть. А уж потом он должен следовать законам этой страны, не нарушать их». Данная группа респондентов считает, что власть такая, какой ее выбрал сам народ и все перемены начинаются снизу. Если ждать, что кто-то придет и изменит жизнь к лучшему, то ничего не изменится. Перемены возможны только при личном участии и при ежедневной работе с собой каждого жителя страны. Мы сами создаем тот мир, в котором живем.

Негативно-пессимистический (12%). «Гражданин тот, кто живет в этих условиях», «Гражданин — это мы, потому что, не смотря ни на что — мы тут живем», «Памятник надо ставить нам, потому что мы все еще живем в этой стране». Данная группа не смотрит в будущее, она подчеркивает свои проблемы и то, что они все еще тут живут повышает их собственную значимость. Герои — это они сами, потому что все еще тут, те, кто уехал из страны — они антигерои. Это своеобразная психологическая защита, возникающая у части населения в связи с беспомощностью и беззащитностью перед социальными, экономическими, политическими переменами.

Особо остро чувствуют себя гражданином респонденты или при победе спортивных команд (62%) или при прослушивании гимна (23%). «Победы наших спортивных команд на любых уровнях, то есть Олимпийские игры. Да, вот в эти моменты чувствуешь себя гражданином России», «При просмотре футбола в барах», «В основном чувство гордости возникает от спортивных побед». «Да, были такие моменты, когда ты представляешь свой регион, свою страну на каких-то мероприятиях, выездах». Иные сферы гордости: «Мне очень понравилось, когда я заходил в музей в Москве, и я, как гражданин России, мне надо было меньше платить, чем иностранцу, я очень был горд, что вот так построено именно для россиян. Дешевле порядка в два раза», «Когда я слышу какие-то нововведения, да, в социальной сфере. Трансформация, модернизация, все эти проекты национальные... И я понимаю, что большие эти преобразования меня как гражданина касаются, и я себя особо остро ощущаю».

Таким образом, обобщив все вышеизложенное, мы можем констатировать трансформацию сознания россиян. Она отражается в двух аспектах. Первый — уход от созидательного воспри-

ятия мира к потребительскому поведению (приоритетной установкой становится «брать», а не «давать», «использовать», а не «создавать»). Второй — отрицание знаний и опыта предшествующих поколений, что приводит к разрыву социальной преемственности и социокультурной стагнации.

Государство не предлагает опор и ориентаций для населения, это приводит к оттоку населения в другие страны, уменьшению рождаемости, увеличению преступности и коррупции и т.д. Героям не место в повседневной жизни, но их нет и на экране. Поэтому, нет образа сегодняшнего героя нашего времени. Он размыт и определяем по косвенным критериям, не всегда выработанных коллективным опытом предшествующих поколений.

Не ставятся во главу угла достижения на государственном уровне, ценны и показательны достижения только личного характера. Но, не опираясь на предшествующий опыт, невозможно идти вперед. Современное общество не хочет опираться на прошлое, возможно, поэтому и в будущее так тяжело идет. Это результат трансформации государства и вследствие этого, изменение внутренних ценностей.

Литература

1. Бобков А.И. Патриотизм или «любовь к отечеству»: дифференциация понятий // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. 2014. С. 362-363.
2. Бобков А.И. Патриотизм или «Любовь к отечеству»? Возможности философской деконструкции // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур. Сборник научных трудов. Под ред. В.В. Черных. 2014. С. 16-21.
3. Иванов Р.В., Полюшкевич О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44-55.
4. Полюшкевич О.А., Степаненко А.С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // Политика и общество. 2012. №9. С. 4-13.
5. Полюшкевич О.А. Идентичность и государственные символы: трансформация социаль-

ной эмпатии // Социология. 2014. №1. С. 138-147.

6. Полюшкевич О.А. Ритуалы как социальные конъюнктуры // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, Изд-во ИГУ, 2015. С. 338-341.

7. Попова М.В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) / М.В. Попова, О.А. Полюшкевич // Урбанистика. 2017. №3. С.117-134.

8. Скуденков В.А. Лидерство и социальное развитие / В. А. Скуденков // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180-184.

Ссылки:

¹ Под симулякром Бодрийяр понимает образ или символ, который «скрывает» свое искусственное происхождение. В симулякре не только отрицается связь с прообразом реальности, или референтом, но и стирается свидетельство отсутствия такой связи. Таким образом, симулякр подменяет источник имитацией, которая в ряде случаев выглядит более убедительной и «реальной», чем сама реальность.

² Китч (*нем. Kitsch*), кич – термин, обозначающий одно из явлений массовой культуры, синоним псевдоискусства, в котором основное внимание уделяется экстравагантности внешнего облика, крикливости его элементов

Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве Байкальского региона

Трескин П.А.

В статье проводится анализ вклада некоммерческих организаций Иркутской области, Забайкальского края, Республики Бурятия (объединенных в один Байкальский регион) в социально-политическое пространство. В результате проведенного экспертного интервью дается анализ сложившейся ситуации на рынке некоммерческих организаций Байкальского региона, особенностей их работы и механизмы и инструменты воздействия на социально-политическое пространство.

Ключевые слова: Некоммерческие организации, социально-политическое пространство, межсекторное взаимодействие, Байкальский регион

Treskin P.A.

The role of non-profit organizations in the socio-political space of the Baikal region

The article analyzes the contribution of non-profit organizations of the Irkutsk region, the Trans-Baikal Territory, the Republic of Buryatia (united in one Baikal region) into the socio-political space. As a result of the expert interview, the analysis of the current situation on the market of non-profit organizations of the Baikal region, the features of their work and the mechanisms and instruments for influencing the socio-political space is given.

Key words: Non-profit organizations, socio-political space, intersectoral interaction, Baikal region

Некоммерческие организации обладают существенным ресурсом неформальных связей, способных влиять на социально-политические процессы нашего общества. С одной стороны они позволяют расширить участие граждан в работе некоммерческих организаций позволят расширить альтернативные формы и стратегии гражданского участия в общественной жизни государства. С другой стороны, могут иметь ресурсы «расшатывания» уже сложившихся социальных институтов через протесты, «мягкое давление», контроль работы органов власти и бизнеса.

В научной литературе существует множество вариантов изучения роли и места общественных организаций в социальном воспроизводстве.

Одна группа исследований строится на изучении политической коммуникации. Классическими признаны работы, раскрывающие структурно-конструктивистский подход П. Бурдьё¹, аутопойетический подход Н. Лумана², постструктуралистский подход М. Фуко³, коммуникативно-рациональный подход Ю. Хабермаса⁴, политико-структурный подход К. Дойч⁵ и других, среди российских ученых можно назвать структурно-политические работы А.И. Соловьева⁶, А.Г. Максимова⁷, С.С. Малиновского⁸, Ф.И. Шаркова⁹ и других.

Другая группа концентрирует свое внимание на механизмах построения и развития гражданского общества. Она объединяет таких авторов как О.В. Петровская и В.Н. Филянова¹⁰, М.В. Мамонов и А.Г. Заббаров¹¹, Ю.А. Красин¹² и других.

Третья группа рассматривает некоммерческие организации как инструменты изменений политической ситуации (как фактор стабилизации или дестабилизации социально-политического процесса). В нее входят такие авторы как

Таблица 1

Количество некоммерческих организаций, зарегистрированных в Иркутской области, Забайкальском Крае и в Республике Бурятия в 2016 г*

*По данным Администраций изучаемых регионов¹⁹

НКО по направлениям деятельности	Иркутская область	Забайкальский край	Республика Бурятия
Профессиональные союзы (территориальные и отраслевые)	280	121	254
Ветеранские (в том числе пенсионеров)	87	34	28
Объединения инвалидов	98	54	32
Национальные (в том числе национально-культурные автономии)	87	139	155
Молодежные и детские	79	101	144
Культурно-просветительские и творческие	109	121	265
Спортивные и оздоровительные (в том числе туристические)	269	87	231
Правозащитные	80	34	21
Благотворительные (в том числе фонды)	188	46	164
Иные НКО	1 755	419	1371
Итого:	3 032	1156	2665

Г.Г. Почепцов¹³, Дж. Бертон¹⁴, А.Е. Соколов¹⁵, И.А. Халий и О.В. Аксенова¹⁶, О.А. Полюшкевич¹⁷, П.А. Трескин¹⁸ и других.

Таким образом, множество исследователей говорят о большом вкладе некоммерческих организаций в развитие социально-политического пространства. Цель нашей работы показать особенности социально-политического воздействия некоммерческих организаций Байкальского региона.

Характеристика исследования

Исследование проходило в Прибайкалье и Забайкалье в 2017 году (в Иркутской области, Забайкальском Крае и в Республике Бурятия). В нем приняли участие 30 экспертов, по 10 в каждом регионе, занимающие ведущие места в общественном секторе рассматриваемых регионов (руководили НКО, представители общественной палаты, социально активные граждане и т.д.). Критерием отбора экспертов служила частота публикаций в печатных СМИ и телевыступлений в рамках своей деятельности. Из выбранных экспертов, минимальный порог информационной активности – 3 раза в месяц, максимальный – 6 раз в месяц.

В изучаемых регионах разнообразны формы НКО. По нашему мнению, это вызвано территориальными особенностями, а также соци-

культурным укладом изучаемых регионов (см. табл. 1). Вместе с тем, количество и качество работы НКО формирует социокультурное пространство развития гражданской активности и социальной ответственности, как жителей, так и организаций в целом.

По состоянию на декабрь 2016 года по данным Министерства юстиции России по Иркутской области на территории Иркутской области зарегистрировано 3 032 некоммерческих организаций (далее – НКО). По сравнению с 2015 годом количество НКО увеличилось на 10,3% (111 организаций). В Забайкальском крае – 1156 (по сравнению с 2015 годом увеличилось на 2,3% (26 организаций). В Республике Бурятия – 2665 (по сравнению с 2015 годом увеличилось на 8,6% (65 организаций).

Обсуждение результатов исследования

Экспертам предлагался ряд вопросов в открытой форме и бланк оценки вклада НКО в социально-политическое пространство региона в виде оценки активности некоммерческих предприятий в форме оценки «структуры», «среды», «ценностей» и «воздействия». Каждый показатель оценивался экспертами по 10-бальной шкале (где 10 – наилучшее значение, 0 – наихудшее), затем выводилась средняя характеристика.

Таблица 2
Оценка активности некоммерческих предприятий

	Структура	Среда	Ценности	Воздействие
Иркутская область	9,5	8,1	9,1	7,6
Забайкальский край	5,8	10	9,2	9,3
Республика Бурятия	7,4	6,6	9,3	8,7

Таблица 3
Индекс устойчивости НКО в субъектах Байкальского региона

Реализуют программы	Иркутская область	Забайкальский край	Республика Бурятия
Правовое поле	7	4	6
Организационные возможности	8	5	6
Финансовая жизнеспособность	6	2	7
Защита общественных интересов	7	3	6
Оказание услуг	8	1	8
Инфраструктура	5	3	7
Репутация в обществе	6	2	7

Как видно из табл. 2, оценка активности некоммерческих предприятий достаточно неоднородна. Ценности высоко оцениваются экспертами во всех изучаемых регионах. Структура наиболее развита в Иркутской области, среда – в Республике Бурятия, а в Забайкальском крае наиболее высоко оценивают воздействие. Это говорит о том, что каждому региону надо работать над элементами эффективной активной работы.

Приоритетными целями НКО выступает решение социальных задач, защита интересов тех или иных групп, вовлечение населения в социальные проекты и т.д. В рамках выделенных нами сфер активности некоммерческих организаций мы можем говорить о различных стратегиях и тактиках их развития.

Совершенствование структуры организации позволит выстроить стратегии взаимодействия с различными социальными группами. Опора на среду организации будет способствовать различным уровням коммуникации как внутри, так и за ее пределами. Акцент на ценности позволит привлечь максимальное количество волонтеров и добровольцев, а также сплотить основных членов вокруг идей организации. Воздействие поможет сформировать адекватную рекламную стратегию НКО, способствующую созданию имиджа, социального капитала и привлечению новых активистов.

Мы оценивали индекс устойчивости межсекторного взаимодействия в рассматриваемых

регионах, опираясь на семь ключевых позиций в которых развиваются анализируемые нами некоммерческие организации (см. табл. 3).

Таким образом, оценка перспектив социального партнерства и межсекторного взаимодействия строится на инструментах регулирования социально-политического пространства региона. Анализируемые нами субъекты РФ имеют свои уникальные проблемы развития взаимодействия. Специфика каждого региона обусловлена социально-историческими и культурно-политическими особенностями развития регионального сообщества. Понимая сильные и слабые стороны каждой территории можно прогнозировать перспективы межсекторного взаимодействия Байкальского региона.

Для Иркутской области характерно более интенсивное развитие НКО, обусловленное разнообразием форм и схем социального партнерства. При этом, необходима доработка инфраструктуры и финансово защищенных схем взаимодействия при развитии партнерских отношений.

Для Республики Бурятия также имеющей довольно высокие показатели по количеству и качеству работы НКО. В работе межсекторного партнерства необходим особый акцент на выстраивание сети общественных отношений.

В Забайкальском крае для создания сети межсекторного взаимодействия необходимо увеличение программ и форм партнерства, расширения спектра оказываемых услуг, формиро-

Таблица 4

Реализация программ в субъектах Байкальского региона*

*Стоит учитывать, что в каждом субъекте привлекались эксперты только из 10 организаций

Реализуют программы	Иркутская область	Забайкальский край	Республика Бурятия
Совместные с органами власти социально-ориентированные проекты	8	3	6
Совместные проекты с бизнес структурами	6	2	7
Спонсоры, ноне партнеры	2	0	3
Занимаются благотворительностью	4	1	5
Участвуют в трехсторонних проектах (совместно с бизнесом и органами власти)	3	2	5
Участвуют в конкурсах грантов и субсидий	5	1	4

вания имиджа и репутации в обществе самих программ межсекторного взаимодействия.

Все эксперты сходятся в одном, что не хватает институционализированных форм государственной поддержки и развития межсекторного взаимодействия, отсутствие понятной политики развития НКО и системной работы с НКО органов власти.

«На сегодняшний день, нет четкого понимания, как и куда развиваются НКО, нет четких технологий взаимодействия с властью» (И.Ю., 35 лет, Иркут. обл.); *«Органы власти не работают системно с НКО, они только отчитываются о запланированных мероприятиях, качественная работа сведена к формализму»** (И.Т., 40 лет, Заб. край.); *«На сегодняшний день стоит острая проблема подбора кадров, способных выстраивать взаимодействие с представителями власти»* (М.С., 37 лет, Респ. Бурятия).

Из табл. 4 видно, что Забайкальский край существенно отстает от Иркутской области и Республики Бурятия, по всем формам реализации программ минимальные показатели или вообще нулевые. *«Не понимаю, какие формы партнерства и взаимодействия могут быть, когда у всех нет ни денег, ни желания»* (М.А., 32 года, Заб. край.); *«Спонсоры нужны всем, да только где их взять-то?»* (Н.О., 37 лет, Заб. край.).

В Иркутской области доминируют такие формы межсекторного взаимодействия как совместные с органами власти социально-ориентированные проекты – 8 организаций из 10 этим занимаются и половина организаций экспертов участвуют в конкурсах грантов и субсидий (5).

«Занимаясь социально востребованными проектами – чувствуешь и себя нужным» (Г.Д., 26 лет, Иркут. обл.); *«Наша организация каждый год подает заявку на конкурс грантов «Губернское собрание, выигрываем не всегда, но опыт был, так что всегда держаем»* (Н.Н., 33 года, Иркут. обл.); *«Любой конкурс – эториск, а я немогу рисковать»* (С.С., 49 лет, Иркут. обл.).

В Республике Бурятия доминируют совместные проекты с бизнес структурами – 7 организаций из 10, занимаются благотворительностью и участвуют в трехсторонних проектах (совместно с бизнесом и органами власти) – половина организаций. *«Если власть не включить в наши мероприятия, а лучше их подготовку и реализацию, то получится отличная мобильная команда»* (П.А., 33 года, Респ. Бурятия); *«Наша основная цель – благотворительность, но необходимо понимать – какие формы и инструменты регулируют поведение индивида»* (Т.Д., Респ. Бурятия).

Говоря о проблемах межсекторного взаимодействия – необходимо опираться на сложившиеся реалии социального партнерства и возможные формы развития открытого и прозрачного взаимодействия. Пока, каждый субъект РФ, входящий в Байкальский регион, обладает комплексом недостатков и проблем, которые мешают выстраиванию открытых и доверительных отношений. Но при этом, существует потенциал развития, как на межличностном, так и на институциональном уровне. Наша задача, как исследователей, состоит в изучении, публичном обсуждении в СМИ,

Таблица 5

Оценка социально-политического воздействия (где 1 – максимально проявлено, 0 – минимально проявлено в общественном пространстве)

Критерий	Шкала оценки		
	Через СМИ	Через акции протеста	Через реализованные проекты
Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного)	0,8	0,4	0,7
Самостоятельные стратегии и формы решения проблем	0,3	0,3	0,6
Вовлечение общественности в решение проблем	0,9	0,7	0,9
Вовлечение бизнеса в решение проблем	0,4	0,1	0,8
Вовлечение власти в решение проблем	0,7	0,7	0,6
Другое	0,2	0,1	0,2

Таблица 6

Оценка социально-политического воздействия различных НКО (где 1 – максимально проявлено, 0 – минимально проявлено в общественном пространстве)

НКО по направлениям деятельности	Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного)	Самостоятельные стратегии и формы решения проблем	Вовлечение общественности в решение проблем	Вовлечение бизнеса в решение проблем	Вовлечение власти в решение проблем
Профессиональные союзы (территориальные и отраслевые)	0,6	0,8	0,4	0,3	0,2
Ветеранские (в том числе пенсионеров)	0,5	0,4	0,8	0,4	0,5
Объединения инвалидов	0,5	0,6	0,5	0,5	0,7
Национальные (в том числе национально-культурные автономии)	0,8	0,7	0,8	0,6	0,7
Молодежные и детские	0,9	0,5	0,9	0,5	0,8
Культурно-просветительские и творческие	0,7	0,5	0,8	0,6	0,9
Спортивные и оздоровительные (в том числе туристические)	0,8	0,5	0,8	0,9	0,9
Правозащитные	0,6	0,7	0,9	0,6	0,7
Благотворительные (в том числе фонды)	0,5	0,6	0,7	0,9	0,4

на заседаниях Общественных палат и иных органов, а также предложении возможных стратегий развития партнёрства в отдельном регионе может также изменить условия и формы взаимодействия.

В табл. 5 представлена оценка социально-политического воздействия изучаемых НКО в Байкальском регионе.

Таким образом, некоммерческие организации наиболее часто привлекают различные группы интересов и представителей тех или иных институтов через реализованные проекты (3 из 6), столько же прибегают к СМИ (3 из 6), и акции протеста применяют (2 из 6).

Рассмотрим более подробно. Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного) наиболее часто осуществляется через СМИ (0,8). Самостоятельные стратегии и формы решения проблем через реализованные проекты (0,6). Вовлечение общественности в решение проблем происходит через СМИ (0,9) и через реализованные проекты (0,9). Вовлечение бизнеса в решение проблем через реализацию конкретных идей и проектов (0,8). Вовлечение власти в решение проблем через СМИ (0,7) и через акции протеста (0,7).

Стоит указать, что различные виды НКО Байкальского региона используют различные ресурсы воздействия на социально-политическое пространство региона.

Декларирование проблем (от деструктивного до продуктивного) через СМИ, дискуссионные площадки, Интернет-форумы наиболее актуально для общественных организаций молодежного и детского (0,9), национального (0,8) и спортивного характера (0,8).

Обозначая проблему – ее на половину решаешь. Обсуждение в любом формате и на любой площадке приводит к результату. Проблемы молодежи и детей, проблемы национального характера и спортивной деятельности находят отклик у населения, власти и представителей других социальных институтов в силу того, что, так или иначе, касаются всех.

Самостоятельные стратегии и формы решения проблем используются профессиональными союзами (0,8), национальными (0,7) и правозащитными (0,7) некоммерческими организациями. Некоторые задачи, которые возникают в результате работы указанных организаций, не могут (или не хотят) решать чиновники, слож-

но привлечь кого-то еще, поэтому вырабатываются альтернативные модели.

Вовлечение общественности в решение проблем чаще всего используется молодежными и детскими (0,9) и правозащитными (0,9) организациями. Но при этом, все остальные также активно используют данный ресурс социально-политического воздействия. Кроме профессиональных союзов (0,4) и общества инвалидов (0,5).

Вовлечение бизнеса в решение проблем чаще всего используется спортивными и (0,9) и благотворительными (0,9) некоммерческими организациями. И первый, и второй вид НКО способствует формированию позитивного имиджа компании или персонально – руководителя фирмы, что формирует социальный капитал и добавляет «очки» в личную копилку человека или организации.

Вовлечение власти в решение проблем некоммерческими организациями достаточно активно применяется. Но лидерами выступают культурно-просветительские (0,9), спортивные и оздоровительные (0,9) и молодежные и детские организации (0,8). Власть идет на контакт с данными организациями более активно в силу того, что перед ней стоят задачи развития культуры, спорта и молодежи на разных уровнях и формах.

Заключение

Межсекторное социальное партнерство это добровольное участие в реализации социальных программ, которые изменяют социально-политическое пространство региона. Межсекторное взаимодействие строится на сочетании интересов всех участников партнерства.

На основе проведенного анализа результатов экспертного исследования, мы можем заключить, что перспективы развития межсекторного взаимодействия в Байкальском регионе строятся через:

- прозрачное законодательство, которое регулирует процессы партнерства;
- заинтересованность в установлении межсекторных связей, нацеленных на решение социальных задач, с использованием прогрессивных социальных технологий и инструментов решения общественных проблем;
- совпадение ценностей и мировоззрения всех участников партнерства, позволяющих ре-

шать проблемы в области образования и экологии, здравоохранения и прав человека, архитектурного и социокультурного развития территории т.д.

Но, главным условием партнерства выступает желание всех сторон наладить открытый диалог для регулирования и совершенствования социально-политического климата. Пока, увы, мы можем говорить о недоверии и наличии предубеждений в отношении друг друга всех участников межсекторного взаимодействия. Решением этой проблемы должны заниматься не только представители власти, бизнеса и самих НКО, но и общественность, социально активные граждане, которые могут способствовать созданию открытого диалога между всеми сторонами.

Ссылки

- 1 *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007
- 2 *Луман Н.* Медиакоммуникации. М., 2005
- 3 *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994
- 4 *Хабермас Ю.* Публичное пространство и политическая публичность // Между натурализмом и религией. М., 2011;
- 5 *Дойч К.* Нервы управления. Модель политической коммуникации. М., 1993
- 6 *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 1
- 7 *Максутов А.Г.* Политическая коммуникация в контексте и перспективе сетевой теории: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2009
- 8 *Малиновский С.С.* Политическая коммуникация в Рунете как фактор российского политического процесса: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013
- 9 *Шарков Ф.И.* Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2.
- 10 *Петровская О.В., Филянова В.Н.* Зарубежные неправительственные некоммерческие и религиозные организации в России. М., 2011
- 11 *Мамонов М.В., Заббаров А.Г.* Возможности конструирования сетевых структур третьего сектора // Политэкс. 2008. № 4
- 12 *Красин Ю.А.* Гражданское общество и государство: оппоненты-партнеры // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. № 14. № 3
- 13 *Почепцов Г.Г.* Революция.com. Основы протестной инженерии. М., 2005
- 14 *Бертон Дж.* Конфликт и коммуникации: Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях // Теория международных отношений / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2002
- 15 *Соколов А.Е.* Гражданское общество России. М., 2012.
- 16 *Халий И.А., Аксенова О.В.* Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов // Социальные факторы консолидации российского общества. М., 2010.
- 17 *Полошкевич О.А.* Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, 2014
- 18 *Трескин П.А.* Общественные организации как социальный капитал региона / П.А. Трескин // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №64.
- 19 *Мониторинг* некоммерческой организаций города Иркутска и Иркутской области / Сайт Администрации города Иркутска [электронный ресурс] URL: <https://admirk.ru/Pages/nekommercheskie-organizacii.aspx>; *Мониторинг* некоммерческой организаций Забайкальского края / Официальный портал Забайкальского края [электронный ресурс] URL: http://www.xn--80aaaac8algcbgbck3f10q.xn--p1ai/public/reestr_nko_poluchayushchih_gospodderku.html; *Мониторинг* некоммерческой организаций Республики Бурятия / Сайт Администрации Республики Бурятия [электронный ресурс] URL: <http://to04.minjust.ru/ru/press/news/spisok-nekommercheskih-organizaciy-zaregistrirovannyh-i-isklyuchennyh-v-avguste-2016-g>.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ ДЕМОГРАФИЯ

Социальное обслуживание как механизм профилактики дезадаптации пожилых людей

Бажутова О.А.

Индивиды вовлекаются в процесс адаптации как правило в двух ситуациях: когда в неизменных внешних обстоятельствах меняется их собственный социальный статус, условия жизни, набор социальных ролей и пр.; когда резко меняется окружающая социальная среда, обесценивая прежние социальные роли, социальные навыки и пр. Пожилые люди в России переживают одновременно воздействие двойного переходного периода: радикальной масштабной трансформации социально-экономического уклада и индивидуального социального изменения, обусловленного прекращением трудовой занятости, утратой социального статуса, снижением качества жизни. Предотвращает или ослабляет нисходящую адаптацию в данной ситуации предоставление услуг социального обслуживания. Рассматривая адаптацию пожилых индивидов как целостное явление их жизни, необходимо отметить наличие всех трех элементов – биологической адаптации, обусловленной неизбежными органическими возрастными изменениями, психологической адаптации, обусловленной как биологическими, так и обстоятельствами микро- и мезо- социальных изменений, и в конечном счете – генерализирующей социальной адаптации, основанной на двух других элементах, но имеющей свою специфику.

Ключевые слова: социальная адаптация пожилых, дезадаптация, адаптированность, переходный период, социальное обслуживание.

Bajutova O.A.

Social services as a means of preventing desadaptation of elderly persons
As usually individuals involve in the process of adaptation in two situations: when in a constant external circumstances their own social status, living conditions, a set of social roles, etc. are changing; when the social environment changes dramatically, devaluing previous social roles, social skills, etc. Elderly people in Russia are experiencing simultaneously impact the dual transition: radical large-scale transformation of the socio-economic structure and individual social changes resulting from the termination of employment, loss of social status, reduced quality of life. The provision of services of social organization prevents or attenuates a downward adaptation in this situation. Considering the adaptation of older individuals as a holistic phenomenon of their lives, it should be noted that there are all three elements – biological adaptation, due to the inevitable organic age - related changes, psychological adaptation, due to both biological and circumstances of micro - and meso – social changes, and ultimately-generalizing social adaptation, based on two other elements, but having its own specifics.

Key words: social adaptation of elderly people, desadaptation, state of adaptation, transitional period, social services.

Значительные изменения, переживаемые российским обществом, обусловили большой интерес отечественных исследователей к теоретико-методологическим проблемам социальной адаптации¹.

Исследование процессов адаптации отличается значительной широтой в связи с тем, что данное понятие используется для описания процессов, происходящих в различных областях действительности.

Соединение психологической и социальной методологии включает в значительной мере комплексный подход А.Адлера², который полагал, что в качестве механизма компенсации снижения возможностей пожилых людей может выступать система социальной помощи. Адлер указывал на такой источник адаптационной и компенсационной активности, как испытываемое человеком чувство неполноценности. В рамках сформулированного исследователем закона о диалектическом превращении органической недостаточности через субъективное чувство неполноценности в стремление к компенсации и сверхкомпенсации российские ученые отмечали у пожилых людей формирование в такой ситуации стимула для преодоления и компенсации дефекта. При этом в качестве механизма компенсации снижения возможностей пожилых людей может выступать система социальной помощи.

Обзор многообразных подходов к адаптации, которые рассматривают те или иные стороны, грани этого явления, приведено в работе отечественного автора Л.В.Корель³, которая

выделяет такие аспекты адаптации, по-разному анализируемые у различных авторов:

- адаптация как процесс приспособления индивида к новой среде;
- адаптация как результат приспособительного процесса;
- адаптация как способ достижения какой-то цели и приобретения пользы для индивида;
- адаптация как достижение равновесия между субъектом и средой;
- адаптация как процесс, обеспечивающий не только стабильность, но и возможность развития индивида.

Таким образом, в ее трактовке адаптация включает и целеполагание, и процессуальную сторону, и результат процесса, и потенциал развития.

При этом ряд ученых, прежде всего, в области социальной психологии, выделяет также неадаптивную активность общественного человека⁴. Более того, в гуманистической психологии оспаривается сама идея привлекательности гомеостазиса, выделения этого состояния в качестве цели жизнедеятельности.

Так, основатель логотерапии В. Франкл писал: «На самом деле человеку требуется не равновесие, а борьба за какую-то цель, достойную его... Человеку требуется не равновесие, а духовная динамика, в границах полярного напряжения, где один полюс представляет собой смысл, цель, которая должна быть реализована, а второй полюс — человека, который должен осуществить эту цель»⁵.

Кроме того, в большинстве случаев исследователи ведут речь об индивидуальной адаптации, однако следует иметь в виду, что в названном процессе могут участвовать также и группы, начиная от семьи, вплоть до целого социального слоя. В этом случае индивидуальные изменения происходят как участие одновременно в двух процессах: адаптация к новым требованиям социума и адаптация к изменившимся условиям своей группы.

Если же речь идет о транзиторной для индивида ситуации, о переходном характере его статуса, набора социальных ролей, то структура адаптационных процессов еще более усложняется. Так, на адаптационные ресурсы современного пожилого человека в российской действительности оказывает влияние незавершенный переходный характер российского обще-

ства; изменения, обусловленные модернизацией социальной политики, системы социального обслуживания, наконец, индивидуальные изменения, связанные с отказом от трудовой занятости, экономическими ограничениями, ухудшением здоровья и пр.

Включение индивида в процесс социального функционирования — «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду. Человек не просто усваивает социальный опыт, но и преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации»⁶.

Кроме того, прохождение индивида через различные, иногда отличающиеся жизненные этапы предполагает наличие нескольких периодов социализации, в том числе — для пожилых людей практически обязательным является участие в процессе социализации в статусе пенсионера, человека, переживающего «послетрудовой» этап жизни (что связано с радикальными изменениями образа жизни), а в дальнейшем — возможно, социализация в статусе «старого» пожилого человека.

Особые формы приобретает социализация в период резкой смены социально-экономических и морально-психологических условий жизнедеятельности как индивидов, групп, социальных слоев, так и общества в целом. В случае восходящей динамики этого процесса людям приходится за короткий срок усвоить объем знаний, представлений и навыков, которые в других ситуациях усваивались бы постепенно на протяжении нескольких поколений. Это может пройти безболезненно в случае первичной социализации — во младенческом возрасте, на этапе раннего детства. Но у взрослых индивидов, вынужденных переживать ресоциализацию, это может вызвать внутренние конфликты. Еще более травмирующими являются для взрослых нисходящие этапы ресоциализации, когда, например, люди, сформировавшиеся в развитом обществе, адаптированные к жизнедеятельности в рамках социального слоя, связанного с интеллектуальной профессией и социальным престижем, в условиях деградации общественной

системы вынуждены приспосабливаться к примитивным видам деятельности в рамках низкого социального статуса. Подобная нисходящая социальная мобильность, не обусловленная личной виной человека, разрушающе действует на многих людей, приводя к депрессии, алкоголизму, распаду личности.

Пожилые люди, в особенности пользовавшиеся высоким престижем в период трудовой деятельности, болезненно воспринимают изменения, связанные с незначительными размерами коэффициента замещения и ограниченностью денежных средств, но, вероятно, в большей мере – со снижением престижа, примитивизацией социальных ролей на склоне лет.

Итак, социальная адаптация есть процесс активного взаимодействия индивида и среды с целью достижения оптимального уровня их функционирования и соответствия друг другу. Результатом этого процесса выступает адаптированность, то есть такое состояние, при котором и индивид, и среда могут сосуществовать, взаимодействовать в соответствии с особенностями друг друга.

Успешность социальной адаптации проявляется в способности индивида не только к функционированию в данной среде, но и к самореализации, раскрытию своего потенциала, а также созданию условий для прогрессивных изменений среды⁷.

Процесс адаптации имеет сложную природу, так как на него влияют одновременно несколько факторов или групп факторов. Это особенности среды (микро- и макро-среды), к которой предстоит адаптация. Это адаптационный потенциал адаптанта, включая его физические, психические и социальные ресурсы.

При этом необходимо отметить, что адаптированность может считаться состоянием только в условном смысле – это также процессуальная характеристика, которая отражает непрерывные изменения как среды, так и субъекта адаптации.

Процесс адаптации – одно из наиболее общих проявлений человеческой активности, включающее в себя биологические, психологические, социальные механизмы.

Наибольшая сложность данного процесса проявляется в такие моменты, когда изменения происходят одновременно и с субъектом, и с объектом адаптации, причем достаточно быст-

ро и кардинально. Современное состояние социально-групповой динамики российского населения, общества в целом, в большой степени человеческой цивилизации – именно такой период, когда на протяжении жизни одного поколения меняются внешние условия и социально-групповые ожидания, причем логика, рациональность таких изменений не всегда понятны человеку.

Учитывая, что с возрастом происходит снижение возможностей передвижения, самостоятельного совершения действий, операций по самообслуживанию, большое значение в процессе адаптации пожилого человека приобретают мероприятия по облегчению для него физических действий, повышению доступности окружающей среды (в том числе, микросреды).

Одной из эффективных форм социальной работы с пожилым человеком, значительно улучшающей качество его жизни, является эрготерапия. В эрготерапии речь идет не о механическом восстановлении физических, духовных и психических функций, а о том, чтобы помочь пожилому человеку в силу его возможностей вновь войти в русло нормальной жизни со всеми ролями и задачами. Цель работы эрготерапевта с пожилым человеком: активизация способности к познанию, суждению и умозаключению, например, способности лучше ориентироваться в окружающем мире, изыскание возможностей обходиться без посторонней помощи во время приема пищи; самостоятельно соблюдать личную гигиену, одеваться, передвигаться и общаться без посторонней помощи⁸.

Культурно-досуговая деятельность пожилых людей включает в себя занятия художественным, прикладным, техническим творчеством; досуговые праздники, обряды, конкурсы, фестивали; экскурсии. Организация работы по поддержанию социально-культурной активности пожилых людей – это помощь и содействие в организации и проведении активного досуга: посещение зрелищных учреждений и мест отдыха, учреждений культуры, а также занятия доступными для пожилого человека видами физкультурно-оздоровительной деятельности⁹.

Недаром в настоящий момент осуществляется масштабное реформирование отделений дневного пребывания учреждений социального обслуживания населения в отделения активно-

го долголетия, которые призваны интенсифицировать социальный функционал пожилых людей.

Рассматривая адаптацию пожилых индивидов как целостное явление их жизни, необходимо отметить наличие всех трех элементов – биологической адаптации, обусловленной неизбежными органическими возрастными изменениями, психологической адаптации, обусловленной как биологическими, так и обстоятельствами микро- и мезо- социальных изменений, и в конечном счете – генерализирующей социальной адаптации, основанной на двух других элементах, но имеющей свою специфику.

Исходя из данного положения, выделенное Т. Парсонсом возрастание адаптивности происходит на фоне снижения адаптивного потенциала большой группы индивидов. Соответственно автономная активность в этой сфере не представляется повсеместно возможной; людям старшего возраста необходима поддержка, прежде всего, институциональная поддержка, в осуществлении их адаптации. Механизмы такой поддержки предоставляют ресурсы социальной работы, в первую очередь – услуги социального обслуживания.

Для пожилых людей эта служебная поддержка необходима не только с точки зрения поддержания возможностей самообслуживания и передвижения (чему уделяется основное внимание в недавно вступившем в силу федеральном законе, регламентирующем организацию и предоставление социального обслуживания)¹⁰, но также как важнейший инструмент компенсации социальных рисков, профилактики возможной дезадаптации.

Социальное неблагополучие – это термин, который применяют сегодня преимущественно к семьям группы риска, которые ведут асоциальный образ жизни и в силу этого не выполняют обязанностей по воспитанию детей. По аналогии неблагополучными можно считать также пожилых людей, которые не в состоянии вести приемлемый образ жизни в силу чрезмерного употребления спиртных напитков, или же в силу совершения преступлений на протяжении предшествующих лет (в системе учреждений социального обслуживания для этих последних предназначены специальные социальные учреждения с особым режимом). В данном случае социальное неблагополучие пожилого возраста яв-

ляется пролонгируемой негативной характеристикой, наследуемой из прежних лет, из того периода жизнедеятельности индивидов, который не был связан с их возрастными ограничениями.

Однако в отношении законопослушных, не подверженных отклонениям граждан старших возрастных групп также могут быть сформулированы признаки социального неблагополучия, обусловленные в первую очередь как раз влиянием возрастных факторов. В определенной степени они также являются развитием предпосылок, зародившихся в до-старческий период, в зрелости или даже в молодости. Однако полное проявление (и нередко негативная окраска этих социально-психологических образований) обусловлены именно спецификой возрастных статусов пожилого человека.

К числу факторов социального неблагополучия индивидов пожилого возраста можно отнести одиночество, узость социальных контактов, материальную недостаточность, незащищенность и подверженность риску.

Неустойчивость, отсутствие стабильности в социальной ситуации пожилых людей обусловлены тем, что в обществе, в котором законопослушание и социальная безопасность не являются массовыми институциональными характеристиками, в наиболее уязвимой ситуации находятся пожилые люди, которые не могут (или не в полной мере могут) самостоятельно защитить себя. И эта незащищенность порождает формирование (или существует на фоне формирования) целых направлений криминальной деятельности, ориентированной на получение преступной выгоды за счет пожилых людей.

Социальная защита ведет работу по различным направлениям, чтобы предупредить дезадаптацию пожилых граждан, подверженных этим негативным факторам; при этом следует заметить, что в такой деятельности имеются направления, являющиеся функциональным полем социальной защиты, есть виды деятельности, выходящие за ее рамки. Как представляется, наиболее межведомственной или даже общесоциальной должна являться профилактика социальных рисков, деятельность по компенсации опасностей, обусловленных специфическими особенностями пожилого и старческого возраста¹¹.

Литература

1. Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005; Кузнецов П. С. Концепция социальной адаптации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000; Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 2002, и др.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Академический проект, 2011. – 240 с.
3. Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. – Новосибирск, 1997. – С. 40-41.
4. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М., 1992.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1993. – С. 7.
6. Андреева Г. М. Социальная психология. - М., 1996. - С. 241-242.
7. Крухмалев А.Е., Воеводина Е. В. Особенности социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья // Социологические исследования. 2012. № 12. – С. 74.
8. Демина Э. Н. Формы работы с пожилыми гражданами // Международный форум «Старшее поколение». – СПб., 2016. - С. 58.
9. Демина Э. Н. Формы работы с пожилыми гражданами // Международный форум «Старшее поколение». – СПб., 2016. - С. 59.
10. Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».
11. В. П. Козырьков. Пожилой человек как социокультурный тип // Краснова О.В., Лидерс А.Г. Психология старости и старения. Хрестоматия. – М., 2011. - С. 212.

Динамика социально-экономического положения многодетных семей г. Москвы

Карпович Н.Н.

В статье исследованы актуальные вопросы социально-экономического положения многодетных семей г. Москвы. В настоящее время продолжаются процессы усиления материального неравенства и социального расслоения, приводящие в т.ч. к резкой дифференциации семей по уровню доходов и качеству их жизни. Проведен сравнительный анализ динамики основных социально-экономических показателей развития РФ и г. Москвы, числа многодетных семей за период 2010-2017 гг. В г. Москве создана и функционирует сложная система поддержки и оказания помощи многодетным семьям в виде предоставления им льгот, преференций и выплат разного уровня, денежных средств, натуральной помощи в виде лекарств, продуктов, бытовых вещей и др. Выявлена закономерность, описывающая понижающийся тренд располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц, в зависимости от числа детей в семье.

Ключевые слова: многодетная семья, социально-экономические показатели, динамика, социальные пособия, поддержка многодетных семей.

Karpovich N.N.

Dynamics of socio-economic provisions of large families in Moscow
The article is devoted to the topical issues of the socio-economic situation of large families in Moscow. At present, the processes of strengthening material inequality and social stratification are continuing, leading, among others, to a sharp differentiation of families in terms of income and the quality of their lives. A comparative analysis of the dynamics of the main socio-economic indicators of the development of the Russian Federation and of Moscow, the number of families with many children for the period 2010-2017 was conducted. A complex system of support and assistance to families with many children has been created and is functioning in Moscow in the form of providing them with privileges, preferences and payments of various levels, cash, natural assistance in the form of medicines, products, household things, etc. A regularity, describing the downward trend of disposable household resources per family member per month, depending on the number of children in the family.

Key words: large family, socio-economic indicators, dynamics, social benefits, support for large families.

В современном обществе семья рассматривается с многоаспектных позиций в виде: социального феномена, сложного социального образования, первичной ячейки общества, социальной группы или социального института [1;2;3]. Ведь именно в семье человек проходит первичную социализацию, становясь личностью и проводит большую часть своей жизни.

За годы формирования в России рыночных отношений существенно выросла роль денежной составляющей в функционировании семьи. И в настоящее время продолжаются процессы усиления материального неравенства и социального расслоения, приводящие к резкой дифференциации населения, в том числе семей, по уровню и качеству их жизни. По своей сути это отражается в многократном разрыве в доходах семей с разным числом детей, приобретающих форму полярных социальных групп. Подобная ситуация препятствует социальной интеграции многодетных семей, актуализируя, в свою очередь, необходимость исследования влияния доходов на показатели брачно-семейных отношений в обществе.

Основные социально-экономические показатели развития РФ и г. Москвы, сложившиеся к 2018 г. представлены в табл. 1.

Как видно, основные показатели, определяющие уровень жизни населения в г. Москве превышают их значения в среднем по России. Так, ВРП на душу населения в г. Москве почти в 2,5 раз превышает среднее значение по России. Среднедушевые денежные доходы по г. Москве составили более 59 тыс. руб. в месяц (или 196,7%) по отношению к среднему уровню по РФ (30,1 тыс. руб.). Вместе с тем, реальные денежные доходы населения мегаполиса ежегодно снижаются с 2014 г., составив в 2016 г. 92,5% к прошлому периоду, (в среднем по России - 84,4%).

Таблица 1
Основные социально-экономические показатели РФ и г. Москвы в 2017 г. [выборка автора по данным: 4;5]

Наименование	Численность населения, млн. чел.	ВВП на душу населения (тыс. руб.)	Среднедушевые денежные доходы, тыс. руб. в месяц	Средние потребительские расходы на душу населения в месяц, тыс. руб.	Средняя месячная начисленная зарплата, тыс. руб.	К-нты естественного прироста населения (на 1 тыс. чел.)	Уровень безработицы, %	Общая площадь жилых помещений на 1 чел. (кв.м.)
РФ	146,8	445	30,1	22,4	36,7	-0,01	5,5	24,9
Москва	12,4	1104	59,2	44,9	71,3	1,8	1,8	19,1

Таблица 2
Потребительские расходы домохозяйств г. Москвы, в % [6]

Наименование	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Потребительские расходы - всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:								
на покупку продуктов для домашнего питания	41,2	21,0	22,3	20,2	20,8	22,5	25,3	29,0
на питание вне дома	1,0	5,2	4,5	5,5	6,8	5,9	5,9	5,7
на покупку алкогольных напитков	2,2	1,3	1,7	1,8	1,7	1,7	2,0	2,2
на покупку непродовольственных товаров	38,7	43,0	38,9	41,2	38,5	38,3	35,3	35,4
на оплату услуг	16,9	29,5	32,6	31,3	32,2	31,6	31,5	27,7

Средняя зарплата по г. Москве (71,3 тыс. руб.) также значительно выше ее уровня (194,3%) по России - 36,7 тыс. руб. К началу 2018 года средняя зарплата в России дополнительно выросла до 39 тыс. руб., а в Москве почти до 95 тыс. руб., составив 243,6% к средней по стране.

Особенности потребительского и финансового поведения населения отражались в структуре использования денежных доходов при покупке товаров и услуг (табл. 2).

Данные таблицы свидетельствуют о переходе населения после 2013 года к стратегии экономии, что выражается в снижении расходов питания вне дома (с 6,8% в 2013 г. до 5,7% в 2016 г.), на покупку непродовольственных товаров (с 38,3% до 35,4%), на оплату услуг (с 32,2% до 27,7%). На душу населения потребительские расходы в 2010 г. составляли 30195 руб. в месяц и неуклонно возрастали до 2014 г. - 44708 руб., а затем снизились в 2015 г. до 43798 тыс. руб., но уже к 2017 г. выросли до

44902 тыс. руб. в месяц (в Среднем по России - 22488 тыс. руб.).

Величина прожиточного минимума является критерием, позволяющим определять уровень материального положения семьи. По г. Москве в среднегодовом исчислении величина прожиточного минимума в 2017 г. сложилась в размере 15092 рублей, в том числе для социально-демографических групп: 17219 руб. - для трудоспособного населения, 10715 руб. - для пенсионеров, 12989 руб. - для детей. Численность населения, имеющих денежные доходы ниже величины прожиточного минимума составила составляла в 2010 г. - 10%, а к 2017 г. - 8,9%, что значительно ниже среднероссийского значения - 13,4%.

На число семей и их структуру оказывает влияние ряд демографических показателей: уровни рождаемости и смертности, величины разводов и пр. Динамика коэффициентов рождаемости и смертности по г. Москве имеет следующую закономерность (рис. 1).

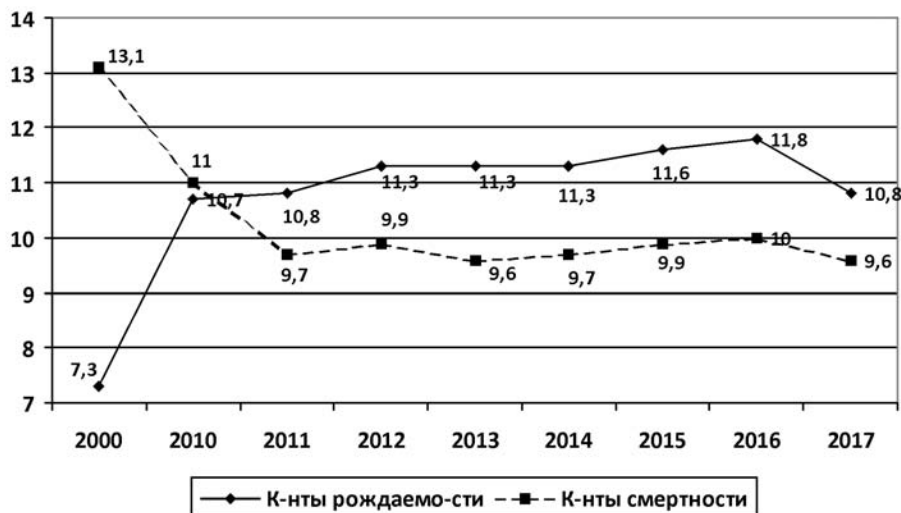

Рис. 1 Динамика коэффициентов рождаемости и смертности населения по г. Москве [составлено автором по: 4, с. 59-61; 7, с. 80-82; 8]

Таблица 3
Динамика числа многодетных семей в РФ и г. Москвы [расчет автора по:5]

Наименование	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2017/ 2010, %
Число многодетных семей в РФ (тыс.)	1250	1409	1300	1380	1360	1566	125,3
Рост к прошлому году, %	-	112,7	92,3	106,2	98,6	115,1	-
Число многодетных семей в г. Москве (тыс.)	46	152,4	156	101,9	111,9	120,5	261,9
Рост к прошлому году, %	-	331,3	102,4	65,3	109,8	107,7	-
Доля многодетных семей г. Москвы в РФ, %	3,7	10,8	12,0	7,4	8,2	7,7	-

Как видно, в 2000 г. коэффициент смертности значительно превышал коэффициент рождаемости (в 1,8 раз). После 2010 г. ситуация изменилась и рождаемость населения г. Москвы стала превышать смертность.

В Москве к многодетным относят семьи с тремя и более детьми (родными и/или усыновленными) до достижения младшим ребенком возраста 16 лет (при обучении их по общеобразовательным программам – 18 лет).

Социально-экономическое положение многодетных семей г. Москвы отличается неоднозначностью показателей их характеризующих. Динамика числа многодетных семей в РФ и г. Москвы за период 2010-2017 гг. представлена в табл. 3.

Как видно, динамика числа многодетных семей включает перемежающиеся периоды роста и спада, свидетельствующие о неоднозначности их положения. Число многодетных семей в г. Москве выросло с 46 тыс. семей до 120,5 тыс. семей (рост 261,9%), что превышает средний рост по РФ (125,3%).

В 2017 году доля многодетных семей г. Москвы в РФ несколько снизилась по отношению к 2016 году и составила 7,7%.

Данные свидетельствуют о том, что число многодетных семей в России и в г. Москве в целом имеет тенденцию к росту вопреки экономической нестабильности последних лет.

Статус многодетной семьи и льготы, ей положенные, были определены на основе Указа

Таблица 4
Социальные пособия многодетным семьям в г. Москве [11]

Наименование	2017 г., руб.	2018 г., руб.	Изменение (+;-)
Предоставление ежемесячных компенсаций многодетным семьям в связи с увеличением стоимости жизни	-	-	Рост пособия
Семьи с количеством детей 3-4 человека	600 руб.	1200 руб.	Рост в 2 раза
Семьи с количеством детей 5 человек и более	750 руб.	1500 руб.	Рост в 2 раза
Семьи с количеством детей 5 человек и более будут ежемесячно получать компенсации на приобретение вещей из состава детского ассортимента	900 руб.	1800 руб.	Рост в 2 раза
Семьи с количеством детей 10 человек и более будут ежемесячно получать компенсации на приобретение вещей из состава детского ассортимента	900 руб.	1800 руб.	Рост в 2 раза
Семьи с количеством детей 10 человек и более каждый месяц будут получать компенсационную доплату	750 руб.	1500 руб.	Рост в 2 раза
Многодетная мать, родившая 10 и более детей, будет получать пенсию	10.000 руб.	20.000 руб.	Рост в 2 раза
Семьи с количеством детей 10 человек и более к международному дню семьи (15 мая) получают праздничную компенсационную выплату	10.000 руб.	20.000 руб.	Рост в 2 раза
Семьи с количеством детей 10 человек и более к Дню знаний (1 сентября) получают праздничную компенсационную выплату	15.000 руб.	30.000 руб.	Рост в 2 раза

Президента РФ [9]. Согласно данному Указу правительство г.Москвы (как и другие субъекты России) самостоятельно определили критерии многодетной семьи (3 ребенка) и перечень пособий и льгот из своего бюджета, что отражено в соответствующем Законе [10].

В Москве всего проживает 3121 тыс. семьи. Из них почти 30% семей не имеют детей, 37% - это семьи с детьми, 27% - семьи в виде одиноких мам и около 6% - семьи с одинокими отцами.

В Москве проживает 112 тыс. многодетных семей, или 3,8% от их общего числа (в России - около 6%), в которых находилось 363,4 тыс. детей, из которых 280 тыс. детей (77,2%) являются несовершеннолетними. На одну семью приходится в среднем 3,2 ребенка. В абсолютном большинстве семей - 83%, воспитывается по 3 ребенка.

Структура многодетных семей по числу детей в них представлена на рис. 2.

Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы отмечает, что у них на учете находится 79 семей с 10-ю и более

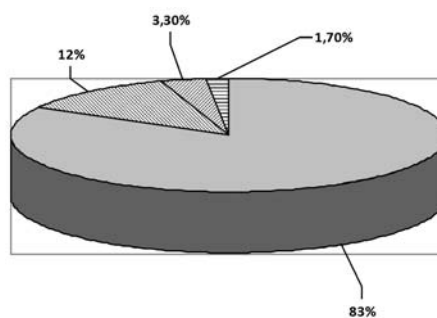

Рис. 2 Структура многодетных семей по числу детей [выборка автора по данным: 6]

детьми, включая три семьи с 15 детьми и три семьи с 16 детьми.

В г. Москве создана и функционирует сложная система поддержки и оказания помощи многодетным семьям в виде предоставления им льгот, преференций и выплат разного уровня, денежных средств, натуральной помощи в виде лекарств, продуктов, бытовых вещей и пр.

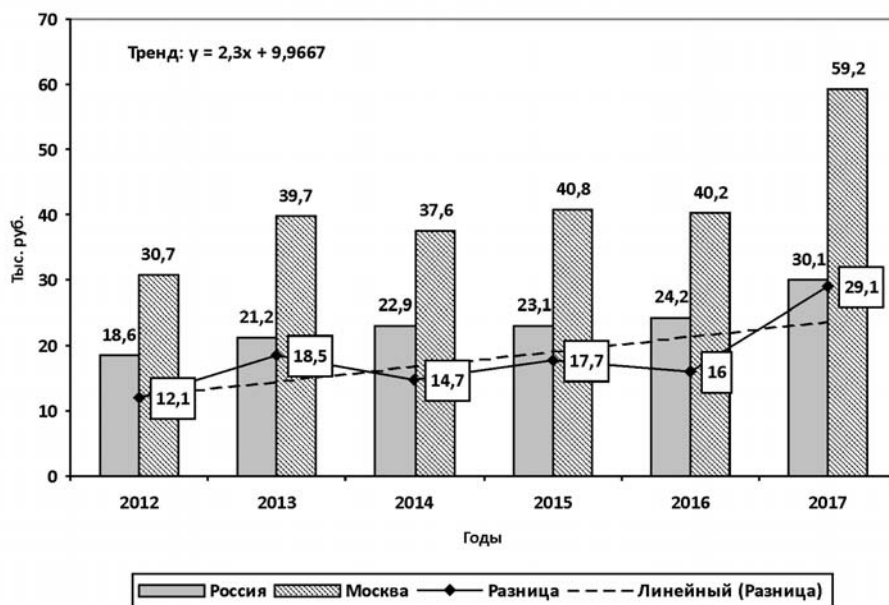

Рис. 3 Закономерность динамики располагаемых ресурсов домашних хозяйств расчете на одного члена семьи в месяц по г. Москве и в среднем по России [расчет автора по: 4; 12]

Источники финансирования этой системы - федеральные и региональные органы власти, а также внебюджетные фонды и организации.

Бюджетом г. Москвы заложены расход на 2018 год на социальные нужды в сумме 430 млрд. руб., что почти в 2 раза выше расходов 2017 год.

При этом суммы компенсационных выплат для субсидий и льгот, связанных с оплатой услуг ЖКХ выросли в 3 раза. Значительно повышены суммы компенсационных выплат малоимущим на компенсацию расходов, направляемых на покупку продуктов и вещей. Также в Москве стала работать система льготного обеспечения граждан, подпадающих под субсидирование, для компенсации взносов за капитальный ремонт.

В 2018 г. многодетным семьям г. Москвы почти по всем направлениям производится удвоенная выплата по сравнению с 2017 г. (табл. 4).

Кроме того, многодетным семьям с количеством детей 3-4 человека каждый месяц будет выплачиваться компенсационная выплата в сумме 1044 руб., на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (в 2017 г. - 522 руб.). Многодетным семьям с количеством детей 5 чело-

век и более данная сумма повышается до 2088 руб. (в 2017 г. - 1044 руб.).

Многодетным семьям с количеством детей 3 человека и более каждый месяц будет выплачиваться компенсационная выплата в сумме 250 руб. (в 2017 г. - 230 руб.). Также повышается сумма ежегодной компенсационной выплаты в сумме до 10 тыс. руб. для приобретения комплекта детской одежды (в 2017 г. - 5 тыс. руб.).

Меры в области поддержки и оказания помощи многодетным семьям в г. Москве должны положительным образом влиять на ресурсы, которыми они располагают. Динамика располагаемых ресурсов домашних хозяйств расчете на одного члена семьи в месяц в г. Москве заметно превосходит средние значения по России (рис. 3).

Как видно, сумма ресурсов домашних хозяйств по г. Москве превышает их средние значения по России. Наименьший разрыв между значениями отмечен в 2012 г. - 12,1 тыс. руб., а наибольший - в 2017 г. - 29,1 тыс. руб. При этом разница значений между ними имеет общую тенденцию к росту, о чем свидетельствует сложившийся тренд прямой вида $y=2,3x+9,9667$.

Таблица 5

Структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц, в зависимости от числа детей в семье [результаты исследований автора]

Наименование	Сумма 2017 г. (тыс. руб.)	Отношение, в %
1. Ресурсы домашних хозяйств в среднем	42	100
2. Ресурсы домашних хозяйств, не имеющих детей в возрасте до 16 лет	49,1	116,9
3. Ресурсы домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 16 лет	34,9	83,1
в том числе:		
3.1. имеющих одного ребенка	38,1	(по отношению к п. 3) 109,2
3.2. имеющих двух детей	33,5	(по отношению к п. 3) 95,9
3.3. многосемейные (имеющих трех и более детей)	23,1	(по отношению к п. 3) 66,2

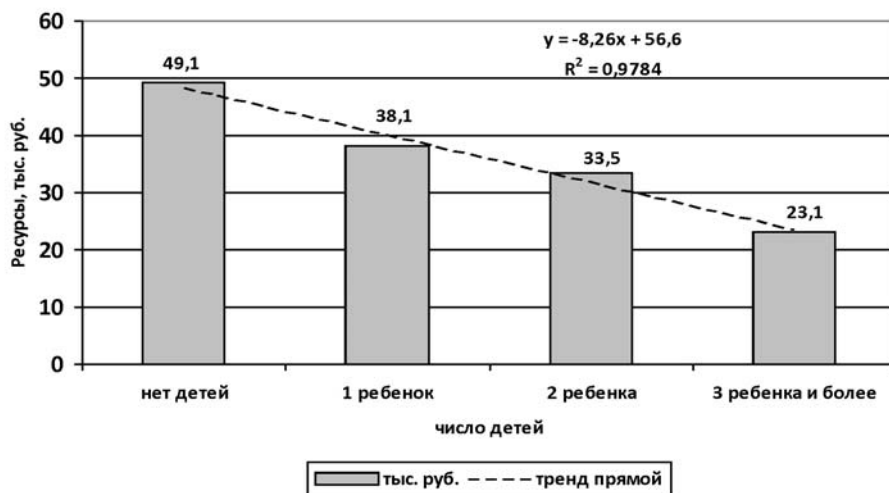

Рис. 4. Зависимость суммы располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц от числа детей в семье [результаты исследований автора]

Исследования в г. Москве, проведенные автором в 2017 г. показывают, что суммы располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц, зависят от числа детей в семье. При исследовании под располагаемыми ресурсами домашних хозяйств понималась совокупность их денежных доходов, а также сумм потраченных накоплений, привлеченных со стороны средств и стоимости натуральных поступлений (продуктов питания дотаций и льгот).

Структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц, в зависимости от числа детей в семье,

представлена табл. 5.

В среднем сумма ресурсов домашних хозяйств составила 42, тыс. руб. При этом ресурсы домашних хозяйств, не имеющих детей в возрасте до 16 лет выше среднего значения на 7,1 тыс. руб. (116,9%), а имеющих детей - ниже на 14,2 тыс. руб. (83,1%).

Домохозяйство, имеющее одного ребенка располагает ресурсами в расчете на одного члена семьи в месяц в сумме 38,1 тыс. руб., что составляет 109,2% по отношению к домохозяйствам, имеющим детей. Однако данная величина ниже на 3,9 тыс. руб. (42-38,1) среднего значения по исследуемой группе респондентов. Для

домохозяйств, имеющих 2-х детей величина разрыва возрастает до 8,5 тыс. руб., а для многосемейных - до 18,9 тыс. руб.

Закономерность, описывающая тренд располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц, в зависимости от числа детей в семье, представлена на рис. 4.

Как видно, закономерность, описывающая тренд располагаемых ресурсов домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц, в зависимости от числа детей в семье, может быть представлена уравнением прямой вида:

$$y = -8,26x + 56,6$$

$$R^2 = 0,9784.$$

Таким образом, анализ показывает, что при росте численности детей в семье, располагаемые ресурсы домашних хозяйств в расчете на одного члена семьи в месяц, снижаются.

Это свидетельствует о том, что меры поддержки и оказания помощи многодетным семьям в г. Москве еще недостаточны. Социальные службы нередко не предоставляют многодетным семьям необходимых консультаций, что свидетельствует о низкой их заинтересованности в оказании услуг своим клиентам.

Исследование автора показало, что несмотря на активное декларирование государством мер субсидирования и поддержки многодетных семей, стимулирования рождаемости, многие родители практически не имеют информации о наличии положенных им льгот и пособий, зачастую не знают в какие организации им следует обращаться для решения своих проблем. Чтобы получить соответствующую помощь, им следует владеть своими правами, уметь грамотно обосновывать и отстаивать их, формировать пакет нужных документов и справок для получения соответствующего социального пособия.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995, № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017).
2. Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики».
3. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи. <http://ecsocman.hse.ru/data/615/925/1219/014Gurko.pdf>.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.- М., 2017. - Стат. сб. / Росстат. - 1402 с.
5. Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru/>
6. Структура потребительских расходов домашних хозяйств г. Москвы. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по городу Москве. http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. - М., 2009. - С. 80-82. - 990 с.
8. Демографическая ситуация. Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru/>
9. Указ Президента РФ №431 от 05.05.1992 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей».
10. Закон города Москвы №60 от 23 ноября 2005г. «О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве».
11. Пособия многодетным семьям в 2018 году в Москве. Журнал ПрофиКоммент. <https://proficomment.ru>.
12. Располагаемые ресурсы домашних хозяйств. Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru>.

Социальная стабильность в стране: генезис понятия

Лю Цзюньцзе

Актуальность предлагаемого исследования определяется современным состоянием системы общественного развития в контексте государственного управления, в которой не достаточно четко очерчены основные подходы к пониманию самого понятия «социальная стабильность» и, соответственно, не определенные общественные подсистемы в их взаимосвязи с учетом направленности на стабилизацию.

Ключевые слова: общественные подсистемы, стабильность, социальная стабильность, социальное управление, государство, социальная безопасность, социальные угрозы, модель социальной системы.

Liu junjie

Social stability in the country: genesis of the concept

The relevance of the proposed study is determined by the current state of the system of social development in the context of public administration, which is not sufficiently clearly delineated the main approaches to understanding the concept of «social stability» and, accordingly, not certain social subsystems in their relationship with the focus on stabilization.

Key words: social subsystems, stability, social stability, social management, the state, social safety, social threats, the model of the social system.

Современный мир наполнен глобальными угрозами, становится все более непредсказуемым. Некоторые из проблем, угрожающих безопасности общества, приобрели глобального характера и уже угрожают не отдельно взятому государству, этносу, социальной группе, а человеческой цивилизации в целом. С ростом качества жизни чувствительность населения к опасностям лишь возрастает, что требует совершенствования социальной организации общества.

Соответственно как в обществе в целом, так и среди отдельных индивидуумов возрастает потребность в безопасном существовании. Однако пути поиска методов и стратегий повышения социальной безопасности иногда бывают довольно запутанными и приводят к неожиданным результатам.

Социальная безопасность является предметом многих сфер социально-гуманитарного знания. Наибольшее внимание этой категории уделяется философами, психологами, социологами и экономистами. При этом каждая из указанных отраслей научного знания имеет свою собственную представление о социальной безопасности как предмет исследования, ее источники, факторы, угрозы др. Казалось бы, это позволяет научному сообществу составить всестороннее, комплексное представление об указанном явлении, оценить всю глубину и оттенки проблем теоретического и практического характера, предложить методологический инструментарий его исследования.

Однако сейчас такого не происходит. Количество точек зрения на социальную безопасность в общем, так и на ее отдельные составляющие, не поддается оценке точности. Комплексный характер теории социальной безопасности выводит ее на междисциплинарный уровень

и предопределяет ее многомерность. Прежде всего, это источники угроз и потенциальный вред от их реализации. Далее – это уровни объектов защиты, каждый из которых имеет собственные уязвимые места.

Кроме того, это инструментарий предотвращения угроз, локализации, смягчения, ликвидации их негативного влияния и тому подобное. Проблематика социальной безопасности является такой, что больше всего дискутируется в общественных науках, поскольку причинно-следственные связи в этой сфере крайне не очевидны, многомерные и противоречивые. Одно и то же явление может по-разному оцениваться и интерпретироваться учеными на предмет его опасности для общества.

Социальная безопасность сформировала такое понятие и явление как «социальная стабильность» – по мнению автора – это состояние общества, в котором возникновение социальных угроз минимальны.

Исследование феномена «социальная стабильность» базируется на научных исследованиях российских и зарубежных ученых в области государственного управления, политологии, социологии, философии, в частности: по вопросам стабилизации и динамичного развития – Л. Абалкина, К. Гаджиева, Г. Дилигенского, Ю. Красина, Н. Лапина, Л. Мельник, Ю. Самарина, Н. Сперанского, А. Хомякова; по определению и толкованию понятия «социальная стабильность»: В. Бакуменко, А. Галкина Л. Гудкова, А. Гуц, А. Паутовой; ценностных и идеологических ориентаций – П. Дж. Бьюкенена, В. Бугровского, А. Валевского, С. Здиорука, В. Колесника, А. Кулинченко, Т. Лавреновой, Б. Парахонского, М. Пирен, С. Пирожкова и других ученых.

Целью статьи является анализ сущности понятия «социальная стабильность» в контексте теорий и концепций, существующих и выведение концепта «социальная стабильность» в теории институционального управления.

Преимущественно в научной литературе термин стабильность относительно процессов общественного развития рассматривается через теорию систем и означает в наиболее общем виде обеспечение целостности системы, то есть ее структуры и функций, способность системы к функционированию и динамичному развитию. Кроме того, при исследовании стабильности общественного развития в научной литературе

преобладает понятие «общественная стабильность», что связано с рассмотрением общества как одного из типов социальной системы. Поэтому, для понимания термина «социальная стабильность», прежде всего, следует обратиться к анализу собственно «стабильности», которое трактуется в координатах неизменности и рассматривается как «стойкое, такое, которое не меняется, или прочно утвердилось»¹.

В широком смысле ученые² определяют устойчивость как способность системы функционировать и развиваться, сохранять качественную примечательность, как системность и целостность системы, как неизменность состояния общества, как равновесное динамическое состояние, как способность системы возвращаться к состоянию равновесия после небольших колебаний.

В политическом словаре³ термин «стабильность» (от лат. *stabilis* – устойчивый, постоянный) означает упрочение, приведение к постоянному устойчивому состоянию или поддержанию этого состояния, например обеспечение постоянства каких-либо процессов. Указанный подход является основой энциклопедического понимания понятия стабильности⁴, что можно в общем охарактеризовать как стойкость, постоянство и неизменность; понятие, которое используется для описания состояния системы и структуры, отдельных элементов и подсистем, а также процессов и отношений.

По нашему мнению, такие подходы являются несколько упрощенными и не отражают всей глубины понятия, которое при таком понимании, скорее, можем отождествлять с характеристиками «неизменность», «застой», «недвижимость» и др.

В научной литературе термин «стабильность» чаще всего рассматривают в контексте развития социальной системы и социального пространства, выделяя неизменные параметры, получившие название «ось стабильности»⁵. Стабильный социальное пространство наделено высокой степенью внешней и внутренней адаптации при неизменном институционального ядра. Следовательно, любая система, требуя определенной степени стабильности, сохраняет при этом функциональные связи, равновесие и способность сопротивления внешним и внутренним противоречиям.

В течение XX и в начале XXI века проблема стабильности в социальном пространстве нашла свое отражение в работах зарубежных исследователей: Е. Гидденса, К. Дойча, Н. Luhmann, Т. Парсонса, Д. Сингера, Н. Смелзера, П. Сорокина, Ф. Фукуямы, Д. Хелда и др. которые в общем виде трактуют стабильное состояние системы как ее качественную составляющую, характеризующееся надежностью, устойчивостью, динамизмом, сбалансированностью, взаимозависимостью, интеграцией, адаптацией и дифференциацией всех ее элементов.

Достаточно близкой к такому подходу является концепция «устойчивого развития» (Sustainable development), которая относится к теориям социальной динамики (наибольшее распространение она получила в странах Европы и Северной Америки) и рассматривает соотношение «стабильность – безопасность» в триаде экономико-социально-экологических взаимодействий⁶ – в основе подхода является человек, его ценности, стремления и условия существования; развитие экономики и функционирования природных систем является отнюдь не целью, а лишь средством, обеспечивающим соответствующие условия, достаточный уровень жизни и устойчивое развитие человека. При этом следует подчеркнуть, что концепция безопасности относительно обеспечение стабильности должна измениться в направлении от безопасности государства к безопасности личности, а ее основой является понимание динамической стабильности, то есть, во-первых, способность системы возвращаться к состоянию равновесия после незначительных колебаний (изменений), во-вторых, наличие изменений не системодвижущего содержания, в-третьих, наличие баланса между системообразующими и системодвижущими процессами, то есть характеризуются ростом темпов, положительных изменений и тому подобное, выделяя ценностный критерий динамики на основе человеческого фактора. В таком контексте можно говорить о стабильности общества как социальной системы, то есть о общественной стабильности. Общественная стабильность есть результатом динамичного развития основных подсистем общества в пределах их иерархического взаимодействия, в котором происходит трансформация устойчивости, единства и целостности общества. Динамичное развитие, в свою оче-

редь, предполагает восприятие системой внутренних факторов и внешних воздействий, обуславливает изменения ее отдельных составляющих без изменения сути с целью совершенствования и требует государственного управленческого регулирования. В идеале общественная стабильность является сочетанием устойчивости и динамизма и представляет собой, так называемое, устойчивое состояние порядка, что развивается, заменяя устаревшие нормы политического, экономического и социального развития, без ощутимого вреда, на новейшие, которые формируются в соответствии с современными потребностями государства, отражаясь в системе государственного управления.

Согласно такому подходу целесообразно учитывать исследования Н. Луман, который в рамках системного подхода рассматривает стабильность в социальном пространстве (общественную стабильность) как состояние и тип движения системы, при котором она (система) представляет собой неоднозначно сложное в структурном отношении образование.

Ученый формулирует свойства системы, влияющие на стабильность социального пространства⁷:

- комплексность системы;
- контингентность и относительная невероятность структур системы;
- потребность в специфической дестабилизации;
- чувствительность к информации;
- частота или скорость структурных изменений.

Опираясь на концепцию Н. Luhmann, механизмы социальной стабильности можем рассмотреть в аспекте аутопоезиса – воспроизведение (самосоздания) системой своих компонентов с целью сохранения своей самоотдельности.

Аутопоезис является условием того, чтобы структура могла осуществлять функциональные или системные изменения в соответствии с потребностями, оставаясь в зависимости от временных параметров, а следовательно, начиная с определенной точки отсчета, система должна поддерживать себя с помощью «аутопоезиса». Можем прийти к выводу, что абсолютная социальная стабильность практически невозможна. Она предполагает не только полную неподвижность самой системы и ее составляющих эле-

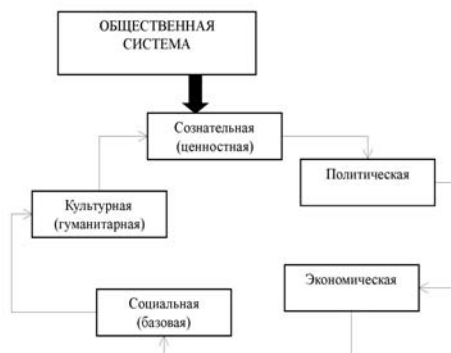

Рис. 1. Модель взаимодействия общественных подсистем
Источник: составлено автором

ментов, но и изоляцию их от любых факторов внешнего воздействия, а, следовательно, можно говорить лишь о системе с определенной степенью стабильности (высокая степень стабильности предполагает жесткую сопротивляемость изменениям, и наоборот – низкая способность сопротивления системы изменениям приводит к ее разрушению).

Следовательно, социальная стабильность определяется ее рациональностью и гибкостью, то есть адекватной реакцией на общественные изменения, что предполагает эволюционный динамичное развитие общества. С точки зрения системности и комплексности науки государственного управления и субъектов публичного управления общественную стабильность может быть определена как управляемость состояния целостности системы. Соответственно, можем говорить об основных направлениях ее обеспечения в теории социального управления:

- опережающие представления как основа для определения путей трансформации современной модели публичного управления и возможных последствий ее внедрения в процессе социального развития;

- обеспечение необходимого уровня эволюции системы публичного управления согласно целям и задачам по обеспечению социальной стабильности;

- разработка методологии исследования сложных общественных явлений с целью разработки адекватных методов, механизмов и технологий публичного управления в сфере общественного развития;

- разработка стратегии развития общества и государства с учетом направленности всех

сфер общественной деятельности на стабильность;

- определение влияния ценностных, политических, социально-экономических факторов на процесс публичного управления обеспечением общественной стабильности, а также путей государственного регулирования социально-ценностной, политической, экономической, социальной сфер в процессах стабильного развития общества.

Соответственно, реализация указанных вопросов на научно-теоретическом уровне определяет так называемые проблем-факторы обеспечения общественной стабильности, что предопределяет необходимость решения публичным управлением ряда практических проблем. В частности, если мы рассматриваем социальную стабильность через упорядоченность процессов социального развития, главным образом нужно разработать механизмы определения оптимального баланса между открытостью (слишком открытая система приводит к разрушению под действием внешних воздействий) и закрытостью (максимальный уровень чего приводит к застою и деградации) системы, то есть поддержка такой степени открытости, который будет способствовать обеспечению общественной стабильности и эффективному развитию системы социального управления.

Общественная система представляет собой такой тип социальной системы, в основе которого лежат общественные связи и взаимоотношения. Основными составляющими элементами общественной системы являются соответствующие сферы жизнедеятельности общества или управление – сознательная, политическая, экономическая, социальная и культурная, которые, в свою очередь, можно определить как общественные подсистемы постоянно взаимодействующие между собой (рис. 1).

Рассматривая общественную систему, уместно вести речь не о стабильности вообще, а про общественную стабильность, которая обеспечивает в наиболее общем виде стабильность системы в целом, а также стабильность всех ее составляющих. Мы предлагаем под общественной стабильностью понимать упорядоченную определенным образом систему, которая находится в постоянном динамическом развитии.

Каждый ее элемент характеризуется устойчивостью, единством и целостностью, но нахо-

дится в иерархической взаимодействия с другими элементами. Динамичное развитие, в свою очередь, предполагает восприятие системой внутренних факторов и внешних воздействий, что обуславливает изменения ее отдельных составляющих, но без изменения сути, лишь их усовершенствование. Каждый из элементов системы имеет целью сохранение собственной устойчивости и целостности всей системы.

Каждой из пяти вышеперечисленных подсистем присущи функции стабилизации, интеграции, инновации, самосохранение и тому подобное. Однако ни одна из подсистем не является самостоятельной (хотя наделена определенной степенью самодостаточности, целостности и завершенности); стабильность одной формирует стабильность следующей, однако каждая следующая, в свою очередь, влияет на предыдущую, то есть соответственно иерархии подсистем стабилизационная функция постепенно усиливается, и в подсистеме культуры она приобретает своего наивысшего развития, акцентируя достояние всех предыдущих

Таким образом, социальную стабильность уместно исследовать как самостоятельную категорию, с одной стороны, выделяя такие ее характеристики, как динамизм и стабильность, а с другой – как совокупный компонент основных ценностей системы, таких как упорядоченность, целостность и социальный порядок. В дальнейшем анализе уместно акцентировать внимание на системных и качественных характеристиках понятия «социальная стабильность» в современной теории социального управления, а также на создании инновационных методик определения состояния развития общества и вероятных путей его стабилизации.

Литература

1. World commission on environment and development: our Common Future. Oxford: Oxford univ. Press, 1987. P. 46.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 89, 158, 169.
3. Галкин А. А. Общественные изменения и проблемы стабильности сквозь призму культуры. Политическое следование // Полис. 1998. № 5. С. 119–120.
4. Гуц А. Глобальная этносоциология: учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1997. 212 с.
5. Захаров Н. Специфика социальной системы России. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. 219 с.
6. Краткий политический словарь. 3-е, изд. доп. и перераб. М.: Политиздат, 1971. С. 245.
7. Лиханова И. Дестабилизирующие факторы политического процесса и национальная безопасность: современный теоретический дискурс // Вестник Моск. ун-та. 2004. № 3. С. 59–67. (Серия 12. Политические науки).
8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 459.
9. Общая и прикладная политология: учеб. пособие/под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. М.: Союз, 1997. С. 522.
10. Политологический энциклопедический словарь /сост. В. П. Горбатенко; под ред. Ю. С. Шемшученко, В. Д. Бабкина, П. Горбатенко. 2-е изд., допол. и перераб. К: Генеза, 2004. 736 с.

Ссылки,

- 1 Краткий политический словарь. 3-е, изд. доп. и перераб. М.: Политиздат, 1971. С. 245.
- 2 Гуц А. Глобальная этносоциология: учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1997. 212 с
- 3 Общая и прикладная политология: учеб. пособие/под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. М.: Союз, 1997. С. 522.
- 4 Политологический энциклопедический словарь /сост. В. П. Горбатенко; под ред. Ю. С. Шемшученко, В. Д. Бабкина, П. Горбатенко. 2-е изд., допол. и перераб. К: Генеза, 2004. 736 с.
- 5 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 89, 158, 169.
- 6 World commission on environment and development: our Common Future. Oxford: Oxford univ. Press, 1987. P. 46.
- 7 Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 459.

Социально-управленческие факторы, которые формируют социальную стабильность населения

Чжан Лэй

В статье обоснована актуальность изучения социальной стабильности государства на примере опыта Китайской Народной Республики, как пример воплощения «экономического чуда» и эффективной социальной стратегии развития населения. Автором описаны предпосылки развития китайского общества в социальном аспекте, предложены основные отличия в развитии городов и деревень. В Китае принято рассматривать явления в их целостной связи, поэтому китайский опыт управления берет за научную основу западную социологию управления, обобщившую теоретический и практический опыт западного управления. При этом сравнительный анализ подходов к пониманию управленческой деятельности показывает основополагающую разницу в осуществлении управленческого процесса на Западе и в Китае.

Автором предложены основные концептуальные подходы, на которых должна формироваться социальная стабильность: экономический, социально-экономический, функциональный, экологический и социологический.

Ключевые слова: социальная стабильность, Китай, город, деревня, социальные институты, политическая стабильность, развитие общества, баланс социального развития.

Zhang Lei

Social and management factors forming social stability of the population. The article substantiates the relevance of the study of social stability of the state on the example of the experience of China, as an example of the embodiment of «economic miracle» and effective social strategy of population development. The author describes the prerequisites for the development of Chinese society in the social aspect, the main differences in the development of cities and villages.

In China, it is customary to consider the phenomena in their integral connection, so the Chinese management experience takes the Western sociology of management as a scientific basis, which has generalized the theoretical and practical experience of Western management. At the same time, a comparative analysis of approaches to the understanding of management activity shows the fundamental difference in the implementation of the management process in the West and in China.

The author offers the basic conceptual approaches on which social stability should be formed: economic, social-economic, functional, ecological and sociological.

Key words: social stability, China, city, village, social institutions, political stability, society development, balance of social development.

Постановка проблемы. Актуальность исследования заключается в определении ключевых факторов обеспечения стабилизации функционирования социально-экономической системы государства. Актуальные общественно-политические процессы в Китае обусловили необходимость проведения реформ.

Анализируя научные труды многих китайских и зарубежных ученых, было определено, что успешное функционирование страны зависит от соотношения трех «сил» - государства, общества, экономики.

Социально-экономические факторы существенно влияют на формирование социальной идентичности. Именно поэтому на них фокусируется внимание многие ученые, специалистов по политологии, политической истории, социологии и экономике. В отношении Китая эти проблемы разрабатываются отечественными исследователями, прежде всего, в контексте динамики общественного социального сознания.

В настоящее время среди китайских ученых меняются представления о развитии социально-политической стабильности современного Китая. Обществоведы КНР в 2000 гг. развивали представление об общественной стабильности как факторе продолжения модернизации. Например, Ю Кэпин трактовал стабильное развитие государства в качестве источника всесторонней модернизации различных сторон жизни общества. Китайские исследователи Фань Цземинь и ЧэньИцинь применили институциональный подход к пониманию механизмов укрепления социально-политической стабильности китайского общества. В условиях глобальных изменений, происходящих в мире, стране, партии и обществе, сохранение прогрессивности и чистоты понимается в качестве способа обеспечения долговременного порядка и долгосрочной стабильности в стране.

В результате будет сделана попытка установить, что значительную роль в обеспечении налаженных отношений указанных сторон играет социальный аспект, а именно институт доверия, которую некоторые экономисты считают конкретной экономической величине как в микро-, так и в макромасштабе. Выделенные факторы, имеющие существенное влияние на стабилизацию социально-экономической системы страны, а именно: легитимность, суверенитет, социальная и интегративная политика государства.

Целью статьи является исследование основных социально-управленческих факторов, которые формируют социальную стабильность населения.

Изложение материалов исследования. На сегодняшний день КНР демонстрирует успешные темпы экономического роста национальной экономики, также стоит отметить, что внушительные успехи наблюдаются и в сфере социального управления. Но наряду с этим существуют и прочие важные проблемы: большая разница между развитием городов и деревень, несовершенство механизмов обеспечения социального развития, демографический кризис и его последствия. Все это способно не только сдерживать социально-политическое развитие государства, но и отразится негативным образом на внешнеполитическом имидже государства в международном сообществе.

Подходы китайских ученых к теории управления имеют совершенно иной вектор. При всей близости китайскому менталитету понятия «рационализм», в основе жизненного уклада китайцев по-прежнему лежит традиционализм, сутью которого является такое понимание действительности, при котором первостепенное значение при выборе альтернативы принадлежит не рациональному, разумному, а установленному, традиционному. Однако при этом нельзя противопоставлять западный рационализм и китайский традиционализм, их следует расценивать, как разнонаправленные приоритеты развития.

В современной социологии наблюдается повышение внимания к тематике, направленной на исследование социального пространства как базиса социальной стабильности в его различных измерениях, в котором непрерывно происходят изменения социальной структуры. Речь

идет, прежде всего, об изменениях в пространстве города, его развития и трансформации, поскольку город представляет собой сложную социальную систему, которая находится в постоянном развитии, что связан с объективной необходимостью концентрации и интеграции различных форм производственной и интеллектуальной деятельности, развитием научной и культурной коммуникации, что значительно повышает интенсивность социальных процессов.

В социальном пространстве города постоянно происходят перемещения различных социальных субъектов (индивидов, групп, слоев), которые получили название «социальная мобильность». В современных условиях процессы социальной мобильности более интенсивно протекают именно в крупных городах.

Одним из важнейших направлений исследований является основательное изучение стратифицированного социального пространства современного города. Ведущими характеристиками этого пространства считают социальную структуру, то есть состав, положение и отношения статусно-профессиональных групп, которые постоянно воспроизводятся и определяют динамику и развитие города; социальную стратификацию как иерархически организованное пространство статусов и групп, а социальную мобильность как движение социальных субъектов в этом организованном пространстве неравенства. Учитывая это, город становится одной из подсистем социально-пространственной организации общества, в котором непрерывно происходят процессы мобильности.

В условиях исторического развития общества и современной экономической ситуации в Китае важным является основательное изучение стратифицированного социального пространства современного города. Изменения в социальной структуре свидетельствуют, что по природе эти процессы можно рассматривать как глубокую трансформацию общества:

- изменился статус групп, которые существовали ранее и возникли новые статусные образования;
- ухудшилось положение работников высококвалифицированной умственного и физического труда;
- средние слои вследствие обнищания переместились в стратифицированном социаль-

ном пространстве в нижние уровни, а также чрезвычайно возросла поляризация на богатых и бедных [1, с. 214].

Все это является признаками разрушения старого социального пространства и зарождение принципиально новых отношений. В социологии социальное пространство можно условно рассмотреть как декартову систему координат, в которой все точки являются статусами, причем горизонтальной осью является социальный состав населения, а вертикальной – социальная стратификация.

Согласованность структурных элементов пространства детерминирована социальными институтами, регулирующими процессы мобильности социальных субъектов (индивидов, групп, страт) совокупностью правил поведения, норм, санкций и тому подобное.

Благодаря социальным институтам происходит сплочение стремлений, действий, отношений индивидов, что в целом обеспечивает социальную стабильность общества, а также обеспечение связей, общения, взаимодействия между людьми за счет определенной организации их совместной жизнедеятельности. Установлено, что высшей стратификационной оси благодаря процессам социальной мобильности можно достичь в хорошо развитом пространстве. Другими словами, стратификацию можно определить как иерархически организованное пространство статусов и групп, а социальную мобильность – как движение в этом организованном пространстве [2, с. 12].

В этом случае, город рассмотрен как подсистему социально-пространственной организации общества, в котором и происходят процессы мобильности.

Термин «социально-пространственная организация городов» включает не только взаимное размещение объектов на территории города, но и способ их структуризации и использование физического пространства города в целом (как и кем оно разделено, организовано и использовано – как в архитектурном аспекте, так и социально-экономическом) [3, с. 25].

Итак, город как подсистему социально-пространственной организации общества следует рассматривать как единство социального состава населения и иерархически организованного пространства статусов и групп, которые постоянно воспроизводятся благодаря процессам социаль-

ной мобильности. Анализируя концептуальные подходы к изучению проблем социологии города, можно сосредоточить внимание на экономической и социокультурной парадигмах, которые разнятся своей актуализацией проблематики [4].

Экономическая парадигма рассматривает город в первую очередь как результат исторического процесса экономического развития социальной системы, как место концентрации производства и распределения общественного труда. Зато, социокультурная парадигма рассматривает процессы возникновения и развития города с позиций социокультурного детерминизма, концентрируя внимание на культурно-исторических условиях возникновения городов. Город с позиций данной парадигмы предстает как социокультурная гетерогенность, состоящий из представителей различных социальных слоев и культурных ориентаций. Такая специфика города создает условия для формирования и выделения специфических городских сообществ, которые отличаются по своей символической и организационной культурой [5, с. 47].

Эти направления способствовали развитию современных нео-марксистских и нео-веберинских традиций. В рамках нео-марксистского подхода, город рассматривается как пространственное выражение противоречий определенного способа производства [4]. Зато в нео-веберинской традиции сделан упор на анализе политических и управленческих процессов, борьбе различных социальных групп за контроль, внедрение новейших технологий.

В условиях функционирования многоукладной экономики, формирование новых экономических отношений, город рассматривается сквозь призму различных современных концептуальных подходов. В некоторой мере условно можно разделить их на пять групп:

- 1) экономический;
- 2) социально-экономический;
- 3) функциональный;
- 4) экологический;
- 5) социологический [3, с. 32].

Экономическая концепция города основывается на том, что город играет ключевую роль в территориальном разделении труда и является средой сосредоточения населения и предприятий различных отраслей

промышленности. Зато, социально-экономическая концепция исходит из того, что закономерности формирования и развития городов определяются не столько территориальным разделением труда, сколько социально-экономическим и политическим строем общества.

Функциональная концепция города обосновывается преимущественно специалистами градостроителями и базируется на определении его функциональной специализации. Сторонники экологической концепции рассматривают город как своеобразную экологическую систему, звенья которой должны находиться в состоянии динамической равновесия.

Все приведенные концепции городов, несмотря на их самые важные аспекты, играют свою роль в развитии городских социально-экономических комплексов, где социальный комплекс обеспечивает благосостояние, воспроизводство и качество жизни, а экономический комплекс — его материальную основу. В частности, в рамках социологического подхода город рассматривается как:

- структурированное пространство, в котором трансформационные изменения в обществе привели к интенсификации различных форм мобильности социальных субъектов;
- изменения качественного и количественного состава социально-профессиональных групп;
- углубление пространственной поляризации;
- формирование новой модели расселения, сегрегации и тому подобное.

Однако необходимо заметить, что исследование изменений в системе размещения населения в городах обусловлено рядом проблем. Во-первых, без стабильной и четко выраженной социальной структуры в обществе, которое трансформируется, невозможно спроецировать ее на городское пространство, как это принято в социоструктурном подходе. Во-вторых, есть проблема относительно слабой корреляции между местом проживания и социальным статусом индивидов, что делает неприемлемыми традиционные для западной социологии методики изучения процессов социальной мобильности [3, с. 34].

Социологические исследования трансформации социального пространства города сегодня

концентрируют в себе достижения социогуманитарных дисциплин [5].

Важной предпосылкой формирования социальной стабильности активизация социального сознания и роли наемных работников является развитие деятельности различных социальных институтов (профсоюзы, социальные страховые компании, трудовое законодательство, пенсионные и страховые фонды и т.п.).

Изменения городских процессов является объектом изучения классической социологии, постепенно эволюционируют от исследований социальных аспектов урбанизации и их влияния на деятельность отдельных индивидов и сообществ к формированию самостоятельной городской проблематики. В последнем случае социальное пространство города выступает не фоном, на котором разворачивается жизнь общин и обществ, а фактором, двигателем и механизмом социальных преобразований.

Наработки классиков социологической науки стали основой для дальнейшего развития социологического анализа города, определили направления развития исследований относительно факторов трансформации социального пространства города.

Однако сложно четко разграничивать эти факторы влияния, поскольку трансформация происходит на разных уровнях — от микро, индивида, мезогородских сообществ, макросоциума города, до мегаглобальных механизмов изменений, которые находятся в постоянном взаимодействии и при процессах трансформации имеют более или менее значение.

Выводы. По итогам исследования можно сделать резюме о том, что стабильными могут быть какое-то время и авторитарные, и тоталитарные политические режимы. Однако исторический эксперимент многих государств указывает, что, в конце концов, такие режимы «взрываются», становятся средоточием социологических конфликтов и общей нестабильности. Поэтому стабильное сообщество в полном значении слова — это демократическое сообщество.

Таким образом, в общем значении стабильность достигается не за счет неизменности, неподвижности, а за счет опытного поглощения назревших социально-экономических конфигу-

раций в подходящий момент и в подходящем месте. Можно заявить, что общественные конфигурации являются необходимым условием и составляющей общественной стабильности.

Литература

1. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т.: Социальные институты и процессы. – М.: ИНФРА-М, 2000. – Т.3 – 520 с.

2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс] // Логос. – 2002. – № 3-4. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>.

3. Сорокин П.А. Социальная мобильность / П.А. Сорокин; [пер. с англ. М.В. Соколова]; под ред. В.В. Сапова. – М.: Academia, 2005. – XX. – 588 с.

4. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии; пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 451 с.

5. Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб: [Владимир Даль?], 2008. – 285 с.

Социализация пожилых получателей социальных услуг: итоги опроса экспертов

Янцен М.А.

Статья посвящена актуальной проблеме вторичной социализации пожилых граждан в условиях стареющего общества. Одними из ведущих агентов социализации в позднем возрасте становятся специалисты, предоставляющие социальные услуги. В статье использованы результаты собственного социологического опроса 154 экспертов в области социального обслуживания пожилых. Показана значимость услуг, связанных с поддержанием здорового и социально активного долголетия, организацией быта и досуга, конструктивного взаимодействия с родственниками, для успешной социализации пожилых людей. Установлено, что наиболее интенсивно социализация протекает в процессе предоставления социально-бытовых и социально-медицинских услуг. У пожилых людей доминирует установка на сохранение здоровья; в то же время именно состояние здоровья главным образом определяет успешность социализации пожилых людей. Для своего активного и здорового долголетия пожилые люди предпочитают прежде всего культурно-познавательные, спортивные мероприятия. При этом многие рассчитывают на поддержку со стороны организаций социального обслуживания. Ключевые слова: пожилые люди, вторичная социализация, активное долголетие, социальные услуги.

Yantsen M.A.

Socialization of older recipients of social services: the results of a survey of experts

The article is devoted to the actual problem of secondary socialization of elderly citizens in the aging society. One of the leading agents of socialization at a later age are professionals providing social services. The article uses the results of own sociological survey of 154 experts in the field of social services for the elderly. The importance of services related to maintenance of healthy and socially active longevity, organization of life and leisure, constructive interaction with relatives, for successful socialization of elderly people is shown. It is established that the most intensive socialization occurs in the process of providing social and social and medical services. Elderly people, the dominant setting for the preservation of health; at the same time, it is the condition mostly determines the success of socialization of the elderly. For their active and healthy longevity elderly people prefer primarily cultural, educational, sports activities. At the same time, many rely on the support of social service organizations.

Key words: elderly people, secondary socialization, active longevity, social services.

Современное общество стремительно стареет. По прогнозам, за период 1995-2025 гг. численность населения в возрасте от 60 лет и старше во всем мире удвоится: с 542 млн. до 1,2 млрд. человек [9]. Согласно данным Росстата, в России доля лиц старше трудоспособного возраста в 2017 г. достигла 25,0% от всего населения страны, увеличившись за последние 10 лет почти на 5% [5].

При этом общество динамично меняется. Кризисное состояние российского общества с растущим количеством пожилых граждан помещает их в зону социального риска, связанного со многими проблемами: социальными, экономическими, медицинскими, психологическими, информационными и т.д. Все более актуальными становятся проблемы адаптации людей старшего поколения в условиях цифрового общества, их вторичной социализации.

Известно, что социализация человека продолжается на протяжении всей его жизни, протекая особенно интенсивно в детские годы. Однако социализация взрослых, в том числе пожилых людей, и детей имеет свои различия и особенности. Социализация пожилых людей, хотя и весьма отдалена от первичной социализации, тем не менее, в своей основе имеет то, что заложено в детские и молодые годы. Однако встает вопрос о том, насколько применимы те знания, опыт в условиях современности?

Социализация – процесс двусторонний, в котором старшее поколение выступает не только субъектом социализации, но и ее объектом. Старшее поколение передает молодым нормы и ценности, а молодежь, легко приспосабливаясь к изменившимся социальным условиям, в чем-то учит старших.

Поскольку социализация делится на первичную и вторичную, постольку ее агенты делятся

на первичных и вторичных. Первичными агентами социализации выступает ближайшее окружение индивида – члены семьи, близкие и дальние родственники, друзья и др. В процессе вторичной социализации пожилых людей одними из ведущих агентов становятся организации социального обслуживания и социальные работники.

Социализация пожилых людей является одним из сложных типов социализации взрослых. Сложности этой социализации состоят в том, что адаптация к старости обычно не приводит к росту и развитию.

В современном российском обществе распространён стереотип старшего поколения как не способного в полную силу участвовать в трудовой деятельности, активно вступать в общественные отношения с другими социальными слоями общества и его социальными институтами и влиять на ход развития общественных процессов. Однако это далеко не так.

Социальные проблемы пожилых людей многими российскими авторами рассматриваются с точки зрения «активизирующего подхода» М. Вебера. Предлагаются варианты перехода от опекающих технологий социального обслуживания к активизирующим и стимулирующим. В качестве инновационных технологий активизации и социализации пожилых людей предлагаются: сети школ, клубов, кружков по интересам, группы взаимной поддержки, волонтерство, освоение новых компьютерных технологий с возможностью повышения квалификации и дистанционного обучения, максимально продолжительная трудовая занятость, что в комплексе позволяет повысить социальный статус пожилых людей [3] и обеспечить успешность социализации.

Новая модель старости предполагает, что в фокусе забот семьи, государства и общества находится уникальная индивидуальность пожилого человека как личности и ее более полное раскрытие [4, с. 656].

Эта позиция поддерживается и официальными документами, прежде всего, содержанием «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [7].

В качестве примера практического содействия социализации людей старшего поколения может служить городская программа «Мос-

ковское долголетие», которую в 2016 г. инициировали Общественная палата Москвы, Мосгордума, Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы. Программа посвящена улучшению качества жизни старшего поколения москвичей, стремящихся к активности и самореализации [8].

Столичный мегаполис, согласно официальной статистике, является демографически старым городом – в 2017 г. доля лиц старше трудоспособного возраста была в нем выше, чем в среднем по стране, и составляла 26,7%. Эта цифра неуклонно растет [5].

Для оценки возможностей успешной социализации пожилых, развития их социальной активности в условиях социального обслуживания в 2017 г. нами был проведен опрос 154 экспертов, чья деятельность связана с предоставлением социальных услуг пожилым москвичам.

Среди экспертов 96% – женщины, 4% – мужчины. Средний возраст – 43 года. Основную массу опрошенных составили социальные работники государственных территориальных центров социального обслуживания (ТЦСО) и пансионатов ветеранов труда г. Москвы – 85% (131 человек); заведующие отделениями социального обслуживания на дому ТЦСО – 10 человек. Также в число экспертов вошли директор ТЦСО, заместители директоров упомянутых организаций социального обслуживания, специалисты по социальной работе, администраторы, медицинский психолог, юрисконсульт, культуртрейдер, библиотекарь, преподаватели.

Опрошенные эксперты имеют достаточно высокое образование: у 5% экспертов – ученая степень, 68% имеют высшее образование. Среднюю профессиональную подготовку имеют 27% опрошенных.

Многие эксперты проработали в своей должности от 6 до 10 лет – 38%. Имеют профессиональный стаж от 1 года до 5 лет – 27%, работают в сфере социальной защиты от 11 до 15 лет – 14%, от 16 до 20 лет – 7%, более 20 лет – 8%, меньше 1 года – 6%.

С точки зрения экспертов, немаловажную роль в жизни пожилых людей и их социализации играют родственники, особенно дети. Большинство подчеркивают их моральную (82%) и материальную (45%) поддержку. Это подтверждается и другими исследованиями [например, 1, с. 77, 82].

Рис. 1. Востребованность пожилыми социальными услугами (можно было выбрать несколько вариантов, поэтому сумма ответов превышает 100%)

Рис. 2. Стремления пожилых получателей услуг (можно было выбрать несколько вариантов, поэтому сумма ответов превышает 100%)

Однако при этом обнаружилось, что каждый четвертый эксперт считает, что дети и другие родственники не хотят участвовать в решении жизненных проблем пожилых, а 3% ответили детям и родственникам роль «лишней обузы» для стареющего человека. Поэтому часто обязанности по уходу за престарелыми осуществляют не члены семьи и родственники, а социальные работники организаций социального обслуживания, которые в позднем возрастном периоде жизни тоже становятся одними из существенных агентов социализации пожилого человека.

Социализация пожилого получателя социальных услуг органично взаимосвязана с процессом предоставления ему этих услуг.

В результате исследования нами были выявлены наиболее востребованные социальные услуги, предоставляемые пожилым людям в соответствии с Федеральным законом РФ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [6] (см. рис. 1).

Как видно из рис. 1, самыми популярными для пожилых людей являются социально-бытовые услуги (89% ответов). Это вполне объяснимо, если учесть, что вопросы быта выходят в позднем возрасте на первый план.

Далее в ответах экспертов предпочтения в выборе пожилыми людьми социальных услуг распределились следующим образом: социально-медицинские – 74%, социально-психологи-

Рис.3. Предпочтения пожилыми получателями социальных услуг определенных видов деятельности (можно было выбрать несколько вариантов, поэтому сумма ответов превышает 100%)

Рис.4. Условия реализации жизненных планов пожилых (можно было выбрать несколько вариантов, поэтому сумма ответов превышает 100%)

ческие – 33%, срочные социальные услуги – 30%, социально-правовые – 23%, услуги в целях повышения коммуникативных возможностей для лиц с ограничениями жизнедеятельности – 21% и др. Предоставление этих услуг благоприятно сказывается на социализации лиц старшего поколения.

В рамках нашего исследования немаловажно было узнать установки пожилых людей, понять, какие задачи они ставят перед собой и социальными работниками, к чему стремятся (см. рис. 2)?

Судя по данному рис. 2, сохранить свое здоровье – главная задача, по мнению 90% экспертов. Это одно из существенных условий успешной социализации в позднем возрасте. Также

значимыми для социализации являются общение со сверстниками, друзьями как одно из стремлений пожилых людей (33%), укрепление семейно-родственных отношений (31%), освоение компьютерных технологий (17%), общение с молодежью (8%), изучение иностранных языков (5%).

Предпочтения пожилыми людьми определенных видов деятельности, как показал опрос, в основном лежат в плоскости участия в общественных мероприятиях, членства в организациях (см. рис. 3).

На рис. 3 показано, что, по мнению 55% экспертов, пожилые люди предпочитают культурно-познавательные, спортивные мероприятия. В пользу предпочитаемой деятельности

пожилых в составе общественных организаций высказался 41% эксперт. По мнению 36% экспертов, пожилые предпочитают обращаться с советами, жалобами в различные организации; 29% указывают, что пожилые активно участвуют в выборных кампаниях, в благотворительных акциях и субботниках – 1%. В качестве своего варианта ответа предложены варианты «хобби», «хождение в гости» – 3%.

Безусловно, все перечисленные варианты в той или иной мере благоприятны для успешной социализации пожилых людей.

Какие же условия необходимы для успешной реализации жизненных планов пожилых людей (см. рис. 4)?

Как видно из рис. 4, эксперты главным условием такой реализации считают поддержку со стороны организаций социального обслуживания (43%). Собственные усилия пожилых оцениваются скромнее (34%); 22% отметили желания и возможности окружающих (родственников, друзей, соседей и т.д.). Ведущую роль обстоятельств выделили 11%. В качестве другого варианта как условие достижения планов был назван также материальный достаток – 1%

В социализации пожилых людей огромную роль играет активное, содержательно насыщенное проведение досуга. Однако возможности пожилых людей порой весьма ограничены.

Какие причины обуславливают невозможность выбора активных форм проведения досуга пожилыми людьми, не позволяя им в полной мере использовать свободное время для социализации?

Причины отказа пожилых получателей услуг от активных форм проведения досуга, на взгляд экспертов, – это отсутствие желания (62%), отсутствие в шаговой доступности мест для такого проведения досуга (35%), неудовлетворительное состояние здоровья (16%), высокая стоимость занятий (14%). Поэтому неслучайно в упомянутой ранее программе «Московское долголетие» значительное внимание уделяется мотивации пожилых граждан на позитивную активность, доступности досуговых мероприятий для пожилых людей как с территориальной и финансовой точек зрения, так и с учетом их состояния здоровья.

Пожилую человеку для успешной социализации необходимо «быть в движении». Исходя из ответов экспертов, желание сохранить

здоровье (64%) наибольшим образом мотивирует пожилых людей к активности, затем – тип характера (48%). Сила привычки, дети, родственники, друзья, сверстники также способствуют выбору в пользу активного образа жизни. Об этом высказались по 24% экспертов по каждому пункту. 32% экспертов отметили активизирующую роль социального работника. Желание выглядеть молодой (-ым) подчеркнули 17% экспертов. Материальные трудности как «подстегивающий» к активности фактор были отмечены 8% экспертов. Кроме этого, как вариант, был ответ: «Отсутствие помощника рядом» – 1%.

Для содействия успешной социализации пожилых граждан важно понять, какие коммуникационные, информационные, оздоровительные и др. технологии и практики в работе с пожилыми людьми наиболее эффективны для стимулирования и поддержания их активности.

81% экспертов отмечает как эффективные различные культурно-развлекательные мероприятия, 47% высказались в пользу физкультурно-оздоровительных практик, 27% назвали информационно-коммуникативные технологии (особенно те, что применяются с помощью компьютера). Эффективность общественно значимых акций подчеркнули 25%, значение арт-терапии отметили 23% эксперта, роль трудотерапии – 13%.

Таким образом, согласно проведенному опросу, существенными условиями активного долголетия и успешной социализации получателей социальных услуг являются: удовлетворительное состояние здоровья, хорошие отношения с родными и близкими, поддержка со стороны организаций социального обслуживания.

Это соотносится с названными экспертами приоритетными ценностями пожилых получателей социальных услуг – здоровьем, семьей, покоем и отдыхом, а также материальным достатком, позволяющим реализовать в полной мере существующие потребности, в том числе и творческие [2].

Не все получатели социальных услуг по состоянию здоровья и иным причинам могут выбрать активные формы проведения досуга. Однако, по мере возможности, реализуют свой личностный потенциал, принимая участие в культурно-познавательных, оздоровительных ме-

роприятиях, выборных кампаниях, работе общественных, ветеранских организаций.

Осуществление жизненных планов людей этой возрастной категории зависит от поддержки со стороны организаций социального обслуживания и приложения собственных усилий. Это позволяет сделать вывод о некоторой неуверенности пожилых в возможности самостоятельного решения проблем. Социально-медицинские и бытовые трудности, недостаток тепла и заботы со стороны родственников делают пожилых людей зависимыми от поддержки организаций социального обслуживания, квалификация сотрудников которых, соответственно, должна повышаться с учетом потребностей пожилых и задач их социализации [10, р. 68]. Пожилые получатели услуг нуждаются, прежде всего, в социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-правовых услугах, а также помощи в целях повышения коммуникативных возможностей, способствующих их активному и здоровому долголетию, успешной социализации.

Литература

1. Вдовина М. В. Межпоколенческие семейно-родственные связи пожилых людей // *Пожилые в современном мире: институты и дискурсы: Монография / Под ред. Е. И. Холостовой, И. В. Мкртумовой*. М.: ГАУ ИДПО ДТЭСЗН, 2015. С. 77-96.
2. Кононова Л. И. Теория и методология творчества в социальной работе. М.: Изд-во СГУ, 2011. 276 с.
3. Куприянова Т. С. Активизирующие технологии социального обслуживания пожилых людей: Автореф. дис...канд. социол. наук. СПб., 2012. URL: <http://www.dissers.ru/1sotsiologiya/aktiviziruyuschie-tehnologii-socialnogo-obsluzhivaniya-pozhilih-lyudey-specialnost-22-00-04-socialnaya-struktura-socialnie-instituti.php> (дата обращения: 29.04.2018).
4. Холостова Е. И. Социальная работа: история, теория и практика. М.: Юрайт, 2016. 905 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения 30.04.2018).
6. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/517850/#ixzz3RKxfiAWk> (дата обращения 10.04.2018).
7. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 5.02.2016 № 164-р. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/government/173> (дата обращения 30.04.2018).
8. Государственная программа «Московское долголетие». URL: <https://www.mos.ru/city/projects/dolgoletie/> (дата обращения 10.04.2018).
9. Randal J., German T. The aging and development report: poverty, independence and the world's people. London, 1999.
10. Vdovina M. V. Training courses for social workers serving elderly people at home // *The Unity of Science: International Scientific Periodical Journal*. 2016. № 1. P. 68-70.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Роль социального участия в концепции эффективного управления

Богучарский А. А.

В современных условиях концепция эффективного управления занимает важное место в дискуссиях, как в области социологических наук, так и в области государственного управления. Положения концепции часто упоминаются, однако их употребление и трактовка происходят в рамках очень широкого перечня различных интерпретаций и значений. В рамках данной концепции значительную роль играет социальное участие, которое предполагает изучение гражданами общественных потребностей и их участие в решении вопросов местного значения. Для реализации социального участия граждан, необходимо обеспечить прозрачный доступ к информации, которой располагают органы государственной власти, а так же включение гражданского населения в процесс выработки решений по общественно значимым вопросам. В данной статье производится анализ концепции эффективного управления и ее основных положений.

Ключевые слова: социализация, государственное управление, гражданское общество, демократические ценности, эффективное управление, социальное участие.

Bogucharsky A. A.

The role of social participation in the concept of effective management
In modern conditions, the concept of effective management occupies an important place in discussions, both in the field of sociological sciences and in the field of public administration. The concepts are often mentioned, but their use and interpretation occur within a very wide range of different interpretations and meanings. Within the framework of this concept, a significant role is played by social participation, which involves studying citizens' social needs and their participation in addressing issues of local importance. To ensure the social participation of citizens, it is necessary to ensure transparent access to information that is available to public authorities, as well as the inclusion of civilians in the process of making decisions on socially significant issues. This article analyzes the concept of effective management and its main provisions.

Key words: socialization, public administration, civil society, democratic values, effective governance, social participation.

Постоянный процесс развития общества, включающий в себя создание и развитие информационного общества, глобализацию, европеизацию и урбанизацию оказал существенное влияние на прежнюю модель управления и определил ее неспособность оперативно отвечать на вновь появляющиеся вызовы. Это выявило необходимость в появлении новой концепции государственного управления, предполагающую более прозрачные и открытые механизмы администрирования. Все это дало возможность для становления и развития социального участия, которое в рамках общей интерпретации понимается как способ взаимодействия между социальными группами и институтами в вопросах принятия социально значимых решений и их реализации. В значительной степени это касается непосредственного участия граждан в принятии политических решений и широко охватывает различные формы участия граждан и других субъектов гражданского общества в решении задач государственного управления.

Участие граждан является одним из основных принципов эффективного управления, изложенных в европейском законодательстве, в том числе в «White Paper on European Governance». Органы государственной власти целенаправленно выстраивают отношения с представителями общества, исключенными из политической жизни государства, повышая, тем самым, доступ к государственным ресурсам и услугам. Таким образом, для реализации соци-

ального участия необходимо наличие развитого гражданского общества, которое является интегральной частью современной демократии.

Современные демократические страны создают все необходимые условия для роста политической грамотности и гражданской активности. Граждане, как представители гражданского общества, принимают участие в выработке управленческих решений и участвуют в процессе реализации государственной власти. Эффективно функционирующее гражданское общество является посредником в выражении интересов между представителями государства и общества. Другими словами, социальное участие является неотъемлемой частью гражданского общества.

Концепция эффективного управления как основа современного управления

Государственное управление, в широком смысле, предполагает эффективное и ответственное функционирование институтов, наделенных обществом легитимной властью. Оно предполагает способность общества создать систему представителей, посредников и институтов государственной власти, деятельность которых направлена на достижение общественно важных политических и управленческих задач. Кроме того, управление относится к способу социальной координации и организации общественного строя¹. По словам Jan Koopman управление - это модель поведения или структура, которая возникает в социально-политической системе как общий результат или следствие вовлечения всех ее активных участников². А основным смыслом управленческого подхода является привнесение социальных изменений и формирование социального общественного порядка³.

Непосредственно концепция эффективного управления предполагает, что крайне важно придерживаться демократических ценностей и стандартов, которые выступают в качестве гарантов социального порядка, особенно в достижении таких универсальных стандартов, как профессионализм, политический нейтралитет, честность и избежание конфликта интересов. Ей присущи такие элементы как участие, построение консенсуса, стратегическое видение развития, реакция на потребности, эффективность и результативность, ответственность, прозрачность и верховенство права⁴. Как следствие, концепция эффективного управления включает

в себя демократичное управление, эффективную работу органов государственной власти, достойный уровень оказания государственных услуг и способность адаптироваться к новым общественным потребностям.

Практическая интерпретация данной концепции предполагает изучение принципов прозрачности, персональной ответственности, высоких этических стандартов, соблюдения принципов права, ответственности, открытости и единения с гражданами. Внедрение принципов эффективного управления является необходимым условием с точки зрения развития государственного потенциала в области создания благоприятных условий для развития гражданского общества и предпринимательства, снижения уровня безработицы, стимулирования инновационной и конкурентной среды в различных секторах экономики. Таким образом, концепция эффективного управления может выступать в качестве основы для создания условий, необходимых для стимулирования инновационной деятельности.

Принципы эффективного управления направляют желаемые направления для изменений в области процесса принятия управленческих решений, определяет сферы, требующие реформирования и формирует перечень инструментов для их реализации. Эффективное управление опирается на инструменты управления, которые используются саморегулирующимся гражданским обществом и находятся под контролем органов государственной власти во всех сферах общественной жизни.

В рамках концепции эффективного управления Всемирным банком был разработан подход, согласно которому эта концепция может также рассматриваться как программа модернизации механизмов государственного управления. Данный концепт направлен на улучшение качества управления в государственных учреждениях и укрепление административного потенциала.

Таким образом, определение эффективного управления может быть сформулировано исходя из следующих характеристик: прозрачная политика экономического развития, профессиональное администрирование, рост общественного благосостояния, верховенство права, прозрачность и сильное гражданское общество.

Социальное участие в концепции эффективного управления

Термин социальное участие является наиболее краткой формой, которая может использоваться для описания процесса участия граждан в управлении взаимоотношениями сообщества, членами которого они являются. Социальное участие в наиболее общем смысле может быть определено как процесс, в котором представители сообщества приобретают влияние и, опосредованно, контроль над решениями органов власти в том случае, если данные решения прямо или косвенно затрагивают их собственные интересы.

Граждане, которые имеют влияние на формирование законодательства на ранней стадии формулирования его положений, гораздо чаще задействованы в его реализации. Такое партнерство следует рассматривать как участие представителей общества в процессах управления, которые служат основой для укрепления потенциала институтов, создание механизмов кооперации и управленческих компетенций в области сотрудничества с представителями общества, а также стимуляцию взаимодействия социальных акторов, как внутри социальной общности, так и с органами государственной власти. Социальное участие формирует гражданское общество и стимулирует активное участие граждан в общественной жизни, развивая при этом демократические институты посредством влияния и давления на лиц, принимающих управленческие решения⁵. В случае роста уровня вовлеченности граждан в принятии решений по общественно значимым вопросам, процесс перехода к эффективному управлению можно сделать на более качественном уровне.

Исходя из той роли, которую занимает социальное участие в концепции эффективного управления, стоит обратить внимание на определение Martin Potucek, в котором он определяет эффективное управление как систему ценностей, правил и институтов, посредством которых общество управляет своими экономическими, политическими и социальными отношениями посредством взаимодействий в рамках государства, гражданского общества и частного сектора. И функционирует оно на всех уровнях человеческого бытия⁶.

Güran Nuydin, отмечает, что управление относится к формированию и разумному руко-

водству формальными и неформальными правилами, регулирующими общественную сферу - арену, на которой государство, а также экономические и общественные субъекты взаимодействуют для принятия решений⁷. Вовлечение граждан в процесс принятия решений снижает уровень влияния органов государственной власти, которые более не являются единственным игроком, регулирующим сферу общественных отношений. Следовательно государство уже не воспринимается как поставщик услуг населению, а скорее как средство обеспечения существования различных акторов, занимающихся процессом выработки решений⁸.

Необходимые условия реализации социального участия

Как было описано выше, социальное участие является неотъемлемой частью гражданского общества и способствует развитию эффективного управления. Другими словами, без социального участия, не может должным образом развиваться гражданское общество, и как следствие, не может быть внедрена концепция эффективного управления.

Следует обратить внимание на условия, необходимые для существования гражданского общества и стимулирования социального участия. Анализ гражданского общества позволяет выделить несколько его ключевых характеристик: 1) существование без государства и рыночных отношений; 2) плюрализм; 3) участие активных граждан с общими потребностями; 4) интересы и ценности; 5) кооперация и совместные усилия; 6) развитие через внутренние, автономные процессы, которые сложно контролировать извне⁹.

Также следует учитывать различные роли институтов гражданского общества, такие как: а) анализ политических процессов и защита интересов; б) регулирование и мониторинг деятельности государства, а также действий и поведения государственных служащих; в) развитие социального капитала и предоставление гражданам возможности определять и формулировать свои ценности, убеждения, гражданские нормы и демократические практики. С этой точки зрения, гражданское общество выполняет соответствующие функции с упором на прозрачность, эффективность, открытость, динамичность, подотчетность и выступает в каче-

стве противовеса органам государственной власти.

По мнению автора, из всей деятельности гражданского общества, наиболее значимым элементом для стимулирования социального участия, а также по степени влияния на развитие процесса эффективного управления, является развитие социального капитала. Существует несколько подходов к определению социального капитала. В широком смысле, социальный капитал - это способность людей сотрудничать, общаться и взаимодействовать¹⁰. Portes, в свою очередь, отметил, что социальный капитал определяется как «способность людей извлекать выгоду из членства в социальных сетях или других социальных структурах»¹¹. Coleman обращает внимание на то, что социальный капитал является «особенным видом ресурса, который встроен в структуру взаимоотношений»¹². По мнению Krzumińska, суть социального капитала - это создание «общественного блага» и его основная функция <...> заключается в уменьшении неопределенности в социальной и экономической жизни ...»¹³.

Структуры и взаимосвязи, которые образуются в рамках развития социального капитала, являются определяющим фактором, поскольку они предоставляют доступ к ресурсам, аккумулируемым в сети и стимулируют социальный прогресс. Однако, имеют место дискуссии, относительно того, следует ли доверять другим участникам сообщества. Эффективный обмен информацией, который предполагает доступ к ресурсам, не будет возможен без доверия. Доверие стимулирует кооперацию. Чем выше уровень доверия в сообществе, тем выше возможность этой кооперации. Данное утверждение справедливо и по отношению к концепции эффективного управления.

Постоянное аккумулирование социального капитала является эссенциальной частью положительной обратной связи в гражданском обществе и экономике. Таким образом, следует сделать вывод о необходимости сфокусироваться на способах построения структур (сетей), основанных на доверии и создании прецедента, который изменит поведенческие модели сообщества, включая отношения между акторами.

Заключение

Концепция эффективного управления открывает горизонты для новых научных исследова-

ний. Она предоставляет широкое поле для дискуссий, позволяет обсуждать роль государства в решении общественных вопросов и тот вклад, который способен сделать каждый участник. Кроме того, она раскрывает потенциал и возможность социальных групп оказывать большее влияние на решение общественных проблем.

Концепция эффективного управления нуждается в хорошо развитом гражданском обществе и высоком уровне социального участия, которое невозможно без развития социального капитала.

Литература

1. Mainz R. New Challenges In Governance Theory, European University Institute. Jean Monnet Chair Paper RSC 1998. P. 67.
2. Kooiman J., Modern Governance: New Government Society Interactions, London 1993. 288 p.
3. Wiktorska-Smwie?cka A. Governance jako nowy paradygmat sterowania rozwojem w procesach integracji europejskiej. Repozytorium Uniwersytetu Wrociańskiego. 2014. Pp. 147-178.
4. Governance and Sustainable Development, UNDP 1997. Available at: <ftp://pogar.org/LocalUser/pogarp/other/undp/governance/reconceptualizing.pdf> (accessed: 25.04.2018)
5. Putman R.D. Bowling Alone: e Collapse and Revival of American Community, Simon and Schuster Paperbacks, 2000. pp. 48–65.
6. Potucek M. Strategic Governance in Central and Eastern Europe: From Concepts to Reality. Proceedings of the 14th NISPACE Annual Conference 2006. P. 1-10. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/nispacee/unpan024312.pdf> (accessed: 25.04.2018)
7. Hyden G., Court J., Mease K., Making Sense of Governance, Lynne Rienner Publishers Inc., Colorado 2004. 265 p.
8. Cavaye J. Governance and Community Engagement: The Australian Experience. Participatory Governance: Planning, Conflict Mediation and Public Decision— Making in Civil Society, Ashgate, 2005. Pp. 85-102.
9. Ghaus Pasha A., Role of civil society organizations in governance, 6th Global Forum on Reinventing Government Towards Participatory and Transparent Governance 24–27 May 2005, Seoul

2005. 35 p. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan019594.pdf> (accessed: 25.04.2018)

10. Woolcock, M., Narayan, D. Social capital: Implications for development of theory, research and policy. *World Bank Research Observer*, 15, 2000. Pp. 225–250.

11. Portes, A., Landolt, P. Social capital: Promise and pitfalls of its role in development. *Journal of Latin American Studies*, 32, 2000. Pp. 529–547.

12. Coleman, J. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 1988. Pp. 95–120.

13. Krzymieniewska, G. Znaczenie zaufania w tworzeniu kapitału społecznego. *Ekonomiczny i społeczny wymiar zjawiska. Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny*, 2, 2003. Pp. 221–232.

Ссылки:

¹ Maynz R. *New Challenges In Governance Theory*, European University Institute. Jean Monnet Chair Paper RSC 1998. P. 67.

² Kooiman J., *Modern Governance: New Government Society Interactions*, London 1993. 288 p.

³ Wiktorska-Smwie?cka A. *Governance jako nowy paradygmat sterowania rozwojem w procesach integracji europejskiej*. Repozytorium Uniwersytetu Wrocławskiego. 2014. Pp. 147–178.

⁴ *Governance and Sustainable Development*, UNDP 1997. Available at: <ftp://pogar.org/LocalUser/pogar/other/undp/governance/reconceptualizing.pdf> (accessed: 25.04.2018)

⁵ Putman R.D. *Bowling Alone: e Collapse and Revival of American Community*, Simon and Schuster Paperbacks, 2000. pp. 48–65.

⁶ Potucek M. *Strategic Governance in Central and Eastern Europe: From Concepts to Reality*. Proceedings of the 14th NISPAcee Annual Conference 2006. P. 1–10. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/nispacee/unpan024312.pdf> (accessed: 25.04.2018)

⁷ Hyden G., Court J., Mease K., *Making Sence of Governance*, Lynne Rienier Publishers Inc., Colorado 2004. 265 p.

⁸ Cavaye J. *Governance and Community Engagement: The Australian Experience*. *Participatory Governance: Planning, Conflict Mediation and Public Decision– Making in Civil Society*, Ashgate, 2005. Pp. 85–102.

⁹ Ghaus Pasha A., *Role of civil society organizations in governance*, 6th Global Forum on Reinventing Government Towards Participatory and Transparent Governance 24–27 May 2005, Seoul 2005. 35 p. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan019594.pdf> (accessed: 25.04.2018)

¹⁰ Woolcock, M., Narayan, D. Social capital: Implications for development of theory, research and policy. *World Bank Research Observer*, 15, 2000. Pp. 225–250.

¹¹ Portes, A., Landolt, P. Social capital: Promise and pitfalls of its role in development. *Journal of Latin American Studies*, 32, 2000. Pp. 529–547.

¹² Coleman, J. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 1988. Pp. 95–120.

¹³ Krzymieniewska, G. Znaczenie zaufania w tworzeniu kapitału społecznego. *Ekonomiczny i społeczny wymiar zjawiska. Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny*, 2, 2003. Pp. 221–232.

Служебное поведение государственных служащих как составная часть социального эффекта государственного управления

Деревякина К.С.

В настоящее время немалое внимание уделяется эффективности деятельности органов власти и способам ее оценки. Разработана не одна методика и система показателей оценки качественной работы органов власти. Социальный эффект государственной политики предполагает качественный положительный результат деятельности органов власти для населения. В рамках этого, представляется также необходимым учитывать роль государственных служащих в реализации государственной политики, а именно – служебное поведение государственных служащих как одного из показателей эффективности деятельности органов власти, ведь именно государственные служащие ведут прямой диалог с гражданами, и «доносят» результаты деятельности властей до населения страны. А, следовательно, профессионализм государственных служащих является одной из составляющих частей социального эффекта государственного управления. В данной статье автором предлагается рассмотреть некоторые аспекты служебного поведения государственных служащих и его роль в оценке деятельности органов власти.

Ключевые слова: эффективность деятельности органов власти, государственное управление, социальный эффект, государственная служба, этические требования, этика, служебное поведение государственных служащих.

Derevyakina K.S.

Service behavior of civil servants as an integral part of the social effect of public administration

At present, considerable attention is paid to the effectiveness of the activities of public administration and the methods of evaluation this effectiveness. Not one methodology and a system of indicators for quality work of public administration evaluation have been developed. The social effect of government policy presupposes a qualitative positive result of the public administration activities for the inhabitants. As part of this, it is also necessary to consider the role of civil servants in the implementation of state policy, namely, the service behavior of civil servants as one of the indicators of the effectiveness of public administration, because it is public servants who conduct direct dialogue with citizens and «report» of the country's inhabitants. And, consequently, the professionalism of civil servants is one of the constituent parts of the social effect of public administration. In this article, the author proposes to consider some aspects of the official behavior of civil servants and its role in assessing the activities of public administration.

Keywords: public administration effectiveness, public administration, social effect, public service, ethical requirements, ethics, service behavior of civil servants.

Эффективная деятельность органов государственной власти является важным аспектом современного государственного управления. На сегодняшний день данной тематике уделяется активное внимание как со стороны гражданского общества, так и со стороны самих представителей власти. Уже разработаны и внедрены инструменты для оценки эффективности государственного управления. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации¹ в 2012 году Правительством Российской Федерации была утверждена методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации², в том числе - перечень индивидуальных показателей для оценки эффективности их деятельности в сферах экономики, государственного и муниципального управления, здравоохранения, образования и жилищного строительства.

Неотъемлемой частью эффективности реализуемой политики является социальный эффект государственного управления. Данное понятие имеет недостаточную научную разработанность на сегодняшний день, но, тем не менее, деятельность органов власти зачастую предусматривает наличие такого эффекта, хоть и косвенно. Так, пример реализации приоритетных проектов и программ по основным направлениям стратегического развития Российской Федерации показывает, что мониторинг хода реализации некоторых проектов предполагает также учет общественного мнения и включение граждан еще на этапе «внедрения в жизнь» некоторых проектов и программ. А ведь именно мнение населения о проводимой государством работе, о ее качестве и эффективности непосредственно для самого общества выступает обратной связью и определяет степень достижения целевых ориентиров, поставленных приоритетными направлениями стратегического развития Российской Федерации.

На сегодняшний день существует необходимость выделить некоторые показатели эффективности, которые позволят проанализировать и оценить качество государственного управления, его соответствие потребностям и интересам общества, сравнить фактическую деятельность органов власти с требуемой или желательной, что позволит повысить качество государственного управления в России, эффективность работы органов власти и доверие к ним гражданского населения.

Одним из таких показателей несомненно является государственная служба, точнее ее качество. Именно государственная служба, как центральное звено системы государственного управления, обеспечивает реализацию политики государства во всех сферах и является связующим элементом между чиновниками, ответственными за осуществление политической деятельности, и населением. Следовательно, эффективность диалога между властью и обществом напрямую зависит от профессионализма государственных служащих, от их способности качественно «проводить» данный диалог.

Публичность деятельности государственных служащих привлекает внимание не только к их профессиональным, но и к личностным качествам [3], что, в свою очередь, требует от государственных и муниципальных служащих особой модели поведения. Помимо высоких профессиональных навыков, к служащим также предъявляются требования по выполнению некоторых этических и моральных норм.

Во все времена правила этики служили для установления благоприятных взаимоотношений, являлись обязательным условием культуры общения. Основное назначение этических требований в деятельности чиновничества — признание значимости человека и утверждение взаимоуважения и поддержки. Нравственным долгом и профессиональной обязанностью государственных и муниципальных служащих является готовность и желание к постоянному совершенствованию, к росту и развитию своих профессиональных навыков, компетенций и своей квалификации [4].

В первую очередь этика представителей органов власти должна включать в себя профессиональную этику, в которой рассматривается «поведение человека, деятельность которой связана со сферой управления и взаимо-

действия с внешней средой в аспекте соотношения этой деятельности с общечеловеческими этическими требованиями» [5].

Этические требования, предъявляемые к государственным и муниципальным служащим, можно разделить на четыре группы: 1) Первая группа требований связана с наличием у чиновников властных и распорядительных полномочий — предусматривает переход в этику управления (компетентность, проявление лидерских качеств, решительность и т. д.). 2) Вторая группа включает в себя показатели исполнительской дисциплины, а именно: дисциплинированность, аккуратность, старательность, пунктуальность, педантичность и законопослушность. 3) В процессе трудовой деятельности чиновников происходит большое количество различных коммуникаций. Служащему должны быть присущи такие качества, как готовность к любому роду коммуникаций, корректное отношение к чужому мнению, тактичность, умение четко, грамотно и доступно излагать свои мысли. 4) В четвертую группу входят «качества, объясняемые «эффектом аквариума». К государственному и муниципальному служащему всегда приковано внимание общественности не только на их профессиональную деятельность, но и на личную жизнь. Из этого следует, что служба — это не только профессия, но и образ жизни. Самообладание, аскетизм, рассудительность, ощущение ответственности за совершенные поступки — качества чиновника, необходимые для формирования общественного мнения» [6].

Духовная культура государственного и муниципального служащего в первую очередь проявляется через отношение к людям, которым он служит и с которыми работает. На данном этапе существует ряд проблем, мешающих установлению и совершенствованию этических норм у представителей органов власти. Такие явления как недобросовестное выполнение своих должностных полномочий, незнание и несоблюдение этических кодексов, непрофессиональное образование, нежелание к росту и развитию некоторых служащих ведут к негативному и нежелательному общественному мнению о деятельности государственных служащих. Данную ситуацию необходимо искоренить, ведь именно соблюдение этических требований необходимо для достойного выполнения служащими своих должностных обязанностей, что

играет колоссальную роль в содействии укреплению авторитета представителей органов власти, повышению доверия граждан, формированию позитивного имиджа у населения, а также установлению и поддержанию в коллективе деловых взаимоотношений, что, в совокупности, и является показателем эффективности деятельности органов власти.

«Служебное поведение государственных служащих – совокупность поступков и действий должностного лица или группы лиц, осуществляемых в пределах, установленных законом полномочий, в процессе взаимодействия между собой и с внешней средой по поводу выполнения ими своих должностных обязанностей» [7]. Поскольку под внешней средой понимаются общество, граждане, работники других организаций, природа и т.д., с которыми взаимодействует государственный служащий, осуществляя свои профессиональные функции, понятие «служебное поведение» представляется более широким, чем организационное и деловое поведение.

Широкий социальный смысл понятия «служебное поведение» раскрывает ст. 18 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Установленные указанной статьёй требования к служебному поведению гражданских служащих определяют не только корпоративное поведение должностных лиц в профессиональной среде, но и их отношение к своему служебному долгу, предписывая добросовестное исполнение должностных обязанностей на высоком профессиональном уровне, соблюдение установленных Законом ограничений и предостерегая от совершения поступков, порочащих честь и достоинство гражданского служащего, и возникновения конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа. Прежде всего ст. 18 данного Закона устанавливает характер взаимоотношений государственных служащих с гражданами, так как смысл и содержание их профессиональной деятельности состоит в признании, соблюдении и защите прав и свобод граждан. Исходя из этого ведущего принципа государственный служащий согласно Закону обязан проявлять корректность в обращении с гражданами, уважение к нравственным обычаям и традициям народов Российской Фе-

дерации, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию, соблюдать нейтральность, исключая возможность влияния на его профессиональную деятельность решений политических партий, других общественных объединений и иных организаций [8].

Подводя итог, служебное поведение государственных служащих является неотъемлемой частью эффективного государственного управления. Взаимодействие с населением предусматривает всестороннюю ответственность государственного служащего за его поведение: как в профессиональном, так и в личном плане. От профессионализма государственного служащего зависит не только эффективная реализация государственной политики и возможность оказания качественной помощи в решении проблем населению страны, но и имидж органов государственной власти. Ведь именно мнение граждан о деятельности органов власти и является одним из важнейших показателей ее эффективности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. N 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. N 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. N 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»
3. Дедешко Д.С., Ковалева Н.Н. «Этические требования к государственному и муниципальному служащему». Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества» под редакцией А.А. Ващенко (Волгоград, 01–31 октября 2016 г.)
4. Бутова Т. В., Кривцова М. К., Цихоцкий Ф. Н. Этическое регулирование на государственной службе: основные требования и особенности / Т. В. Бутова, М. К. Кривцова, Ф. Н. Цихоцкий // Актуальные вопросы административных наук. – 2014. – № 38. – С. 36–40.

5. Салахова Л. Р. Этика и культура управления: Учебное пособие для студентов экономического факультета [Электронный ресурс] / Л. Р. Салахова // Электронная библиотека Института социальных и гуманитарных знаний. – Режим доступа: <http://lib-isgz.ru/gsd/> (дата обращения: 18.04.2016).

6. Денисов С. Юридическая основа интолерантного отношения государственных служащих к гражданам [Электронный ресурс] / С. Денисов // Толерантность – гармония в многообразии [веб-сайт]. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/Jur-osnova-intoler.php?PrPage=Pravo>

7. Шувалова Н.Н. Этика деловых отношений: Учебно- практическое пособие. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 252.

8. Омельченко Н.Л. Этика государственной и муниципальной службы: учебник для бакалавров. М.:Юрайт. 2014 г.

Ссылки:

1 Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. N 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

2 Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. N 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. N 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

Теоретико-методологические подходы к исследованию развития профессионализма муниципальных служащих как фактора социальной эффективности системы местного самоуправления

Забнева Э.И.

В статье представлен анализ теоретико-методологических подходов к исследованию проблемы развития профессионализма муниципальных служащих как фактора социальной эффективности системы местного самоуправления. Обоснована своевременность и необходимость комплексного подхода, при котором развитие профессионализма выступает как многостороннее и интегративное явление, обусловленное трансформациями российского общества. Выделены современные условия, определяющие развитие профессионализма муниципальных служащих.

Ключевые слова: муниципальные служащие, профессионализм, социологическая концепция

Zabneva E.I.

Theoretical and methodological approaches to the study of the development of professionalism of municipal employees as a factor of social efficiency of the local government system

The article presents an analysis of theoretical and methodological approaches to the study of the problem of development of professionalism of municipal employees as a factor of social efficiency of the local government system. The timeliness and the need for an integrated approach, in which the development of professionalism acts as a multilateral and integrative phenomenon, due to the transformation of Russian society, is substantiated. Dedicated to the modern conditions that determine the development of professionalism of municipal employees.

Key words: municipal employees, professionalism, sociological concept

Тенденции преобразования российского общества, переживающего трансформацию и модификацию всех его сфер, в том числе и системы местного самоуправления, определяют необходимость развития профессионализма муниципальных служащих.

Во-первых, муниципальная служба является одним из основополагающих элементов системы местного самоуправления, обеспечивающих функционирование муниципального образования и развитие его человеческого потенциала, исходя из заданного критерия качества.

Во-вторых, - это социальная необходимость, обусловленная требованием к устранению разрыва между целями модернизации российского общества и целями системы местного самоуправления, который сформировался в результате рассогласования темпов социокультурной и социально-экономической трансформации общества и реформированием системы местного самоуправления.

В-третьих, с учетом реальных потребностей современного российского общества, профессиональное развитие муниципальных служащих отражает логику нового законодательства в системе местного самоуправления. В ее основе усиление социальной составляющей системы.

И наконец, следует отметить, что в ситуации быстрых социальных изменений имеет место трансформация профессионального опыта. В изменяющемся и по-новому структурирующемся обществе на первый план, наряду с родственными, выходят профессиональные группы. Общество начинает делиться не на соци-

альные классы, а на статусы, что требует изучения механизмов развития профессионализма отдельных профессиональных групп. Тем более тех, которые оказывают существенное влияние на функционирование общества.

Научный взгляд на развитие профессионализма муниципальных служащих как фактора социальной эффективности системы местного самоуправления в настоящий момент еще формируется. Муниципальная служба для российской действительности еще достаточно новая по своей природе и характеру функционирования профессиональная деятельность, поэтому ряд ключевых моментов профессионализма, а в частности, идеальная типовая модель муниципального служащего новой формации, как профессионала, требования, которые предъявляются обществом к данному профессиональному сообществу, не определены.

На наш взгляд, исходной методологической базой его формирования должна стать интеграция социологических концепций, обеспечивающая комплексное понимание предмета исследования.

Прежде всего, это научные идеи концепции детерминизма о профессионализме и профессиональной деятельности, обусловленной общественным разделением труда и выделением различных профессиональных групп [6; 9].

Исторически сложившиеся формы общественного разделения труда обусловили социальную потребность в специалистах, способных выполнять определенные, отличные от других виды профессиональной деятельности. Разделение труда, как объяснял Адам Смит, порождает благосостояние, поскольку позволяет выгодно экономить время на переходе от одного вида работы к другому, обменивая продукты труда разных людей между собой: «Эта склонность к обмену не только создает различие способностей, столь заметное у людей различных профессий, она также делает его полезным». [12, с. 79].

Развитие профессионализма в рамках данной концепции выступает, как упорядоченное и закономерное, необратимое и направленное изменение объекта, обусловленное возникновением новых тенденций. С одной стороны, мы говорим о решающей роли профессиональной деятельности человека в процессе развития социума, с другой — о влиянии необратимого про-

цесса эволюции на развитие «качественно нового» профессионала. Речь идет о том, что объективные законы исторического развития не только действуют как тенденции, а также реализуются вследствие активной деятельности людей, их профессиональных групп, которые способны творить историю и делают это.

Социологическая концепция модернизации в исследовании проблемы развития профессионализма муниципальных служащих позволяет рассматривать формирование определённого типа сознания специалистов органов местного самоуправления, соответствующего требованиям современной действительности. Без формирования нового типа личности, являющейся продуктом, прежде всего, социокультурной модернизации, никакие модернизационные инициативы в сфере муниципального управления не могут быть эффективными. Однако стоит учесть при этом высказанную М. Вебером идею о рационализации [5]. Рациональность развития профессионализма муниципальных служащих обусловлена целью их эффективного влияния на решение социальных проблем общества, а также на интенсификацию социальных изменений. Поэтому при развитии нельзя не учитывать значимость уже сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества. Традиционные культурные ценности и нормы, специфические особенности сознания людей признаются на этапе модернизации важным фактором развития, хранителем форм поведения, обеспечивающим его стабильность и непрерывность. Как показал в своей работе С. Эйзенштадт [15], именно слишком поспешный и решительный отказ от традиционных ценностей, норм и институтов при сопутствующем формировании новых приводит к срывам модернизации и попятному движению.

Значимые методологические положения развития профессионализма муниципальных служащих как фактора социальной эффективности системы местного самоуправления заложены в социологии бюрократии [1; 3; 4]. Объектом социологического анализа в рамках данной концепции являются интересы профессиональной группы муниципальных служащих, участвующих в бюрократических отношениях. С одной стороны, вслед за М. Вебером [4] бюрократия рассматривается как некий идеальный образ, наиболее эффективный инструмент управления

социальными структурами и отдельными структурными единицами. С другой, как считают Р. Мертон и А. Гоулднер [10; 8], наиболее распространенной дисфункцией, порождаемой бюрократией, является перенос акцента с целей деятельности на ее средства, в результате чего жесткая иерархия, неукоснительное исполнение инструкций, строгая дисциплина превращаются в тормоз на пути эффективности.

Оценивая бюрократию, Р. Мертон подчеркивал, что постоянная ориентация на правила и формально разработанные руководства к действию приводит к тому, что нормативы становятся всеобщими и окончательными, а их соблюдение — основной задачей и результатом организационной деятельности, что обуславливает отказ представителей бюрократии от творческого, самостоятельного мышления и даже от компетенции [10]. Учитывая эту мысль, следует понимать, что в основе профессионального развития муниципальных служащих должна лежать идея о представительной (профессиональной), а не авторитарной (аппаратной) бюрократии [8]. Именно профессиональная бюрократия предполагает наличие у управляющих глубоких теоретических и практических знаний, высокий уровень специализации и компетентности. Для неё характерны такие достоинства, как возможность решения неординарных задач, требующих применения профессиональных знаний; высокая мотивация работников на достижение организационных и групповых целей.

Основные положения феноменологического подхода [2; 11], рассматривающего социальную реальность как нечто уникальное и неповторимое, также могут лечь в основу развития профессионализма муниципальных служащих. В рамках данного подхода человеческие существа, в нашем случае муниципальные служащие, рассматриваются как уникальные и способные оказывать влияние на окружающий мир, подчиняя его своей мотивации, соответственно изменяя обстоятельства. Это позволяет рассматривать способность и возможность муниципальных служащих на основе профессионального развития влиять на работу органов муниципального управления, на социальную эффективность системы местного самоуправления и общества в целом.

Еще одним подходом, позволяющим исследовать данную проблему, является деятельнос-

тный подход [7; 14]. Его основное положение состоит в том, что в своей повседневной жизни акторы сталкиваются с разного рода жизненными обстоятельствами, ограничивающими их жизнь, но благодаря тому, насколько они компетентны, они могут преодолевать те или иные обстоятельства, навязанные различными социальными силами. С точки зрения данного подхода, умение муниципального служащего преодолевать обстоятельства зависит, прежде всего, от личностного и профессионального развития. И наоборот, момент взаимодействия специалиста с социумом можно отнести к социальному механизму, который регулирует актуальность развития профессионализма.

Интересна в рамках данного исследования и интегральная теория человеческой личности П. Сорокина. Согласно данной теории, социокультурные характеристики личности не наследуются биологически, а приобретаются в процессе взаимодействия с людьми, среди которых он рождается, воспитывается, получает образование. Огромное влияние на личность оказывает его профессиональное окружение. «Профессиональное бытие человека определяет его сознание, каждый человек штампуется его профессией, которая влияет не только на внешность и повадки, но и на мировоззрение человека и его способности социального взаимодействия, его социальный Habitus» [13, с. 347]. Именно поэтому так важно определить содержание и принципы развития профессионализма муниципальных служащих, обеспечивающие эффективность их социальной деятельности.

Таким образом, анализ значимых для данного исследования идей показывает, что развитие профессионализма муниципальных служащих как фактора социальной эффективности системы местного самоуправления — это, прежде всего, многостороннее и интегративное явление. Развитие профессионализма муниципальных служащих, где «развитие» перестало носить ситуационный характер, становится системным явлением, обусловленным трансформациями российского общества.

Такое видение требует комплексного подхода, при котором важными являются те конкретные составляющие, которые характеризуют собой многообразные условия, определяющие развитие профессионализма муниципальных служащих:

- соответствие и согласованность развития профессионализма муниципальных служащих с общей перспективой развития общественно-экономической системы;

- роль и место развития профессионализма муниципальных служащих в существующей общественно-экономической системе;

- связь развития профессионализма муниципальных служащих с органами муниципального управления, его спецификой и масштабом;

- связь развития профессионализма муниципальных служащих с регионом, определенными территориально-экономическими условиями, их взаимная зависимость и обусловленность;

- развитие профессионализма муниципальных служащих как социальное явление и время, в которое оно происходит, т.е. конкретные условия (сложившиеся нормы, ценностные ориентации, мнения, традиции и т.п.);

- социальный субъект, с которым связано развитие профессионализма, уровень его организации, степень социально психологической устойчивости, зрелости и т.п.

Только в этом случае возможно целостно понять, объяснить и обогатить такое социальное явление как развитие профессионализма муниципальных служащих как фактора социальной эффективности системы местного самоуправления.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — Москва: Весь Мир, 2004.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. — Москва: Медиум, 1995.

3. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье. — Москва.: 1993.

4. Вебер, М. Политика как призвание и профессия (избранные произведения) / М. Вебер. — Москва.: 1990.

5. Вебер М. Основные понятия стратификации / пер. с англ. А.И. Кравченко // Социс, 1994, №5, с. 169-183.

6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

7. Гидденс Э. Новые правила социологического метода / Пер. с англ. С. П. Баньковской // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — Ч. 2.

8. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. — СПб.: Наука, 2003.

9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

10. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. — М.: АСТ, Хранитель, 2006.

11. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2009. — 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).

12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007. — (Серия: Антология экономической мысли).

13. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П.Сорокин; под общ. ред. А.Ю. Согомолова. — М.: Политиздат, 1992.

14. Штомпка П. Социология. Анализ современных обществ. М., 2005.

15. Эйзенштадт, Ш. Срывы модернизации / «Неприкосновенный запас». — 2010. — № 6.(74)

Ценностные ориентации руководителей бизнес-организаций в структуре управленческой деятельности: социологический аспект

Ким Э.Ш.

В статье проводится теоретическое осмысление оснований ценностных ориентаций руководителей бизнес-организаций в контексте управленческой деятельности с позиции социологической теории. Автор анализирует категории «ценность», «ценностные ориентации управленческой деятельности», «ценности управления». Направленность профессиональной деятельности руководителя характеризуется его выбором конкретных ценностей управления в качестве ключевых ориентиров поведения, что определяется, как ценностные ориентации. Основываясь на результатах теоретической проработки изучаемого вопроса, автор сформулировал четыре управленческих социотипа руководителей, в каждом из которых ключевое значение отводится определенным ценностным основаниям. Ключевые слова. Ценность, ценности управления, типологизация ценностей управления, ценностные ориентации руководителей, социология управления, экономическая социология.

Kim E.Sh.

Value orientations of managers of business organizations in the structure of managerial activity: the sociological aspect

The theoretical interpretation of the bases of value orientations of managers of business organizations in the field of administrative activity from the position of the sociological theory is carried out in the article. The author analyzes the categories «value», «value orientations of managerial activity», «management values». The direction of the professional activities of the manager is characterized by his selection of specific management values as key behavioral benchmarks, which is defined as value orientations. The theoretical analysis made it possible to formulate four managerial sociotypes, in each of which a key value is assigned to certain value bases. Key words. Value, management values, typology of management values, value orientations of managers, sociology of management, economic sociology.

Выбор предметом исследования проблемы теоретико-социологической трактовки ценностных ориентаций руководителей бизнес-организаций обусловлен тем значением, которое принадлежит ценностям в структуре управленческой деятельности. Управление является специфическим видом деятельности, суть которого, наилучшим образом раскрывается через реализуемые функции: планирование, организация, мотивация, контроль, координация, принятие и реализация решений. Понимание того, какие ценностные ориентации регулируют управленческие отношения менеджера является особенно актуальным вопросом. Допустим, при реализации функции планирования, с одной стороны руководитель может придерживаться ценностного принципа извлечения прибыли любым путем, тогда на деятельности организации это будет отражено в постановке краткосрочных задач, ориентированных прежде всего на быстрое материальное обогащение. С другой стороны, управленец, придерживающийся таких ценностей как инициативность, развитие дела, социальное служение, защита профессиональных интересов будет выстраивать деятельность компании на долгосрочной основе, ориентируя бизнес на социально ответственный. От решений, принимаемых руководителями, зависит эффективность функционирования организации на рынке, условия жизнедеятельности большого количества людей, развитие бизнеса в стране, и в целом социально-экономические преобразования России. Трансформация старых и институционализация новых практики управления, а также постоянно происходящие преобразования в нашей стране (появление новых видов бизнеса, обострение конкуренции, изменение форм собственности) актуализируют вопрос о ценностном наполнении

систем управления. В связи с чем, изучение сущности ценностных ориентаций руководителей требует социологического осмысления в контексте управленческой деятельности. Цель работы заключается в исследовании теоретических оснований ценностных ориентаций руководителей бизнес-организаций, что будет являться основой для дальнейших практических изысканий.

Анализ категории «ценность», показал распутии плюрализм мнений и подходов по поводу содержания рассматриваемого понятия не только в рамках разных научных дисциплин, но и в контексте одной теории, и позволил выявить тенденцию, направленную на обобщение и выделение основных аксиологических подходов в социологической интерпретации ценностей. Согласно представлениям Анипкина М.А. [1. С. 56] ценности могут быть рассмотрены либо как независимые категории индивидуального отношения личности к существующей реальности (теория флуктуации ценностей П. Сорочкина [16]), либо как качества и компоненты определенных структурных образований (нормативный функционализм Т. Парсонса [14, р. 36-39]), например, социальных институтов, которые навязывают соответствующие модели поведения. Одним словом, при таком рассмотрении ценности вступают в качестве самостоятельных категорий личного отношения человека к окружающей действительности или они имеют внешний характер по отношению к индивиду, которому остается только интериоризировать ценности в силу того, что они уже и так разделяются обществом (в системе интегрированных институтов).

Максименко А.А. обобщает и выделяет четыре подхода к рассмотрению ценностей [9, с. 290]: утилитаристский, который отождествляет исследуемое понятие с категориями «польза», «выгода», «благо»; идеалистический - с позиции идеала, эталона, некоей универсальной величины, являющейся его результатом; нормативный, понимающий ценности, как общественные регуляторы социального поведения; и подход М. Вебера где ценности рассматриваются как величины, содействующие познанию вопросов и интерпретируются в контексте значимости, придания значения.

Кузванова А.Л. исследуя ценностные принципы российской бизнес-деятельности, обозна-

чила шесть основных подходов к определению понятия «ценность» [8, с. 71]. Согласно первому подходу (В. Виндельбанд, Г. Рикерт) значение ценностей обуславливается тем, насколько они индивидуализированы, общезначимы и неповторимы, тем самым рассматривать их следует в качестве творческого продукта, определяющего степень удаленности от реальной действительности. С позиции второго подхода (У. Томас и Ф. Знанецкий, Л.Г. Юлдашева) ценности сопоставляются с предметами материального и нематериального характера, обладающими способностью удовлетворить потребности индивида, тем самым обуславливая его действия и поступки. В рамках другого подхода (Ф. Адлер, Е.Ю. Новикова) рассматриваемое понятие изучается в непосредственной связи с деятельностью человека, межсубъектными отношениями. К следующему подходу (В.П. Тугаринов, А.К. Кравец) относятся определения ценности, в которых главным аспектом внимания становится полезность и значимость предметов, а также процессов и идей, позволяющих удовлетворить потребности личности. Странники пятого подхода (Н. Смелзер, Н.И. Лапин, И.А. Сурина) интерпретируют ценности как цели и средства, выполняющие роль фундаментальных норм, обеспечивающих интеграцию социума. Для Кузвановой А.Л. наиболее продуктивным считает шестой подход (Т. Парсонс, А.И. Пригожин), в котором ценности рассматриваются как представления о лучшем, должном, желательном для общества, это и определяет выбор целей и средств действия.

Имеющиеся различия точек зрения на генезис, определение и сущность проблемы ценностей в научной литературе детерминированы спецификой методологической позиции исследователя, занимающегося их изучением. Спиридонова В.А. выделяет в аксиологическом дискурсе 17 бинарных оппозиций и предлагает интерпретировать ценности в зависимости от приверженности автора к определенной точке зрения [12]. Социолог выделяет такие дихотомические ракурсы исследуемого понятия как: субъектно-объектная интерпретация, теоретико-эмпирическая возможность познания, материально-идеализированный характер, микро или макро подход к рассмотрению, рационально-иррациональное объяснение существования, свое воплощение ценности находят в поведе-

нии индивидов или в социальных структурах, в структуре ценностей преобладают экономические или культурные факторы, их носитель волюнтаристский субъект или же они не имеют субъектной окраски, они абсолютны или исторически изменчивы, интерес к ценностям имеет когнитивный или практический характер, это нормы или реалии, их носитель элитарный субъект или общественные массы, функциональная значимость ценностей в стабилизации или осуществлении социальных изменений, они регламентируют управление над обществом или увеличивают его свободу, изучать их необходимо психологическими или социологическими методами, в целом они познаваемы или нет, возможно ли понимание ценностей или задача исследователя в их описании. Очевидно, что Спиридонова В.А. исчерпывающе обозначила возможные исследовательские ракурсы интерпретации ценностей, которые, пожалуй, невозможно объединить и рассмотреть в одном определении. Рассмотренные выше подходы к объяснению феномена ценностей в социологической науке, в целом, не исключают друг друга, а взаимно дополняют и позволяют всесторонне отразить важные черты этого сложного явления.

Объектом нашего изучения является конкретная профессиональная деятельность – управление, а следовательно, в контексте данной работы, имеет смысл рассмотреть ценности как фундаментальные образования, отвечающие за регулятивную функцию и обеспечивающие целостность системы по средствам нормативного регулирования, коррекции происходящих процессов, поведения индивидов и их развития. Таким образом, они представляются как образцы, идеалы, нормы, способные повлиять как на состояние систем, так и на поведение людей. В свою очередь, ценности управленческой деятельности выступают в роли системы идей, норм, образцов, направляющих идеалов, имеющих определенное значение, на основании которых субъекты управления осуществляют свою профессиональную деятельность.

В современном научном дискурсе в контексте модернизации все большее внимание уделяется ценностному аспекту управленческой деятельности. Аксиологический подход предполагает анализ данной деятельности с позиции выявления ценностей, имеющих смыслооб-

разующее значение в практиках различных организаций. Для определения ценностных оснований управленческой деятельности представляется важным анализ их типологизации. Возможно, выделить несколько их видов по сферам общественной жизни. Политические ценности управленческой деятельности нашли свое отражение в восприятии субъектов собственной политической активности, отношении к действующему режиму власти и оппозиционным силам, выстраивании механизмов взаимодействия с государственными органами. Экономические ценности выражены в отношении к темпам роста компании, разработки стратегий развития, видам планирования, формированию конкурентных преимуществ. Социальные ценности отражаются в несении ответственности перед обществом, социальном служении, в степени сотрудничестве с социальными организациями. Культурные ценности нашли свое проявление в морально-нравственных установках, отвечающих за регуляцию функций управления.

Бакурадзе А.Б. предлагает вариант типологизации, который основывается на выборе способов реализации деятельности – выделяют ценности-цели и ценности-средства управленческой деятельности [2]. Ценности-цели рассматриваются как смыслообразующие, к которым автор относит человека и общество, государство, социальные организации, эффективный и результативный труд. Данные ценности отвечают за систему целей организации, задачи, за методы управления, предназначение руководителя и оценку его работы. Ценности-средства выражены в процессуальных ценностях, которые объединяют бинарные позиции свободы и зависимости, активности и пассивности, ценность доверия и производные от нее, и ценности-ресурсы управления, которые включают в себя совокупность финансовых, информационных, материальных, человеческих, технологических и организационных ресурсов.

С позиции социокультурных характеристик управленческой деятельности одним из распространенных оснований типологизации является деление на инструментальные и терминальные ценности, предложенное М. Рокичем [15]. Инструментальные ценности выражены в принимаемых и одобряемых обществом установках на реализацию и достижение целей управленческого процесса, представленных нравствен-

ными нормами поведения и качествами, влияющими на субъект управления (лидерство, активная позиция, собранность, организованность). В свою очередь терминальные ценности рассматриваются как система общих представлений, идеалов, целей (свобода, благосостояние, общественное признание). Они информируют об отношении субъекта управления к существующей ситуации.

Анализируя эмпирические исследования отечественных авторов (Э.В. Бушкова-Шиклина [3], Ю.Д. Красовский [7], М.С. Васянин [4], М.В. Манова [10]), интересующихся схожей проблематикой, мы сформулировали сводный перечень основных ценностей управленческой деятельности: независимость, самостоятельность, ответственность, законность, сотрудничество, порядочность, безопасность, свобода, развитие, социальное служение, обогащение, инициативность, вовлеченность, профессионализм, достижение, конформность, власть, известность, принятие рисков, контроль.

Установка субъекта управления на те или иные ценности управленческой деятельности возникает при необходимости актуализации конкретной потребности и ситуации необходимости ее удовлетворения. Выбор индивидом конкретных ценностей управления в качестве ключевых ориентиров поведения позволяет говорить о ценностных ориентациях, которые определяют направленность профессиональной деятельности. Ценностные ориентации представляют собой более широкое понятие, где прослеживается структурная связь между ценностями и ценностно ориентированным субъектом, синтезирующее определенную психологию личности и определенную социологию среды, в которой индивид осуществляет деятельность, и представляет собственную форму репрезентации ценности [6 с. 83].

Ценностные ориентации предрасполагают субъект к определенному восприятию условий жизни, их оценки в различных перспективах. По В.А. Ядову они располагаются на вершине пирамиды диспозиционной структуры личности [11, с. 36]. Это говорит об их значимости, ведь именно за счет ценностных ориентаций задается направленность устремлений индивида, его мотивационная программа, представления о должном и допустимом, определяется уровень предпочтительных интересов и притязаний. По

сути, ценностные ориентации это осознанные и отрефлексированные в сознании субъекта ценности, проявляющиеся в его деятельности. По нашему мнению, стоит выделить их следующие характерные особенности: индивидуальный характер, по причине исключительности восприятия субъекта; ситуативный характер у субъектов с несформированной структурой ценностных представлений, когда в зависимости от внешних условий, индивид может вести себя по-разному; относительный характер, так как меняется от значимости свойств того или иного предмета для разных личностей; избирательный характер – индивид вправе выбирать какими ценностями ему руководствоваться. Анализ отличительных особенностей ценностных ориентаций позволяет нам говорить о том, что они регулируют поведение субъекта в каждой конкретной ситуации на основании ее осмысления и оценки. Экстраполируя такое положение на интересующую нас совокупность, мы получаем, что ценностные ориентации управленческой деятельности руководителей не что иное как регуляторы поведения, основанные на мотивированном и самоидентификационном выборе руководителем приоритетного именно для него набора ценностей в реально существующей социальной действительности, при конкретных обстоятельствах на основании осмысления и оценки, по отношению к объектам управленческой деятельности. По сути, это его отношение к различным фактам действительности, предзаданное повлиявшими на его личность факторами трудовой деятельности.

Важным является тот факт, какие ценностные ориентации будут доминирующими и системообразующими в структуре личности, ведь от этого зависит как развитие индивида, так и процветание компании, благополучие работающего персонала, удовлетворенность клиентов, поставщиков, и в целом развитие экономической отрасли в стране. В ситуации, когда руководитель обладает устойчивой структурой ценностных представлений ему легче проявлять упорство в достижении целей, его жизненная позиция имеет активный характер, он верен определенным принципам и идеалам; и наоборот, ситуация противоречивости ценностных ориентаций влечет непоследовательность и непредсказуемость в действиях руководителя, внешние стимулы приобретают господство над его

поведением, и как следствие проявляется инфантилизм и безликость руководителя.

Влияние ценностных ориентаций менеджера на различные аспекты управленческой деятельности изучалось различными авторами. Дыриным С.П. [5] исследовалась зависимость системы ценностных установок сотрудников в зависимости от их должностного статуса. Было выявлено, что для руководителей среднего звена смыслообразующими являются материальные ценности и возможность реализации (высокая заработная плата, возможность роста, удовлетворение от результатов труда). Фроловским С.Ю. [13] рассматривается влияние ценностных принципов руководителей на возможность совместной эффективной деятельности. Исследуя руководителей высшего и среднего звена производственно-коммерческих предприятий, было выявлено, что чем выше в структуре самосознания управленца находятся терминальные ценности, тем более они дифференцируются другими членами коллектива, а сам менеджер идентифицируется как эффективный партнер. Особенность профессиональных и личных ориентаций руководителя раскрывается в исследовании Бушковой-Шикиной Э.В. [3], которая эмпирическим путем доказывает, что иерархическая соподчиненность профессиональных ценностей менеджеров не меняется от уровня управления, но различается в группах менеджеров, имеющих различный статус. Автор проследила, что при переходе от среднего к высшему уровням управления и при смене статуса руководителя в организации, личные ценности переживают изменения.

Наилучшим образом роль ценностных ориентаций руководителя раскрывается через реализуемые им функции: экономическая, которая в рамках влияния на процессы, происходящие внутри организации проявляется через рост прибыли, развитие компании, обеспечение конкурентных преимуществ, выстраивании диалога с поставщиками, удовлетворении потребностей клиентов, а в масштабах общества – сокращение безработицы, ускорение научно-технического прогресса, обеспечение экономической стабильности; социальная – в организации уделяется большое внимание потребностям персонала, проявляется внимание по отношению к их семьям, в рамках общества – формирование тенденции к переходу к социально ответствен-

ному бизнесу. Так же важность ценностных ориентаций менеджеров можно проследить через выполняемые функции управления. Например, один руководитель в чьих ценностных представлениях преобладают ценности материального порядка мотивирует своих сотрудников исключительно денежными вознаграждениями или наоборот денежными удержаниями, в то время как руководитель в чьих принципах преобладают социальные ценности, подходит к этому вопросу с позиции нужд своего персонала, и предлагает различные виды поощрений (денежное, признание заслуг, выделение дополнительного выходного и др.). При реализации функции принятия решения, руководители, ориентированные на ценность доверять только себе, будут осуществлять закрытый и консервативный тип управления, ограничиваться в расширении деловых и общественных связей.

Исходя из проведенного анализа ценностей управленческой деятельности и ценностных ориентаций руководителей, мы сформулировали четыре социотипа менеджеров с преобладающими ценностными основаниями. Первый тип мы определяем, как властный и подразумеваем, что у руководителей данного типа будут преобладать инструментальные ценности как средства достижения целей. Для них определяющими становятся ценности ответственности, мудрости, честности, справедливости. Второй тип – экономический, который понимается нами как выгодный одному или нескольким партнерам. У менеджеров этого типа преобладают прагматические ценности – это эффективность в работе, выгода, труд, предприимчивость, развитие дела, а также значимы для них и ценности профессиональной самореализации. Третий тип мы охарактеризовали как социальный. Руководителей данного типа отличает низкая значимость экономических ценностей, но высокое преобладание ценностей личного развития и огромный социальный интерес. Четвертый тип он же смешанный собирает в себе все перечисленные выше социотипы и, по нашему мнению, характерен для молодых руководителей, которые находятся в состоянии поиска, их ценностные установки не являются устоявшимися.

Многообразие и плюрализм подходов к вопросу изучения ценностной проблематики управленческой деятельности в рамках социологической теории позволил нам рассмотреть

эту тему достаточно всесторонне, используя теоретические и эмпирические наработки отечественных авторов. Ценности управленческой деятельности, представляются нами как образцы, идеалы и нормы, обладающие особо важным значением и являющиеся основаниями для руководителя осуществлять профессиональную деятельность. Отрефлексированные и осознанные в сознании субъекта они образуют ценностные ориентации руководителя, на основании которых принимаются решения и осуществляется деятельность по управлению. Нами сформулированы четыре управленческих социотипа с преобладающими ценностными ориентациями. Властный тип, ориентированный на ценности доминирования и зависимости, экономический тип, связанный с прагматическими ценностями и мотивами выгоды, социальный тип – ценности раскрытия человеческого потенциала, взаимопонимания, смешанный тип, в котором собраны характеристики вышеупомянутых социотипов. Результаты теоретической проработки исследуемого вопроса являются ориентирами для дальнейшего изучения поднятой темы.

Литература

1. Анипкин М.А. Проблема ценностей в исследованиях западных социологов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Социально-экономические науки и искусство. 2008. № 3 (27). С. 56–61.
2. Бакурадзе А.Б. Ценности-цели и ценности-средства управленческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 20–29.
3. Бушкова-Шиклина Э.В. Ценности менеджмента и предпринимательства: социологический анализ // Философия и социология. 2009. № 2. С. 12–14.
4. Васянин М.С. Ценности предпринимательского слоя современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 87–97.
5. Дырин С.П. Многовариантность организационной культуры современных российских предприятий // Управление корпоративной культурой. 2009. № 1. С. 4–14.
6. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–90.
7. Красовский Ю.Д. Управленческие ценности руководителей // Социология и жизнь. 2012. № 2. С. 149–154.
8. Кузеванова А.Л. Механизм формирования ценностных принципов бизнес-деятельности (социологический анализ) // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4. С. 70–74.
9. Максименко А.А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 322–326.
10. Манова М.В. Влияние ценностей предпринимательства на культуру трансформирующегося общества: Дис. ... канд. соц. наук. М.: РГБ, 2010. 180 с.
11. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
12. Спиридонова В.А. Проблема ценностей в социологии: Историко-теоретический аспект: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. М.: РГБ, 2005. 150 с.
13. Флоровский С.Ю. Ценностно-ориентированная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей: динамика в условиях переходного периода // Управление системой социальных ценностей личности и общества в мире изменений. М. Кострома: КГУ, 2003. Т. 2. С. 208–212.
14. Parsons T. The social system. London: Lowe and Brydone Ltd., 1951. 575 p.
15. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free press, 1973. 438 p.
16. Sorokin P. Society, culture and personality: their structure and dynamics; a system of general sociology // N. Y.: Haper & Bros, 1942. P. 359–364.

Роль кадрового аудита в формировании конкуренции между сотрудниками

Ли Жуннань

Анализ становления управленческих и организационных основ новой кадровой системы свидетельствует о незавершенности этого процесса, что, вместе с несоответствующим качеством деятельности некоторых сотрудников выступают одной из причин неэффективности функционирования организаций на различных уровнях управления.

Аудит персонала представляет собой одну из технологий стратегического управления. Ее сущность сводится к формированию профессиональных качеств персонала путем «выявления соответствующих отклонений его управленческих действий от наиболее рациональных», которые определяются кадровой политикой, стратегией и закономерностями развития организации. Аудит персонала в первую очередь направлен на выявление организационного и функционального соответствия персонала и его деятельности трансформационным условиям развития и функционирования современной системы менеджмента.

Ключевые слова: конкуренция, кадровая конкуренция, кадровый потенциал, оценка кадрового потенциала, кадровый аудит, инновационные методы оценки персонала, естественная конкуренция внутри организации.

Li Runnan

The role of HR audit in the formation of competition between employees
An analysis of the development of the managerial and organizational foundations of the new human resources management system demonstrates the incompleteness of this process, which, together with the inadequate performance of some staff members, is one of the reasons for the ineffectiveness of the organizations at different levels of management.

Personnel audit is one of the strategic management technologies. Its essence is reduced to the formation of professional qualities of the staff by «identifying the appropriate deviations of its management actions from the most rational», which are determined by the personnel policy, strategy and laws of the organization. Audit of personnel is primarily aimed at identifying organizational and functional compliance of personnel and their activities with transformational conditions of development and functioning of modern management system.

Key words: competition, personnel competition, personnel potential, personnel potential assessment, personnel audit, innovative methods of personnel assessment, natural competition within the organization.

Вопросы повышения качества рабочей силы постоянно являются предметом обсуждения общественности, исследования ученых и формирование государственных программ по мерам поддержки, восстановления и развития кадрового потенциала. Сегодня в сфере развития кадрового потенциала особое внимание следует обратить именно на его качество. В этом контексте одним из факторов становления экономики на инновационный фундамент, который воспроизводит кадровый потенциал страны, является образование.

Термин «кадровый потенциал» в научное обращение вошел в середине XX века. Его появление было обусловлено необходимостью трансформации традиционных взглядов на роль и место человека в процессе производства при условии изменения характера демографических процессов и постоянного развития научно-технического прогресса.

Введение понятия «кадровый потенциал» повлекло необходимость пересмотра взглядов на значение человека в производственном процессе, признание роли интеллектуального потенциала и интеллектуального капитала, накопленного непосредственно на предприятии и в обществе в целом.

Важной составляющей планирования деятельности отечественных предприятий должно быть стратегическое планирование развития кадрового потенциала, ориентированное на достижение конкурентоспособности персонала на основе инвестирования в его развитие.

Менеджеры отечественных предприятий в процессе стратегического планирования недооценивают необходимость инвестирование в человеческий капитал, придерживаются «политики дешевого работника», «копеечного работника», не учитывают изменения в количественно-качественном состоянии кадрового потенциала, специфику функционирование регио-

нальных рынков труда, рынков образовательных услуг и их взаимодействия.

Целью статьи является исследование современных методов инновационного развития кадрового потенциала и формирование подхода к внутрифирменной конкуренции персонала организации.

Мировой опыт и достижения научного мнения свидетельствуют, что позывные сдвиги в развитии экономики сегодня и в дальнейшей перспективе будут зависеть от качества человеческого капитала, условий его воспроизведения, использования и развития на основе новейших знаний и технологий.

В России, а также практически во всех развитых странах, сегодня наблюдаются глубокие противоречия между потребностями ускорения экономического и инновационного развития государства и существующим состоянием развития человеческого капитала. Эти противоречия становятся все более очевидными на этапе вхождения России и Китая в международное конкурентное пространство, постепенного движения в направлении глобальной интеграции. На фоне системного кризиса в подавляющем большинстве во многих организациях приобрела острую актуальность проблема демографических потерь человеческого капитала, неэффективного использования в экономике. Исследование роли человеческого капитала, особенностей его воспроизводства, механизмов его развития и продуктивного использования в экономике остается актуальной задачей экономической науки, поскольку от этого зависит повышение конкурентоспособности государства, качественного человеческого развития на уровне отдельных организаций.

Концептуальные основы развития и использование человеческого капитала в западной экономической литературе связаны с именами таких исследователей как Т. Шульц, Г. Беккер, Е. Денисон, Г. Солоу, Дж. Кендрик, И. Фишер, Г. Лукас и др. В России исследованием этой проблемы в последние годы основательно занимаются ученые В. Антониюк, Л. Гальков, А. Гришнова Е. Либанова, А. Макарова, Л. Шаульская и другие. Впрочем, подходы разных авторов к пониманию сущности человеческого капитала, разработки стратегий его качественного воспроизведения и использование все еще существенно различаются и не всегда учитывают отрасле-

вые и организационные особенности, которые тормозят решение указанной проблемы на практике¹. Все очерченные факторы препятствуют эффективной занятости, благосостояния населения, усложняет преодоление кризисных явлений как на уровне экономике страны, так и на локальном уровне отдельной организации². В связи с этим назрела практическая потребность в продолжении и углублении научных исследований в этом направлении для разработки адекватных управленческих решений, отвечающих интересам развития экономики и благосостояния населения. Речь идет, прежде всего, о поиске возможностей сохранения человеческого капитала организации, наращивание конкурентных преимуществ в производительных способностях трудового коллектива, знаниях и навыках в соответствии с требованиями международного рынка труда.

Для того, чтобы управлять внутренней конкуренцией персонала в организации, необходимо иметь инструменты оценки персонала и шкалу сравнения вклада каждого сотрудника в общие цели организации. Оценка кадровой составляющей организации лежит в основе кадрового аудита.

Профессор Ю. Г. Одегов, (академия им. Плеханова, г. Санкт-Петербург) аудит персонала определяется как «комплексный формализованный метод долгосрочного повышения эффективности организации путем диагностики возникающих организационных проблем и выработки рекомендаций для их возможного решения»³.

В современных организациях кадровый аудит дает возможность выявить⁴:

- комплексные и достоверные данные о состоянии системы управления персоналом;
- уровень кадрового обеспечения и потребностей в персонале (оценка соответствия кандидата требованиям вакансии;
- оценка готовности сотрудника к продвижению на новую должность;
- формулирование должностных обязанностей и требований);
- потребности в профессиональном развитии (определение потребности персонала в тренингах и обучении);
- социально-психологический климат (выявление сильных и слабых сторон сотрудников и кандидатов; оценка совместимости сотрудников;

Таблица 1
Рекомендуемый состав экспертов, который должен проводить аудит персонала в организации
Источник: составлено автором

№ п/п	Должность	Характеристика эксперта
1	Менеджер по персоналу	Ведущий специалист при проведении кадрового аудита. В его обязанности будут входить изучение и анализ структуры управления персоналом, оценка эффективности деятельности сотрудников, оценка квалификации персонала.
2	Специалист по социальной психологии	Он будет проводить сбор информации, глубинные интервью, давать экспертные оценки, анализировать статистические данные.
3	Специалист по финансам	В его компетенцию будут входить оценка «стоимости» того или другого работника, анализ организационных процессов, сопоставление их с финансовыми ресурсами организации.
4	Психолог	Специалист, который будет составлять характеристики отдельных психологических сотрудников и исследовать общий социально-психологический климат в организации.

- распределение персонала в организации (разработка рекомендаций по эффективного управления персоналом, формирование эффективной команды).

- основные недостатки, «негущиеся» места в системе управления персоналом.

Кадровый аудит также должен способствовать решению вопросов⁵:

- соответствия численности, профессионально-квалификационного состава, среднего разряда, уровню производительности и других количественных показателей их проектируемому значению;

- оценки интеллектуального потенциала сотрудников и претендентов на вакантную должность.

Проведение кадрового аудита будет способствовать оптимизации расходов на персонал (в том числе на высвобождение, повышение квалификации), что является важным в условиях экономической нестабильности большинства предприятий (организаций, фирм).

Для повышения организационной эффективности и с целью приближения фактического уровня кадрового потенциала до требуемого (эталонного) постоянно разрабатываются инновационные методы формирования кадрового потенциала. Использование инновационных методов привлечения кадрового потенциала (кадровый аудит, бенчмаркинг, коучинг) в той или иной форме дает предприятию необходимую гибкость.

Оценка персонала является основой для развития. Это имеет решающее значение в кадровой политике организации, особенно во время ее реструктуризации. Управление организацией должно ориентироваться на новые продукты, новые рынки, новые приоритеты ценностей.

Оценку персонала целесообразно проводить группой экспертов, которые имеют соответствующую квалификацию и опыт проведения кадрового аудита. Количество специалистов в группе может колебаться от трех до пяти человек, в зависимости от планируемого объема работ и их продолжительности.

Нами рекомендуется определенный состав экспертов, который должен проводить аудит персонала, представлен в табл. 1.

По результатам оценки формируется рейтинг сотрудников. Такие рейтинги формируют естественную конкуренцию между сотрудниками организации, которая позволяет постоянно совершенствовать кадровый потенциал организации – каждый стремиться быть лучшим в рейтинге – показатели эффективности деятельности организации улучшаются.

Возможность реализации инновационных методов улучшение кадрового потенциала в организациях данный момент является несовершенной, необходимо разработать методический подход к реализации технологий дауншифтинга, что и является перспективой дальнейших научных исследований в данном направлении⁶.

Исходя из указанного исследования, еще рано говорить о совершенной конкуренции внутри организации как об общераспространенном явлении, ведь общий уровень материального положения - низкий, а экономическая ситуация настолько нестабильна, что полностью отказаться от карьеры могут себе позволить меньшинство граждан.

Сегодня аспекты деятельности организации, которые связанные с персоналом должны строиться на основе инновационных технологий формирования, развития и реализации кадрового потенциала. Кадровый потенциал организации рассматривается как комплексная категория, которая характеризует большое количество факторов, таких как: частоту и эффективность внедрения на предприятии инноваций, их разработку, готовность персонала к переменам, психофизиологическое состояние персонала⁷. Модернизация и обновление подходов к формированию кадрового потенциала позволит организациям оценить свои возможности и задействовать все возможные рычаги ради достижения цели существования организации, даст возможность принимать обоснованные управленческие кадровые решения.

Следовательно, рыночные условия функционирования предприятия требуют учета современных инновационных технологий, влияющих на процессы формирования, реализации и развития кадрового потенциала.

Рассмотрев определенные принципы и направления инновационных подходов к формированию кадрового потенциала предприятия можно сделать вывод, что высокий интеллектуальный уровень предприятия в любой какой сфере привлекает высококвалифицированный персонал, что предоставляет возможность для создания уникального сочетание профессиональных способностей, что в свою очередь непосредственно обеспечивает кадровый потенциал предприятия с высокой конкурентоспособностью.

Для преодоления проблемы формирования и развития кадрового потенциала, прежде всего, необходимо принять такие меры на уровне предприятий:

- создавать системы непрерывной профессиональной образования и подготовки работников;

- применять прогрессивные формы организации и проведение обучения, используя передовой мировой опыт;

- разрабатывать на предприятиях системы мотивации и стимулирования работников, которые бы органично сочетали рычаги материального и нематериального стимулирования и учитывали индивидуальные особенности каждого работника.

Литература

1. Becker G. S. Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education /— 2d ed. — New York: National Bureau of Economic Research: distributed by Columbia University Press, 1975.
2. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968, vol. 6.
3. Глазов М. М. Управление персоналом: анализ та диагностика персонал-менеджмента / М. М. Глазов, И. П. Фирова, О.Н. Истомина. — СПб.: ОАО «Андреевский издательский дом», 2007. 251 с.
4. Исаенко А.Н. Человеческий капитал в современной экономике // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2002. № 2. С. 110-127.
5. Макарова И. К. Управление человеческими ресурсами: уроки эффективного HR-менеджмента. М.: Дело, 2007. 232 с.
6. Одегов Ю.Г., Никонова Т.В. Аудит и контролинг персонала: Учебник. - М.:Издательство «Альфа-Пресс». 2006. 560 с.
7. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2012. 560 с.

Ссылки:

- 1 Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968, vol. 6
- 2 Becker G. S. Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education /— 2d ed. — New York: National Bureau of Economic Research: distributed by Columbia University Press, 1975.
- 3 Одегов Ю.Г., Никонова Т.В. Аудит и контролинг персонала: Учебник. - М.:Издательство «Альфа-Пресс». 2006. 560 с

4 Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. ? 2-е изд., перераб. и доп. ? М.: ЮНИТИ, 2012. 560 с.

5 Макарова И. К. Управление человеческими ресурсами: уроки эффективного HR-менеджмента. М.: Дело, 2007. 232 с

6 Глазов М. М. Управление персоналом: анализ та диагностика персонал-менеджмента

/ М. М. Глазов, И. П. Фирова, О.Н. Истомина. – Спб.: ОАО «Андреевский издательский дом», 2007. 251 с.

7 Исаенко А.Н. Человеческий капитал в современной экономике / А.Н. Исаенко // США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2002. – № 2. - С. 110-127

Влияние национальной деловой культуры на цели и практики в области корпоративной социальной ответственности

Ли Мяо

Представление о корпоративной социальной ответственности (КСО) как универсальной управленческой концепции находится в противоречии с общепризнанным фактом различий между национальными деловыми культурами. На основании данных кросс-культурных исследований в статье обосновывается представление о культурной обусловленности целей и практик в области КСО. Используя различные модели национальных деловых культур, показано, как именно различные ценностные ориентации (дистанция до власти, коллективизм, универсализм, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация и др.) могут быть связаны с приоритетами в области КСО и возможностями реализации принципов социальной ответственности в компаниях. Сделан важный вывод о том, что понятие КСО является внутренне неоднородным, и различные культуры могут делать различные акценты в важности ответственности компании в отношении разных групп заинтересованных лиц, общества в целом, природы. Анализ ценностного профиля российской деловой культуры позволяет сделать вывод, что высокая ценность иерархических отношений является важным фактором, негативно сказывающимся на возможности реализации принципов КСО в российских компаниях. Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, деловая культура, кросс-культурные исследования, устойчивое развитие

Li Myao

The impact of national business cultures on corporate social responsibility goals and practices

The notion of corporate social responsibility (CSR) as a universal conception of management is in contradiction with the fact of the variety of national business cultures. The findings of cross-cultural studies are used to argue that CSR goals and practices are culturally conditioned. Using different models of national business cultures, it is shown how specific value orientations (e.g. power distance, collectivism, universalism, uncertainty avoidance, long-term orientation) can be related to priorities in CSR goals and socially responsible practices in companies. It is concluded that CSR is internally heterogeneous, and that cultures differ in their accent on various aspects of responsibility toward different groups of stakeholders, society, and nature. High value of hierarchical relations in Russian business culture can be one of the most important factors preventing successful adoption and implementation of CSR in Russian companies.

Keywords: corporate social responsibility, business culture, cross-cultural studies, sustainable development

Корпоративная социальная ответственность (КСО) – концепция, предполагающая, что в своей деятельности компании ориентируются не только на финансовые и рыночные цели, отвечающие интересам акционеров, но и на более широкий круг целей, отражающих потребности общества в устойчивом развитии и создании благоприятных условий для всех заинтересованных сторон: работников, бизнес-партнеров, местных сообществ, всего социума. В настоящее время КСО является полноценным социальным институтом, воплощенным в практике крупнейших мировых компаний. Несмотря на продолжающиеся дискуссии относительно роли и места КСО в современном корпоративном управлении, не вызывает сомнения тот факт, что большинство крупных мировых компаний стремятся демонстрировать социально-ответственное поведение. Деятельность в области КСО при этом не является простой благотворительностью: исследования подтверждают, что реализация социально-ответственной политики способна создавать ценность и для самой компании, в виде высокой репутации, облегчения доступа к инвестициям и ресурсам, снижения рисков, улучшения качества менеджмента, расширения организационных возможностей [1].

Одним из наименее исследованных вопросов в изучении связей между культурой и управлением является вопрос о социокультурной обусловленности целей и практик в области КСО. Ситуация при этом выглядит несколько парадоксальной. С одной стороны, КСО рассматривается как концепция, основанная на универсальных принципах и нормах. В наибольшей степени это выражается в факте разработки международных стандартов в области КСО и социальной отчетности (ISO 26000, GRI и др.), а также их повсеместным внедрением в компаниях из разных стран. С другой стороны, общепризнанным является и признание фундаментальных различий в базовых ценностях нацио-

нальных деловых культур, определяющих представления и поведение собственников, менеджеров, работников (см., напр. [2-4]). Выглядит вполне обоснованным предположение, что различия в культурных моделях являются важным фактором, определяющим не только успешность воплощения универсальных принципов КСО в организациях, но и саму интерпретацию этих принципов и восприятие отношений между бизнесом и обществом.

Можно привести несколько конкретных примеров, показывающих, как ценностные различия, определяемые в соответствии с ведущими теоретическими моделями национальных деловых культур, могут быть связаны с вероятной политикой компаний в области КСО.

1. Дистанция до власти. Это одна из главных с управленческой точки зрения ценностных ориентаций в широко известной модели Г.Хофштеде, которая отражает различия в восприятии и отношении к социальному неравенству и социальной иерархии. На одном полюсе этого ценностного измерения находятся такие страны как Россия, Филиппины, Румыния, Словакия, для которых характерно принятие социального неравенства в качестве должного, и признание высокой дистанции, отделяющей руководство от подчиненных. На другом полюсе находятся страны, ценящие эгалитаризм и воспринимающие управленческую иерархию как преимущественно функциональную. Это такие страны как Австрия, Израиль, Новая Зеландия. Можно предположить, что в обществах с высоким значением дистанции до власти политика в области КСО определяется почти исключительно под влиянием личных целей и представлений руководства компаний, либо является результатом межэлитных переговоров. Напротив, в странах, подчеркивающих важность эгалитаризма, можно ожидать гораздо более важной роли работников, общественности, местных сообществ в оказании давления на компании с целью принятия принципов КСО.

2. Индивидуализм – коллективизм. Одно из наиболее распространенных ценностных измерений, отличающих культуры друг от друга и присутствующее во многих моделях деловых культур. Несмотря на то, что это измерение является внутренне сложным и содержащим различные аспекты, оно связано с относительной ценностью групповой принадлежности в жизни

человека и признанием степени желательной и допустимой автономии и независимости индивида. Так, типичным является противопоставление восточно-азиатских стран (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур), для которых характерен ярко выраженный коллективизм, и англосаксонских стран, в которых личная ответственность и индивидуализм являются чуть ли не официальной идеологией.

Отношение этого ценностного измерения к КСО может быть двояким. С одной стороны, коллективизм должен способствовать большей готовности индивида ориентироваться на потребности и интересы всего общества и, следовательно, социальной ответственности бизнеса. С другой стороны, индивидуалистическое общество заставляет множество независимых акторов бороться за свои интересы и нести личную ответственность за свои решения. Это может способствовать установлению универсальных, общих правил и взаимному контролю за их соблюдением. В таких условиях деятельность, отвечающая взаимным интересам всех членов общества, также может оказаться вероятной моделью ведения бизнеса.

3. Универсализм. Это ценностное измерение, присутствующее, в частности, в модели Ф.Тромпенаарса, означает стремление к следованию универсальным правилам и нормам. Противоположностью является партикуляризм, при котором личные связи и отношения могут оказаться более важными, чем формальные правила. Представляется, что универсализм наиболее способствует тем аспектам КСО, которые связаны с трудовыми отношениями и антидискриминационной политикой на рабочем месте. Партикуляризм по определению нарушает логику равного учета интересов всех заинтересованных сторон и, как можно предположить, препятствует реализации принципов КСО.

4. Избегание неопределенности. Это измерение культуры, присутствующее в модели Г.Хофштеде, отражает степень, в которой люди опасаются неопределенности и неизвестности, и ценят стабильность. Как и в предыдущем случае, можно предположить, что в обществах с высоким значением этой ценности КСО выражается прежде всего в трудовой сфере, поскольку существует высокий запрос на стабильность рабочих мест, который должны учитывать работодатели.

5. *Долгосрочная ориентация.* В соответствии с этим измерением культуры, некоторые общества, такие как Южная Корея и Китай, ориентируют свою деятельность на длительную перспективу, готовы инвестировать в отдаленное будущее, учиться и отказываться от быстрых выгод в пользу более отсроченных наград. Напротив, некоторые латиноамериканские и африканские страны живут преимущественно «сегодняшним днем» и ориентируются на краткосрочную перспективу. С точки зрения КСО, безусловным преимуществом обладают страны первого типа, поскольку стратегическая ценность инвестиций в КСО как раз проявляется только в длительной перспективе.

Таким образом, есть все основания полагать, что различия в деловых культурах могут оказывать существенное влияние на восприятие и реализацию политики КСО наряду с другими факторами, такими как институциональная среда, отраслевые и внутрифирменные особенности, персональный состав менеджмента и др. Тем не менее, к настоящему времени проведено на удивление мало исследований, направленных на изучение культурной обусловленности целей и практики в области КСО.

В наибольшей степени изучается влияние культуры на деятельность в области КСО через призму ценностей и приоритетов менеджмента компаний и приоритеты корпоративного управления. Так, применение модели Хофштеде позволило выявить влияние культуры на приоритеты бизнес-целей компаний. По оценкам, данным студентами программ MBA из разных стран, выяснилось, например, что для США ключевыми бизнес-целями, на которые ориентируются главы компаний, являются рост бизнеса, годовая прибыль и личное благополучие [5, р. 795]. Для Китая приоритетными стали рост бизнеса, сохранение бизнеса, а также власть; а, например, для ряда европейских стран (Нидерланды, Германия) – сохранение бизнеса, рост бизнеса и создание чего-то нового. Относительное значение целей, непосредственно относящихся к КСО (ответственность перед работниками и обществом) наиболее высоко для Германии и Нидерландов, а следование этическим нормам – для Китая.

В другом исследовании, также основанном на модели Хофштеде, было показано, что ценностные ориентации оказывают более суще-

ственное влияние на корпоративное управление, чем даже экономические факторы. Особое значение при этом имеют такие ценности как дистанция до власти, избегание неопределенности и маскулинность, то есть, ориентация на достижения, успех, победу в конкурентной борьбе [6].

Аспект КСО, связанный с социальными обязательствами компании перед работниками, в модели Тромпенаарса напрямую отражен в ценностной ориентации «диффузность – конкретность». Поддержка патернализма со стороны компании ожидается в странах, ценящих диффузные отношения, в том числе, в Китае и России, тогда как для обществ, ориентированных на функциональные, специфические отношения (США, Скандинавия) эта идея категорически отвергается [2, р.93]. Это означает, что различные ценности не только способствуют или препятствуют ориентации на КСО, но и делают различные акценты на разных аспектах социальной ответственности.

Одна из наиболее серьезных попыток установить культурную обусловленность КСО в ходе эмпирических исследований была предпринята международной группой исследователей под руководством Д. Вальдмана [7]. Опросив менеджеров из 561 компании из 15 стран, они оценили связь между их ценностями в области КСО и ценностями национальной культуры, определенными на основании проекта GLOBE [8]. В результате были получены следующие главные результаты:

1. Ценности институционального коллективизма положительно сказываются на готовности менеджеров следовать принципам КСО и ориентироваться в своей деятельности не только на интересы своей фирмы, но и на интересы всего общества. Под институциональным коллективизмом имеется в виду стремление к коллективному действию, коллективному распределению ресурсов, оценке труда и вознаграждению. Эта ценность способствует ориентации компании на долгосрочные цели, учет интересов всех стейкхолдеров и общественное благополучие.

2. В отличие от институционального, групповой, или семейный коллективизм, то есть, признание значимости первичных социальных групп для индивида, не влияет сколько-нибудь заметным образом на политику в области КСО.

3. Дистанция до власти негативно влияет на все аспекты КСО. В обществах с высоким значением этой ценностной ориентации менеджеры склонны использовать власть в собственных интересах.

С точки зрения полученных результатов, можно сделать вывод, что культурные практики, характерные для России, являются скорее неблагоприятными для КСО, прежде всего из-за высокого значения иерархических отношений (дистанции до власти) в российских компаниях. Напротив, по совокупности двух типов культурных практик, основанных на низком значении дистанции до власти и высоком институциональном коллективизме, полученных в ходе исследования GLOBE [8], к числу стран с наиболее благоприятными для КСО культурными условиями следует отнести страны Северной Европы (Дания, Швеция, Финляндия, Нидерланды), ЮАР, Новую Зеландию и некоторые другие.

Кросс-культурные исследования, хотя и представляют убедительные свидетельства связи между особенностями нормативной системы общества и практиками и целями в области КСО, сами по себе не способны дать содержательное объяснение этой связи. Для понимания смысла этой связи в конкретной культуре необходимо учитывать особенности восприятия мира, общества и социальных отношений в той или иной культуре, и их связь с политикой и практикой управления.

Становление и развитие концепции КСО, ее воплощение в деятельности конкретных компаний, как уже было отмечено, опиралось на неявное допущение универсальности как самого смысла и принципов социальной ответственности, так и соответствующих стандартов корпоративного управления. В этой связи представляет интерес, как содержание и принципы КСО принимаются и интерпретируются в развивающихся странах, оказывающих все большее влияние на глобальную экономику.

Например, китайские исследователи отмечают, что западные *практики* КСО с трудом проникают в китайские компании, несмотря на то, что *цели* социальной ответственности, гармоничных отношений между обществом и природой, принцип человеколюбия играют фундаментальную роль во всей китайской культуре [9; 10]. Китайский исследователь Д.Жанг, изучив

32 компании, пришел к выводу, что для них не характерно типичное для запада восприятие КСО как элемента стратегического поведения компании; напротив, они реализуют КСО, опираясь на даосские ценности устойчивого развития, а также моистскую и конфуцианскую этику благотворительности [10]. Такие модели поведения типичны для государственных и, в меньшей степени, частных китайских компаний. Однако в многонациональных компаниях, работающих в Китае, более распространенным является как раз стратегический подход к КСО, что показывает различия как в бизнес-среде, так и в культурной принадлежности руководства компаний.

Как можно заключить, культурная обусловленность КСО только начинает изучаться современными исследователями. Однако уже можно сделать вывод, что сама концепция КСО является внутренне неоднородной и включающей различные аспекты ответственности компании: перед работниками, потребителями, государством, природой. Разные культуры, насколько можно судить, способствуют акцентированию тех или иных аспектов КСО. Например, российская культура, являясь, в целом, скорее неблагоприятной для КСО, в наибольшей степени способствует учету потребностей работников в стабильности, а китайская культурная модель отражает большее внимание к государственным интересам.

Не вызывает сомнений необходимость дальнейших исследований культурной обусловленности целей и практик в области КСО. Особенно актуальны такие исследования для стран «догоняющего развития», которые стремятся перенимать лучшие бизнес-практики из опыта глобальных компаний. Предварительный анализ, проведенный в данной статье, в очередной раз подтверждает, что такой импорт должен вестись с осторожностью и опираться на точное понимание особенностей культуры, которые могут существенно влиять на восприятие смысла и принципов КСО, а также затруднять или, наоборот, облегчать реализацию конкретных управленческих процедур.

Литература

1. Aguinis H., Glavas A. What we know and don't know about corporate social responsibility: A review and research agenda // *Journal of Management*. 2012. Vol.38. P.932-968.

2. Trompenaars F., Woolliams P. *Business Across Cultures*. Chichester: Capstone Publishing Ltd, 2003.
3. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.
4. Taras V., Kirkman B.L., Steel P. Examining the Impact of Culture's Consequences: A Three-Decade, Multi-Level, Meta-Analytic Review of Hofstede's Cultural Value Dimensions // *Journal of Applied Psychology*. 2010. Vol. 95. P. 405-439.
5. Hofstede G. et al. What goals do business leaders pursue? A study in fifteen countries // *Journal of International Business Studies*. 2002. Vol.33. P.785-803.
6. Semenov R. et al. Cross-country differences in economic governance: culture as a major explanatory factor. Tilburg University, School of Economics and Management, 2000. №. 2e8b65dd-972a-4342-8580-46c19bed4817.
7. Waldman D.A. Cultural and leadership predictors of corporate social responsibility values of top management: A GLOBE study of 15 countries // *Journal of International Business Studies*. 2006. Vol.37. P.823-837.
8. House R.J. et al. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 cultures*. San Francisco: Sage, 2004.
9. Wang L., Juslin H. The impact of Chinese culture on Corporate Social Responsibility: The Harmony approach // *Journal of Business Ethics*. 2009. Vol.88. P.433-451.
10. Zhang D. *Corporate Social Responsibility in China: Cultural and Ownership Influences on Perceptions and Practices*. Singapore: Springer, 2017.

Изменение парадигмы профориентации в контексте трансформации системы занятости населения в современном обществе

Ходыкин А.В.

При переходе современного общества на информационную стадию развития начался процесс коренной трансформации, как его системы занятости, так и его профессиональной структуры, продолжающийся по сей день и имеющий тенденцию к увеличению скорости и глубины трансформационных процессов. Закономерным ответом на структурно-профессиональные и компетентностные вызовы современного информационного общества можно считать смену ключевой парадигмы профориентации. Автором с социологических позиций охарактеризовано изменение парадигмы профориентации в контексте её связи с трансформацией современного общества: проанализирована смена классической парадигмы профориентации, появившейся в рамках индустриального общества, на современную парадигму профориентации, характерную для информационного общества; проанализированы коренные изменения в системе занятости населения, профессиональной структуре, профессиональной деятельности и наиболее распространённой траектории профессионального пути, которые стали основанием для смены парадигмы профориентации в информационных обществах. Выделены ключевые направления, появившиеся в рамках современной парадигмы профориентации.

Ключевые слова: профориентация, трансформация, изменение парадигмы, современное общество, информационное общество, информатизация, социологический подход, профессиональная структура, профессионализация.

Khodykin A.V.

The paradigm shift of vocational guidance in the context of the transformation of employment in modern society

The process of radical transformation began with the transition of modern society to the information stage of development, both in its employment system and in its professional structure, which continues to this day and tends to increase the speed and depth of the transformation processes. A regular response to the structural, professional and competence challenges of the modern information society can be considered a change in the key paradigm of career guidance. The author from sociological positions characterized the change in the paradigm of vocational guidance in the context of its connection with the transformation of modern society: the change in the classical paradigm of vocational guidance, which appeared in the framework of an industrial society, was analyzed in the modern paradigm of vocational guidance characteristic of the information society; analyzed the fundamental changes in the employment system of the population, the professional structure, professional activity and the most common trajectory of the professional path, which became the basis for changing the paradigm of career guidance in information societies. The key directions that have emerged within the modern paradigm of vocational guidance are highlighted.

Key words: career guidance, transformation, paradigm change, modern society, information society, informatization, sociological approach, professional structure, professionalization.

Четвёртая научно-техническая революция, начавшаяся во второй половине XX века, привела к информатизации развитых обществ и интенсификации изменений во всех социальных системах. Не стала исключением и система занятости населения, определяющая профессиональную структуру общества. А.В. Шевчук к основным тенденциям изменения системы занятости населения относит сокращение рабочего времени, дестандартизацию и флексибилизацию занятости, тенденцию на частую смену профессий и обучение на протяжении всей жизни [1]. В результате индустриальное «общество труда», для которого характерна низкая трудовая и профессиональная мобильность, работа преимущественно в рамках жёсткого графика, наличие единственной работы, призванной максимально удовлетворить потребности сотрудника, преобразуется в «индивидуализированное общество» (по З. Бауману) и «общество риска» (в терминологии У. Бека), для которых характерно наличие индивидуальной трудовой траектории, больших возможностей профессионального и трудового выбора и большей ответственности за последствия такого выбора [1], [2], [3].

Изменение системы занятости современного общества повлекло за собой изменение его профессиональной структуры, проявляющееся в появлении десятков новых профессий при исчезновении старых. Так, к примеру, Агентством стратегических инициатив совместно с Московской школой управления «Сколково» к 2014 году был разработан «Атлас новых профессий», содержащий информацию о 100 профессиях, которые появятся, и о 30 профессиях, которые исчезнут в России в ближайшие 10-15 лет [4].

Однако следует отметить, что коренная трансформация профессиональной структуры общества сопряжена со значительными социальными рисками, вызванными, главным обра-

зом, отставанием адаптации членов общества к трансформации его социально-профессиональной структуры и содержания профессиональной деятельности от самой этой трансформации, в результате чего актуализируется риск снижения качества профессиональной деятельности вследствие возможной неспособности значительной части работников соответствовать новым требованиям рынка труда и профессиональных стандартов. К тому же для работников, которые не сумеют адаптироваться к изменениям и новым требованиям рынка труда, существенно возрастает риск пополнить ряды хронических безработных. Поэтому развитие новых форм экономической деятельности, приводящее к структурным изменениям занятости населения и рынка труда, называется учёными одним из факторов хронической безработицы [5].

Для преодоления обозначенных выше отрицательных последствий структурных изменений системы занятости населения актуально создание системы профессиональной адаптации населения к новым требованиям трудовой деятельности, т.е. создание системы содействия профессионализации населения. В научной литературе выделяются четыре основных подхода к определению профессионализации: педагогический и три социологических: деятельностный, стратификационный и социально-экономический [6]. Мы под профессионализацией понимаем процесс профессиональной самореализации личности путём овладения ею профессиональными компетенциями и их совершенствования, а также адаптации к изменяющимся требованиям и условиям профессиональной деятельности. Основой, определяющей векторы профессионализации, является профессиональная ориентация. Закономерным ответом на структурно-профессиональные и компетентностные вызовы современного информационного общества можно считать смену ключевой парадигмы профориентации и её отношения к профессионализации. Трансформация профориентации в условиях современного общества является предметом, как российских, так и зарубежных научных исследований. Так, смена парадигмы профориентации в современном обществе охарактеризована Э.Ф. Зеером [7]. Новая трактовка профориентации, отражающая сущность её трансформации, была принята международ-

ной экспертной группой [8]. Вместе с тем, исследованию изменения парадигмы профориентации с социологических позиций в науке уделяется недостаточно внимания, и это при том, что именно социологический подход предполагает изучение изменений профориентации в контексте трансформации общества, в рамках которого она проводится. Поэтому с целью восполнения указанного теоретического пробела охарактеризуем изменение парадигмы профориентации в контексте её связи с трансформацией современного общества.

«Старая» классическая парадигма профориентации появляется в условиях индустриального общества. Большинство специалистов в индустриальном обществе имеют линейный карьерный путь, последовательную профессионализацию в рамках одной специальности и полную занятость по этой специальности. Поэтому оптанту достаточно один раз сделать правильный выбор профессии на всю жизнь на основании своих личностных склонностей, способностей, черт характера и уровня притязаний. Профориентация же призвана помочь оптанту в выборе. Поэтому в классической парадигме профориентации она представляет собой начальный этап профессионализации, в рамках которого основной группой оптантов остаются школьники, которым оказывается содействие в выборе профессии, компромиссно удовлетворяющей собственным социально-профессиональным интересам школьника, интересам общества, государства и рынка труда. Основная задача профориентационной деятельности состоит в содействии оптанту в получении значимых для профессионального самоопределения знаний о нём самом, о состоянии рынка труда и профессиях, на нём представленных, и о возможностях овладения данными профессиями, а также в оказании помощи в трудном профессиональном выборе. С точки зрения классической парадигмы профориентации, смена профессиональной деятельности является нежелательной и часто свидетельствует об ошибочности профессионального выбора и, следовательно, о неудачном исходе профориентации. Это во многом объясняется низким уровнем профессиональной и трудовой мобильности в индустриальном обществе.

В рамках характеризуемой парадигмы профориентационная деятельность базируется на

классической психолого-педагогической методологии, разработанной такими отечественными классиками профориентологии, как Н.С. Пряжников, Е.А. Климов, Э.Ф. Зеер и другие. Большой вклад в развитие классической методологии профориентации внесли работы знаменитых зарубежных учёных-профориентологов: Ф. Парсонса, Дж. Холланда, Д. Сьюпера, С. Фукуямы и многих других зарубежных классиков. Широкое распространение в рамках классической методологии получили традиционные методики профориентации, такие как методика Е.А. Климова, методика Дж. Холланда, методика СИО (самооценка индивидуальных склонностей) и т.д.

В настоящее время классическая парадигма профориентации подвергается существенной трансформации, становясь основой для формирования «новой» современной парадигмы профориентации, характерной для информационного общества. В рамках такой парадигмы профориентация перестаёт быть исключительно начальным этапом профессионализации, она становится перманентным процессом, протекающим на протяжении всего процесса профессионализации. Единичный выбор профессии меняется множественным выбором и корректировкой карьерной траектории. Это обусловлено изменением типичной траектории профессионального пути личности в информационном обществе, предполагающей высокую профессиональную мобильность и большую вероятность смены профессиональной деятельности [9]. В информационном обществе единственная работа и стандартный карьерный путь часто уступают место проектной занятости и комплексу работ, включающему в себя, в том числе, и самозанятость, и временную работу. Такие нестандартные формы занятости получают большее развитие в современных условиях флексибилизации рынка труда [10]. Данная ситуация отражается в концепции «портфеля работ», предложенной Ч. Хэнди. Портфель работ – это набор видов осуществляемой человеком деятельности, к которой относятся: классическая работа за оклад; работа за вознаграждение, выплачиваемое за результат деятельности; неоплачиваемая работа по ведению домашнего хозяйства; работа, не предполагающая получение финансового вознаграждения (хобби, волонтерство); получение образования [11]. В информацион-

ном обществе, для которого характерен высокий уровень неполной занятости, портфель работ чаще всего наполнен разными видами работ, в том числе и по различным профессиям.

Парадигма проводимой в информационном обществе профориентации населения изменяется в соответствии с трансформацией структуры занятости и профессиональной структуры современного общества. В рамках современной парадигмы выделяются следующие новые направления профориентации:

1. Ориентация клиента профориентации на развитие метапрофессиональных навыков, имеющих большое значение для овладения большинством современных профессий. Авторами «Атласа новых профессий» были выделены следующие метапрофессиональные навыки: системное мышление, способность к межотраслевой коммуникации и наличие знаний по смежным дисциплинам, способность к проектированию и работе в проектах, умение работать с запросами потребителя, знание иностранных языков и умение сотрудничать с представителями иных культур, умение работать с людьми и коллективами, способность к работе в режиме высокой неопределённости условий производственных задач, способность к творчеству, ответственное и бережное отношение к окружающей среде [12].

2. Содействие клиенту в приобретении знаний о текущих и ожидаемых изменениях в системе занятости и профессиональной структуре общества. В условиях высокой динамичности информационного общества такие знания становятся необходимым дополнением к знаниям о ситуации на рынке труда и профессиональной структуре общества.

3. Формирование у клиента субъектной позиции при его профессиональном самоопределении, заключающейся в самостоятельном планировании карьеры и умении делать выбор, прогнозировать его последствия и брать на себя ответственность за них. В современном обществе человек самостоятельно строит свой карьерный путь. Ему чаще всего приходится неоднократно делать выборы и принимать решения, связанные с его профессиональным путём: выбор профессии, выбор места работы, решение о смене профессии или места работы, выбор траектории профессионального развития, решение о комплектовании «портфеля работ»

и управлении рабочим временем – все эти решения требуют владения навыками планирования карьеры и умения делать важный выбор. Поэтому в современной парадигме профориентации уже недостаточно помочь клиенту один раз совершить сложный профессиональный выбор, его необходимо научить делать выборы, связанные с профессиональной деятельностью в условиях изменчивости современного информационного общества.

4. Формирование у клиента навыков адаптации к изменениям в рамках его профессиональной деятельности. В информационном обществе профессии быстро эволюционируют, и, чтобы остаться конкурентоспособным, клиенту необходимо быть профессионально гибким и уметь адаптироваться к изменениям. Клиенту также необходимо научиться управлять своим профессиональным развитием, структурой занятости и затрачиваемым на трудовую деятельность временем. Это приобретает особую актуальность в условиях флексибилизации занятости в информационном обществе.

5. Формирование у клиента готовности к обучению на протяжении всей жизни. Концепция непрерывного обучения на протяжении всей жизни (life long learning) заменяет концепцию обучения «на всю жизнь» и становится неотъемлемой частью профессионализации специалиста в информационном обществе.

6. Снижение влияния интересов будущих работодателей на профессиональное самоопределение клиента. Если в индустриальном обществе одной из главных целей профориентации является кадровое обеспечение предприятий и учреждений, то в информационном обществе большее внимание уделяется интересам профессиональной самореализации клиента профориентации.

Что касается методического обеспечения профориентационной деятельности, то в рамках современной парадигмы профориентации большое внимание уделяется инновационным методикам профориентации. К ним можно отнести профориентационные проблемные лекции, форсайт-сессии, case-study, деловые игры и профессиональные пробы с использованием компьютерных технологий [13].

Как верно отмечено в диссертации Я.В. Дидковской, для современного общества характерна трансформационность, т.е. подверженность

постоянным изменениям [14]. Так, при переходе современного общества на информационную стадию развития начался процесс коренной трансформации, как его системы занятости, так и его профессиональной структуры, продолжающийся по сей день и имеющий тенденцию к увеличению скорости и глубины трансформационных процессов. Закономерным ответом на структурно-профессиональные и компетентностные вызовы современного информационного общества можно считать смену ключевой парадигмы профориентации. Проанализировав влияние особенностей профессиональной структуры общества на систему профориентации населения и на изменение её парадигмы, мы должны отметить, что для успешности профориентационной деятельности необходимо её развитие в соответствии с развитием общества, в рамках которого она проводится. Поэтому изучение трансформации системы профориентации в её связи с трансформацией общества имеет большое значение для исследования и совершенствования системы профориентации.

Литература

1. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // *Общественные науки и современность*. – 2007. – №3. – С. 44-54.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
4. Атлас новых профессий / 1-е изд. – М.: «Сколково», 2014. – 168 с.
5. Слабнина Е.В., Береговая Д.А., Алонова Е.А., Наумова Е.Л. Социально-психологическая реабилитация хронических безработных. – Саратов: ПМУЦ, 2002. – 82 с.
6. Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс // *Вестник РУДН, серия «Социология»*. – 2003. – №4. – С. 258-269.
7. Зеер Э.Ф. Профессиональное самоопределение человека: смена парадигмы в профориентационной деятельности // *Профессиональное образование и рынок труда*. – 2014. – №1. – С. 36-37.
8. OECD and European Commission, Career guidance: A handbook for policy makers,

Organisation for Economic Cooperation and Development, Paris, 2004. p.10.

9. Баврин И.И., Кузнецова Е.В. Высшее образование в информационном обществе: проблемы и перспективы // Наука и школа. – 2016. – №3. – С. 165-172.

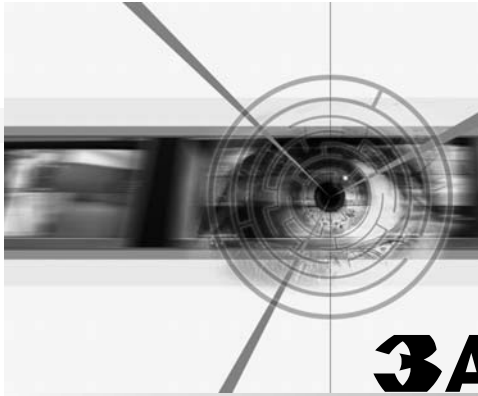
10. Розеватов Г.А. Флексибилизация рынка труда как основа появления нестандартной занятости // Вестник Поволжского института управления. – 2014. – №2. – С. 75-80.

11. Хэнди Ч. Время безрассудства / Пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб: Питер, 2001. – 288 с.

12. Атлас новых профессий / 2-е изд. – М.: «Сколково», 2015. – 288 с.

13. Бажин К.С., Симонова Г.И., Ходырева Е.А. Система профессиональной ориентации старших школьников и студентов в контексте регионального социально-экономического развития: анализ результатов исследования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – №1. – С. 166-172.

14. Дидковская Я.В. Трансформация социального механизма взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в российском обществе: дис. ... докт. соц. наук / Я.В. Дидковская. – Екатеринбург, 2016. – 327 с.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Рейтинг кандидатов в президенты РФ

Дзуцев Х.В., Козырева С.И.

В любом социуме стабильность складывается из отношений населения к существующей политической власти. Она определяется устойчивостью власти и доверием общества к властвующим структурам государства. Власть в социологической литературе определяется как инструмент, с помощью которого люди могут изменить положение вещей, контролировать поведение и действия общества исходя из общенациональных или общегосударственных задач.

С целью изучения отношения населения Северной Осетии-Алании к предстоящим выборам Президента Российской Федерации, которые состоятся 18 марта 2018 года, был проведен экспертный опрос.

По материалам исследования было выявлено, что большинство опрошенных (54,0%) намерены в них участвовать.

Ключевые слова: выбора, кандидаты в президенты, исследование, рейтинг

Dzutsev H.V., Kozyreva S.I.

Rating of candidates for president of the Russian Federation

In any society stability consists of the population relations to the existing political power. It is defined by resistance of the power and trust of society to the dominating structures of the state. The power in sociological literature is defined as the tool by means of which people can change a state of affairs, control behavior and actions of society proceeding from national or nation-wide tasks.

For the purpose of studying of the relation of the population of Northern Ossetia-Alania to the upcoming elections of the President of the Russian Federation which will take place on March 18, 2018 expert survey has been conducted.

On materials of a research it has been revealed that most of respondents (54,0%) intend to participate in them.

Keywords: choice, candidates for president, research, rating

Дзуцев Х.В., Козырева С.И.

В любом социуме стабильность складывается из отношений населения к существующей политической власти. Она определяется устойчивостью власти и доверием общества к властвующим структурам государства. Власть в социологической литературе определяется как инструмент, с помощью которого люди могут изменить положение вещей, контролировать поведение и действия общества исходя из общенациональных или общегосударственных задач.

С целью изучения отношения населения Северной Осетии-Алании к предстоящим выборам Президента Российской Федерации, которые состоятся 18 марта 2018 года, был проведен экспертный опрос.

По материалам исследования было выявлено, что большинство опрошенных (54,0%) намерены в них участвовать. Граждане считают своим долгом проголосовать за кандидата в президенты, которого считают наиболее достойным (табл. 1).

Эксперты считают, что голос каждого может оказаться решающим. Только от самого народа зависит его будущее; принять участие в голосовании важно, потому что именно избиратели несут ответственность за все происходящее в стране.

На вопрос о том, будут ли участвовать в предстоящих выборах, 26,7% опрошенных ответили отрицательно. Такое решение они объясняют недоверием к Центральной избирательной комиссии РСО?А. Это серьезный сигнал для властных структур республики. Невозможно говорить о всенародном избрании, если за кан-

Таблица 1
Мнение экспертов, примут ли граждане РСО?А участие в выборах Президента РФ 18 марта 2018 года (%)

1. Да	54,0
2. Нет	26,7
3. Не думал (а) об этом	8,3
4. Затрудняюсь ответить	11,0

Таблица 2
Если бы выборы Президента России состоялись в ближайшее воскресенье, Вы бы пришли на них? И если да, то за кого проголосовали бы, если бы в списке кандидатов были следующие политики? (%)

1	Владимир Путин	65,5
2	Владимир Жириновский	0,8
3	Павел Грудинин	3,6
4	Ксения Собчак	0,6
5	Владимир Михайлов	0,7
6	Сергей Миронов	3,6
7	Григорий Явлинский	0,9
8	Алина Витухновская	0,9
9	Максим Сурайкин	3,0
10	Антон Баков	2,7
11	Другой кандидат	2,6
12	Не задумывался (лась) об этом	13,1
13	Испорчу бюллетень	2,0

дидата голосуют менее половины избирателей. Известно, что по мере сокращения числа участников избирательной кампании уменьшается и степень легитимации власти: выборы перестают быть показателем консенсуса в обществе, т.е. не выполняют в той или иной мере многие важнейшие функции как по отношению к обществу в целом, так и по отношению к отдельным группам населения, в частности.

Число экспертов, не задумывающихся над этим вопросом и затруднившихся ответить, составило в общей сложности 19,3%.

Ниже мы приводим высказывания некоторых экспертов по нему:

- всегда принимаю участие в выборах и сейчас буду.
- Не собираюсь в этом цирке участвовать.
- Всем не угодить, но президента нужно выбрать.
- Были бы все эти выборы честными.
- Конечно, буду голосовать.
- Всем давно свои роли дали, и то, что мы видим? это просто театр.
- А для чего готовиться, как всегда незаполненный бюллетень доложат.

- Даже не хочется ходить на эти выборы.
- Пойду на выборы, потому что это наше будущее.

- Я не принимаю в этом участие.
- Не хочется участвовать в этом цирке, потому что не допускают моего кандидата.

Экспертам был предложен список политиков, которые гипотетически могут выдвинуть свои кандидатуры или уже это сделали.

На вопрос о том, за кого бы они проголосовали, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, эксперты ответили следующим образом (табл.2).

Как известно, кандидатов в президенты РФ насчитывается более 20 человек. Абсолютное большинство опрошенных (65,5%) не видят на этом посту никого, кроме Владимира Владимировича Путина. Остальные кандидаты в сумме набрали 16,8%. Процент тех, кто не задумался о выборах Президента РФ, составил 13,1. Таким образом, в процессе агитационной работы каждый кандидат может рассчитывать на эту группу неопределившихся, следовательно, рейтинг каждого из них в перспективе может увеличиться.

Эксперты считают, что В.В. Путин – единственный из кандидатов, который внушает доверие. Он поддерживает стабильность в стране – это самое главное. А о том, что происходит в регионах, как народ живет, прежде всего, надо спрашивать с самих себя. Мы должны воспитывать человека, ориентированного, в первую очередь на себя и на великий труд, что в конечном итоге выливается в могущество государства и материальный достаток в каждой семье. После развала Советского Союза страна была в критическом состоянии, на сегодняшний день наблюдается стабильность. По мнению одного из экспертов: «Люди всегда чем-то недовольны. Откуда берется эта уверенность, что если сменился президент, то жизнь станет лучше?!»

Кроме В.В. Путина, никто из списка не набрал легитимной цифры. Участники экспертного опроса называли и таких политиков, которые не вошли в список, это Сергей Лавров и Сергей Шойгу, но и они не набрали необходимого большинства. Остальных кандидатов эксперты не поддержали.

В последние годы в РФ многие аспекты в сфере правления и политики подверглись и подвергаются капитальным изменениям. Поли-

тика В.В. Путина направлена на то, чтобы заставить бюрократическую систему считаться с интересами и потребностями населения. Иногда это подразумевает прямое использование власти главы государства, а иногда ? и силы, если это угрожает безопасности населения. Причина роста популярности Путина, как показывают материалы опроса, лежат в социально-экономических изменениях за период его президентства. Через СМИ он дает полную информацию о том, как управляет страной и бюрократическим аппаратом, при этом показывая гибкость своей внешней политики для участия нашей страны в глобальной экономике, где основной акцент сделан на высокие технологии.

Сегодня наиболее разумным было бы допустить в систему управления экономикой рыночные механизмы. Но президент понимает, что такой подход сомнителен. Путин находит поддержку среди населения РФ в том, что сегодня в безудержном мире ему необходимо больше власти. Одновременно с принятием такой политики следует внедрять демократию по всей ее вертикали как на уровне государства, так и на уровне субъектов РФ в надежде свести до минимума ошибки в управлении страной. Только при таком подходе мы можем стать национальным

государством, где крупные и малые этнические группы станут более защищенными в быстроменяющемся мире.

Ниже мы приводим некоторые высказывания экспертов:

- я за В.В. Путина, странно представить, что было бы, если бы на пост президента встал кто-то из нынешних кандидатов.
- Всем лишь бы что-то говорить, но Путин ? гарант справедливости.
- Я за мир и за здоровую семью. Мало что изменится от кандидата.
- А кому же еще доверить страну, как не В.В. Путину?!
- Чиновники лопатами деньги гребут, а люди концы с концами еле сводят.
- Хочется изменений.
- Народ уже не знает, о чем думать и на что жить! Ничего не меняется!
- Надеюсь, что самый влиятельный человек России В.В.Путин останется и продолжит вести страну вперед.
- Путин во внешней политике молодец.
- Только за В.В.Путина!
- Сомневался, голосовать ли в 2018 за Путина, но сомнения исчезли.
- Путин поднял Россию с колен.

Семантический анализ документального контента, характеризующего международные и внутривнутриполитические причины кризисного состояния современной Украины

Ермакова Е.Ю.

Представлены позиции, мнения политических деятелей России, Украины и Запада на сложившуюся ситуацию в Украине, определяющих причины неустойчивости модели государственного устройства, обусловленных предельной централизацией властных полномочий. Показана перспективность правового политического пути разрешения конфликтного противоборства регионов, на основе реализации идеи федерализации Украины. Раскрыты основные факторы кризиса в Украине: внутренние (исторические, политические и экономические) и внешние (претензии на территориальное разделение сфер транснационального геополитического влияния между США, ЕС, Россией).
Ключевые слова: государственное региональное управление, федерализация, децентрализация, кризис, диспропорциональное развитие, региональная специфика.

Ermakova E.Yu.

Semantic analysis of documentary content characterizing the international and internal political causes of the crisis state of modern Ukraine. The positions, opinions of politicians of Russia, Ukraine and West States on the current situation in Ukraine, which determine the reasons for the instability of the model of the state structure, caused by the limiting centralization of power, are presented. The perspectives of the legal political way of resolving the conflict between regions on the basis of the idea of federalization of Ukraine are shown. The main factors of the crisis in Ukraine are revealed: internal (historical, political and economic) and external (claims to the territorial division of spheres of transnational geopolitical influence between the US, EU, Russia).
Key words: state regional administration, federalization, decentralization, crisis, disproportional development, regional specificity.

Семантический анализ документального контента, характеризующего международные и внутривнутриполитические причины кризисного состояния современной Украины

Кризис в современной Украине является одним из самых обсуждаемых событий политической жизни последних лет. За эти годы накопилось большое количество материала аналитического, статистического и публицистического характера. Помимо этого, все эти материалы можно разделить по факторам, которые кладутся в основания кризиса: внешние или внутренние. Также выделяются мнения экспертов/аналитиков, политиков/дипломатов, публичных лиц и рядовых граждан различных стран.

Все исследовательские компании, которые имеют доступ к сбору данных по ситуации в Украине, проводят постоянный мониторинг событий, настроений и последствий. Выдающиеся политики и дипломаты дискутируют по этому поводу на самых различных площадках: от официальных собраний до публикаций в средствах массовой информации и социальных сетях. Рядовые граждане всех стран имеют, благодаря Интернету, возможность высказывать свое собственное мнение и выражать взгляды на ситуацию.

С течением времени мнения многих политиков претерпевали изменения и порой кардинальные. При проведении анализа средств массовой информации и информационно-аналитических агентств можно отметить, что придерживались одного мнения при международном диалоге практически только российские политики.

Более ярко себя проявлял Министр иностранных дел России - Сергей Лавров. В качестве основной причины политического кризиса в

Украине он выделяет «неустойчивую модель государственного управления» [1]. Он говорит, что для выхода из проблемной ситуации необходимо провести федерализацию страны.

С.Лавров отмечает, что между Юго-Восточным и Западным регионами страны существуют сильные расхождения в определении направления дальнейшего развития страны. Эти расхождения базируются на неустойчивости модели государственного устройства, унитарное государство не работает в современных условиях и в условиях конкретно Украины.

Основной причиной сложившейся ситуации является отсутствие сбалансированной Конституции страны, а принципы унитарного государства не могли устоять перед рядом политических катаклизмов. «Нельзя признать нормальной ситуацию, когда после каждых выборов президента в стране менялась Конституция, закреплявшая ту или иную форму правления в зависимости от желания победивших на тот момент политических сил» [2].

В переработанной Конституции должны быть учтены интересы всех социальных, языковых, этнических и ментальных групп, которые присутствуют в стране, должны быть обеспечены их права.

Если Украина не встанет на путь движения к федерализации, то будет крайне сложно сохранить единство страны, вплоть до территориального, и выйти из кризиса с минимальными потерями по всем сферам.

Подобные предложения поступали и ранее, до того как ситуация сильно осложнилась. И если ранее украинские власти и европейское сообщество воспринимали их крайне скептически, то постепенно все находят такой выход наиболее конструктивным. На момент начала кризиса и его активной стадии украинские власти и политические деятели выделяли в качестве основной причины кризиса – внешнее вмешательство. Происходило постоянное перекалывание ответственности, сначала на Россию, потом на Европу. Причем, подобные прокламации можно было слышать чаще со стороны Киева.

Однако в Киеве не учитывались внутренние проблемы, которые обострились в этот период и привели к гражданской войне между наиболее депрессивными в социально-экономическом развитии и различными по этническому составу

регионами. Но без разрешения различий или хотя бы их учета невозможен выход из сложившейся ситуации.

Лидер «Украинского выбора» Виктор Медведчук еще в 2012 году говорил о том, что в Украине есть кризис государственного управления. Выборы ничего не решают, а выбранные депутаты не управляют. Предвыборные обещания и поствыборная действительность не соотносятся. Он говорил о необходимости вовлечения населения в политику, сделать систему государственного управления конструктивной, чтобы избежать негативного развития событий [3].

Юго-Восточные регионы регулярно выдвигали путь федерализации как единственный возможный для решения проблемы и выхода из кризисного состояния.

30 января 2014 года народный депутат от Партии регионов Вадим Колесниченко предложил перейти от унитарной к федеративной модели управления страной [4]. В поддержку федерализации Украины высказывались народный депутат от Партии регионов Олег Царёв и коммунист Леонид Грач.

Экс-президент Украины Леонид Кучма же резко раскритиковал идею федерализации и считает ее угрозой целостности и сохранению суверенитета государства. Но он отметил, что децентрализация власти и управления не имеет ничего общего с федерализацией. Децентрализация необходима, должны быть переданы большие полномочия в регионы и расширены права местного самоуправления. Нужно расширять и развивать систему местного и регионального управления [5].

Лоббист интересов западных регионов, «западонец» Виктор Балога, бывший глава секретариата президента Ющенко считает, что мировое сообщество навязет Украине такую форму государственного устройства как конфедерация. Он выражает крайнее недовольство тем, что «европейские друзья» решают судьбу его страны.

Ответом на развитие событий в Украине стала целенаправленная деятельность аналитиков всех стран, направленная на выявление предпосылок, причин и возможного дальнейшего развития событий. В своей работе я опиралась на аналитические доклады Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации и Международного дискуссионного клуба Валдай.

Доклад Международного дискуссионного клуба Валдай «Украина: предпосылки кризиса и сценарии будущего» [6] основывается на мнении украинских экспертов. Он включает в себя объективный анализ предпосылок кризиса и условия для мирного развития Украины как страны. Эксперты дискуссионного клуба называют современный кризис в Украине системным кризисом моделей постсоветской украинской государственности и постоднопольного мира.

К внутренним причинам, лежащим в основе модели украинской государственности, они относят исторические, политические и экономические. Отдельно, также, выделяются внешние причины: позиции участников международной политики, конфликтные отношения России и Запада, информационный коллапс.

Обратимся к внутренним причинам, излагаемым в этом докладе. Первая причина – историческая. Она включает в себя все процессы территориального и этнического определения страны. Если во времена, когда эта территория находилась в рамках СССР, существовала советская идентичность и жесткий контроль со стороны государственных институтов, то после его развала сдерживаемые разногласия и дифференциация украинского сообщества стали четко проявляться. Кроме того, все осложняет тот факт, что Украина получила независимость не в результате самоопределения и процесса борьбы за суверенитет, это было решением сверху, для украинцев подобное положение стало неожиданным и отнюдь не желаемым.

Не существовало и не существует сейчас единой украинской нации, нет исторического развития мировоззрения, культуры и идеологии. Страна была основана на очень шатком фундаменте, для стабилизации была необходима очень эффективная система управления. Теоретически, для самоопределения украинцев как самостоятельной нации нужна была единая гражданская идея, что способствовало бы развитию Украины как самостоятельного государства и сгладило бы многие противоречия. Основное противоречие состояло в том, что в результате «оранжевой революции» людей и регионы негласно поделили на первый и второй сорт: ультранационалистов и людей с рабским мировоззрением. При этом, ко второму сорту относили регионы юга и востока, которые поддерживали во многом экономику страны. Это

противоречие стало причиной постепенного нарастания напряженности в обществе и заложило основы для внешне- и внутреннеполитического кризиса.

Политическая граница между юго-востоком и западными частями страны стала очевидной при проведении второго тура выборов президента Украины. Запад проголосовал за Ю.Тимошенко и направленность на европейское развитие, а юго-восток – за В.Януковича и пророссийский выбор.

Политические причины кризиса, по мнению экспертов, заключались в противоречивой политике В.Януковича. Он занял свой пост, во многом благодаря поддержке юго-восточных регионов и пророссийской риторике предвыборных обещаний. Однако, с приходом к власти В.Янукович решил расширить сферы своего влияния и завоевать симпатии западной части Украины, игнорируя потребности и интересы юго-востока.

Для обеспечения повторного переизбрания на следующих президентских выборах появился и начал реализовываться план по активизации ультранационалистских движений, крайне не популярных даже в Европе. Расчет был на то, чтобы во второй тур с В. Януковичем вышел лидер экстремистского движения, который напугает и граждан страны, и внешних игроков. А за неимением другой альтернативы, выбор станет очевиден. Но не было учтено, что радикальные движения потому и радикальные, что не будут благодарны своим благотворителям, а будут бороться за влияние, и выйдут из под контроля.

Окончательным стимулятором кризиса стало откровенное рекламирование процесса подготовки к подписанию Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Мало того, что соглашение имело беспрецедентный вид и абсолютно не выгодный для Украины, но посредством масштабной информационной кампании были невероятно раскручены ожидания граждан. Поэтому внезапная приостановка, на фоне ажиотажа среди населения, привела к фатальным последствиям, как для властей, так и для страны в целом.

Что касается экономической причины возникновения кризисной ситуации, то экономика страны уже была ослаблена после кризиса 2008-2009 годов. Дальнейшее не улучшение и не раз-

решение ключевых проблем только усугубило ситуацию. Здесь сыграли свои роль и постоянные «перебежки» властей от Таможенного союза к Европейскому и обратно – отсутствие определенного вектора развития.

Авторы доклада обращают свое внимание и на внешние причины кризиса в Украине. Во-первых, выделяется разделение всей территории Украины на сферы влияния между США и Россией. Разделение условное, оно произошло по превалированию украинско- и русско-язычного населения.

Во время «Майдана», США придерживалось позиции, что происходящее в Украине – это борьба свободлюбивого народа против коррумпированной власти, поэтому с самого начала они производили открытую поддержку той части народа, которая активно сопротивлялась режиму. Некоторое время, не признавалась легитимность новой власти, пришедшей в результате «антиконституционного переворота и вооруженного захвата власти». Это продолжалось вплоть до утверждения международными наблюдателями результатов форс мажорных выборов «промайdanовского» президента.

Относительно позиции Европы, авторы доклада отмечают, что фактически она явилась актором, который спровоцировал кризис, обязав подписать невыгодное для Украины соглашение об ассоциации. Изначально выступления и акции протеста активно поддерживались Европой. Европейские чиновники закрывали глаза на факты экстремизма, убийства мирных граждан и откровенно фашистские лозунги. И это все привело к крайне неприятным последствиям, ситуация вышла из под контроля Европы на фоне ее попустительского поведения.

Таким образом, конфликт в Украине происходил в двух плоскостях: внутри Украины и на международной арене, где Украина была лишь удобным предлогом.

Второй аналитический доклад, на который обратила свое внимание при анализе – «Социально-экономический кризис на Украине» Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации [7]. Большой упор здесь делается на экономических предпосылках кризиса.

Эксперты отмечают, что стартовые условия развития после приобретения независимости у Украины были одними из лучших среди постсо-

ветских стран. Однако периоды относительной экономической и социальной устойчивости отличались короткими промежутками в два-три года, не давая хорошей базы для развития. Коррупция и перетягивание ресурсов и сфер влияния от региона к региону в зависимости от интересов новой власти центра затрудняли устойчивое развитие страны. Отсутствие национальной идентичности и налаженной коммуникации между различными этническими, культурными и языковыми группами усложняли функционирование государственной власти.

Авторы доклада уделяют внимание, как общенациональным проблемам Украины, так и проблемам регионов, которые спровоцировали настоящее положение дел. Основной общенациональной проблемой они называют высокий уровень коррупции и контроль олигархов во всех сферах функционирования власти. Кроме того, оказал влияние факт постоянной смены власти, а следовательно и смены курса развития. Поэтому среди граждан высоко недоверие к власти и выходом стал недемократический процесс ее смены.

Из-за низкого уровня развития экономики в стране долгое время отсутствовали перспективы занятости, а высокий уровень безработицы привел к большому оттоку населения на заработки в соседние страны. Украина потеряла огромную часть своего человеческого потенциала, что способствовало накоплению конфликтных ситуаций.

В стране произошла значительная деиндустриализация, что снизило уровень сложности производимой продукции, экспортный потенциал страны и поставило под угрозу развитие страны. Конкурентоспособными оставались только несколько крупных предприятий восточной Украины.

Все-таки ключевой проблемой страны эксперты называют неравномерность развития регионов Украины и отсутствие политики по его выравниванию. Существует огромный разрыв между богатыми и бедными регионами, а следовательно их способности к устойчивому развитию тоже сильно различаются. Но здесь свою роль играет и политика центральной власти по перераспределению доходов, что чаще всего зависело не от потребностей, а от того, какие регионы находились под протекцией центра в данный момент времени. При В. Ю-

щенко произошел сдвиг в пользу Киева, а при В. Януковиче – в пользу Донецкой области. Все основные ресурсы и возможности сосредоточены в Киеве, а большинство регионов не имеет средств для развития сфер жизнедеятельности.

Важным фактором дальнейшего развития кризиса является отношение граждан Украины к событиям, связанным с публичными протестами. Социологические компании регулярно проводили мониторинг общественного мнения в связи с подписанием Соглашения об ассоциации с Евросоюзом и после событий, последовавших за отказом Правительства подписать данное соглашение.

В августе 2013 года украинским исследовательским агентством Research and Branding Group было проведено исследование на выявление отношения граждан к подписанию Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. На тот момент поддерживали эту идею 49% респондентов, а не поддерживали – 31%. Среди тех, кто считал подписание Соглашения необходимым, преобладали жители западной Украины, ориентированной на Европу (74%). А меньшую поддержку среди населения наблюдалась на Востоке, всего 29% [8].

Здесь сразу можно отметить, что в таком разрыве мнений уже содержалось предупреждение для Правительства. Однако, ситуация усугублялась и тем, что этот шаг по направлению к Европе был сильно разрекламирован, что зародило высокие ожидания среди населения и надежды на лучшее будущее. Поэтому ноябрьские события 2013 года спровоцировали подобный всплеск протестов, вылившихся, в конечном счете, в гражданскую войну.

Исследовательской компанией ВЦИОМ в феврале 2015 года был проведен опрос на тему причин и следствий Евромайдана. Среди причин большинство респондентов выделяли: американскую провокацию и влияние Запада (22%), неправильную политику руководства страны (16%), борьбу за власть, территорию, деньги (11%), недовольство людей условиями жизни (8%).

Сам Евромайдан был охарактеризован как: государственный переворот и силовой захват власти (25%), анархия и беззаконие (12%), бунт и революция (10%), гражданская война (5%), вмешательство Америки и Запада (5%).

Согласно большинству мнений Украина ничего не выиграла от произошедшего, а скорее проиграла (73%) [9].

По поводу продолжения военных действий на Востоке Украины, согласно опросу Левада-центра, произведенного в апреле 2015 года, большинство придерживается точки зрения, что война продолжается в связи с тем, что руководству США и западных стран нужен этот конфликт, чтобы сдержать рост влияния России в мире и навязать свои ценности (56%). Меньше придерживаются мнения, что продолжение военных действий связано с тем, что руководству Украины нужна атмосфера войны как отвлекающего фактора от реальных экономических и социальных проблем и сохранить за собой власть (27%) [10].

Среди основных причин возникновения кризисной ситуации в современной Украине выделяются исторические предпосылки, этнический состав регионов страны, политическая несостоятельность глав государств, неустойчивость государственного устройства, экономически нестабильная ситуация и воздействие внешних акторов, что обострило ситуацию и обеспечило выход социальной, экономической и политической напряженности, накопленной за все существование Украины как самостоятельного государства. Прогнозы дальнейшего развития событий далеко не оптимистичные и большинство считает, что в ближайшем будущем не прогнозируется разрешения конфликтной ситуации и прекращения военных действий на Востоке Украины.

Таким образом, анализ контента докладов Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации и Международного Дискуссионного клуба «Валдай» позволил раскрыть основные факторы кризиса в Украине: внутренние (исторические, политические и экономические) и внешние (претензии на территориальное разделение сфер транснационального геополитического влияния между США, ЕС, Россией). Как можно заметить, во всех источниках, которые были нами проанализированы, отмечается значительное различие по всем параметрам между макросоциальными интегральными показателями регионов. Политические деятели по-разному оценивают ситуацию в Украине, но отмечают, что региональное управление и политика нуждаются в совершенствовании и мень-

шей централизации властных полномочий. А анализ мониторинговых исследований настроений граждан позволил выявить разрозненность регионов Украины в видении вектора развития страны, но единство в отрицательной оценке сложившейся ситуации.

Литература

1. Лавров: причина кризиса на Украине – неустойчивая модель государственного устройства [Электронный ресурс]: статья / 2014. – 16 апреля. – Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/2763698/lavrov-prichina-krizisa-na-ukraine-neustojchivaja-model-gosudarstvennogo-ustrojstva#comments>
2. Сергей Лавров: Федерализация Украины необходима, чтобы каждый регион чувствовал защищенность своих прав [Электронный ресурс]: статья / RT на русском / 2014. – 16 апреля. – Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/27957>
3. В Украине существует кризис управления, кризис государственной власти, - Медведчук. // РБК – 2012. – 4 декабря.
4. Президент считает, что вопрос федерализации сейчас не актуален, но подлежит изучению. // Зеркало недели – 2014. – 14 февраля.
5. Кучма: федерализация грозит Украине развалом и потерей независимости [Электронный ресурс]: статья / Главред – 2015. – 10 февраля. Режим доступа: <http://glavred.info/politika/kuchma-federalizaciya-grozit-ukraine-razvalom-i-poterey-nezavisimosti-270731.html>
6. Украина: предпосылки кризиса и сценарии будущего. // Международный Дискуссионный клуб. – М.: 2014.
7. Григорьев Л.М. Социально-экономический кризис на Украине / Л.М.Григорьев, А.В.Голышев, Е.В.Буряк / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2014.
8. Европейский выбор Украины в контексте украинско-российских отношений [Электронный ресурс]: данные опроса / ResearchandBrandingGroup. – 2013. Режим доступа: <http://rb.com.ua/rus/projects/omnibus/8813/>
9. Год после «Евромайдана»: причины и следствия. [Электронный ресурс]: Пресс-выпуск №2784 ВЦИОМ. – 2015 – 17 февраля. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115165>
10. Украинский кризис. [Электронный ресурс]: Пресс-выпуск Левада-центра. – 2015. – 5 апреля. Режим доступа: <http://www.levada.ru/05-05-2015/ukrainskii-krizis>

Формирование современного патриотизма (на примере Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа»)

Зиненко В.Е.

В статье на основе авторского исследования проведен анализ деятельности Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» по формированию патриотизма у современной российской молодежи. Результаты исследования показали высокий уровень участия школьников в мероприятиях патриотической направленности, желание защищать Отечество, служить в армии, гордиться историей страны и совершать героические поступки. Это свидетельствует об эффективности работы ветеранских организаций в патриотическом воспитании молодежи.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, патриотическое воспитание, национальная безопасность.

Zinenko V.E.

Formation of modern patriotism (on the example of the International Association of Veterans of the anti-terror unit «Alpha»)

This article is based on the author's sociological research of the impact of the IAV division Antiterror "Alpha" activities on the formation of patriotism among contemporary Russian youth. The results of the study showed a high level of students' participation in activities of Patriotic nature, a desire to defend the Fatherland, to serve in the army, their proud of Russian history and perform heroic deeds. These results demonstrate the effectiveness of veteran organizations activities in Patriotic education of the Russian youth.

Key words: patriotism, youth, patriotic education, national security.

Патриотизм – понятие многогранное. Он имеет сложную и многоуровневую структуру, отражает различные стороны взаимоотношения личности с обществом и государством. В словаре С.И. Ожегова патриотизм понимается так: «Преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу, глубокая привязанность к какому-либо делу»¹. В «Социологической энциклопедии» патриотизм рассматривается как «многозначный термин, означающий любовь к своей Родине, народу, привязанность к месту своего рождения, месту жительства»².

Существует множество определений понятия «патриотизм». Его сущность можно выразить в следующих положениях: во-первых, это чувство любви к Отечеству; во-вторых, это ценностная ориентация человека; в-третьих, это отражение духовной культуры человека и общества в целом; в-четвертых, это сознательная деятельность, служение Родине, вплоть до самопожертвования.

Идеи и сам принцип патриотизма закреплены в новых документах стратегического планирования развития Российской Федерации. Так, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»³ патриотизм указан в числе принципов, составляющих основу для достижения целей государственной национальной политики. В документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁴ утвержденном в ноябре 2014 года, воспитание патриотично настроенной молодежи является ключевой задачей молодежной политики.

В стране разработана и реализуется очередная Федеральная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». В этой программе сказано, что «патриотическое воспитание представ-

ляют собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины»⁵.

Эффективность выполнения перечисленных программ во многом зависит от наличия практических возможностей по их реализации. В области финансирования они ограничены, например, Государственная Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020» предусматривает финансирование многочисленных научных, исследовательских, информационных и других программ на общую сумму 1 млрд. 760 млн. рублей в течение 5-ти лет. Практическая реализация планируемых мероприятий традиционно возлагается на волонтерские и общественные организации, у которых пока нет достаточного опыта в этом направлении деятельности. В связи с этим целесообразно использовать опыт организаций, имеющих долговременные и практические наработки в данной сфере. Одной из таких организаций является Международная ассоциация ветеранов подразделения антитеррора «Альфа».

В 1974 году в СССР было создано спецподразделение антитеррора Группа «А», имеющая современное название – подразделение антитеррора «Альфа». Со времени образования группа прошла славный и героический путь в борьбе с терроризмом во всех его проявлениях. Основой ее побед и подвигов являются высочайшие морально-волевые и патриотические качества сотрудников. В 1992 году была создана Международная ассоциация ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», одной из основных задач которой стало применение накопленного опыта и навыков в общественной жизни, в том числе, в поддержке семей погибших и умерших сотрудников, увековечивание памяти погибших военнослужащих и военно-патриотическое воспитание молодежи. Ассоциация взяла на себя шефство над школами и военно-патриотическими клубами, в которых обучались погибшие сотрудники. На апрель 2017 года подшефными являются 13 именных школ, 19 школ, где были открыты мемориальные доски памяти по-

гибших сотрудников, и 16 военно-патриотических клубов.

В школах и клубах ветераны проводят Уроки Мужества, круглые столы, конференции, вахты памяти, военно-полевые сборы, военно-спортивные игры и т.д. Особое внимание уделяется повышению интереса школьников к изучению истории России, формированию их активной гражданской позиции и чувства уважения к прошлому нашей страны, ее героическим страницам, в том числе сохранение памяти погибших защитников Отечества. Все это ветераны делают по собственной инициативе, понимая, что в системе общего образования уделяется недостаточно внимания патриотическому и духовно-нравственному воспитанию ребят. Так, по данным авторского исследования⁶, на вопрос: «Как Вы считаете, кто должен формировать патриотические ценности у детей и молодежи?» 60% ответило – семья, 43% - школа, 33% - государство, 22% - общественные организации, 19% - военно-патриотические клубы, 16% - СМИ, 12% - сверстники и друзья, 8% считает, что никто.

Одним из важных направлений в ходе организации воспитательной работы является формирование у молодежи представлений о героях и героических поступках. По данным авторского исследования, 77% респондентов считают героическим поступком борьбу с терроризмом, освобождение заложников; 63% - спасать людей из горящего дома, 36% - служить Отечеству, 34% - оказывать первую помощь человеку, которому стало плохо, 33% - спасать утопающих. В 6-ти школах задавался дополнительный открытый вопрос: «Есть ли герои нашего времени?» Несмотря на то, что 45% затруднились ответить, 24% назвали героями Олега Пешкова и Александра Прохоренко, погибших в Сирии, Магомеда Нурбагандова, погибшего в Дагестане, ветерана подразделения «Альфа» и героя Советского Союза Геннадия Зайцева, других сотрудников подразделения «Альфа». 10% героем назвали В.В. Путина и 44% выразили доверие президенту. На вопрос: «Чем вы гордитесь?» подавляющее большинство ответило - историей страны, победой в Великой Отечественной Войне (71%); менее половины - культурным наследием, традициями (41%); 32% - армией, военной сферой; 30% - природными богатствами России; 25% - российским

спортом; 23% - российской наукой; 17% - позицией России в мире, всего 3% — деятельностью органов власти, системой образования, здравоохранением.

Результаты исследования показывают, что половина опрошенных (55%) ощущают себя патриотами, 16% - не ощущают, 29% - затруднились ответить. Например, в Москве тех, кто считает себя патриотом – 51%, а в регионах Российской Федерации респондентов-патриотов от 60% до 91%. При этом 69% респондентов под патриотизмом понимают любовь к Отечеству, месту, где человек родился, к природе; 27% - верность, преданность, служение Отечеству и его защита, вплоть до самопожертвования; 14% - уважение к стране, ее традициям, культуре, к народу, к героям Отечества. Лишь для 6% - это желание вносить свой вклад в развитие страны, выполнять долг, исправлять недостатки страны. Интересен тот факт, что для 6% патриотизм - гордость за Родину, в то время как 47% испытывают чувство гордости за страну.

59% респондентов участвуют в мероприятиях патриотической направленности. Встречаясь с ветеранами ВОВ, локальных войн, спецподразделений (44%), участвуя в военно-спортивных играх (44%), фестивалях и конкурсах патриотической направленности (43%), у школьников формируется положительный образ военнослужащих, защитников Отечества. Становится социально-одобряемым отношение школьников к армии. Так, 56% хотели бы, чтобы их сын служил в армии, всего 17% - не хотели бы. Чувство долга перед Отчизной у школьников достаточно сильно: 69% готовы были бы в случае необходимости участвовать в защите Отечества, 9% - не готовы, 22% - затрудняются ответить. На вопрос: «Кем вы хотите стать?» 9% ответило — военнослужащим. Этот ответ входит в тройку самых популярных профессий для школьников. По данным Министерства обороны⁷, в течение последних трёх лет существенно вырос вступительный конкурс в военные вузы. В 2016 году конкурс в военные вузы среди юношей составил от 6 до 10 человек на место, а среди девушек - 30 человек на место.

Последние события в Сирии, Украине, террористический акт в г. Санкт-Петербурге указывают на то, что взаимоотношение с Западом приобретает форму практически открытого во-

енного противостояния, в котором России придется рассчитывать только на свои внутренние людские и материальные ресурсы. В данной ситуации формирование у современной российской молодежи морально-волевых и патриотических качеств на примере таких подразделений, как «Альфа», является важной основой национальной безопасности нашего государства.

Результаты авторского исследования показали высокий уровень участия школьников в мероприятиях патриотической направленности, желание защищать Отечество, служить в армии, гордиться историей страны и совершать героические поступки. Это подтверждает эффективность патриотической работы Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа». Можно проследить положительную динамику в ее работе со школами: в тех образовательных учреждениях, которые входят в структуру Ассоциации более 5-ти лет, интерес к проводимым ветеранами «Альфа» мероприятиям отметили 64% участников, а в тех школах, которые входят в эту структуру менее 1-го года - 45%.

В то же время возможности Ассоциации в расширении воспитательной деятельности среди молодежи ограничены. Выходом из данной ситуации является более широкое информационное обеспечение данной деятельности, создание условий для повышения активности ветеранских организаций в работе с молодежью, активизацию взаимодействия военно-патриотических объединений (клубов), ветеранских и гражданских организаций, вовлечения молодых ученых и преподавателей в развитие научно-методической базы патриотического воспитания.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1977.
2. Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года.
3. Самсонова Т.Н. К вопросу о патриотизме в современной России // Ломоносовские чтения-2008. Научная конференция. Сборник научных докладов. М., 2008.
4. Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2013–2014. Т. VII. Человек как субъект конструирования / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М., 2015.

5. Социологическая энциклопедия / под ред. Г.Ю. Семигина: В 2 т. М., 2003.

6. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года.

7. Федеральная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы».

8. www.ng.ru (Сайт Независимой Газеты)

9. www.levada.ru (Сайт Аналитического Центра Юрия Левады)

10. www.wciom.ru (Сайт Всероссийского Центра Изучения общественного Мнения)

11. www.government.ru (Сайт Правительства РФ)

12. www.gosduma.net (Сайт Государственной Думы РФ)

13. www.edu.ru (Сайт Федерального портала Российское образование)

Ссылки:

1 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1977. С. 453.

2 Социологическая энциклопедия / под ред. Г.Ю. Семигина: В 2 т. М., 2003. Т.2. С. 164.

3 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.gosduma.net/analytics/publication-of-legal-department/2014/>

6_7_Nacionalnaja_politika.pdf

4 Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/media/files/cefXleNUqOU.pdf>

5 Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>

6 В феврале-апреле 2017 года в 21-й подшефной школе Международной Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» было проведено (при содействии Ассоциации) авторское исследование на тему: «Уровень патриотизма у школьников общеобразовательных учебных заведений». Объектом исследования явилась молодежь в возрасте от 14 до 18 лет. Было опрошено 2362 респондента из 10 регионов РФ: Москва, Московская область, Екатеринбург, г. Александров Владимирской области, г. Балаково Саратовской области, с. Пехлец Рязанской области, с. Васильевка Липецкой области, Калуга, г. Чусовой Пермского края, станция Чепигинская Краснодарского края.

7 Интервью со статс-секретарем - заместителем Министра обороны Российской Федерации Николаем Александровичем Панковым. URL: <http://www.edu.ru/person/nikolay-pankov/>

Особенности регулирования межнациональных отношений в современном Китае

Ли Шанцзинь

Исследовано понятие «нация», «национальность», «этнос». В статье рассматривается сущность межнациональных и межэтнических отношений и их роль, значимость, влияние на современное общество. Выявлены основные характеристики категории «межнациональные отношения». Анализируются различия между понятиями межэтнические и межнациональные отношения, определены их ключевые признаки и составляющие. Межэтнические отношения анализируются по двум направлениям, как отношения между разными этническими группами в рамках одного государства и как отношения между разными нациями государствами. Выяснено, что межнациональные отношения отличаются своим глобальным, общекультурным и общеполитическим характером. Представлена характеристика двух ключевых форм развития межнациональных отношений – мирное сотрудничество и этнический конфликт. Рассматривается проблема межнациональных отношений в полиэтничном Китае, определена их специфика. Выяснено, что на территории Китая сегодня проживает 56 народов, основными среди которых являются этнические китайцы – ханцы, а остальные 55 – национальные меньшинства. Проводится изучение причин и последствий межнациональных конфликтов, произошедших в китайском обществе в рамках городов – Тибет и Синьцзян. Анализируются последствия произошедших на территории Китая конфликтов – антикитайского протеста, вспыхнувшего в Тибете 14 марта 2008 года («событие 314») и уйгурского конфликта, вспыхнувшего в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2009 году. Раскрываются вопросы современного регулирования межнациональных отношений китайским правительством. Определено, что проблема межнациональных отношений в настоящее время стала серьезной проблемой, на разрешение которой должны обратить внимание Центральное Правительство и все граждане, поскольку она наиболее тесно связана с коренными интересами китайской нации. Ключевые слова: межнациональные отношения, межэтнические отношения, нация, этнос, межнациональный конфликт, Китай, китайское общество, государственное регулирование.

Li Shangjin

Features regulation of interethnic relations in modern China

The concept of «nation», «nationality», «ethnos» is explored. The article deals with the essence of interethnic and interethnic relations and their role, significance, influence on modern society. The main characteristics of the categories «interethnic relations» are revealed. Analyzed differences between the concepts of interethnic and interethnic relations, their key features and components. Inter-ethnic relations are analyzed in two ways, as the relationship between different ethnic groups in different states. It was found out that interethnic relations are distinguished by their global, general cultural and general political character. A characteristic of two key forms of development of interethnic relations is presented: peaceful cooperation and ethnic conflict. It is found out that there are 56 peoples in China today, among which there are ethnic Chinese - Han people, and the remaining 55 - national minorities. A study is made of the causes and consequences of interethnic conflicts that have occurred in Chinese society within the cities - Tibet and Xinjiang. The consequences of the conflicts on the territory of China - the anti-Chinese protest that erupted in Tibet on March 14, 2008 («event 314») and the Uyghur conflict that erupted in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region in 2009, are analyzed. The questions of modern regulation of interethnic relations are revealed by the Chinese government. It is determined that the problem of interethnic relations has now become a serious problem for the Central Government and all citizens, since it is most closely connected with the fundamental interests of the Chinese nation.

Key words: interethnic relations, interethnic relations, nation, ethnos, interethnic conflict, China, Chinese society, state regulation.

Проблема отношений между представителями разных этносов и национальностей всегда была одной из приоритетных проблем любого высокоразвитого государства. Прежде всего это связано с необходимостью обеспечения стабильной обстановки в социуме и нормализации общественного климата. Особую важность вопрос межнациональных отношений представляет для полиэтничных стран, в частности, одной из таких сегодня является Китай.

Повышенный интерес именно к Китаю, как многонациональному государству связан с тем, что по статистике, эта страна находится на третьем месте в мире по территории и является самым крупным государством по численности населения. Сегодня на территории Китая проживает около 56 народов, среди которых более 91 % составляют этнические китайцы – ханцы.¹ На наш взгляд, именно в связи с этим, в современном Китае должно уделяться повышенное внимание вопросам межнациональных и межэтнических отношений.

Китайское правительство на протяжении всей истории китайского государства проявляло интерес и всячески способствовало положительному взаимодействию этносов и народов, проживающих на территории страны. Однако, несмотря на, казалось бы, гармоничные межнациональные отношения в современном Китае время от времени возникают конфликты между представителями разных национальностей.

Так, в 2008 году 14 марта в Тибете начались беспорядки, в процессе которых тибетскими защитниками были совершены неоднократные попытки потушить олимпийский огонь на территории разных стран по дороге в Китай. В 2009 году 5 июля в Урумчи – столице Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая прогремели массовые беспорядки, в результате которых пострадало много граждан и были зафиксированы даже случаи смертельного исхода. Пожарный, с этих времен, как китайское правитель-

ство, так и городская администрация, отдельные граждане начали обращать особое внимание на имеющиеся проблемы межнациональных отношений в китайском обществе.²

Во многом ситуация усложняется еще и тем, что в современном Китае с каждым днем увеличиваются миграционные процессы, что обусловлено высокой престижностью получения образования в китайских высших учебных заведениях и построения профессиональной карьеры в китайской компании. Так, в каждом последующем году количество пребывающих в Китае иностранных граждан стремительно увеличивается. Все это повышает актуальность и значимость обеспечения стабильности межнациональных отношений, достижения подлинного равноправия, обеспечения национальной и социальной безопасности. Решение вопросов межнациональных отношений должно решаться как на уровне национальной государственной политики, так и на социальном макро- и микроуровне.

Вообще, как таковые межнациональные отношения в китайском обществе являются предметом пристального изучения учеными, представителями совершенно разных научных областей. Так, данными вопросами сегодня занимаются ученые социально-экономического, социально-политического, правового и гуманитарного направлений.

Обращаясь к ключевому понятию настоящей статьи – «межнациональные отношения» следует отметить, что довольно часто оно отождествляется и используется, как равнозначное с понятием «межэтнические отношения». Однако, в рамках нашего исследования мы разграничиваем данные категории, прежде всего на основании различий в понятиях – нация и этнос.

Следует подчеркнуть, что несмотря на многочисленные исследования до сих пор не существует единого подхода к определению этих двух сложных категорий – «нация» (национальность) и «этнос». На основании проведенного анализа мы предлагаем понимать под нацией прежде всего духовную, культурно-политическую, социально-экономическую общность индустриальной эпохи. В то время как этнос представляет собой группу людей, которая обладает рядом общих субъективных или объективных признаков.³ Разграничивая данные понятия можно отметить, что нация, на наш взгляд, является высшей формой этноса, которая пришла на смену

понятию народности. Если существование этноса имеет место в процессе всей мировой истории, то формирование наций началось в новое, даже новейшее время. Как правило, в категорию «нация» включено одновременно несколько этносов, которые сведены друг с другом на основании ряда исторических причин.

Итак, резюмируя вышесказанное, мы можем сформулировать следующее определение понятию «нация». Нация – это совокупность разных этносов, которые на протяжении относительно длительного времени так или иначе взаимодействовали между собой, в результате чего сформировали новую общность, обладающую единой территорией, экономикой, политическим пространством, суверенитетом, отличающуюся едиными законами, правами и обязанностями для всего населения.⁴

Теперь мы можем перейти непосредственно к определению сущности самого главного понятия данного исследования – понятия «межнациональных отношений». Так, следуя логике, под межнациональными отношениями следует понимать в первую очередь, как это ни странно – отношения между представителями разных национальностей. В современном мире реализация межнациональных отношений может осуществляться на двух уровнях: 1-й уровень – отношения между разными этническими группами в рамках одного государства; 2-й уровень – отношения между разными нациями государствами.⁵

Так или иначе, в межнациональных отношениях реализуются интересы разных этнических групп. В свою очередь национальные интересы отличаются двойственной природой. С одной стороны, имеет место необходимость сохранения самобытности, уникальной культуры, с другой же стороны – выдвигается вопрос обогащения и развития культуры, что является естественным результатом межэтнического взаимодействия, достижения общечеловеческих ценностей.

Одной из важнейших и актуальных проблем любого современного полиэтничного и многонационального государства является проблема соблюдения прав этнически и национальных меньшинств. Не обошла сегодня стороной данная проблема и китайское общество.⁶ Прежде всего, для того, чтобы успешно развивать межнациональные отношения, следует обеспечить соблюдение некоторых важнейших гуманисти-

ческих принципов, а именно: отказаться от любого проявления насилия и принуждения; признать права и свободу человека, как важнейшие ценности, вне зависимости от его национальной принадлежности; быть готовым к мирному урегулированию возникающих противоречий, быть готовым к привлечению третьей (независимой) стороны для выработки компромиссных решений; развивать экономическое и культурное сотрудничество между представителями разных национальностей и этнических обществ.

Если говорить более конкретно, то межнациональные отношения представляют собой систему различных связей, существующих между разными нациями и народами, функционирующими в пределах единого национально-территориального гражданского сообщества, многонационального государства. Реализация таких отношений происходит по двум основным направлениям:⁷

с отношения между разными национальностями внутри одного государства (к примеру, в современном Китае это касается отношений между ханьцами, уйгурами, тибетцами и другими национальностями общностями);

с отношения между нациями разных государств (к примеру, это касается отношений между китайцами и японцами).

Как уже можно было понять, наибольший интерес для нас в рамках настоящего исследования представляют отношения, возникающие между разными национальностями в пределах одного государства. Представители разных национальностей внутри конкретного общества взаимодействуют в разных направлениях, прежде всего – такое взаимодействие осуществляется по вопросам политики, культуры, науки, искусства, журналистики и прочего. В более узком смысле реализация межнациональных отношений осуществляется на межличностном уровне и затрагивает в первую очередь трудовую, бытовую, семейную и другие сферы, виды коммуникации.

Как нами уже было отмечено, межнациональные отношения могут иметь позитивный и негативный характер. На основании этого выделяют две ключевые формы развития межнациональных отношений – мирное сотрудничество и этнический конфликт.⁸

Этнический конфликт представляет собой в первую очередь конфликт, возникающий меж-

ду представителями этнических общин, которые проживают в тесной близости в пределах какого-либо государства. Известным русским исследователем А.Р. Аклаевым в рамках научной работы «Этнополитическая конфликтология» было предложено более конкретное и исчерпывающее определение феномена «этнополитический конфликт». Так, он предлагает понимать под ним прежде всего столкновение субъектов политики в их попытке реализовать свои интересы и ценности, которые связаны прежде всего с достижением или перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых различия по этническому признаку становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа.⁹

Межнациональные конфликты могут быть вызваны множеством причин. Наиболее частыми среди них являются – экономические причины; борьба между представителями разных этнических групп за природные и материальные ресурсы; социальные причины, борьба за равноправие в образовании и при приеме на работу; культурно-языковые причины – требованием сохранения родного языка и развития этнической культуры; прошлые исторические взаимоотношения между разными народностями; религиозные причины; неправильное понимание образа жизни и видения мира другого этноса.

Проблема межнациональных отношений довольно часто имеет религиозные корни, историческая проблема зачастую тесно переплетается с реальной проблемой, политическая проблема – с социальной, международная – с внутренними проблемами государства. В результате такого многообразия проблема межнациональных отношений имеет особо сложный характер, поскольку касается экономической, политической, социальной сферы, затрагивает вопрос языка, географии, традиций и психологического состояния населения конкретной страны.

Перейдем непосредственно к рассмотрению особенностей регулирования межнациональных отношений в современном Китае. Как уже было сказано ранее, национальный состав населения Китая сегодня является чрезвычайно разнообраз-

разным. В состав китайского общества входит большое количество различных этнических групп. Официально признанными в Китае являются 55 национальных меньшинств, численность которых насчитывает более ста миллионов и составляет 8,4 % от общего числа населения страны. Они расселены на территориях национальных автономий различного административного уровня, занимающих 64 % территории Китая.¹⁰ Такая ситуация является особенной в рамках многонационального государства. В связи с этим процесс управления межнациональными отношениями в пределах китайского государства представляет особую сложность. На сегодняшний день наиболее многочисленным национальным меньшинством являются чжуаны, численность которых составляет 16 миллионов и которые занимают около 1,3 % от общей доли национальных меньшинств, представленных в китайском обществе.¹¹ Помимо этого, нельзя не упомянуть о том, что Китай сегодня является многоконфессиональной страной. Наибольшее количество последователей имеют буддизм, даосизм, ислам, католицизм и христианство. Большинство национальных меньшинств, проживающих на территории Китая, обладают своими религиозными верованиями.

В современном Китае обнаруживается пять автономных районов – Синьцзян-Уйгурский автономный район, Внутренняя Монголия (расположенная в северной части Китая), Нинся-Хуэйский автономный район (территориально находящийся на севере центральной части Китая), Тибетский автономный район (западная сторона Китая), Гуанси-Чжуанский автономный район (южная часть Китая). Каждая из национальных автономий разделена на три уровня по площади и количеству населяющих ее национальных меньшинств: автономные районы, автономные округа и автономные уезды. На сегодняшний день в Китае обнаруживается 30 автономных округов и более 120 автономных уездов.¹²

Вообще, создание национальных районных автономий является главным способом решения Центральным Правительством Китая этнических и национальных проблем. Так, районная автономия призвана согласовывать и регулировать процессы институционализации и легализовать этнические вопросы в Коммунистической партии Китая. Кроме того, в соответствии с

Конституцией Китайской народной Республики, на основании «Закона о региональной этнической автономии» и других взаимосвязанных законов, право каждого этноса на участие в управлении государственным и местными делами закреплено на юридическом уровне. К примеру, абсолютно все граждане, достигшие 18-ти летнего возраста, имеют право принимать участие в голосовании и быть избранными. Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (далее ВСНП) выделяются места для представителей этнических меньшинств их каждой провинции. Каждая этническая группа, проживающая в определенной общине, должна иметь своего представителя в Народном Конгрессе. При этом ряд ключевых должностей в автономных регионах, которые призваны регулировать политику региональной автономии, может быть занят исключительно представителями определенной этнической группы.

Однако, как свидетельствует реальная практика, за последние несколько лет в направлении реализации такой политики возникло ряд существенно важных вопросов. Так событие, произошедшее в Лхасе в 2008 году и событие, возникшее в Урумчи в 2009 году, вместе с некоторыми вспышками (активизацией) терроризма в последнее время, неблагоприятно повлияли на гармоничном развитии межнациональных отношений и социальную стабильность китайского общества. Так, многие китайские ученые, политики и широкая общественность обеспокоена ситуацией межнациональных отношений современного китайского общества. Многими учеными даже были поставлены под сомнения национальные различия и районные национальные автономии Китая, предложено внесение изменений в национальную политику, прежде всего, с целью содействия сотрудничеству представителей разных национальностей.

Итак, предлагаем обратиться к анализу основных направлений современных межнациональных отношений Китая и изучению самых острых из существующих сегодня проблем национального и этнического характера.

Первой и, пожалуй, одной из наиболее серьезных в межнациональном плане является проблема Тибета. По мнению центрального правительства и всего китайского населения Тибетский автономный район является неотъемлемой

частью Китая.¹³ Вопреки желанию большинства людей о счастливой жизни, стабильности в единстве, некоторые люди, в частности – сепаратисты, имеют ряд скрытых мотивов относительно отделения района. Однако же, современная китайская политика направлена прежде всего на предотвращение такого рода ситуаций проявления сепаратистских тенденций.

Самой известной проблемой в последнее время являются массовые антикитайские протесты, которые вспыхивают каждый раз с новой мощностью и силой в Тибете. Одним из последних является протест 2008 года, который был назван «событием 314».¹⁴ Так, в марте этого года в Тибетском автономном районе и провинции Цинхай вспыхнули крупнейшие тибетские протесты. После этого китайским правительством был учрежден день освобождения тибетцев от крепостного рабства в качестве ответного действия. Также после тибетских протестов 2008 года китайское правительство значительно усилило внимание к вопросам патриотического воспитания. Помимо всего прочего в Тибет были направлены служащие и войска. Одним из негативных и, пожалуй, существенных последствий произошедших протестов стало уменьшение туристического потока в данный район.

Второй проблемой межнациональных отношений в современном китайском обществе является проблема уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. На сегодняшний день Синьцзян представляет собой регион, в котором мирно проживает большое количество и разнообразие этнических групп. Так, данный регион представлен 55 разными этническими группами, среди которых 13 коренных. Китайское правительство в решении национальных вопросов и регулировании национальных отношений данного региона предпочитает придерживаться ключевого принципа национального равенства, сплочения, расцвета и развития всех национальностей. В связи с этим в 1984 году было вынесено постановление о создании в районах компактного проживания национальных меньшинств Института национальной автономии.¹⁵

Распределение национальных меньшинств по территории Китая называется – большим смешанным проживанием и компактным проживанием меньшинств группами. На сегодняшний день абсолютно между всеми националь-

ностями существуют тесные связи. Так, ханьцы не отделимы от других национальных меньшинств, в то время, как они сами не отделены от ханьцев. Такая государственная идеология китайского правительства является своеобразной гарантией национального сплочения.

В течение последних нескольких лет Синьцзян является источником серьезных проблем этнополитического характера. Так, за последние пять лет на территории автономии произошло несколько этнических конфликтов, практически каждый из которых связан с уйгурами. К примеру, в 2013 году в июне 16 уйгуров погибло в результате взрыва, который произошел в округе Аксу, в апреле этого же года в процессе столкновения между этническими уйгурами и полицией погиб 21 человек, включая 15 полицейских.

Среди всех конфликтов, когда-либо возникающих в данном районе, пожалуй, самым серьезным и известным является столкновение, произошедшее 5 июля 2009 года в столице Синьцзяне городе Урумчи. В этот день несколько тысяч жителей вышли на демонстрацию протеста против притеснения со стороны китайского большинства. Как свидетельствует официальная статистика, в общей сложности в процессе данных событий 197 человек было убито, 1721 человек ранен, в том числе зафиксировано 156 случаев гибели невинных людей. Основной причиной конфликта послужила гибель двоих уйгуров во время столкновений рабочих на фабрике игрушек в провинции Гуандун. Как сообщают китайские СМИ, столкновения были спровоцированы из-за домогательств со стороны рабочих-уйгуров к девушке ханьской национальности, на помощь которой пришли рабочие-ханьцы. Официальными властями данный инцидент в Гуандуне рассматривался лишь в качестве предлога к тому, что произошло в Урумчи. Ответственность за беспорядки была возложена на «Международный уйгурский конгресс», который, по мнению китайских властей, хочет отделить Синьцзян от Китая, не учитывая желания всех народов Синьцзяна. При этом, нельзя не уточнить тот факт, что китайские власти попытались всячески ограничить подачу информации относительно конфликта под предлогом защиты людей от «излишнего стресса». Так, на момент столкновений были заблокированы сотовая связь (SMS-переписка), а также забло-

рован доступ к сети Интернет.

Говоря о межнациональных отношениях современного Китая, Генеральный секретарь Си Цзиньпин в рамках заседания Центральной конференции по этнической работе в сентябре 2014 года акцентировал внимание на том, что отношения между китайскими и разными другими этническими группами похожи на отношения между разными семьями и членами семьи. Межнациональные отношения выступают в качестве отношений между различными членами большой семьи. После образования Китайской Народной Республики за эти 65 лет национальная концепция и политический курс партии являются правильными. Путь, который выбран Китаем для решения этнических проблем (с учетом китайской специфики) является правильным, а межнациональные отношения страны носят, в основном, гармоничный характер.¹⁶ В рамках заседания также было отмечено, что особо важным является правильное понимание главного течения межнациональных отношений страны и работа в направлении светлой стороны национального единства, умение сплочения массы и укрепление контактов, обменов между разными этническими группами.

За последние несколько лет в процессе реализации развития западного Китая (так называемая политика китайских властей, направленная на обеспечение ускоренного развития западных регионов страны), Центральное Правительство и Приморская область Китая инвестировали значительные средства в территории, в которых проживает наибольшее количество национальных меньшинств. Было запущено несколько крупнейших проектов, которые стали привлекательными для многих восточных стран и китайской рабочей силы из центральной части Китая. Во многом это также оказало влияние на изменение экономических и социальных структур в западном регионе, поскольку обмен между китайцами и западными этническими меньшинствами вступил в новый исторический период. На протяжении последних нескольких лет в Китае также отмечается учащение работы по разъяснению специфических особенностей национальных культур и пропаганда политики национального равенства среди китайского населения.

Таким образом, межнациональные отношения отличаются своим глобальным, общекуль-

турным и общеполитическим характером. Они затрагивают сферу экономики, политики, общества, географии, традиций, психологического состояния, поднимают ряд языковых вопросов. Любое полиэтничное и многонациональное государство имеет проблемы, касающиеся сферы межнациональных отношений и Китай в этом не является исключением. На основании проведенного анализа можно сказать о том, что регулирование межнациональных отношений является одним из приоритетных направлений в деятельности правительства современного китайского государства.

Литература

1. Аклаев А.Р. Этнологическая конфликтология: анализ и менеджмент: учебное пособие. М.: Дело, 2005. С. 89.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Либроком, 2008. 440 с.
3. Выступление Генерального секретари Си Цзиньпина на заседании Центральной конференции по этнической работе в сентябре 2014 года http://news.xinhuanet.com/politics/2014-09/29/c_1112683008.htm дата обращения: (2.04.2018).
4. Гарри И. Тибетский вопрос // Вестник БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2013. № 3 (11). С. 161-165.
5. Гарри И.Р. Тибетский буддизм в современных реалиях Китая // Улан-Удэ: Вестник Бурятского государственного университета. 2015. С. 160-163.
6. Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М.: Издательство «Восточной литературы» РАН, 1996. 345 с.
7. Жуков В.И. Большой этнологический словарь. М.: Изд-во Рос. гос. соц. ун-та; Омега-Л, 2011. 922 с.
8. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Академия, 2008. 320 с.
9. Кузьмин С.Л. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1 (4). С. 148-157.
10. Лавровский Н.А. Политология: учебное пособие. Томск: ТУСУР, 2003. 344 с.
11. Магомедтагиров А.М. Проблемы совершенствования практики применения законодательства для противодействия экстремизму // Законодательство и право. 2010. № 5. С. 34-36.

12. Международные акты о правах человека // Сборник документов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. 784 с.
13. Мехтиев Р.Э. Межнациональные отношения на исходе XX столетия: проблемы теории и политики. Б.: Азернешр, 1995. 222 с.
14. Мосина В.В. Этническая политика как инструмент предотвращения межэтнической напряженности и конфликтов в регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. № 3. Т. 12. С. 54-58.
15. Нации и национализм / Б. Андерсон. М.: Праксис, 2002. 418 с.
16. Садохин А.П. Этнология: учеб. пособие. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. 350 с.
17. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
18. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИПРАН Академический Проект, Екатеринбург. 2000. 320 с.
19. Сыроежкин К.Л. Современный Синьцзян и его место в казахско- китайских отношениях. Алматы: Фонд Евразии, 1997. 350 с.
20. Сыроежкин К.Л. Этносоциальный фактор развития Синьцзяна // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 32-41.
- Ссылки:**
- 1 Кузьмин С.Л. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1 (4). С. 148-157.
- 2 Кузьмин С.Л. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1 (4). С. 148-157.
- 3 Мехтиев Р.Э. Межнациональные отношения на исходе XX столетия: проблемы теории и политики. Б.: Азернешр, 1995. 222 с.
- 4 Нации и национализм / Б. Андерсон. М.: Праксис, 2002. 418 с.
- 5 Нации и национализм / Б. Андерсон. М.: Праксис, 2002. 418 с.
- 6 Аклаев А.Р. Этнологическая конфликтология: анализ и менеджмент: учебное пособие. М.: Дело, 2005. С. 89.
- 7 Аклаев А.Р. Этнологическая конфликтология: анализ и менеджмент: учебное пособие. М.: Дело, 2005. С. 89.
- 8 Там же.
- 9 Аклаев А.Р. Этнологическая конфликтология: анализ и менеджмент: учебное пособие. М.: Дело, 2005. С. 89.
- 10 Кузьмин С.Л. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1 (4). С. 148-157.
- 11 Там же.
- 12 Кузьмин С.Л. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1 (4). С. 148-157.
- 13 Гарри И.Р. Тибетский буддизм в современных реалиях Китая // Улан-Удэ: Вестник Бурятского государственного университета. 2015. С. 160-163.
- 14 Кузьмин С.Л. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1 (4). С. 148-157.
- 15 Сыроежкин К.Л. Современный Синьцзян и его место в казахско- китайских отношениях. Алматы: Фонд Евразии, 1997. 350 с.
- 16 Выступление Генерального секретари Си Цзиньпина на заседании Центральной конференции по этнической работе в сентябре 2014 года http://news.xinhuanet.com/politics/2014-09/29/c_1112683008.htm дата обращения: (2.04.2018).

People's Republic of China and Taiwan political status quo in the 2010s: A shift towards nationalist ideology

Шаров К.С.
Политический статус-кво КНР и Тайваня в 2010-х: сдвиг в сторону националистической идеологии

В статье показано, что многие китайские этнические группы развивались раздельно на протяжении многих тысячелетий, часто вступая в политические столкновения и экономическую конфронтацию с представителями ханьской национальности. Поэтому границы современного Китая не объясняются этнокультурным единством, но на самом деле они отражают волю китайских императоров и секретарей коммунистических глав, а также их военный потенциал. Даже самоназвание Китая, Срединное государство, является в большой степени продуктом идеологической деятельности центрального правительства, в том числе современной коммунистической партии. Указано, что Тайвань представляет собой пример растущего национализма. Тайвань претендует на прямую политическую и культурную преемственность от императорского Китая, в то время как коммунистическое правительство континентального Китая считается незаконным. С момента образования государства, независимого от Японии, в 1945 году, население Тайваня всегда считало людей, живущих на материке, своими братьями-близнецами. Однако в настоящее время мы сталкиваемся с ситуацией роста националистических движений на Тайване.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, Китайская Народная Республика, Республика Китай, КНР, РК, Тайбэй, национализм, националистическая идеология, Си Цзиньпин, Цай Инвэнь

Sharov K.S.

Some of the Chinese ethnic groups have been developing separately for many millennia, often entering into political clashes and economic confrontation with title Han nationality. Therefore, the boundaries of modern China are not explained by ethnocultural unity, but they reflect, in fact, the will of the Chinese emperors and Communist general secretaries as well as their military capabilities. Even the self-name of China, the Middle State, is nothing but a product of the ideological activity of the central government, including the modern Communist Party: the Kazakhs, Vietnamese, Indians, Uighurs etc., members of the Middle State, never considered themselves to be the centre of the Universe, as well as part of the Celestial Empire.

Taiwan represents an example of growing nationalism. The Taiwanese claim for the direct political and cultural succession from imperial China while the Communist government of the mainland China is deemed illegitimate. From the formation of the state independent from Japan in 1945, the population of Taiwan always considered the people living in the mainland their twin brothers. However, nowadays we face the situation of growing nationalist movements in Taiwan.

Key words: China, Taiwan, Republic of China, People's Republic of China, ROC, PRC, Taipei, nationalism, nationalist ideology, Xi Jinping, Tsai Ing-wen

The People's Republic of China representing a historically formed empire, found itself in a difficult situation in the early 21st century. In an effort to preserve a "centralised" national culture, the Chinese governmental authorities are constantly confronted with intercultural conflicts that may easily transform to open and acute ethnic conflicts [11, p. 103]. Based on customary political habits of Chinese rulers, it can be assumed that the simplest solution of this problem for the leadership of the PRC should be the total political suppression of cultures of distinct nationalities, real suppression, not assimilation [6, p. 38]. But what has been a good and powerful tool throughout the history, now seems an anachronism, and under the conditions of worldwide spreading the ideas of mosaic multiculturalism causes the rebuke of the world community [4, p. 17]. Given the mutual incompatibility of a number of cultures and the low probability of a successful intercultural dialogue of the nationalities of China, the only way for the PRC government seems to be the development of effective social and cultural technologies that would make it possible to spread the national culture of Han nationality, the title nationality in China, and supersede the cultures of separatist-minded ethnic groups by it [5, p. 147]. This would require the implementation of the whole range of national policies, including the activities of the cultural elites and intellectual theorists, as well as full support of government at all levels [2].

The purpose of this article is to briefly outline the interaction between China and Taiwan, which is one of examples of the most complex nationalist confrontation in modern China.

"Two countries, one people", this is the collocation by which the ideology of mutual relations between mainland China and Taiwan has always been called. Now, not only Xi Jinping is considered the head of Taiwanese Republic of China in mainland China, but also Taiwan leader Tsai Ing-wen speaks of herself as "the president of all the Chinese". Formed by Chiang Kai-shek, the Republic of China

with its 23 million inhabitants, has always kept itself on an equal footing with the People's Republic of China, populated by 1.7 billion people by claiming that Republic of China (Taiwan) maintains the real continuity of Chinese traditions and is characterised by direct succession to imperial China [12]. This can be given, after all, an economic explanation. Taiwan together with its mainland neighbour, Fujian Province of China are most economically developed and rich regions. Taiwan is separated from Fujian (the main city is Fuzhou with which Taiwan has the closest air traffic), but the people of Taiwan and Fujian have always represented a single historically formed territorial unit [9, p. 51]. More precisely, Taiwan was originally inhabited by the people of Fujian, so they are like the twins, whom their destiny separated. The Taiwanese investments to the Chinese economy in 2012 were territorially distributed in a proportion of about eight to one (Fujian – the rest of China). Because the Taiwanese economy is a constantly working pump that pumps US dollars into the booming economy of the PRC, the “older brother” has to accept many political eccentricities of the younger one who can afford to bite and kick hard.

Are there any chances of the restoration of the united Chinese nation as a result of a merger of the PRC and ROC, or will the island become completely independent over time?

This question is difficult to answer now. The 21st century did not resolve long-standing disputes between PRC and ROC, but even more obscured the picture in some areas. Communist China's position is quite understandable. Despite the fact that in October 2010, former Premier Wen Jiabao publicly, albeit in a very vague form, said that the government would withdraw more than 1,600 ballistic missiles aimed at Taiwan, two days later the deputy defence minister of Taiwan stressed that the military threat from the mainland has been growing all the time during the spring and summer of 2010 [10]. This amount of weapons would possibly suffice to eliminate not only Taiwan but Japan too. Taiwan solves the problem of military intimidation quite simply: since the Asian “tiger” can afford to fork out, the Taiwanese political leaders always buy weaponry from the Western countries, primarily USA, Britain and Germany. Of course, this cannot but irritate the PRC, and hence many frictions between China and the United States arise.

Of course, at present the relationship between the mainland and the island became much less

hostile than it was under the predecessor of the current president of Taiwan. Nevertheless, in the 21st century a something new and really frightening appeared in relations between China and Taiwan. On the island, more and more people began to consider themselves a “Taiwanese nation”. What kind of individual nation can we talk about when 98.5 per cent of the Taiwanese population is the Han nationality, the main ethnic unit of China? According to the materials published in September 2011 issue of the Taipei newspaper United Daily News, 16 per cent of Taiwan residents want the complete independence, with 18 per cent considering themselves separate from the Chinese people. 5 per cent of people are eager to reunite with the PRC and 82 per cent recognise the existence of a single nation with the inhabitants of the mainland [14]. If we compare these data with the results of the surveys of 2000 and 1990, the difference cannot but impress: in 1990, 2 per cent of Taiwanese population considered themselves as separate people, in 2000 – 10, and in 2011 – already 18 per cent. Let's think a little: almost the fifth of the Taiwanese is confident that they are only real Chinese while the mainland population does not represent real Chinese nation! There is an evident tendency to split with China in the sphere of borderlands, and in terms of national identification. Therefore, there is every reason to argue of the emerging Taiwan nationalism. The Chinese of the island do not regard the Chinese of the mainland as their twin national brothers (at least one fifth of the population), and this manifestation exists despite the well-known tight diaspora integration of the Chinese.

In his recent interview with the Western media, Wen Jiabao stressed that Taiwan is of the “central interest” of the government. This interest, he said, also includes the South China Sea with newly discovered shelf oil fields, Tibet and Xinjiang (an area with predominantly Muslim populations seeking independence). With respect to these territories, according to the former prime minister, there was no, there is not, there will never be a policy of compromise, and any attempts to secede will be laid down by force. This statement could probably add fuel to the fire of confrontation between the PRC and Taiwan, but the PRC does not currently seem to make any slipshod moves at the political arena.

To what the attempts of the people of Taiwan will lead in an effort to disassociate themselves from

the mainland Chinese in this obviously nationalist way in the future, is extremely difficult to predict, if possible at all. In an open war with the PRC, Taiwan is unlikely to stand more than a week without US military intervention. But will the USA really support the new nationality, given that the PRC is the largest holder of 30-year US government bonds and largest US trade partner? If the war breaks out, the investors will undoubtedly withdraw their funds from the booming Taiwan stock market immediately because of the threat of political and economic instability, which would definitely replace a rather long period of steady growth.

In the end, the current double standards of America can be significantly more favourable for both the older and younger Chinese brothers than the unreasonable policy of "fighting communism at any cost" led by Bush the Younger and Reagan [13]. However, Trump's new escalation of trade war with modern China together with his plans to visit Taiwan personally can hardly be called a reasonable step to appease China-Taiwan tensions. With the current state of things, the PRC may be a much more favourable partner for the States in the 21st century if one takes into account the huge difference in GDP growth rates between the PRC and Taiwan, but Trump is barely seeing this now. There is no real chance that the US-Chinese-Taiwanese tripartite economic cooperation will take place in the nearest future that may help to restore the greatly shaken concept of "one people, two countries".

Is it possible for mainland China and Taiwan to completely reunite? Five years ago, the answer would be an unambiguous "no". Now this scenario is not so unlikely, although somewhat fantastic. Starting in January 2011, Chinese professional trading firms are allowed to conduct operations on the Taiwanese stock exchange, and the yuan and Taiwanese dollar have become mutually convertible. Agreements on economic cooperation were concluded between the PRC and Taiwan [10]. In both parts of China, from the beginning of 2011, the same healthcare standards as well as development and use of medicines have been adopted.

The situation is complicated not by the difference in economic systems, but by the moods of many political Taiwanese elites who want to build a separate nation. The claims of Taiwanese nationalist show that the "eastern" versions of the nationalist political theories and social movements call the global world to take the problem seriously. In the future, the

Taiwanese nationalism may outweigh all the favourable economic and geopolitical factors, as well as the arguments of common sense.

Some western scholars such as Etienne Balibar and Immanuel Wallerstein argue that Chinese ethnicity has no essential, core or underlying reasons to exist. There is only a "discourse of fictitious ethnicity" [3, p. 96]. Of course, if we bear in mind the fictitiousness of the Taiwan nation, then it may be indisputably regarded fictitious, but fictitious only for supporters of the actions of the leadership of the PRC. If we talk about the position of a number of Western politicians, as well as the inhabitants of the island, it is hardly a fictitious one. The "fictitious identity discourse" approach to Taiwan is unlikely to be confirmed by empirical evidence according to which many Taiwanese now sacrifice both welfare and social status for upholding new nationalist ideals and do this not only voluntarily, but also with sense of great content: and nationalism in Taipei occupies many minds as much as during the reign of Mao.

Concerning the Chinese-Taiwanese national problem, Benedict Anderson is right when he says that the end of the era of nationalism, which was prophesied so long, is still very, very far away. To be a nation is in fact the most universal and legitimate value of our time" [1, p. 27]. I believe that the famous researcher of the processes taking place in modern society, Spanish post-Marxist Manuel Castells, is not entirely right, saying that the Sino-Taiwan relations are based on the identity of "network communications" [8, p. 328]. Castells believes that in the era of postmodernism, the PRC and Taiwan completely separated from national narratives and programs and transformed into "network states", and the Chinese nation began to exist independently of government policy, limiting itself to some cultural narrative. The wide spread of the Taiwanese nationalism in the 21st century is explained by the Spanish researcher from an instrumentalist viewpoint; Taiwan's national identity represents a defensive reaction to the tendencies of globalisation. The similar views are defended by Craig Calhoun in his work "Nationalism" [7, p. 170]. Castells and Calhoun possibly anticipate the future situation, but so far we can conclude that the formation of a new Taiwan nation is a result of the activities of the nationalist elites of Taipei and the involvement of the general public in their programs. Former Taiwan President Ma Ying-jeou's opposition saw national ideals as the basis for the political ideologies and

social transformations of today's Taiwan. In addition, the nationalist propaganda in Taipei, basically, does not coincide with the primitive version of the existence of the Taiwan nation as a protective identity aimed at maintaining psychological counteraction to the tendencies of universalism and globalisation. It has a pronounced anti-Chinese character.

In the Soviet Union, the Communist party establishment always regarded China as a Soviet "younger brother" who is walking the paved way. However, even under Leonid Brezhnev, it became clear that the model of Chinese communism would be completely different from that of the Soviet Union, which could not but cause a flurry of criticism of China in the Soviet Union. The reforms of Deng Xiaoping completely transformed China and gave it a new powerful impetus to the development of a market economy; and eliminated ideological, cultural and ethnic excesses, as well as Mao Zedong's blatant managerial errors.

In the 21st century, the PRC shows the whole world a vivid example of the only country in which the Communist ideology and market economy co-exist as the magnificent hybrid of the command and market approaches. At present, China comes out on top in the world in terms of GDP growth and financial assets, as well as stability of national currency. The world's three most serious financial and economic crisis over the past 15 years affected China and Taiwan to a much lesser extent than so-called Western developed countries.

This cannot but disturb these countries. The main problem of the PRC is its complex territorial and ethnic composition, which is a constant catalyst for centrifugal thoughts. Nevertheless, the presence of a huge nuclear arsenal and one of the largest armies in the world, as well as unprecedented economic success, contribute significantly to stabilising the geopolitical and national situation in China and maintaining the status quo in relations with Taiwan.

So, we can state that in the 21st century, there is an obvious progress in relations between China and Taiwan. The reason consists in the application of skilful management technologies in the scopes of economy, politics and society. Also indicative are the tighter economic bonds between the US and PRC, which began to spread several years ago but now are considered unsteady again, when Trump demonstrates his political wish to support Taiwan in its nationalist move against mainland China.

The PRC experience in the field of administrative technologies for solving national conflicts is priceless. It may be successfully accommodated to modern Russia needs, where the threat of nationalism and religious fundamentalism is still high. In a similar ethnopolitical situation, USA is an example of a country with one of the highest levels of violence, but China, on the contrary, demonstrates one of the lowest levels of fundamentalism, terrorism and religious fanaticism. Not the least role in the fact that the Taiwan problem does not create a threat of terrorism, is played by the pre-emptive measures taken by the PRC government. In this respect, the government succeeded in the area where Britain failed to do with IRA, Spain with Catalonia and Land of the Basques, Turkey with the Kurds.

The sturdiness of the struggle against the new Taiwan nationalism, political self-confidence backed by incredible industrial, financial and social innovations, these are the constituent parts of the current Chinese national programme. In the foreseeable future, China will scarcely lose its political integrity. In today's world where separation and differentiation processes have very high level, world fragmented to identities, an example of national relationship between China and Taiwan is extremely relevant.

References

1. Anderson B. (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London, 224 p.
2. Balakrishnan G. (ed). (2012). *Mapping the Nation*. London, 336 p.
3. Balibar E., Wallerstein I. M. (1991). *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities*, London, 232 p.
4. Barth F. (1998). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston, 153 p.
5. Benhabib S. (2002). *The Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton, 280 p.
6. Bush R., O'Hanlon M. (2007). *A War Like No Other: The Truth About China's Challenge to America*. New York, 240 p.
7. Calhoun C. (1997). *Nationalism*. Minneapolis, MI, 230 p.
8. Castells M. (2000). *The Rise of the Network Society: Economy, Society and Culture*. Vol. 1. Oxford, 624 p.

9. Clark C., Tan A. C. (2012). Taiwan's Political Economy: Meeting Challenges, Pursuing Progress. New York, 203 p.

10. Facing China. Thoughts on Asia-Pacific Security from Taiwan. [Electronic resource], available at <http://trontaiwan.wordpress.com/2011/01/22/us-weapons-sales-to-taiwan-2011-redux/>, retrieved on 09 April 2018.

11. Feuerwerker A. (1968). The Chinese Economy, 1912–1949. Ann Arbor, MI, 220 p.

12. Gellner E. (2006). Nations and Nationalism: New Perspectives on the Past. London, 208 p.

13. Obama Salutes Taiwan-China Progress. [Electronic resource], available at <http://www.chinapost.com.tw/taiwan/china-taiwan-relations/2011/01/21/288459/p2/Obama-salutes.htm>, retrieved on 09 April 2018.

14. United Daily News, Taipei. Issue of 17 September 2011.

Организационная культура административно–управленческих подразделений наукоемкого предприятия

Перкова Е. П.

Объектом исследования выступил административно-управленческий персонал одного из наукоемких предприятий московского региона, предметом – организационная культура данных подразделений. Диагностика осуществлялась методами анкетирования всех сотрудников административно-управленческого персонала, интервьюирования руководителей, тестами на определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С.Ивашкин, В.В.Онуфриева), определение типа мотивации и стимулирования по методике В.Герчикова, психометрического теста К.Э.Сишора и опроса по методике К.Камерона и Р.Куинна (OCAI).

Ключевые слова: организационная культура, типы организационной культуры, элементы организационной культуры, административно-управленческий персонал наукоемкого предприятия.

Perkova E.P.

Organizational culture of administrative and managerial divisions of the knowledge-intensive enterprise

Object of a research the administrative and managerial personnel of one of the knowledge-intensive enterprises of the Moscow region, as a subject – the organizational culture of data of divisions acted. Diagnostics was performed by methods of questioning of all employees of administrative and managerial personnel, interviewing of heads, tests for determination of valuable and orientation unity of group (TsOE) (V.S. Ivashkin, V.V. Onufriyeva), definition like motivation and stimulation by V. Gerchikov's technique, the psychometric test of K.E. Sishor and poll by K. Cameron and R. Kuinn's technique (OCAI).

Keywords: organizational culture, types of organizational culture, elements of organizational culture, administrative and managerial personnel of the knowledge-intensive enterprise.

Чтобы добиться высокой производительности труда на предприятии и сделать его деятельностью максимально эффективной помимо распределения финансов, выбора стратегий и организации труда необходимо уметь грамотно распоряжаться главным ресурсом любой организации – людьми. Актуальность выбранной для изучения темы заключается в том, что во многом именно от сотрудников организации, их сплочения и веры в свое дело зависит успех любого предприятия. Организационная культура – именно то, что объединяет коллектив, формирует дух команды, общие ценности, определяет характер поведения и взаимоотношений сотрудников как между собой и с клиентами, так и по отношению к самой организации.

В литературе встречается множество различных точек зрения на само определение корпоративной культуры, но, несмотря на очевидное разнообразие толкований организационной культуры, в них есть общие моменты. Так, в большинстве определений авторы выделяют образцы базовых предположений, которых придерживаются члены организации в своем поведении и действиях. Эти предположения часто связаны с видением окружающей индивида среды (группы, организации, общества, мира) и регулирующих ее переменных (природа, пространство, время, работа, отношения и т. д.). Что касается типологий организационной культуры, то нам представляется наиболее удачной подход К. Камерона и Р. Куинна. Данные авторы основывались на теоретической модели «Рамочная конструкция конкурирующих ценностей». В ее основе лежат две шкалы, отражающие критерии эффективности организации (стабильность и целостность/гибкость и дискретность, а также внутренняя ориентация/внешняя направленность) [Камерон К., Куинн Р., 2001, 61]. В соответствии с этими шкалами выделяется 4 типа

Рис. 1. Оценка взаимоотношений между сотрудниками и руководством

организационной культуры: клановая, адхократическая, бюрократическая и рыночная.

Базой для исследования выступило одно из наукоемких предприятий московского региона, которое переживает в настоящее время период реорганизации. В данных условиях основное внимание руководства направлено на формирование научно-технологического комплекса помещений, расширение штата сотрудников, в том числе, подборе и отборе научного персонала. Проблема выстраивания и развития эффективной организационной культуры отошла на второй план, в связи с чем возникла необходимость ее оценки. Для анализа ее состояния были выбраны следующие методы: анкетный опрос персонала по методике К. Камерона и Р. Куина [Камерон К., Куинн Р., 2001] для определения желаемого и реального типа культуры; психометрический тест К.Э. Сихора для определения индекса групповой сплоченности [Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М., 2002]; модифицированный тест Л.Н. Лутушкина для оценки психологического климата в коллективе, тест на определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С.Ивашкин, В.В.Онуфриева) [Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М., 2002], тест по методике В.Герчикова [Герчиков В.И., Опарина Н.Н., 2011] для определения типа мотивации персонала организации, интервью с руководителями компании.

В ходе исследования было выявлено, что взаимоотношения с руководством института (т.е. с заместителями директора и с самим директором) не удовлетворены 33% сотрудников. А с руководством подразделений взаимоотношения не удовлетворены 37% опрошенных.

Как видно на рисунке 1 в среднем практически треть сотрудников не удовлетворена вза-

имоотношениями с любым руководством института. В некоторых коллективах руководитель подразделения вносит значительно напряжение во взаимоотношения между сотрудниками. Из интервью с одним из руководителей выяснилось, что основной из причин этой неудовлетворенности является непонимание руководителей, как организовать работу сотрудников наиболее эффективно, как мотивировать персонал, отсюда возникают всевозможные конфликты и нежелание работать в полную силу на пользу организации, исправлять свои ошибки и недочеты, делать все вовремя.

В результате неэффективных отношений между руководителями и сотрудниками, теряется управляемость трудового коллектива. Штат персонала растет быстро, что является огромным плюсом для организации, но руководители подразделений не успевают выстроить свою работу должным образом, чтобы успевать контролировать всех сотрудников. Происходит заметный рост количества заказчиков, партнеров, поставщиков, что обуславливает рост штата сотрудников. Руководители подразделений не справляются с организацией работы большого количества новых сотрудников, что вызывает определенные организационные и социально-психологические проблемы, ведущие к снижению процента выполнения задач подразделений. По словам руководителя, в задачу руководства подразделений входит организация работы персонала таким образом, чтобы она выполнялась наиболее эффективно, быстро и качественно. Но в настоящий момент в институте не все руководители могут организовать должным образом работу больших коллективов и контролировать ее исполнение.

Кроме того было установлено, что показатели деятельности подразделений института

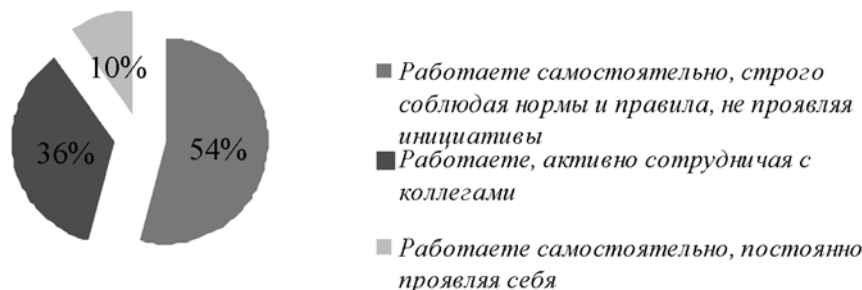

Рис. 2. Стиль работы сотрудников организации

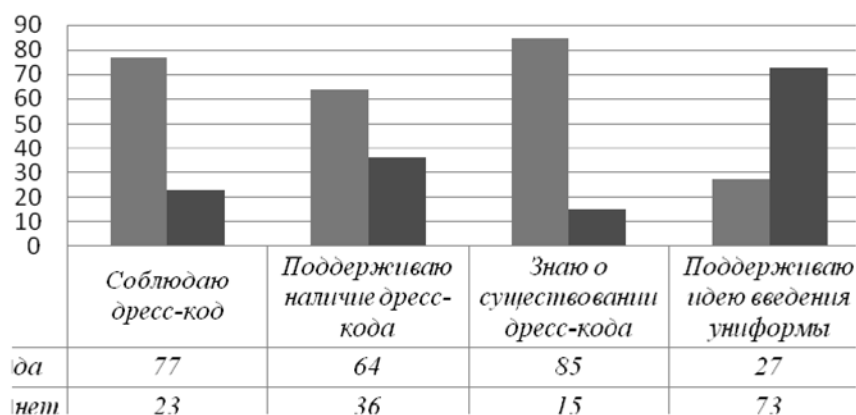

Рис. 3. Знание и отношение сотрудников к дресс - коду

снижаются в результате задержек поставок оборудования, несвоевременного выполнения заказов и других причин, связанных с работой административно – управленческого персонала. Эти ошибки возникают в результате таких мелочей, как несвоевременная подготовка документов, задержка подписания документов. Как правило, уполномоченные сотрудники не могут расставить приоритеты выполнения поставленных задач. Нередки споры между сотрудниками относительно ответственности за выполнение тех или иных заданий, в связи с отсутствием четких разделений функций в должностных инструкциях. Эти причины в свою очередь связаны с тем, что сотрудники не всегда понимают свою роль и ответственность в ходе выполнения определенных должностных функций.

Чтобы определить существующий тип корпоративной культуры, первым в исследовании был проведен анкетный опрос OCAI. По результатам данного опроса было выявлено, что текущий тип организационной культуры - бюрократический.

Такому типу культуры свойственно поддержание внутреннего порядка и стабильности, при этом она стремится к экономической результативности. В институте высокий уровень формализма и структуризации. Организация с таким типом корпоративной культуры является строгим приверженцем процедуры. Руководство требует от подчиненных надежности, предсказуемости поведения, дисциплинированности и результата. В институте четко отлажено управление информацией и ведение документации. Директор исполняет роль координатора, организатора, аналитика и наставника. Установлен пристальный контроль над тем, как каждое подразделение выполняет свои функции, контроль за регулярной отчетностью каждого подразделения, четким распределением обязанностей, полномочий и информации между руководством и сотрудниками (вся сложная информация интерпретируется и упрощается с целью доступности для всей организации). Организационная культура характеризу-

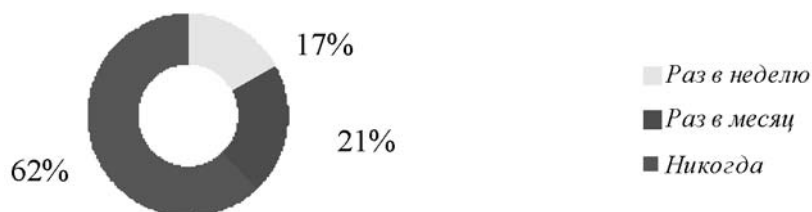

Рис. 4. Частота опозданий сотрудников на работу

ется как формализованное и структурированное место работы. Тем, что делают люди, руководят процедуры. Эффективные лидеры – это хорошие координаторы и организаторы. Важным является поддержание плавного хода деятельности организации. Долгосрочные заботы организации состоят в обеспечении стабильности, предсказуемости и рентабельности. Организацию объединяют формальные правила и официальная политика [Камерон К., Куинн Р., 2001].

Несмотря на то, что по данным диагностики OCAI, подразделениям присущ бюрократический тип культуры, данные опроса сотрудников показали, что не все элементы деловых взаимодействий соответствуют этому типу. Большинство респондентов (54%) работают самостоятельно, строго соблюдая нормы и правила института, без контроля со стороны руководства. Они следуют своим должностным инструкциям, которые четко не прописаны. Также эти сотрудники не проявляют инициативу и не высказывают своему непосредственному руководителю свои идеи и предложения. Остальная часть сотрудников вообще работает не в режиме бюрократии. Данные представлены на рис. 2.

В организации установлен дресс-код и 77% респондентов следуют этому правилу.

Около 40% респондентов не поддерживает идею дресс-кода и 73% сотрудников против введения униформы. Данные показывают о том, что в коллектив состоит из разных групп персонала, поведение одних соответствует бюрократической культуре, а других – нет.

В пользу подтверждения бюрократической культуры свидетельствует тот факт, что в институте существует система электронного учета передвижения сотрудников по территории и времени прихода/ухода с работы. В результате

чего 62 % никогда не опаздывают на работу (рисунок 4).

Однако, руководители в интервью отмечали, что сотрудники не опаздывают скорее из-за страха перед этой электронной системой и возможностью наказания за опоздания. Система пропусков выполняет совершенно иные функции: она стоит в первую очередь для того, чтобы на территорию не мог проникнуть кто-то посторонний. Вторая основная функция СКУ-ТЕРА в том, что допуск в научную часть имеют только научные сотрудники. Поэтому за опозданиями и уходом никто не следит с помощью этой системы.

Из опроса сотрудников было выяснено, что чаще всего для получения информации, касающейся работы, институт организывает совещания или коммуникация происходит по телефону. Тогда как, по мнению работников, наиболее эффективным видом коммуникации является корпоративная сеть (рис. 5). Совещания стоят на втором месте. Реже всего в институте используются протоколы и деловые письма. Сотрудники объясняют это тем, что их оформление и донесение до персонала занимают много времени. Хотя именно совещания и деловые письма, протоколы или инструкции – это те виды коммуникаций, которые свойственны бюрократической организационной культуре. А все остальные, включая телефон и корпоративную сеть, характерны для клановой культуры.

Стоит отметить, что дискуссии, протоколы и деловые письма, по мнению сотрудников, являются наименее эффективными каналами коммуникаций. Данные интервью с руководителем подразделения подтверждают эту идею. Из опроса видно, что 36% сотрудников не удовлетворены технической работоспособностью корпоративной сети, в связи с тем, что технический

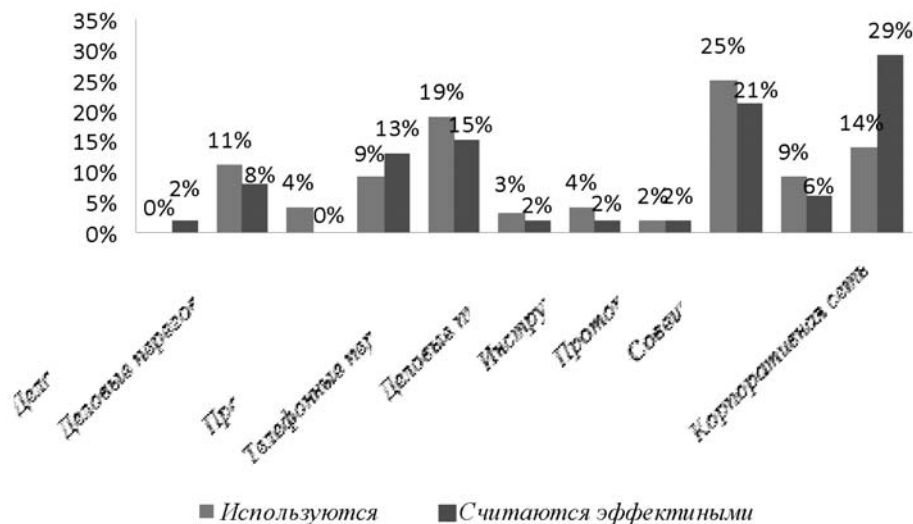

Рис. 5. Оценка каналов коммуникаций

персонал не обновляет вовремя программное обеспечение, не регулярно проверяет работу техники. Поэтому в данный момент персонал вынужден передавать друг другу информацию лично или по телефону.

Что касается отношения с руководством, то при принятии каких-либо решений мнение многих сотрудников не учитывается, все 100% респондентов подтвердили, что руководство советуется только с авторитетными работниками. Больше половины (54%) персонала не могут открыто высказать своему руководителю свои идеи и предложения, объясняя это тем, что мнение их практически не учитывается и отношения с руководством напряженные. А молодые новые сотрудники (13%) оценивают взаимоотношения с руководством хуже, чем в большинстве других групп.

При возникновении конфликтов в коллективе почти во всех случаях они решаются самими сотрудниками (77%). Еще 19% отметили, что споры могут решаться в институте и с помощью коллег, не задействованных в самом конфликте. Руководство никак не решает подобные проблемы и не вмешивается в разрешение споров (это подтвердили все респонденты).

Что касается характера взаимоотношений между сотрудниками подразделений, то можно

сказать, что они скорее неформальные и дружеские, однако индекс групповой сплоченности по методике Шихора равен 11 и соответствует среднему уровню. Большинство (66%) сотрудников в целом довольны отношениями в коллективе, их мнения выслушивается и ценится коллегами. А 34% сотрудников не довольны отношениями. При этом 13% не чувствуют, что являются членами команды, их мнения не рассматриваются коллективом и они живут отдельно от группы. Как правило, это новые сотрудники или молодые, не достигшие 30 лет.

В целом больше половины сотрудников (66%) оценивают психологический климат в коллективе, как чисто деловой. По мнению 41% участников сам по себе коллектив работает слаженно, но вне рабочие отношения между коллегами холодные. Из них 25% считают, что напряжения в отношении в коллектив вносит руководитель.

При оценке удовлетворенностью коллективом оказалось, что ценят свою рабочую группу лишь 23% сотрудников, 42% сменили бы свой коллектив на другой, если бы при этом все остальные условия остались бы такими же (рис. 7).

При выяснении причин недовольства коллективом, оказалось, что ссоры возникают из-за перекладывания ответственности друг на

Рис. 6. Степень интеграции коллектива

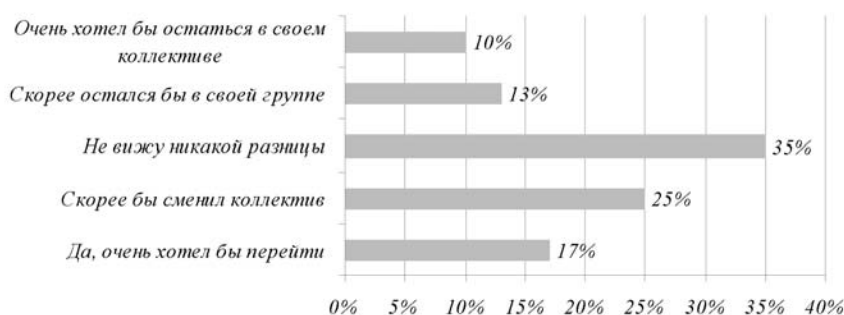

Рис. 7. Отношение респондентов к работе в своем коллективе

друга, игнорировании пожеланий и мнений членов коллектива, перенапряжением в работе и несправедливостью вознаграждений, отсутствии разнообразия в работе.

В итоге исследования было выяснено, что 52% респондентов не удовлетворены той культурой, которая присутствует в их подразделениях (рис. 8).

Для выяснения того, какой тип культуры более привлекателен для сотрудников, был проведен повторно опрос OCAI. В виде желаемого типа организационной корпоративной культуры сотрудники выбрали клановую. Им хотелось бы ослабить формальный контроль руководства, свойственный бюрократическому типу, 26% респондентов не довольны таким

контролем, поскольку считают, что он слишком жесткий. Также сотрудники стремятся к тому, чтобы руководитель планировал работу сотрудников и выступал в качестве помощника, наставника и защитника, а не контролера. Сотрудники также хотели изменить тип отношений в коллективе, переведя его из режима деловых в режим дружеского и семейного общения.

Формы кланового типа проникнуты разделяемыми всеми ценностями и целями, сплоченностью, соучастием, индивидуальностью и ощущением организации как «мы». Они больше похожи на большие семьи, чем на объекты экономической деятельности. Вместо правил и процедур иерархии или конкурирующих прибыльных центров рынка типичными характеристика-

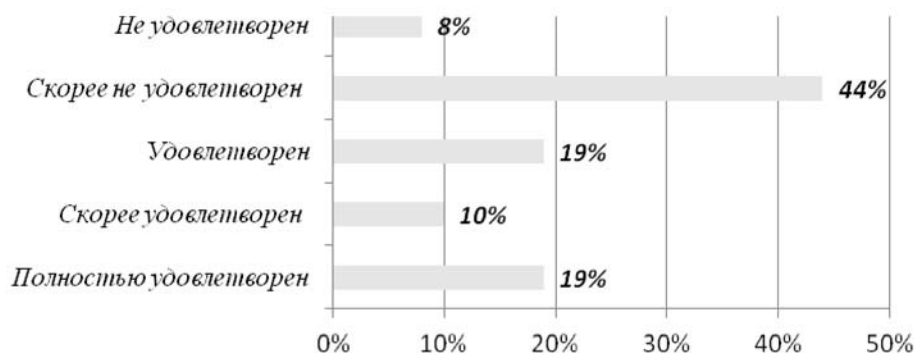

Рис. 8. Степень удовлетворенности сотрудников культурой подразделения

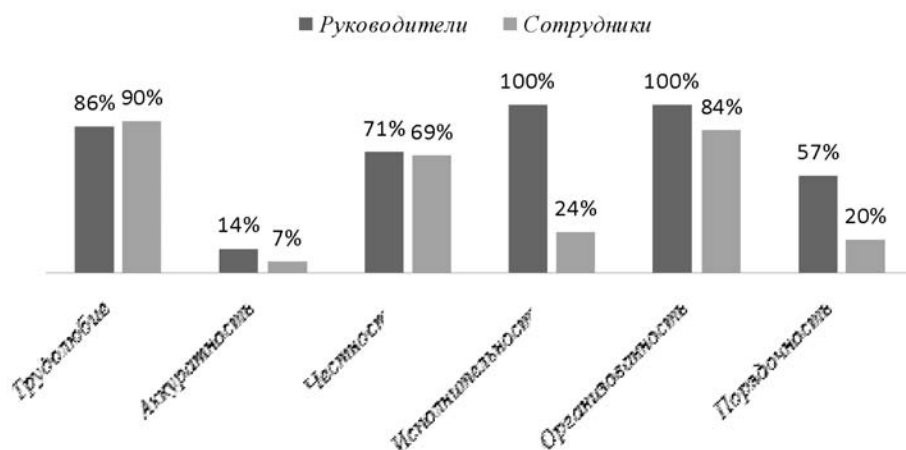

Рис. 9. Сравнение ценностей руководителей и сотрудников

ми фирм кланового типа являются бригадная работа, программы вовлечения наемных работников в бизнес и корпоративные обязательства перед ними.

Клановый тип культуры свойственен японским организациям, они напоминают по своему взаимодействию семью [Камерон К., Куинн Р., 2001]. В таком типе культуры высокий уровень сплоченности, есть только «мы» и никаких «я». Сотрудники желают приходить на работу не к коллегам, а в «семью». Коллектив должен быть дружным и сплоченным, чтобы люди доверяли друг другу. Также необходимо создать условия, в которых участие сотрудников в принятии решений вознаграждалось бы, а самосовершенствование поощрялось. Лидер в таком коллек-

тиве должен быть покровителем, мотиватором, воспитателем и наставником. Межличностные отношения должны быть доверительные не только внутри каждого подразделения, но и между отделами. Работники каждого подразделения по отдельности должны решать свои самые серьезные вопросы с непосредственным руководителем, а тот, в свою очередь, должен либо решать проблему самостоятельно, либо принимать решения совместно с вышестоящим руководством.

Все сотрудники должны иметь постоянную обратную связь с руководством быть информированы о его мнении касательно их работы. Данные опроса сотрудников показали, что 93% сотрудников хотели бы иметь такую возможность.

Самым подходящим типом корпоративной культуры для государственного учреждения К. Камерон и Р. Куинн называют бюрократическую [Камерон К., Куинн Р., 2001]. Действительно, чтобы вовремя сдавать всю документацию, выполнять намеченный план и делать все, что необходимо для организации работы научных сотрудников, чем собственно и занимается данный административно - управленческий персонал, необходима четкость выполнения всех действий, контроль за работой. Как было описано выше, выбранная руководством организационная культура подходит для данной организации и необходимо работать в таком направлении, чтобы привить эту же культуру сотрудникам.

Для определения потенциала совмещения предпочитаемых организационных культур руководством и персоналом, была проведена диагностика мотивационного потенциала сотрудников Герчикова [Герчиков В.И., Опарина Н.Н., 2011]. и ценностно-ориентированного единства коллектива [Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М., 2002].

Результаты опроса сотрудников по методике Герчикова показали, что преобладающий тип мотивации у сотрудников – патриотический. Непосредственные руководители отнесли сотрудников коллектива к инструментальному типу и посчитали, что самой эффективной (и применяющейся в действительности) формой стимулирования персонала является материальное поощрение. Тогда как сотрудники с патриотическим типом в большей степени реагируют на моральные стимулы, лояльны к организации. Это несоответствие было отражено в наличии конфликтов и высокой степени неудовлетворенности взаимоотношениями сотрудников с непосредственными руководителями.

Для данной категории персонала важна идея на уровне веры в лидера и/или в успех, а также общественное признание их заслуг. Руководство своими комментариями или замечаниями должно мотивировать сотрудника работать усерднее, а не критиковать и вызывать тем самым озлобление и нежелание работать, что часто наблюдается в изучаемых подразделениях. Работники хотят расширять зоны своей ответственности и применять свои знания на практике, самосовершенствоваться и продвигаться по карьерной лестнице. Руководство должно по-

ощрять подобную инициативу сотрудника, а не настаивать на соблюдении предписанных регламентов работы. Непонимание своих сотрудников, навязывание определенных видов взаимодействий персоналу действительно приводит к снижению качества выполняемой работы административно - управленческого персонала.

В этом аспекте существует некоторые противоречия между выбранным руководством типом корпоративной культуры и желаниями сотрудников. Однако, отметим, что 27% сотрудников подходят под бюрократический тип организации деловых взаимодействий.

Для определения ценностно – ориентированного единства группы был проведен соответствующий тест. Общий коэффициент ЦОЕ равен 3 баллам. В тестировании приняли участие руководители и сотрудники административно-управленческих отделов. Все руководители (100%) считают, что самыми необходимыми качествами для совместной работы в коллективе являются исполнительность, организованность. Во вторую очередь, необходимы такие качества как: трудолюбие (86%) и честность (71%). Данные в очередной раз доказывают, что корпоративная культура, выбранная руководителями – бюрократическая. Так как исполнительность, организованность и трудолюбие – ключевые понятия данного типа культуры. Что касается рядового персонала, то пятью самыми популярными качествами стали: трудолюбие (90%), организованность (84%), честность (69%), отзывчивость (50%), справедливость (47%).

Из результатов диаграммы видно, что персонал по большей своей части выступает за организованность, трудолюбие и честность, что подтверждает наличие тех сотрудников, которые поддерживают бюрократическую культуру в институте. Но в ответах присутствуют такие качества как: отзывчивость и справедливость, которые свойственны для клановой культуры. Отдельно отметим, что 25% сотрудников выбирают такие личные качества, как: обаяние, активность, общительность или дружелюбие, что напрямую указывает на то, что они желают клановый тип культуры. Чтобы сравнить результаты тех качеств, которые совпадают в выборе руководителей и персонала, создан рисунок 9.

В ходе сопоставления данных, полученных в ходе исследования, было выявлено, что в орга-

низации присутствует потенциал создания такой корпоративной культуры, ценности и нормы которой разделяются руководством и сотрудниками и позволяет создать эффективные деловые отношения. Есть ряд сотрудников, которые, как и их руководители выбирают качества, свойственные бюрократическому типу организационной культуры. Эти сотрудники поддерживают бюрократическую культуру в институте, но средства, используемые для работы и достижения целей института не совсем подходящие для данного типа корпоративной культуры. Сотрудники готовы работать четко и слаженно, следуя своим обязанностям, соблюдать все процедуры, для того, чтобы они могли так работать, необходимо создать им соответствующие условия и качественно организовать их работу.

В итоге исследования были выявлены следующие проблемы, снижающие эффективность корпоративной культуры рассматриваемых подразделений:

1. наблюдается снижение управляемости подразделений административно-управленческого аппарата, связанное с проблемами во взаимоотношениях руководителей и сотрудников отделов. Руководитель не справляется с организацией работы подчиненных, возникают споры за зоны ответственности в связи с отсутствием четкого разделения функций.

2. не все элементы деловых взаимодействий соответствуют бюрократическому типу культуры, который навязывается руководством. Сотрудники хотят менее формализованных отношений, участвовать в обсуждении производственных проблем. Большой процент сотрудников готов сменить свой коллектив из-за конфликтов, связанных с перенапряжением, плохой организацией труда и несправедливостью вознаграждений.

Для решения выявленных проблем предлагаются следующие действия:

1. Повышение квалификации руководителей в области управления и менеджмента путем посещения курсов дополнительного образования или отправкой на обучение.

2. Приглашение бизнес-аналитика, который объективно оценит работу всех сотрудников, разделит меду ними их обязанности, пропишет это в соответствующей документации и наладит делопроизводство в институте.

3. Проведение квартальных производственных конференций. У института есть возможность и все условия для того, чтобы проводить на своей территории квартальные производственные конференции. Данные конференции позволят вовлекать сотрудников в обсуждении проблем, повысят чувство собственной значимости у сотрудников, наладят отношения сотрудников с руководством. При сохранении бюрократического типа культуры в административно-управленческих подразделениях, конференции позволят внедрить элементы клановой культуры, которые хотят сотрудники.

Внедрение предлагаемых мероприятий приведет к снижению задержек с выполнением работ, процент выполняемых задач, поставленных перед институтом, вернется в свое прежнее значение или увеличится. При своевременном и правильном оформлении документации работы будут выполняться в кратчайшие сроки и с большей эффективностью, сократиться число конфликтов и споров.

Литература

1. Герчиков В.И., Опарина Н.Н. и др. Мотивация персонала. Методическое пособие. 2011, 95 с.
2. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / под ред. И.В. Андреевой. СПб: Питер, 2001, 320 с.
3. Перкова Е.П. Социологический анализ особенностей организационной культуры современного предприятия ракетно-космической промышленности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. №2
4. Перкова Е.П. Оценка управленческих методов формирования организационной культуры предприятия оборонно-промышленного комплекса // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 9
5. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. - М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002, 490 с.

Социологический анализ макросоциальных процессов в области активного долголетия

Соболева Е. В.

Статья посвящена проблеме формирования макросоциальных процессов в области активного долголетия. Анализируются федеральные нормативно-правовые акты, содержащие основные компоненты активного долголетия: качественные медицинская помощь и социальное обслуживание, стимулирование трудовой занятости и физической активности, создание безопасной среды, развитие культурно-досуговых интересов пожилых людей и информационная доступность для них. Констатируется факт, что макросоциальные процессы в области активного долголетия в Российской Федерации находятся на начальной стадии развития. Выявлены основные проблемы государственной политики в области активного долголетия, преодоление которых приведет к формированию механизмов и условий, способствующих значительному увеличению периода функциональной и физической состоятельности граждан пожилого и старческого возраста, сохранению и продлению их социальной, трудовой, интеллектуальной активности.

Ключевые слова: государственная политика, пожилые люди, активное долголетие.

Soboleva E.V.

Sociological analysis of macro-social processes in the field of active longevity

The article is devoted to the problem of formation of macro-social processes in the field of active longevity. The article analyzes Federal regulations containing the main components of active longevity: quality medical care and social services, promotion of employment and physical activity, creating a safe environment, the development of cultural and leisure interests of older people and information availability for them. It is stated that macro-social processes in the field of active longevity in the Russian Federation are at the initial stage of development. The main problems of the state policy in the field of active longevity are revealed. Their overcoming will lead to the formation of mechanisms and conditions that contribute to a significant increase in the period of functional and physical well-being of elderly and senile citizens, the preservation and extension of their social, labor, intellectual activity.

Keywords: state policy, older people, active longevity.

Понятие «активное долголетие» в языке российских политических дискуссий появилось относительно недавно, в 90-е годы прошлого века. Применяемое ранее как термин, относящийся к системе здравоохранения и связанный с поддержанием физического здоровья пожилых людей, активное долголетие постепенно трансформировалось в новую государственную концепцию, которая позволит ослабить экономическую нагрузку на государственный бюджет и будет способствовать более успешной реализации потенциала пожилых людей. На сегодняшний день можно говорить о формировании новой государственной политики, направлениями которой стали основные компоненты активного долголетия: качественные медицинская помощь и социальное обслуживание, стимулирование трудовой занятости и физической активности, создание безопасной среды, развитие культурно-досуговых интересов пожилых людей и информационная доступность для них.

Не смотря на то, что первые шаги по направлению формирования государственной политики в области активного долголетия уже сделаны, остается много нерешенных задач, работа над которыми ведется с разной степенью эффективности. Необходимы государственные программы, направленные непосредственно на повышение активности пожилых в сфере досуга, образования, трудоустройства, а также разработка специальных мер по стимулированию всех видов социальной активности пожилых людей. Отдельной проблемой становится создание «среды обитания», комфортной и дружелюбной по отношению к самым старшим возрастным группам, развитие специальных форм социальной и медицинской помощи для лиц самых старших возрастов. [1, с. 253].

Старение населения — это общая проблема и для России и для многих стран мира. Число людей пенсионного возраста увеличивается

практически ежегодно, темпы старения населения, обусловленные спецификой демографической ситуации, выливаются в серьезную социальную проблему, затрагивающую все основные сферы жизни общества: экономику, политику, производство. По данным Росстата по состоянию на 01.01.2018 г. пожилые россияне составили 25,43% (37 млн. 362 тыс. из 146 млн. 880 тыс. человек). Шестнадцатью годами ранее, в 2002 году, пенсионеров по возрасту было 20,5% [2]. К 2025 году их станет около 27%, к 2050-му – около 31% от общей численности населения страны [3, с. 91]. Ожидаемая продолжительность жизни к 2025 году должна составить 75,48 лет (по среднему варианту прогноза), к 2030 – 77,22 лет [4].

Практика показывает, что границы зрелого возраста расширяются, понятие «старость» уже трудно сопоставить с поколением 50-60 летних людей, которые представляют собой существенный трудовой, интеллектуальный, профессиональный и творческий социальный ресурс в современном российском обществе. Использование их трудового и жизненного опыта может стать фундаментальным элементом государственной и региональных политик и разрабатываемых социально-экономических программ.

Автором настоящей статьи выполнен анализ федеральных нормативно-правовых документов, прямо или косвенно направленных на реализацию концепции активного долголетия в сфере труда, медицинского обслуживания, социального обеспечения и др. Было проанализировано 28 документов федерального значения, а также ряд международных.

Основопологающим документом при формировании новой государственной политики, помимо Конституции Российской Федерации, стала Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения (далее-Стратегия), разработанная по поручению Президента РФ и принятая в феврале 2016 года. Стратегия содержит цели, задачи, направления государственной политики, реализация которых должна улучшить качество жизни граждан старшего поколения в зависимости от их индивидуальной нуждаемости и потребностей, обеспечить более эффективное использование их потенциала и участие в жизни общества [5]. Для ее эффективной реализации распоряжением Правительства РФ от 29.11.2016 г. № 2539-р был утвержден

план мероприятий на 2016 - 2020 годы по реализации ее первого этапа.

Содержание документов зиждется на принципах Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей, которые были приняты на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1991 года: независимость, участие, уход, реализация внутреннего потенциала и достоинство [6]. Во время подготовки Стратегии, как и после принятия, часть федеральных нормативно-правовых актов претерпели изменения, благодаря которым у исполнителей появилась возможность реализовывать отдельные ее направления (от Налогового и Трудового Кодексов до нормативных актов в области здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, культуры и других). Кроме того, ряд документов, в содержании которых и ранее были учтены особенности работы с пожилыми гражданами, в той или иной степени соотносились с направлениями Стратегии. Проанализируем основные из федеральных правовых документов в рамках вышеназванных направлений.

Высококвалифицированная медицинская помощь

Современная российская медицина в отношении лиц пенсионного возраста продолжает оставаться еще достаточно бессистемной, нередко ограничивается рядом краткосрочных мер. Но данный раздел государственной политики в области активного долголетия должен вбирать в себя задачи, выполнимые не только в короткий временной период, но и значительно отстоящие по времени. В основе российского медицинского обслуживания находятся федеральные законы от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». В течение последних двух лет их содержание претерпело изменения, которые теперь позволяют учитывать более высокую степень затрат на стационарное лечение граждан в возрасте старше 75 лет (сложность лечения пациента, связанная с возрастом [7]). Новыми стали приказ министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25.08.2016 г. № 471 «Об утверждении рекомендаций по предоставлению социально-медицин-

ских услуг в форме социального обслуживания на дому инвалидам и ветеранам Великой Отечественной войны» и постановление Правительства РФ от 08.12.2017 г. № 1492 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». В приказе предложены межведомственные мероприятия по выявлению граждан, имеющих право на льготное получение необходимых лекарств, их выписке и доставке. Кроме того, отмечено, что при определении перечня социально-медицинских услуг, необходимых ветерану, следует учитывать его нуждаемость в получении таких услуг, состояние здоровья, возраст, социальное положение, характер обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности, зависимость от посторонней помощи [8]. В постановлении предусмотрена методика и объемы получения медицинской помощи.

Развитие данного направления позволит, во-первых, «постепенчато» повышать уровень и качество оказываемой медицинской помощи гражданам пожилого возраста, во-вторых, даст им возможность сохранять социальную активность и самостоятельность на долгие годы.

Не смотря на то, что нормативные документы, определяющие стандарты, целевые ориентиры и результативные индексы, приняты (к ним же можно отнести отредактированные национальный проект «Здоровье» и отдельные разделы указов Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» и от 07.05.2012 № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»), остается ряд открытых вопросов. Установленные стандарты должны сочетаться с внедряемыми мониторинговыми, профилактическими, диагностическими инновациями. Но подобного симбиоза по различным причинам пока не происходит, на наш взгляд, и по причине недостаточного количества специалистов-геронтологов и гериатров.

Качественное социальное обслуживание

Активное долголетие невозможно рассматривать отдельно от уровня развития государственной системы социального обслуживания. Люди «серебряного возраста» не одинаковы по своим физическим возможностям и способнос-

ти проживать самостоятельно, обслуживая себя. Чаще всего тем, кому уже исполнилось 80 лет и старше, нужен посторонний уход, обеспечиваемый либо родственниками, либо профильными организациями. Основопологающим документом в данном направлении стал федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», сменивший морально устаревший нормативный акт 1991 года. Новым стало то, что закон закрепил индивидуальный подход к гражданам, нуждающимся в получении социальных услуг в той или иной форме, и включил ряд мер, направленных на активизацию развития конкуренции в сфере социального обслуживания. Индивидуальная программа составляется исходя из потребности гражданина в социальных услугах [9].

Последнее новшество нашло отражение в законодательстве, касающемся деятельности организаций негосударственного сектора экономики, в том числе в изменениях, внесенных в Налоговый Кодекс Российской Федерации и Федеральный закон № 7-ФЗ от 12.12.1996 «О некоммерческих организациях». Например, в п. 1 статьи 31.1 последнего документа отражено, что органы государственной власти и органы местного самоуправления в соответствии с установленными настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами полномочиями могут оказывать поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими в соответствии с учредительными документами следующих видов деятельности: 1) социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан [10].

Среди новых - распоряжение Президента РФ от 19.02.2018 г. № 32-рп «Об обеспечении в 2018 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций...» (аналогичное – в 2017 году).

Но, несмотря на внесение изменений в действующее законодательство, рынок социальных услуг развивается слабо; почти полное отсутствие конкуренции и недостаток высококвалифицированных кадров не способствует улучшению качества обслуживания.

Безопасная среда

Безопасность пожилого человека – многогранное понятие, включающее в себя не только

правовую и физическую безопасность, но и материальное обеспечение, возможность пользоваться всеми мерами социальной поддержки, предусмотренными государством, комфортно жить в своем населенном пункте и своем жилище [11].

В Российской Федерации социальная защита отдельных категорий пожилых граждан в виде комплекса мер социальной поддержки (в том числе - в форме денежных выплат) предусмотрена целым рядом нормативных актов еще с 90-х годов прошлого века. К сожалению, это показатель, свидетельствующий о низком материальном достатке граждан старше трудоспособного возраста, связанный, в первую очередь, с несовершенством пенсионной политики, и призванный хоть как-то повысить доход пожилых людей. Различные выплаты предусмотрены федеральными законами от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». Для обеспечения надлежащего уровня материального обеспечения наименее социальнозащищенной категории граждан потребовалось множество дополнительных надстроек, таких, как валоризация или федеральная и региональная социальные доплаты к пенсии. [12, с. 16]. Пенсионное законодательство по аналогичной причине изобилует условиями выхода на досрочную пенсию «по выслуге лет», «по вредности» представителями отдельных профессий (федеральные законы от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»).

Следует отметить, что за последние несколько лет произошла переориентация государственной политики в области предоставления мер социальной поддержки в сторону их адресности (федеральный закон от 29.12.2015 № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости» и постановление Правительства РФ от 14.04.2014 г. № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддерж-

ка граждан» (в новых редакциях). Среди задач программы - создание условий для повышения материального и социального положения граждан старшего поколения [13]. Но не соответствующая реалиям современной России пенсионная система пока приводит к вынужденному сохранению отдельных разрозненных мелких выплат пожилым людям.

Стимулирование трудовой занятости

Занятие пожилых граждан активной трудовой деятельностью несомненно имеет несколько положительных сторон: от психологической, когда работающий ощущает свою востребованность и вовлеченность в общезначимый процесс, до экономической, дающей существенную прибавку к пенсии. Особенность труда пенсионеров в России обусловлена, нередко, именно последним аспектом: размер пенсии настолько невелик, что работать приходится для поддержания своего благосостояния на относительно приемлемом уровне. Положительным моментом является то, что Трудовой Кодекс Российской Федерации и Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» не содержат статей, предусматривающих возрастные ограничения для занятий той или иной профессиональной деятельностью.

Внесенный на рассмотрение Государственной Думой проект изменений в пенсионное законодательство, связанный с постепенным повышением пенсионного возраста, вызван объективными потребностями сегодняшнего дня. Подняв верхние границы пенсионного возраста для женщин и мужчин до 63 и 65 лет соответственно, законопроект станет значимой частью макросоциальных процессов в области активного долголетия.

Стимулирование физической активности. Развитие культурно-досуговых интересов

Один из разделов Стратегии посвящен возможностям людей «серебряного возраста» заниматься спортом и развивать свои творческие наклонности. Постулатами документа на наш взгляд, послужили, в том числе, уже разработанные и используемые в ряде регионов оздоровительные и культурно-досуговые програм-

мы для пенсионеров. Но, несмотря на эти меры, только 1,4% пожилых граждан посещали за год какое-либо спортивное мероприятие, только 3,1% - театр, 3,0% - ходили на концерт, 2,1% - на художественную выставку или в музей [14].

Сложно говорить о видах и формах специализированного туризма для пожилых людей, так развитого в странах Европы, Америки, в Японии и Австралии. Скрамную туристическую поездку или, наконец, экскурсию могут себе позволить лишь 22% немолодых россиян [15]. В связи с этим Стратегия предполагает поддержку предпринимателей, готовых предоставлять пожилым туристам путевки по льготным ценам. Эти же идеи заложены в федеральных законах «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1), от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 18.04.2018). Например, приоритетными направлениями государственного регулирования туристской деятельности являются поддержка и развитие внутреннего туризма, въездного туризма, социального туризма, детского туризма и самостоятельного туризма [16].

Несомненным позитивным моментом стало развитие добровольческого движения среди пожилых граждан. Волонтерская работа может быть направлена на самые разнообразные сферы жизни нашего общества: от охраны окружающей среды и защиты животных до патриотического, духовно-нравственного воспитания детей и молодежи [17], что отражено в федеральном законе от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», в постановлении Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» и ряде подзаконных актов.

Физическая и досуговая активность лиц «серебряного возраста» могут сыграть важную роль в сохранении их хорошего самочувствия в дальнейшем. Поддержание самого себя в достойной физической форме, занятия любимым делом, интересный досуг, волонтерская деятельность – все это вместе взятое замедляет процессы старения, продляет активные интересные годы жизни.

Информационная доступность

Современное общество не мыслит себя без различных информационных систем. Знание компьютерных программ и умение использовать возможности сети «Интернет» необходимы для поиска ответов на большинство профессиональных вопросов, для сокращения времени, используемого для решения самых разнообразных повседневных задач, как то: оплата различных квитанций, заказ лекарств и продуктов, приобретение билетов и, что самое главное для немолодых людей, - общение с родственниками и друзьями. Владение компьютерными технологиями откроет перед пожилыми россиянами широчайший спектр интеллектуальных возможностей. Доступность профессиональной подготовки и переподготовки, а также освоения языковых навыков и информационно-коммуникационных технологий может способствовать обеспечению возможности трудоустройства работников на протяжении всей жизни, а также повышает качество жизни в период после наступления пенсионного возраста [18, с. 4-5].

Развитие идеи непрерывного образования на протяжении всей жизни совсем недавно внесено как условие в федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Идея многогранна и предполагает создание различных кружков и клубов для пожилых людей, в соответствии с их интересами, в том числе - курсов компьютерной грамотности. Все это вместе взятое позволит поддерживать социальную активность пенсионеров на достаточно высоком уровне.

Итак, демографическая ситуация современной России и мирового сообщества схожи и имеют общие закономерности: увеличение общей длительности лет жизни людей и, как следствие, рост численности пенсионеров. В связи с этим в государстве должна быть сформирована долгосрочная политика, вбирающая в себя ряд социальных процессов, основанных на индексах активного долголетия: занятость, участие в жизни общества, независимая жизнь и благоприятная среда [19]. В развитых странах реализация программ активного долголетия приобрела комплексный характер, они успешно осуществляются на протяжении уже многих лет, и, что особенно важно, выработаны механизмы оценки эффективности действующих

мер, на основании которых проводится их корректировка [20, с. 28].

Не смотря на предпринимаемые в течение нескольких последних лет нашим государством меры, макросоциальные процессы в области активного долголетия находятся еще на начальной стадии развития. Для их совершенствования необходимо преодолеть следующие проблемы:

- разрозненность имеющихся нормативных актов;
- отсутствие профильного института органов исполнительной власти;
- несовершенство пенсионного законодательства;
- низкий уровень материальной безопасности россиян нетрудоспособного возраста;
- слабость системы гериатрии в научно-исследовательском сообществе и в кадровом обеспечении профильных учреждений;
- отсутствие программ профессионального переобучения для пожилых граждан;
- отсутствие сформированного общественного мнения, согласно которому представитель «серебряного возраста» должен восприниматься как носитель жизненной мудрости, профессионального опыта, моральных ценностей.

Создание условий и формирование социальных механизмов для продления периода трудовой и интеллектуальной и физической активности пожилых граждан будет способствовать реализации концепции активного долголетия в масштабах страны и использованию социального ресурса старших возрастных групп в российском обществе.

Литература

1. Реутов Н. В. Государственная политика как фактор активного долголетия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. - 2015. - № 4. С. 251-254.
2. Госкомстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. (Дата обращения: 17.06.2018 г.).
3. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб./Росстат. - Р76 М., 2017. - 686 с.
4. Госкомстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. (Дата обращения: 19.06.2018 г.).

5. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 N 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/. (Дата обращения 16.06.2018 г.).

6. Резолюция 46/91 Генеральной Ассамблеи от 16.12.1991. Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/46/91&referer=http://www.un.org/en/sections/issues-depth/ageing/&Lang=R (дата обращения 17.06.2018).

7. Методические рекомендации по способам оплаты медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования (Одобрено решением рабочей группы Министерства здравоохранения Российской Федерации по подготовке методических рекомендаций по реализации способов оплаты медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (протокол заседания от 18 декабря 2015 года № 06/11/20). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ffoms.ru/upload/medialibrary/f6b/f6b2e5bf8e20f4b0369f58efe7a0ea44.pdf>. (Дата обращения: 12.06.2018 г.).

8. Приказ министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25.08.2016 г. № 471 «Об утверждении рекомендаций по предоставлению социально-медицинских услуг в форме социального обслуживания на дому инвалидам и ветеранам Великой Отечественной войны». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71376514/>. (Дата обращения: 11.06.2018 г.).

9. Федеральный закон от 28.12.2013 г. №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/. (Дата обращения: 13.06.2018 г.).

10. Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях». [Элект-

ронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/. (Дата обращения: 19.06.2018 г.).

11. Об утверждении методических рекомендаций по подготовке государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды в рамках реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» на 2018 - 2022 годы :приказ мин. строительства и жилищно-коммунального хозяйства Рос. Федерации от 6 апреля 2017 г. № 691/пр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/456057487> (Дата обращения: 20.06.2018 г.).

12. Барбашова С. А., Соколова И. С., Щербатов Е. М. Реформирование пенсионной системы РФ на современном этапе // Вестник ГПИЭИ. - 2016. - № 7(62). С. 14-22.

13. Постановление Правительства РФ от 14.04.2014 г. № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162171/. (Дата обращения: 17.06.2018 г.).

14. Госкомстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-st-soc_akt.htm. (Дата обращения: 18.06.2018 г.).

15. Госкомстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-st-soc_akt.htm. (Дата обращения: 20.06.2018 г.).

16. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/. (Дата обращения: 11.06.2018 г.).

17. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/. (Дата обращения: 12.06.2018 г.).

18. Программная справка ЕЭК ООН № 13 по вопросам старения. Июнь. -2012 г. С. 4-5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/pau/age/Policy_briefs/ECE-WG.1-17-RU.pdf. (Дата обращения: 16.06.2018 г.).

19. Синявская В. В. Стареть в России: о чем говорят индексы активного долголетия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/uploads/files/SinyavskayaActiveAgeing120315.pdf>. (Дата обращения: 18.06.2018 г.).

20. Колосницyna М., Хоркина Н. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. - 2016. - Том.3. №4. С. 27-46.

Культура сельской семьи в условиях динамики российского общества: ракурсы современного анализа

Полуцыган А.А.

Предметом исследования является отражение процесса трансформации культуры сельской семьи в современном социально-гуманитарном знании. В статье рассмотрены основные дисциплинарные и содержательные подходы к анализу сельской семьи. Особое внимание уделено роли сельского социокультурного пространства, обуславливающего изменения, происходящие в сельских семьях. Еще одним аспектом выступает педагогический потенциал семьи, который раскрывается через ценностно-смысловые доминанты ее культуры. Выявлено, что в научной литературе не разработано понятие «культура семьи». Исследование опирается на аксиологический подход в рамках методологии социологии культуры. В заключении отмечена необходимость междисциплинарного подхода к анализу культуры семьи. Сформулировано понятие «культура семьи», которое трактуется как семантическое единство, исторически сформировавшаяся ценностно-смысловая целостность, которая проявляется в повседневной практике членов семьи, передается из поколения в поколение в рамках обыденного уровня культуры и подвергается изменениям под воздействием внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: сельская семья, семейные отношения, педагогика семьи, семейные ценности, гендерные роли, культура семьи, социология семьи, социология культуры, социальные процессы, российское общество.

Polycigan A.A.

Culture of a rural family in the context of the dynamics of Russian society: perspectives of modern analysis

The subject of the research is the reflection of the process of transformation of the culture of the rural family in modern social and humanitarian knowledge. The article considers the main disciplinary and content approaches to the analysis of the rural family. Particular attention is paid to the role of rural socio-cultural space, which causes changes in rural families. Another aspect is the pedagogical potential of the family, which is revealed through the value-semantic dominants of its culture. It is revealed that the concept of «family culture» has not been developed in the scientific literature. The research is based on the axiological approach within the methodology of sociology of culture. In conclusion, the need for an interdisciplinary approach to the analysis of the family culture was noted. The concept of «family culture» is formulated, which is interpreted as a semantic unity, a historically formed value-semantic integrity that manifests itself in the everyday practice of family members, transmitted from generation to generation within the ordinary level of culture and is subject to changes under the influence of external and internal factors.

Keywords: rural family, family relations, family pedagogy, family values, gender roles, family culture, family sociology, sociology of culture, social processes, russian society.

Обращение к заявленной теме обусловлено рядом причин и факторов, центральным из которых выступает процесс системной трансформации современного социокультурного пространства России, затрагивающий все сферы общественной жизни, отражающийся на всех группах населения страны в целом и каждого человека в отдельности. Динамика культуры на современном этапе характеризуется высокой скоростью происходящих изменений, которые носят глобальный характер и оказывают тотальное влияние на личность, ее отношения в семье и на работе (в учебном коллективе). Формируются новые модели и способы межличностного и межкультурного взаимодействия, опирающиеся на традиционный пласт культуры и, в то же время, включающие инновационные способы освоения меняющейся действительности.

В обозначенном контексте семья выступает как своеобразное отражение в малом масштабе крупных процессов, которые разворачиваются в социокультурном пространстве России. При этом особое место занимает сельская семья, на примере которой наиболее явно выражены характеристики общественных трансформаций и их последствия, самые резкие и значимые из которых произошли с российским обществом за последние сто лет. Важность обращения к анализу культуры сельской семьи заключается еще и в том, что необходимо обратить внимание, как исследователей, так и общественности, на вариативность возможных моделей дальнейшего существования института семьи в целом, развитие семейных отношений, актуализацию педагогики семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, гендерных ролей, использование семейных механизмов трансляции культурно-исторической памяти народа, и в целом – сохранение культурных кодов [1, с. 30-44] народов, населяющих Россию. Исследо-

вательский интерес именно к сельской семье базируется на ее сохранности, большей типичности, тяготении к традиционным характеристикам, относительно семьи городской (особенно проживающей в мегаполисе). Само сельское социокультурное пространство обладает качествами, позволяющими говорить о его существенных отличиях от городской среды, которые проявляются в особенностях темпо-ритмического устройства локального мира, опосредованности трансформационных вызовов, достигающих местные сообщества, а также своеобразной обращенности «вовнутрь» всего сельского уклада жизни. Однако нельзя отрицать влияние на село извне, которое в современных условиях нередко оказывается путем включения в глобальное информационное пространство и трансляцией неких ценностей и смыслов, невосребованных ранее сельским сообществом.

Отдельным аспектом анализа культуры сельской семьи может выступать ее педагогический потенциал, который в условиях изменений роли образовательных учреждений в воспитании подрастающего поколения, особо востребован российским обществом. Формирование духовно-нравственных основ личности, их развитие в ходе социализации и инкультурации происходит именно в семье, которая имеет все возрастающее значение в означенных вопросах.

Обращение к анализу культуры семьи также вызвано необходимостью научной рефлексии самого понятия «культура семьи», выявления ее составляющих, а также механизмов динамики. Имеющиеся к настоящему времени теоретико-методологические подходы к репрезентации семьи и ее общественных и культурных ролей, обладая значительной степенью эвристичности, всё же представляют собой некое «мозаичное» полотно этого феномена. Целостное рассмотрение культуры сельской семьи способно выработать новые подходы к анализу семьи и наметить контуры ее будущего развития.

Анализ широко спектра исследований феномена семьи в целом демонстрирует различные дисциплинарные подходы. Остановимся на основных из них более подробно. Исторические исследования, как генезиса семьи в целом, так и вопросов семейных отношений в отдельные конкретные исторические периоды, позволяют проследить культурно-историческую динамику семьи, выявить особенности ее разви-

тия, обусловленные теми или иными событиями. К работам, посвященным историческому развитию семьи у отдельных народов, можно отнести труд Лещенко В.Ю. «Русская семья (XI-XIX вв.)» [2], в котором на протяжении почти тысячелетней истории рассматривается русская православная семья во всем многообразии своей полифункциональности. Автор рассматривает русскую крестьянскую семью как сложный саморегулирующийся общественный институт, живущий и развивающийся в едином историко-культурном потоке времени народно-православной культуры.

Вопросы трансформации семьи и брака рассматриваются российским социологом С.И. Голдом, который изложил концепцию исторических типов развития семьи. В ней основное внимание уделяется динамике внутрисемейных связей, конституирующих семью: свойств и кровного родства в их исторической динамике. Отмечается как влияние исторических тенденций общественного развития, так и историческое развитие индивидуальности [3].

Особую ценность для исследования культуры сельской семьи представляют исторические работы, которые подробно описывают развитие мира повседневной практики в контексте конкретной культурно-исторической эпохи с опорой на достоверные первоисточники. В частности, значительной эвристичностью обладают материалы по демографии и территориальному расселению народов, экономической географии, стратифицирующие общество по признаку места жительства и выявляющие на этой основе городское и сельское население во всем его многообразии (учитывая разные типы городов и сельских поселений). Одной из наиболее значимых работ, носящих фундаментальный характер, выступает исследование русского статистика и географа, специалиста по городскому и сельскому расселению В.П. Семёнова-Тян-Шанского [4], которое, спустя почти сто лет, получило развитие в коллективной междисциплинарной монографии отечественных исследователей [5]. Для анализа культуры сельской семьи важны представленные материалы, которые отражают процесс сельского расселения на Европейской части России в его культурно-исторической динамике, а также способы ведения хозяйства сельскими жителями и их трансформация с учётом социально-экономических из-

менений, характеризующих Россию XX века. Приведенные исследования позволяют выявлять социокультурный контекст жизнедеятельности сельских семей и определять ведущие факторы, влияющие на культуру семьи.

Следующую группу источников исследования феномена семьи представляют работы экономического характера, основанные на непосредственном анализе экономического развития общества и хозяйственно-экономической жизни семей в определенную эпоху. В этом смысле исторические и демографические исследования семьи неразрывно связаны с экономическим подходом к ее анализу. В данном случае основными индикаторами жизни семьи выступают: особенности формирования доходов семьи, уровень жизни семьи, доходы на члена семьи, занятость и безработица, как факторы, влияющие на семью, обладание объектами недвижимого имущества и другие не менее важные аспекты. Для нас интерес представляет, как экономика отдельных домохозяйств (экономика семьи, домашняя экономика) на разных исторических этапах развития общества, её особенности в зависимости от типа семьи по месту жительства, так и роль семьи в формировании потребительских предпочтений конкретного человека.

Следующим дисциплинарным подходом выступает педагогический, основанный на анализе педагогической (воспитательной, образовательной) роли семьи в жизни общества, проявляющейся во взаимодействии родителей и детей, а также - разных поколений членов одной семьи. Семейное воспитание, в том числе вопросы этнопедагогики, выступают как одно из проблемных полей современной педагогической науки.

Современные трансформации социокультурного пространства вызывают к жизни новые модели семейных межпоколенческих взаимодействий. Здесь можно привести теоретические положения, высказанные культурантропологом М.Мид [6] о трёх типах культуры в истории человечества, которые базируются на способе передачи информации между поколениями. Исследователь выделяла: постфигуративный тип — передача знаний от взрослых к детям; кофигуративный — получение детьми и взрослыми знаний преимущественно от своих сверстников; префигуративный — передача знаний

от детей к взрослым. В «чистом» виде эти типы не существуют, но культура и общество тяготеют к тому или иному способу передачи информации. В настоящее время наблюдаются черты постфигуративного типа культуры, при котором молодое поколение обладает знаниями, которых нет у старшего поколения (они связаны, прежде всего, с информационными технологиями). Этот фактор также может вызывать эффект «другого» в сельском социуме и приводить или к взаимному интересу, или к неприязни между представителями разных поколений.

Приведенные теоретические положения позволяют говорить еще об одном дисциплинарном подходе к исследованию проблем семьи — культурологическом или культурантропологическом. Его особенность заключается в анализе не отдельных сторон жизни семьи, а попытка осмыслить феномен семьи в целом, представив его как явление культуры, определяемое целым рядом внешних и внутренних факторов и оказывающим решающее воздействие на жизнь общества. Как уже было отмечено выше, в рамках культурологической парадигмы семья может рассматриваться как целостность, обладающая признаками субкультурного образования и выступающая основным социальным механизмом сохранения традиций и трансляции ценностно-смыслового комплекса культуры определенного народа социума, группы.

Кроме вышеперечисленных, можно также указать на психологические, политологические, антропологические, этнологические, юридические и другие ракурсы анализа феномена семьи. Это подчёркивает значимость института семьи в обществе, актуализирует проблемы семьи, связи с происходящими с ней изменениями, которые, в свою очередь, являются отражением глубоких социокультурных трансформаций.

Одним из дисциплинарных подходов, позволяющих наиболее полно рассмотреть динамику семьи, обратиться к ее культуре, выступает социологический анализ, реализуемый, в том числе, в рамках исследований по социологии культуры. В качестве аргументации высказанного положения приведем мнение современного исследователя — профессора С.Н. Иконниковой, которая выделяет три уровня знаний в социологии культуры. «Первый уровень характеризует наиболее общие тенденции в развитии современной культуры, воспроизводит её

самые распространённые ценности, стили жизни, модели поведения. Второй сосредоточивает свое внимание на уровнях культуры различных групп, видах культурной деятельности, соотношений традиций и новаторства, системе распространения ценностей культуры, их освоения человеком. Третий уровень основан на социологической информации, полученной в результате эмпирических исследований с использованием методов опроса, интервью, включённого наблюдения, анализа документации и социальной статистики» [7]. В своем дальнейшем анализе мы будем опираться на данное положение, проводя исследование различных уровней проявления и фиксации культуры сельской семьи.

Выше нами были рассмотрены различные подходы к анализу феномена семьи, основанные на их дисциплинарной принадлежности. Однако очевидно, что в современных условиях такая традиция разделения исследований по их принадлежности к конкретной отрасли знаний, вызывает ряд затруднений и не раскрывает всего спектра возможностей исследовательской деятельности. Прежде всего, это связано с вектором на мультидисциплинарность и трансдисциплинарность современных исследователей, которые позволяют получать значимые научные результаты, благодаря синергичному эффекту, возникающему при соединении достижений различных наук по конкретной исследуемой проблеме.

Обобщая вышеизложенные подходы к исследованию феномена семьи можно сформулировать следующее определение. Культура семьи – это семантическое единство, исторически сформировавшаяся ценностно-смысловая целостность, которая проявляется в повседневной практике членов семьи, передается из поколения в поколение в рамках обыденного уровня культуры и подвергается изменениям под воздействием внешних и внутренних факторов.

Литература

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания, №1, 2008. С.30-44.
2. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI-XIX в.в.): монография. С.-Пб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. С.-Пб.: Петрополис, 1998. 272 с.
4. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. С.-Пб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. IV, 212 с.
5. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
6. Мид М. Культура и мир детства / Сост. и предисл. И. С. Кона. М.: Наука, 1988. 429 с.
7. Иконникова С.Н. История культурологических теорий : учеб. пособие: в 3 ч. / С.-Пб.: [б. и.]. Ч. 1 : Теоретические проблемы культурологии. 2001. 104 с.

Наши авторы

Бажутова Олеся Анатольевна – ГАУ города Москвы «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы», dominternat@list.ru

Барков Сергей Александрович - д.с.н., профессор, заведующий кафедрой экономической социологии менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. barkserg@live.ru

Батуренко Светлана Алексеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. level_s@rambler.ru

Батьянова Людмила Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета e-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru

Богучарский Алексей Александрович - аспирант, кафедра социологии, Московский государственный институт международных отношений МИД России, alal25@bk.ru

Борисова Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета e-mail: borisovayulia@bk.ru

Давыдов Денис Олегович – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Metrden@yandex.ru

Деревякина Ксения Сергеевна – аспирант кафедры организационного проектирования систем управления ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, kse7716@yandex.ru

Дзуцев Хасан Владимирович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ. khasan_dzutsev@mail.ru

Ермакова Екатерина Юрьевна – аспирант, кафедра социологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», cloudlessmood@yandex.ru

Зиненко Виктория Евгеньевна – аспирантка, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет. vickan@inbox.ru

Забнева Эльвира Ивановна – к.с.н., доцент кафедры экономики и управления филиала Кузбасского Государственного Технического Университета имени Т.Ф. Горбачева в г. Новокузнецке, zabnevailvira@mail.ru

Завьялов Андрей Владимирович – аспирант кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, E-mail: zavialovandriiko@yandex.ru

Зубков Владимир Иванович - д.с.н., профессор кафедры государственного управления и социальных технологий Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного университета (национального исследовательского университета). v.zubkov@bk.ru

Иванов Роман Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета e-mail: dorwardrw@list.ru

Иванова Наталия Геннадьевна - аспирантка, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, кафедра экономической социологии и менеджмента. nat-iv-2@yandex.ru

Каневский Павел Сергеевич - кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. baggio-18@yandex.ru

Карпович Наталья Николаевна – руководитель Региональной общественной организации «Объединение многодетных семей города Москвы» (ООО ОМСМ), n.karpovich@mail.ru

Ким Эльвира Шахретдиновна – аспирант кафедры философии и социологии Волгоград-

ского института управления – филиал РАНХиГС, magomedowa-elwira@yandex.ru

Козырева Снежана Игоревна – студентка 3-го курса отделения социологии факультета социологии и социальной работы Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ. snezhana.kozyreva19@gmail.com

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. kravchenkoai@mail.ru

Ли Жуньнань – аспирант, Кафедра социологии организаций и менеджмента, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, freedomtvg@126.com

Ли Мяо – аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Ли Шанцзинь – аспирант, кафедра экономической социологии и маркетинга, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, lishangjin@mail.ru

Лю Цзюньцзе – аспирант, Кафедра социологии организаций и менеджмента, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, 3933630@qq.com

Манцева Елизавета Романовна - аспирантка кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. agnessmsu@mail.ru

Мусабаева Диана Абаевна - аспирантка, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, кафедра экономической социологии и менеджмента. 777_88@mail.ru

Перкова Екатерина Петровна – старший преподаватель, Московский авиационный институт (национального исследовательского университета) perkovaer@yandex.ru

Полуцыган Анастасия Александровна - аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, stasy64rus@yandex.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, тел. 89086661022, e-mail: okwook@mail.ru (Иркутский государственный университет).

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, e-mail: marina_popova1990@list.ru

Романенко Михаил Васильевич – доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. mikiwas@mail.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – соискатель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, vskudenkov@mail.ru

Соболева Елена Викторовна – аспирант кафедры прикладной социологии факультета социологии, ФГБОУВО «Российский государственный гуманитарный университет», sobolevaev@mail.ru

Спиридонова Анна Александровна – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, тел. 89086661022, e-mail: annaalexandrovna@list.ru (Иркутский государственный университет).

Сушко Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. valentina.sushko@gmail.com

Трескин Петр Андреевич – аспирант кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, E-mail: treskin-pe@ya.ru

Ходыкин Александр Владимирович – магистрант, Кафедра социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, avhod@yandex.ru

Шаров Константин Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель философского факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, const.sharov@mail.ru

Чжан Лэй – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ivanov@mail.ru

Янцен Марина Анатольевна – аспирант Института дополнительного профессионального образования ДТСЗН г. Москвы, yansen.m@mail.ru

